

САХАЛИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Ученые записки
Сахалинского государственного
университета**

Сборник научных статей

Выпуск VII

**Южно-Сахалинск
2008**

ББК 74.58
УДК 3778
У 91

У 91

Ученые записки Сахалинского государственного университета: сборник научных статей /
Гл. ред. и сост. Т. К. Злобин. – Вып. VII. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2008. – 128 с.

Сборник научных статей «Ученые записки Сахалинского государственного университета» состоит из двух разделов: естественные и точные науки, гуманитарные и общественные науки. Первый раздел содержит публикации по физике Земли. Во втором разделе публикуются статьи по археологии, праву, истории, экономике, филологии, методике.

Журнал рассчитан как на специалистов, так и на широкий круг читателей: работников науки, образования и культуры, студентов, аспирантов.

Главный редактор и составитель: Т. К. Злобин, докт. геол.-мин. наук, профессор.

Редколлегия: Андриановская И. И., канд. юрид. наук, доцент;
Высоков М. С., докт. ист. наук, доцент;
Васильевский А. А., докт. ист. наук, доцент;
Мисиков Б. Р., канд. физ.-мат. наук, докт. пед. наук, доцент;
Пархоменко Р. С., докт. экон. наук, профессор;
Рублева Л. И., докт. филол. наук, профессор;
Сафонов С. Н., канд. биол. наук, доцент.

Учредитель: Сахалинский государственный университет.

ББК 74.58
УДК 3778

Научное издание

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
САХАЛИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Сборник научных статей
ВЫПУСК VI**

Верстка Надточий О. А.
Корректоры: Шишкина Н. И., Шатохина М. Ф.

Подписано в печать 10.03.2008. Бумага «SvetоСоры». Гарнитура «Bukvamaya».
Формат 210x297. Тираж 500. Объем 16,25 усл. п. л. Заказ № 735-8.
Издательство Сахалинского государственного университета.
693008, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32.
Тел. (4242) 42-16-06. Тел./факс (4242) 74-42-02.
E-mail: print@sakhgu.sakhalin.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

ФИЗИКА ЗЕМЛИ

Злобин Т. К., Кухмазов С. У., Полец А. Ю. 8

Глубинные сейсмические исследования земной коры методами ГСЗ, МОВЗ и сейсмотомографии в северной части Татарского пролива, прилегающей части Сахалина и материка

В работе даны результаты исследований глубинного строения земной коры сейсмическими методами ГСЗ, МОВЗ и сейсмотомографии в северной части Татарского пролива, а также в прилегающей части острова Сахалин и материка. Установлены особенности распределения аномалий скорости, их связь со структурными границами. Даны их совместная интерпретация. Показано, что в основном отрицательные значения аномалий продольных волн до -2,5 % находятся в западной, материковой части изученной площади, а под проливом Невельского и на побережье Сахалина устанавливаются повышенные до 2,5 % значения аномалий скоростей. Сделан вывод об эффективности сейсмотомографии при выявлении скоростных неоднородностей в сравнительно однородной нерасслоенной среде Верхней мантии и больших глубин и трудностях однозначной интерпретации в условиях тонко расслоенной земной коры.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

АРХЕОЛОГИЯ И ПАЛЕОНТОЛОГИЯ

Дерюгин В. А. 16

К вопросу этнической интерпретации некоторых археологических культур Приамурья и Охотоморья

В настоящей статье рассмотрены некоторые проблемы этнической истории Амурской области и Охотского моря в период средневековья на основе археологических, исторических, этнологических и лингвистических исследований.

Грищенко В. А. 26

Археологические исследования на поселении Чайво-6, пункт 2, в Ногликском районе Сахалинской области

В настоящей статье публикуются результаты раскопок древнего жилища ранней поры среднего неолита Чайво-6, пункт 2, археологической экспедиции СахГУ на севере острова Сахалин. Основные результаты исследований: выявлено жилище полуподземного типа с радиоуглеродным возрастом семь тысяч лет и инвентарем, характерным для неолитического хозяйства высокоспециализированного присваивающего типа, ориентированного на морские биоресурсы. Выявлен новый для Сахалина тип органогенной неолитической керамики – тип Чайво-6.

Алифанов В. Р., Кириллова И. В. 38

Обзор дочетвертичных позвоночных острова Сахалин

Ископаемые остатки наземных позвоночных на Сахалине редки и в России мало известны. Учитывая интерес к современным достижениям палеонтологии позвоночных, авторы составили обзор древнейших позвоночных Сахалина. Он включает историю изучения находок, общую характеристику, проблемы их систематики, данные о времени обитания обсуждаемых животных и группах, а также о подобных находках из соседних территорий. Данная информация позволяет составить общее представление о закономерностях эволюции наземных сообществ в береговых районах Восточной Азии в течение мезозойского и кайнозойского времени. Фактически речь идет о происхождении этого биологического ресурса, которым впоследствии воспользовался древний человек.

Василевский А. А., Дерюгин В. А., Кумаки Тошиаки, Фукуда Масахиро, Канаме Маэкава, Сато Хироюки, Онуки Шизуо, Иде Ясую 48

Работы российско-японской археологической экспедиции на средневековых объектах поселения Седых-1 на стационарной учебной базе Сахалинского государственного университета в селе Охотское в полевой сезон 2006 года

В коллективной статье участников международного исследования под руководством проф. СахГУ А. Василевского и проф. Токийского университета Кумаки Тошиаки обобщаются результаты археологических исследований многослойного поселения Седых-1 в Корсаковском районе Сахалинской области в 2006 г. Авторы получили прин-

ционально новую информацию о средневековой истории о-ва Сахалин, связанную с событиями XII-XIII вв. н.э. В результате раскопок выявлено и обосновано средневековое происхождение еще одного фортификационного сооружения на Южном Сахалине. Установлено, что район села Охотское в эпоху средневековья населялся местными и пришлыми этническими группами. Рассчитанные по правилам Военной инженерии фортификационные сооружения позволяет считать, что район имел стратегическое значение в противостоянии между чжурчжэнами, монголами и их местными союзниками с одной стороны, и идущими с юга на остров кувэй- палеоайнами.

ПРАВО

Андиановская И. И. 56

Основные положения преемственности в сфере правового регулирования труда

В предлагаемой статье автор рассматривает основные положения преемственности в сфере правового регулирования труда, выделяя общие подходы и отраслевые особенности в исследовании преемственности. Также в статье выделены позитивные и негативные стороны преемственности в рамках влияния последней на развитие права.

Андиановская И. И. 60

Преемственность и новизна в регулировании отношений, связанных с прекращением трудового договора

Статья посвящена вопросам проявления преемственности в регулировании отношений, связанных с прекращением трудового договора. В ней проводится сравнительный анализ регулирования отношений о прекращении трудового договора с точки зрения КЗоТ 1918 года, КЗоТ 1922 года, КЗоТ 1971 года и ТК РФ 2001 года с последующими изменениями и дополнениями. В результате исследования автором сформулированы предложения, направленные на совершенствование действующего трудового законодательства.

Бреднева В. С. 66

Понятие, виды и структурные особенности юридической деятельности

Научная статья посвящена исследованию юридической деятельности. Юридическая деятельность, функционируя в общественной жизни как единая динамичная система, имеет сложное строение. Эффективность различных видов юридической деятельности и выбор правовых средств зависят от сформированности правосознания субъектов. Специфика структуры в том, что юридическая деятельность относится к числу явлений, которые не могут быть раскрыты в какой-то одной системе представлений. Необходимо по меньшей мере несколько сечений, чтобы обнажить его сложную структуру. Многоплановый разрез является условием объективного анализа юридической деятельности.

Бухалов А. В. 71

К вопросу о соотношении права и морали

Задумываясь о соотношении таких категорий, как право и мораль, прежде всего необходимо обратить внимание на то, что это важные регуляторы общественных отношений, причем обладающие разной природой и содержанием, несмотря на общую функцию. Соотношение права и морали является весьма дискуссионным вопросом в теории государства и права в связи с необходимостью их для общества и государства, а также с особенностями и различием, присущими как праву, так и морали.

Вишняков О. В. 74

К вопросу об ответственности за вред, причиненный при осуществлении правосудия

Настоящая статья посвящена проблеме переделов и условий ответственности за вред, причиненный актами судебных органов, а также вопросу возмещения судебных издержек. В процессе исследования автор не только анализирует действующее российское законодательство, но и обращается к зарубежному опыту решения проблемы. Статья содержит предложения по совершенствованию гражданского и процессуального законодательства.

ИСТОРИЯ

Высоков М. С. 78

Исторический опыт колонизации Сахалина Россией и судьбы коренного населения острова в XIX-XX веках

В статье ставится вопрос о необходимости комплексного исследования исторического опыта колонизации Сахалина. Показана эволюция взглядов российских исследователей на вопрос о колониях и колониальной политике в течение двух последних столетий. Особое внимание уделено аргументации как сторонников, так и противников теории о колониальном статусе Сибири в составе России. В рамках истории колонизации Сахалина Россией и Японией рассматривается эволюция этнодемографической ситуации на Сахалине на протяжении XIX–XX столетий. Анализируются причины стремительного разрушения национальных культур коренных народов острова и утраты ими национальной специфики.

Ипатьева А. А. 87

Источники по истории миссионерской деятельности Русской православной церкви на юге Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века

Данная статья посвящена анализу опубликованных и неопубликованных источников по истории миссионерской деятельность церкви, хранящихся в РГИА, РГИА ДВ и рукописных фондах РГЦБ.

ЭКОНОМИКА

Крысько В. И. 91

Экспансия иностранного капитала в российский банковский сектор: причины и последствия

В статье автором анализируется экспансия иностранного капитала в Российский банковский сектор. С 1991 года по настоящее время. Выделяет способы выхода иностранных банков на льготный банковский рынок и отвечает на вопрос что несет приход российскому банковскому сектору, да и экономике в целом приход иностраных банкиров.

ФИЛОЛОГИЯ

Иконникова Е. А. 95

Образ Сахалина и Курильских островов в творческом наследии японских писателей XX века (материалы к занятиям по литературному краеведению)

В статье представлены материалы для занятий по литературному краеведению Сахалинской области. В систему литературного краеведения вписывается творчество многих японских писателей XX века от Исикавы Такубоку и Мицудзавы Кэндзи до Мураками Харуки и Симады Масахико. Из многообразного наследия японских авторов выделяются, прежде всего, произведения, в которых обнаруживаются различного рода упоминания о Сахалине и Курильских островах. Наличие «японского» компонента в литературном краеведении Сахалинской области связано со сложившейся в регионе культурно-исторической ситуацией.

Живоглядов А. А. 102

Исследование поэтической функции английских антропонимов

В статье подводятся итоги изучения поэтической функции английских имен собственных личных. Поэтическая функция трактуется как средство связи между основными общественными функциями языка. Внутренним импульсом ее реализации выступает присущий только для имен собственных способ абстракции – антропонимический эйдос.

МЕТОДИКА

Балицкая И. В. 106

Категориальный аппарат концепций мультикультурного образования в США, Канаде и Австралии

В данной статье рассматриваются основные концепции мультикультурного образования в США, Канаде и Австралии. Изучая проблемы расового, этнического и культурного разнообразия, необходимо дать общее определение основным понятиям. Основные понятия мультикультурного образования являются неточными и неоднозначными. Ключевым понятием является «культура», которая различными учеными определяются по-разному. Таким образом, Кребер и Клакхон подчеркивают в своем определении несвязанные, символические и способные к восприятию и формированию идей аспекты жизни в группе людей как наиболее важные аспекты культуры. Такие термины, как интеграция, раса, десегрегация, сепаратизм, расизм, дискриминация и культурный плюрализм, – ключевые концепции, которые должны быть определены при изучении политики в ответ на расовое, этническое и культурное многообразие.

Якименко Р. В., Шаров С. С.	114
Содержание профессиональной компетентности учителя литературы в трудах ученых-методистов	
<i>Проблема профессиональной компетентности учителя литературы является недостаточно исследованной, а комплексное представление о профессиональной компетентности учителя литературы, ее структурно-содержательных особенностях до сих пор не нашло отражения в научных работах педагогов и методистов. Обращение к работам отечественных ученых-методистов позволило нам определить специфику и содержание профессиональной компетентности учителя-словесника, а также наметить приоритетные направления модернизации профессиональной подготовки специалистов.</i>	
Шаров С. С.	120
Концепция элективного курса «Образ учителя литературы на страницах отечественной прозы» в системе профессиональной подготовки учителя литературы в профильной школе	
<i>Факультативный курс посвящен образу учителя литературы в отечественной классике и проблемам педагогики в их художественно-публицистическом преломлении. Занятия курса включены в профессиональную подготовку учителей литературы в профильных классах, а также интегрированы в литературный курс заключительного этапа школьного литературного образования.</i>	
Медведенко Н. В.	125
Исследование подготовки профессиональных управляющих в теории и практике высшего профессионального образования на основе модульно-рейтинговой системы обучения	
<i>В данной статье рассматриваются как личностные качества менеджера, так и подходы (функциональный и личностный) к изучению подготовки личности к профессиональной деятельности в современных условиях. Сегодня залогом успешной работы менеджера есть не что иное, как высокая профессиональная подготовка. Именно в вузе будущим специалистам-менеджерам необходимо сформировать определенные свойства и цели профессионально-управленческой подготовки менеджера на основе модульно-рейтинговой системы обучения.</i>	
Список принятых сокращений	129
Технические требования к материалам, поступающим в редакцию	130

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Физика Земли

ГЛУБИННЫЕ СЕЙСМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗЕМНОЙ КОРЫ МЕТОДАМИ ГСЗ, МОВЗ И СЕЙСМОТОМОГРАФИИ В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ТАТАРСКОГО ПРОЛИВА, ПРИЛЕГАЮЩЕЙ ЧАСТИ САХАЛИНА И МАТЕРИКА

Злобин Тимофей Константинович – академик МАНЭБ, доктор геол.-мин. наук, профессор кафедры физики СахГУ, директор НИИ физики Земли и биосферы СахГУ, заведующий лабораторией природных катаклизмов. В 1975 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1990 году – докторскую диссертацию. В 1996 году в США (Калифорния) был избран действительным членом (академиком) Международной академии наук, индустрии, образования и искусств. В 1997 году был избран академиком Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ) и президентом Сахалинского отделения МАНЭБ. Опубликовано восемь монографий и более 190 научных трудов в России, США, Германии, Турции, Италии и других странах. Участвовал во многих всесоюзных и международных конференциях, симпозиумах, конгрессах. Его научные работы посвящены исследованиям глубинного строения литосферы, землетрясениям, вулканам, нефтегазоносности, поискам рудных, угольных и парогидротермальных месторождений.

Кухмазов Сергей Улубекович – кандидат физико-математических наук. Инженерный центр – филиал Центра Службы геодинамических наблюдений в энергетической отрасли (ЦСГНЭО). Автор около 30 научных публикаций. Область научных интересов: исследования земной коры и строение сейсмоопасных зон с использованием естественных источников сейсмических колебаний, математической обработкой данных, интерпретация геодинамических наблюдений.

Полец Анастасия Юрьевна – аспирант СахГУ по специальности «Геофизика». В 2006 году закончила физико-математическое отделение Института естественных наук СахГУ. Опубликовала четыре научные работы. Область научных интересов: глубинное строение и сейсмотектоника Охотоморского региона, механизмы очагов землетрясений.

ВВЕДЕНИЕ

Большое значение для решения как фундаментальных проблем геотектоники, так и задач практической геологии и геофизики (поиска полезных ископаемых) имеет изучение глубинного строения. Основными методами при этом являются сейсмические ГСЗ, МОВЗ, КМПВ, МОВ ОГТ. Такие работы выполнялись многими исследователями, в том числе и нами в Охотоморском регионе, на Сахалине, в Охотском море и на Курильских островах [3, 4].

В последние годы в комплекс исследования недр Земли активно внедряется метод сейсмической томографии, который особенно успешно и широко используется при изучении больших глубин [7, 9]. Он применяется в основном при изучении верхней и нижней мантии Земли и вплоть до ядра. Однако методы сейсмической томографии также находят применение при освещении более верхних оболочек Земли, в том числе и земной коры [2, 7].

В настоящей работе по данным сейсмических исследований методами ГСЗ, МОВЗ и сейсмотомографии рассмотрены особенности глубинного строения земной коры в северо-западной части Татарского пролива (проливе Невельского) и на разделяющей ими территории Сахалина и материка.

МЕТОДИКА РАБОТ

При изучении земной коры использовались сейсмические методы ГСЗ и МОВЗ. Методика ГСЗ общеизвестна [5]. Методика МОВЗ изложена И. В. Померанцевой, Н. К. Булининым, нами и другими [1–3, 6]. При наблюдениях МОВЗ, помимо известных структурных построений, в последние годы разработана и применяется методика, позволяющая выполнять сейсмотомографические наблюдения [1, 7].

При данных исследованиях МОВЗ использовались 120 цифровых станций «Дельта-Геон», установленных в пределах северной части Татарского пролива (на акватории пролива Невельского) и на прилегающей территории северо-запада Сахалина

Рис. 1. Обзорная схема района работ

и Хабаровского края на площади 50x40 км. Было отработано шесть профилей протяженностью 20–36 км. Станции наблюдений МОВЗ устанавливались с шагом 1–3 км [8].

МЕТОДИКА ОБРАБОТКИ ДАННЫХ ПРОХОДЯЩИХ Р-ВОЛН (метод сейсмической томографии)

Трехмерные изменения в физических свойствах земной коры существуют в любом тектоническом регионе. До повсеместного внедрения высокоскоростных цифровых компьютеров изучение трехмерной, скоростной структуры Земли было невозмож-

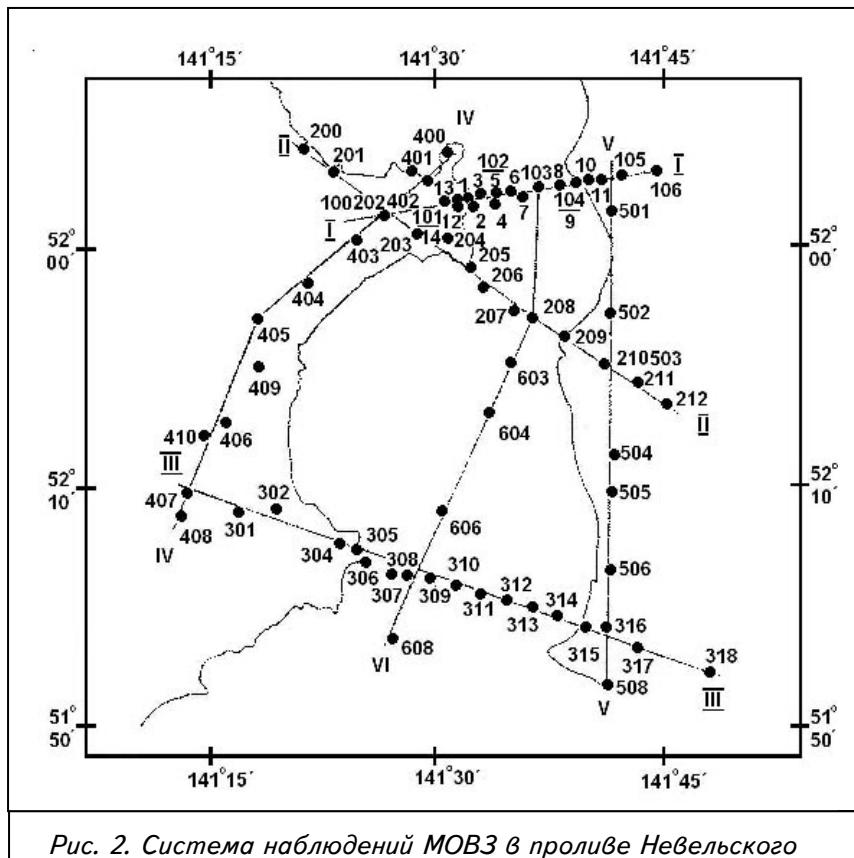

Рис. 2. Система наблюдений МОВЗ в проливе Невельского

ным. Сейсмологические исследования в основном ограничивались одномерными или двухмерными моделями. В конце 1970-х годов был разработан метод [9] определения латеральной изменяющейся скоростной структуры по записям группой приемных сейсмических станций объемных телесейсмических волн (волн от далеких землетрясений). Метод сейсмической томографии (или метод АСН) получил широкое развитие за рубежом и в нашей стране. Несмотря на то что метод сейсмической томографии первоначально подразумевал сбор материала по площадной расстановке сейсмических станций (трехмерный вариант), его также с успехом можно применять и в профильном (двухмерном) варианте. Особенно продуктивным оказалось использование метода в молодых с тектонической точки зрения регионах, характеризующихся резкими латеральными изменениями скорости сейсмических волн в пределах земной коры и в верхней мантии.

В методе АСН ограниченному региону под приемными станциями позволяет иметь изменяющуюся по латерали скоростьную структуру; в то же время предполагается, что земля вне этого ограниченного региона характеризуется известной фиксированной скоростной структурой. Вывод линеаризованной системы уравнений, которую необходимо решить для получения оценок латерального изменения скорости, можно найти в работе [9].

Если быть кратким, то скоростные отклонения от первоначальной модели даются решением уравнения

$$(r) = [A](m) + (e), \quad (1)$$

где (r) – вектор, содержащий невязки времени пробега, вычисленные с использованием начальной модели, $[A]$ – матрица, содержащая частные производные времени пробега по неизвестным скоростным отклонениям (m) вдоль каждого луча, (e) – вектор, содержащий члены более высокого порядка и ошибки. Обозначим

$$[A]^T [A] = [G]. \quad (2)$$

Тогда, если пренебречь (e) , формулу (1) можно переписать следующим образом:

$$[G](m) = [A]^T(r). \quad (3)$$

Решение уравнения (3) методом классических наименьших квадратов невозможно, так как матрица $[G]$ содержит одно нулевое собственное значение для каждого слоя в начальной модели. Решение (3) может быть получено с помощью обобщенного обратного оператора или же методом затушенных наименьших квадратов [Aki et al., 1977]. Последнее записывается как

$$\hat{m} = ([G] + \theta[I])^{-1}[A]^T(r), \quad (4)$$

где \hat{m} – приближенное решение (1), θ –

положительная константа (демпфирующий параметр), $[I]$ – единичная матрица. Для (4) матрица разрешающей способности будет

$$[R] = ([G] + \theta[I])^{-1}[G], \quad (5)$$

а ковариационная матрица –

$$[C] = \sigma_d^2([G] + \theta[I])^{-1}[R], \quad (6)$$

когда ошибки в данных не коррелируются и имеют дисперсию σ_d^2 .

Принимаемая для неоднородного региона в виде начальной модели скоростная структура состоит из плоских параллельных слоев, каждый из которых имеет постоянную скорость. Каждый слой, в свою очередь, подразделяется на сетьку прямоугольных призм, для которых и ищутся

скоростные отклонения \hat{m} . Вычисление путей

распространения луча в первоначальной модели упрощается тем, что вся лучевая траектория в каждом слое приписывается тому блоку, в кото-

ром луч проводит наибольшее время. Искусственно введенные границы модели, соответствующие вертикальным сторонам блоковых элементов, сглаживаются посредством этой аппроксимации. Относительные невязки времен пробега (γ) вычисляются вычитанием теоретического времени пробега от источника колебаний к приемной станции из наблюденного времени пробега и затем – вычитанием средней арифметической невязки для каждого сейсмического события.

Хорошее просвечивание изменяющейся по латерали структуры требует наличия широко распределенных по азимуту лучей. Модель оптимизируется выбором такого размера блока, который делает равными вертикальное и горизонтальное времена пробега через каждый элемент модели. Для телесейсмических источников колебаний подходящим является отношение высоты к горизонтальному размеру элемента модели как 2:1. Выбор элементов с отношением размеров 1:1 объединяет блоки по вертикали вне зависимости от азимута подхода телесейсмического луча, снижая тем самым разрешающую способность.

Пластовая скорость в каждом слое не может быть определена, когда используются относительные невязки времен пробега. Это связано с тем, что изменение времени пробега через модель не может быть отделено от начального времени в источнике колебаний или общих для всех наблюдений изменений в невязках времен пробега, которые могут возникнуть вдоль участков луча, лежащих вне модели. Таким образом, пластовая скорость в каждом горизонтальном слое является постоянной величиной. Вертикальное сглаживание в решении, неизбежное при использовании метода затушенных наименьших квадратов [уравнение (4)] может внести потенциальную проблему при интерпретации полученных результатов. Эффект от этого можно оценить изучением разрешающей способности и ковариации решения.

Времена вступлений Р-волн были считаны с сейсмограмм 13 далеких землетрясений, зарегистрированных приемными станциями на профильных расстановках. Сейсмические события для анализа были выбраны на основе их значительной удаленности от приемных станций, качества фаз первых вступлений и достаточного числа сейсмических станций, на которых это первое вступление можно было бы считать (не менее пяти).

Характерный экстремум (положительный или отрицательный), который ближе всего появлялся к первым вступлениям и являлся общим для всех станций, идентифицировался, и время его считывалось по всем станциям с точностью до ближайшего отсчета (0,02 с). Для большинства сейсмических событий обрабатываемые фазы появлялись в течение первых 1–2 с после начала записи землетрясения. Перед снятием времени характерной фазы все записи подвергались низкочастотной фильтрации со срезающей частотой от 1,0 до 1,5 Гц. Эта процедура позволяла резко повысить амплитудное отношение сигнал/помеха за счет фильтрации высокочастотного микросейсмического фона помех и, таким образом, эффективно помогала в правильной идентификации одноименных фаз и

точном считывании времен их вступлений.

Времена вступлений Р-волн от телесейсмических источников колебаний в дальнейшем были редуцированы для получения невязок времен пробега. Невязка времени пробега Р-волн от далекого землетрясения, зарегистрированного на станции, определяется как

$$R_i = A_i - (H - T_i), \quad (7)$$

где A_i – наблюденное время вступления Р-волны, H – вычисленное начальное время землетрясения, T_i – теоретическое время пробега Р-волн от вычисленного местоположения гипоцентра землетрясения. Для снижения изменений времени пробега, обусловленных строением Земли, следует использовать относительные невязки между близлежащими станциями.

Относительная невязка на станции j по отношению к станции i определяется как

$$R_{ji} = (A_j - A_i) - (T_j - T_i). \quad (8)$$

Невязка какой-либо «опорной» или «контрольной» станции R_i вычитается из невязки исследуемой станции R_j . Начальное время землетрясения исключается, а изменения времени пробега, созданные ошибками в определении местоположения гипоцентра землетрясения и строением Земли, значительно снижаются. Вместо невязки «опорной» станции нами использовалась среднеарифметическая невязка по совокупности станций. Практически относительные невязки определялись с помощью редукции к наклону годографа по модели Земли IASP91, таблицам Херрина и относительно МНК-оценки.

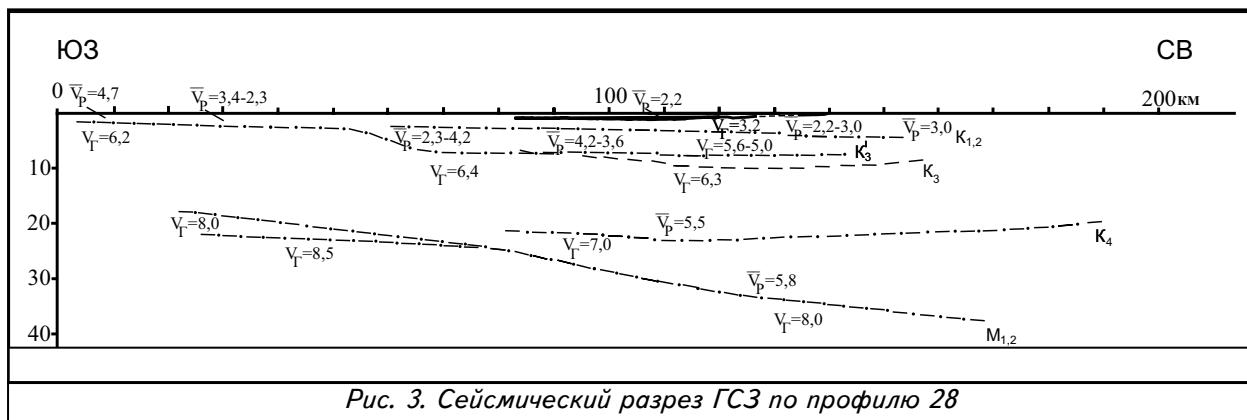
В связи с тем что не все сейсмические станции записывают то или иное сейсмическое событие, то обычной ситуацией является та, при которой матрица невязок времен пробега бывает разреженной. Для того чтобы свести к минимуму эффект, который может внести в расчеты присутствие или отсутствие той или иной станции, применялась процедура итеративного уравнивания невязок времен пробега.

Таким образом, введение в невязки соответствующих поправок, то есть их итеративное уравнивание, позволило избежать или, по крайней мере, свести к минимуму влияния разреженности матрицы информации.

Для площадной расстановки в решении участвовало по три выборки данных: невязки времен пробега, определенные по модели IASP91, по таблицам Херрина и относительно МНК-оценки к наклону годографа. Для профильных расстановок (профили 4 и 2) в решении участвовали только невязки времен пробега, определенные по модели IASP91.

Применительно к данным, использованным для исследования настоящей площади (как для площадной расстановки, так и для двух профильных), было проведено по 1300 решений для оценки 95 %-ных доверительных пределов определения относительных аномалий скорости Р-волн.

При расчетах для площадной расстановки типичный 95 %-ный интервал оценки скоростной

аномалии равен 1,7 %, а максимальный – 4,8 %, что приблизительно соответствует стандартным ошибкам (на уровне доверия 68,3 %) $\pm 0,4\%$ и $\pm 1,2\%$ соответственно. При расчетах для профиля 400 типичный 95 %-ный интервал оценки скоростной аномалии равен 2,1 %, а максимальный – 3,6 %; это примерно соответствует стандартным ошибкам $\pm 0,5\%$ и $\pm 0,9\%$ соответственно. При расчетах для профиля 200 типичный 95 %-ный интервал оценки скоростной аномалии равен 1,9 %, а максимальный – 3,9 %, что приблизительно соответствует стандартным ошибкам $\pm 0,5\%$ и $\pm 1,0\%$ соответственно.

Окончательные результаты для площади – распределение относительных аномалий скорости Р-волн в первом (0–6 км) и втором (6–22 км) слоях, выявленное по невязкам времен пробега относительно модели IASP91, представлены ниже на соответствующих рисунках.

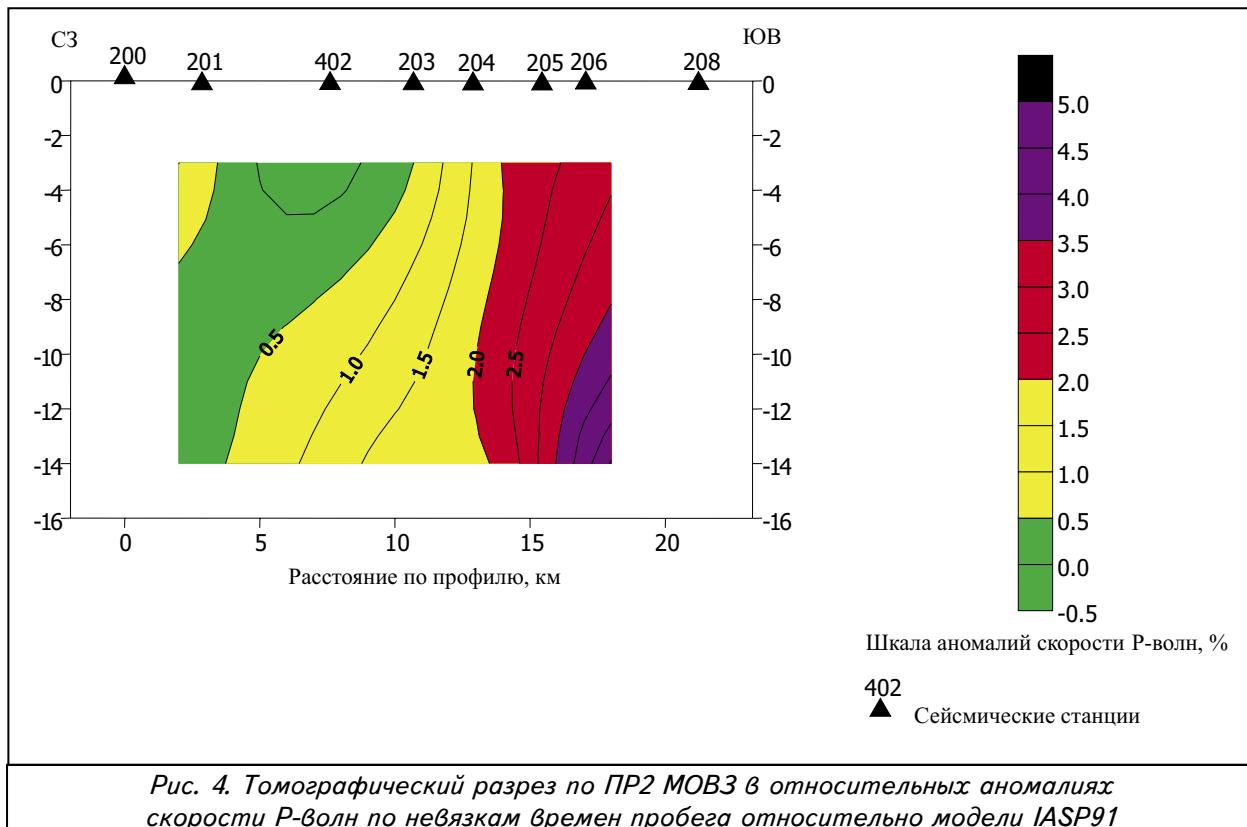
РЕЗУЛЬТАТЫ

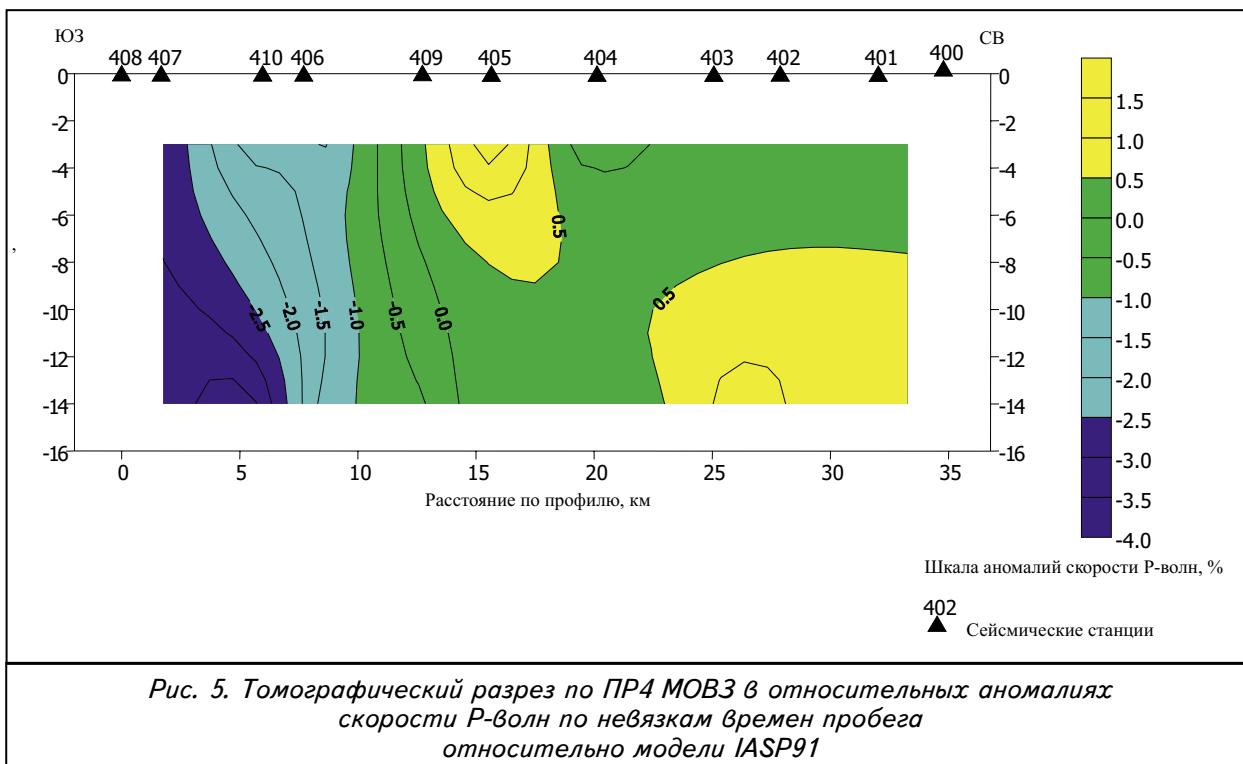
Нами были рассмотрены глубинный разрез ГСЗ

по профилю ПР28, пересекающий в северной части Татарский пролив от м. Сюркум на побережье материка до с. Ныш на о-ве Сахалин. Полученные по глубинному разрезу данные были сопоставлены и проинтерпретированы с результатами сейсмотомографических исследований, выполненных на полигоне МОВЗ в структурах северной части Татарского пролива (в проливе Невельского) в обрамлении материка и на северо-западном побережье Сахалина [8].

Анализ полученных результатов по профилю 4 МОВЗ в относительных аномалиях скорости Р-волн по невязкам времен пробега относительно модели IASP91 (рис. 4) и профилю ГСЗ 28 (рис. 3) показал следующее.

Полученные раннее данные методом ГСЗ, несущим, как правило, основную информацию о глубинной структуре коры, дают каркасные данные в виде двухмерного разреза. Внутренние особенности строения земной коры отражают в пространстве данные сейсмотомографии.

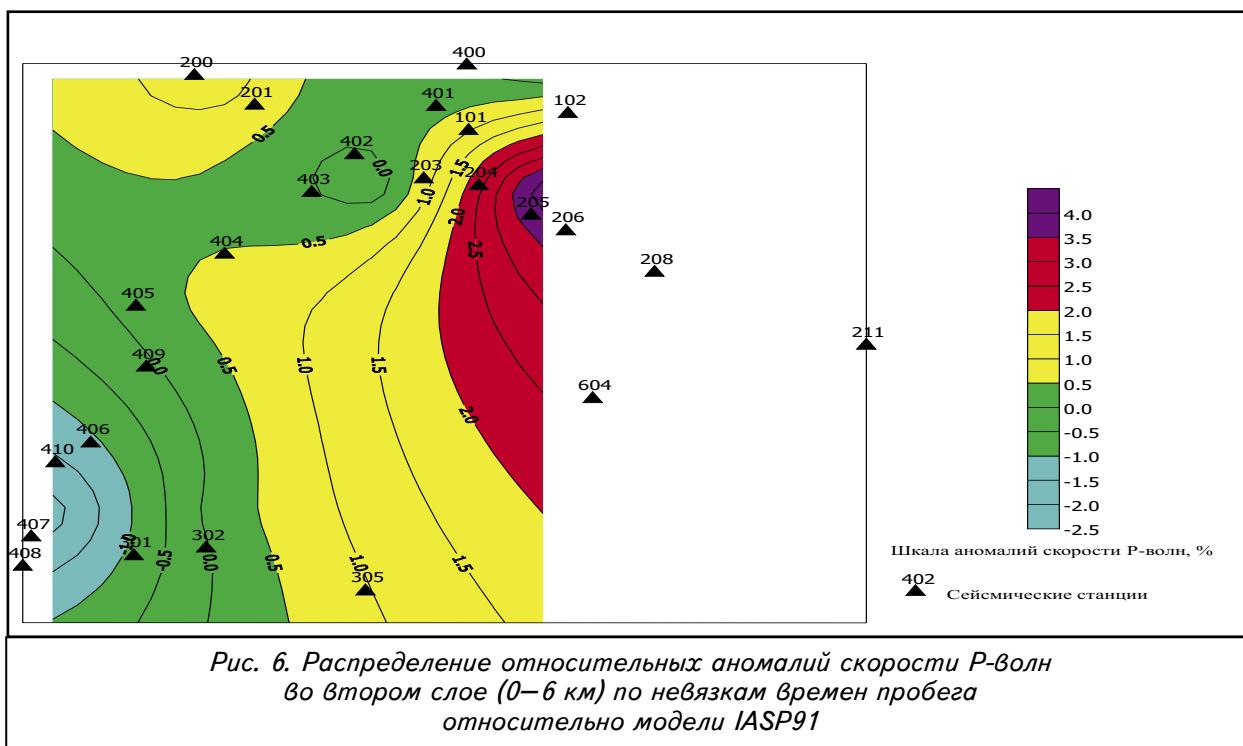

Совместное рассмотрение данных ГСЗ и сейсмотомографии в северной части Татарского пролива и далее – в его северном окончании в Невельском проливе показывает следующее. Подошва фундамента (кровля земной коры) характеризуется граничной скоростью $V_g=6,3\text{--}6,4 \text{ км/с}$ (рис. 3). При этом детальные данные сейсмотомографии (рис. 4) хорошо согласуются с этим и показывают, что в западной части представленного профиля 2 МОВЗ имеют место наименее скоростные образования, характеризующиеся граничной скорость 6,2 км/с. Восточнее, в пределах даже небольшого отрезка профиля 2 МОВЗ, видно, что также

наблюдается повышение скорости. Она увеличивается от 0,5 км/с до 2,5 %, что соответствует примерно 0,2 км/с. Это согласуется с разрезом ГСЗ по ПР28, где граничная скорость увеличивается с 6,2 на западе до 6,4 км/с к центральной части, то есть на 0,2 км/с.

Расположенный в меридиональном направлении на северо-северо-восток на побережье материка от п. Виданово до м. Лазарева профиль 4 МОВЗ (рис. 5) показывает, что в этом направлении скорость продольных Р-волн увеличивается. Так, если на южном конце профиля понижение скорости составляло до -2,5 %, в средней части имели место нормальные

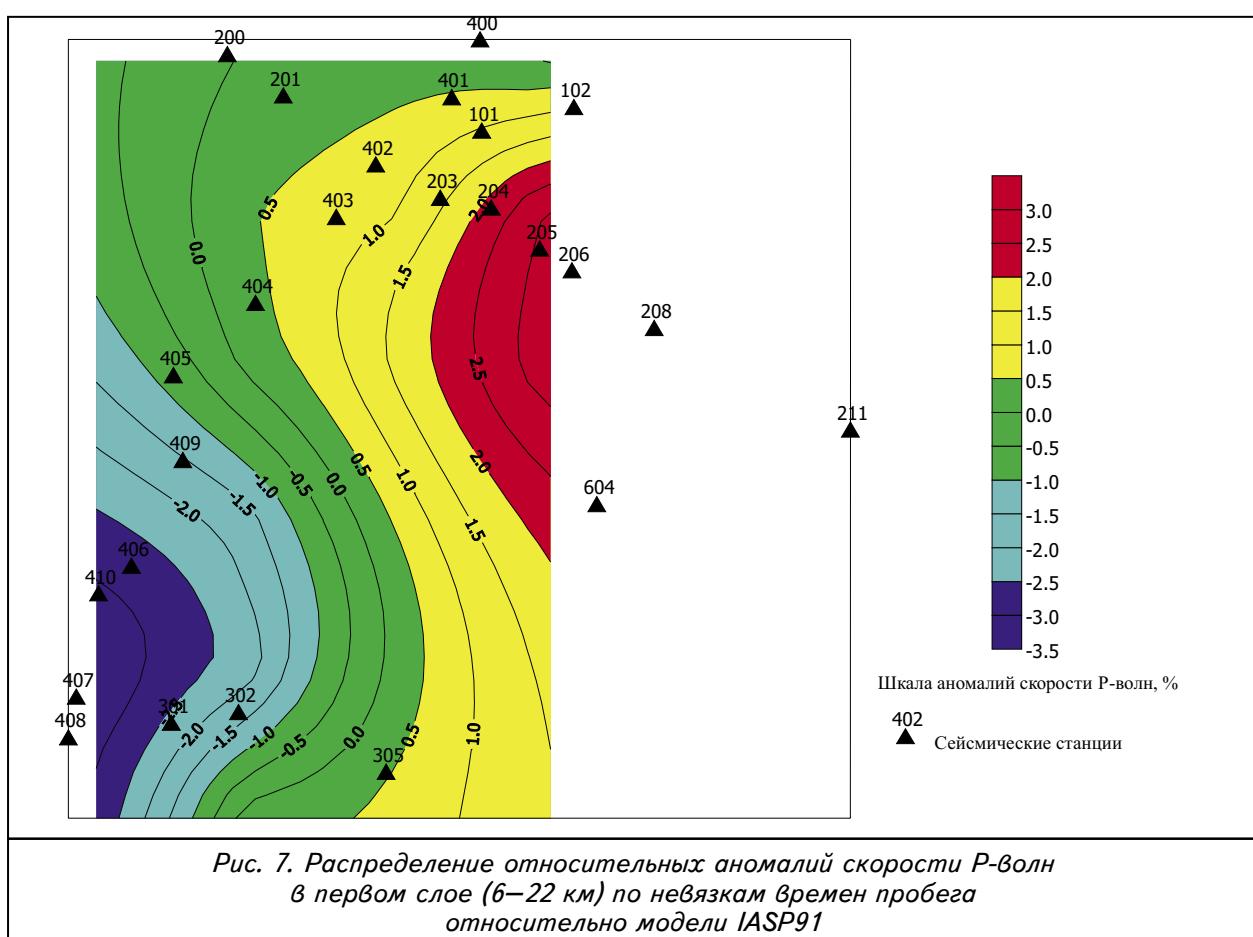

Рис. 7. Распределение относительных аномалий скорости Р-волн в первом слое (6–22 км) по невязкам времен пробега относительно модели IASP91

нулевые значения, то в северо-восточной части профиля аномалии скорости увеличивались до +0,5%.

Таким образом, сейсмотомографические исследования позволяют установить форму скоростных неоднородностей, выделить области повышенной или пониженной скорости. При этом, рассматривая геологическое строение этого участка, можно связать аномалии скоростей с конкретными породами. Заметим, что на побережье Хабаровского края здесь залегают вулканические породы известково-щелочной серии (с преобладанием андезитов) сенон-палеогенового Сихотэ-Алиньского вулканогенного пояса.

Полученное по данным сейсмотомографии распределение относительных аномалий скорости Р-волн в первом слое (0–6 км) на всей площади исследований МОВЗ между профилями 1–6 (рис. 6) позволяет заключить следующее. Повышение скорости наблюдается в этом слое в пределах рассматриваемой площади в ее восточной части, в проливе Невельского. Здесь аномалии скорости достигают максимальных значений – 4 %. Несколько повышенные аномалии расположены в виде субмеридиональной полосы, расширяющейся к югу, расположенной вдоль пролива. Они находятся в средней части площади и имеют значения от 0,5 до 2 %. Западная часть рассмотренного участка, на одну треть расположенная на материке, имеет значения от нормальных нулевых до отрицательных, равных – 0,1 %. Таким образом, в западной материковой части скорости пониженные.

Совместное рассмотрение схемы (рис. 6)

и сейсмического разреза ГСЗ по профилю 28 (рис. 3) позволяет заключить, что в интервале глубин 0–6 км залегают образования со средними пластовыми скоростями от 1,6 до 2,3–4,2 км/с.

Рассмотрение мощностей слоев в осадочной пачке и значений в них скоростей показывает следующее. Верхний слой со скоростью 1,6 км/с тонкий, мощностью до 1–2 км, а основной вклад в суммарную скоростную характеристику вносят нижележащие слои. Ими являются: второй слой со значениями пластовой скорости, равной 2,2–3,2 км/с, залегающий на глубинах от 2 до 3–4 км, а также третий слой, залегающий на глубинах от 3 до 8 км и характеризующийся пластовой скоростью 2,3–4,2 км/с. В результате этого при наблюдении картины разных значений аномалий скорости в целом в слое 0–6 км нельзя однозначно говорить, что повлияло на изменение скорости: то ли увеличилась мощность низкоскоростных образований нижележащего более высокоскоростного слоя, и соответственно сократилась мощность верхнего низкоскоростного слоя, то ли изменилась скорость, например, в самом мощном третьем слое, где ее значение меняется от 2,3 до 4,2 км/с.

Заметим, что при интерпретации результатов сейсмотомографии не представляется возможным отделить латеральные изменения в свойствах геологической среды (скоростные аномалии) от положения субгоризонтальных границ в качестве источника наблюдавшихся аномалий. Поэтому в целом можно лишь заключить, что пачка слоев осадочного чехла, покрывающих фундамент, представлена

под проливом более высокоскоростными образованиями, а материковая часть рассматриваемого участка состоит из более низкоскоростных пород. Этот вывод представляет определенный интерес. А поскольку в проливе мощность осадков увеличивается относительно материковой части, то можно заключить, что здесь скорости в нижнем слое больше тяготеют к значениям 2,3 км/с, в то время как в восточной части участка они ближе к значениям 4,2 км/с.

Общий вывод следующий: такой тонкий результат и дифференциация скоростей, которые позволяет получить сейсмотомография при рассмотрении столь относительно мощного суммарного слоя (0–6 км) при наличии трех более тонких слоев в пачке, покрывающей фундамент, могут сказать только о том, как меняется по латерали скорость в целом в этой пачке. В данном случае ясно, что более однозначную информацию дает именно глубинный разрез, аналогично тому, как мы рассмотрели на рис. 4.

Анализ распределения аномалий скорости продольных волн во втором слое, относящемся к интервалу глубин 6–22 км, напротив, по данным сейсмотомографии (рис. 7), – достаточно эффективен. Это связано с тем, что в этом интервале глубин по данным томографии анализировался практически один сейсмический слой. Согласно данным ГСЗ (см. рис. 3), это слой, залегающий на глубинах примерно от 6–8 до 22 и более км. Он представляет собой нижний слой земной коры, имеющий значение средней скорости 5,5 км/с, и подстилается породами верхней мантии, граничная скорость в которой 8,0 км/с.

На основе рис. 7 можно говорить об изменении по латерали аномалий скорости в этом нижнем слое коры. Исходя из этого можно однозначно утверждать, что образования в восточной части площади (под проливом), слагающие нижний слой, характеризуются наибольшим повышением скорости (до +2,5%), против нулевых значений и пониженных скоростей под материковой, западной частью рассматриваемого участка (до –2,5%). Этот результат, по-видимому, объясняется вклиниванием согласно разрезу ГСЗ в восточной части в низах слоя дополнительного слоя с большей средней скоростью 5,8 км/с (рис. 3), что и повышает общее значение скорости в слое 6–22 км.

Таким образом, можно сделать общий вывод:

при исследованиях земной коры сейсмотомография эффективна при анализе не тонких слоев, а однородных слабо расслоенных пород Земли. В земной коре такими объектами являются зоны разломов, магматические очаги вулканов и т. п. В основном ее применяют при изучении верхней или нижней мантии и глубже, то есть там, где она способна нести ценную информацию об объемных неоднородностях.

ЛИТЕРАТУРА

Булин, Н. К. Применение метода обменных волн от землетрясений для изучения верхней части литосфера территории СССР / Н. К. Булин. – Л., 1984. – Т. 1. – 181 с.; Т. 2. – 194 с.

Глубинное строение и сейсмичность Карельского региона и его обрамления / Под ред. Н. В. Шарова. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2004. – 353 с.

Злобин, Т. К. Строение земной коры и верхней мантии Курильской островной дуги (по сейсмическим данным) ДВНЦ АН СССР / Т. К. Злобин. – Владивосток, 1987. – 150 с.

Злобин, Т. К. Строение земной коры Охотского моря и ее нефтегазоносность в северо-восточной (прикамчатской) части (по сейсмическим данным) / Т. К. Злобин. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2002. – 97 с.

Косминская, И. П. Метод глубинного сейсмического зондирования земной коры и верхней мантии / И. П. Косминская. – М.: Наука, 1968. – 227 с.

Померанцева, И. В. Сейсмические исследования с аппаратурой «Земля» / И. В. Померанцева, А. Н. Моженко. – М.: Недра, 1977. – 256 с.

Сейсмическая томография. – Мир, 1990. – 416 с.

Солодилов, Л. Н. Глубинное строение пролива Невельского и прилегающих областей по данным геофизических исследований / Л. Н. Солодилов, Ю. Ф. Коновалов, А. В. Егоркин, Е. Е. Золотов, В. А. Ракитов // Материалы международного научного симпозиума «Строение, геодинамика и металлогения Охотского региона и прилегающих частей северо-западной Тихоокеанской плиты» – Т. 1. – Южно-Сахалинск: изд-во ИМГИГ ДВО РАН, 2002. – С. 129–132.

Aki K., Christoffersson A., Husebye E. S. Determination of the three-dimensional seismic structure of the lithosphere // J. Geophys. Res., 1977. – Vol. 82. – No. 2. – P. 277–296.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

**Археология и палеонтология
Право
История
Экономика
Филология
Методика**

К ВОПРОСУ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ПРИАМУРЬЯ И ОХОТОМОРЬЯ

Дерюгин Валерий Алексеевич – магистр экологии, научный сотрудник Сахалинской лаборатории археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН и СахГУ. Аспирант Института археологии и этнографии СО РАН, докторант Института окружающей среды Токийского университета. Область научных интересов: этнокультурные процессы на Дальнем Востоке. Автор более 50 научных работ, опубликованных в России, Японии и Китае.

«Человек» и «предмет» – о связи между ними приходится помнить всегда, так как существование первого невозможно без второго, который, в свою очередь, способен многое «рассказать» о нашей взаимосвязи с окружающим миром. Хотя порой археологи увлекаются «вещизмом», что приводит к изоляции нашей науки среди исторических дисциплин.

До возникновения государственных образований и связанных с ними наций самосознание народов строилось на общих стереотипах – «мы похожи между собой, поэтому одного круга, другие не похожи на нас, значит, они чужие нам». Обособление же народов могло строиться как в языковом, так и в хозяйственном, территориальном, кровнородственном, социально-культурном отношении.

Реконструкция древних этнических процессов в Приамурье и Охотоморье чрезвычайно сложна, что вызвано в первую очередь малочисленностью антропологических данных. Однако и на основании этих сведений в совокупности с другими источниками считаем возможными некоторые определенные реконструкции. В настоящей статье попытаемся рассмотреть некоторый круг проблем средневековой истории Охотоморья и Приамурья, в частности возможно ли проецировать известные этносы на выделяемые археологические культуры?

МНОГООБРАЗИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ОХОТОМОРЬЯ

В VII–IX веках вдоль побережья Охотского моря, как в северном, так и в южном направлении от устья Амура, существовал ряд археологических культур, имевших общие элементы материальной культуры. Однако и в настоящее время сохраняется проблема: что же послужило причиной сходства? Был ли какой-то единыйprotoисторический центр, или же это было отражением общих временных социально-культурных процессов, или же выделенные к настоящему времени археологические культуры являются лишь локальными вариантами одной охотоморской культуры? Возможно, что различия в экологической нише, расстояние до главных торговых путей, различное чужое этническое окружение способствовали формированию региональных различий в «охотском» населении, основа хозяйства которого было рыболовство в сочетании с морским зверобойным промыслом.

Исследованием охотской культуры занимаются в основном российские и японские исследователи. Сейчас в японской археологии имеются различные взгляды на периодизацию охотской культуры [Коно, 1933; Ито, 1942; Усиро, 1991, 1995; Фудзимото, 1966; Маэда, 1987]. В советский период ощущалась информационная нехватка зарубежных

источников и была создана своя периодизация охотской культуры, состоящая из пяти этапов в рамках начала 1-го тыс. до н. э.– середины 2-го тыс. н. э. [Васильевский, Голубев, 1976]. Сейчас в сахалинской археологии начинает возобладать мнение, что охотская культура представляет собой этнокультурную общность последовательно хронологически и географически соседствующих культур – это сусуйская, онкороманней, товада, собственно охотская, делящаяся территориально на сахалинский и хоккайдский варианты и тобинитай [Васильевский, 1999, с. 129–133]. Основные моменты данных построений были поддержаны нами [Дерюгин, 2002]. Однако в дальнейших своих построениях А. А. Васильевский, с одной стороны, разрушает охотскую суперкультуру, с другой стороны, поддерживает и расширяет понятие «мохэская культура» – другого, уже материкового археологического монстра [Васильевский, 2005], который в своей основе является неоднородным понятием.

Можно видеть, что стадиальное развитие так называемой охотской культуры совпадает с социально-культурными изменениями, происходящими на материке. Период товада совпадает с распространением мохэских культур, период эноура – со становлением государства Бохай, период мими-кайдзука – со временем бытования покровской культуры (амурских чжурчжэней). Конечно, по сравнению с материком социально-культурные процессы в островной части происходили более медленно.

Памятники сусуйской культуры (сусуйский период) существовали с V–IV веков до н. э. (Южный Сахалин) до II–V веков н. э. (юг Сахалина, север Хоккайдо). Они связаны с традициями культур эпидземона. С одной стороны, доминируют островерхие сосуды, широко используется камень для орудий, в большом количестве фиксируются следы морского промысла и рыболовства, присутствуют поселения большого размера. С другой стороны, на ряде памятников найдены изделия из металла [Васильевский, 2002, с. 158]. Нельзя говорить о том, что керамика сусуйского облика распространялась на материк. В то время в Приамурье развитие археологических культур шло путем, отличающимся от процессов на юге Сахалина [Дерюгин, 1999; Фукуда и др., 2002]. Согласно К. Ямаура, сосуды типа сусуя на севере Хоккайдо отличаются от сахалинской керамики тем, что на них отсутствует гребенчатая орнаментация. Однако данный орнамент имеется на памятниках севера Сахалина и устья Амура. Это керамика типа эсугуто [Нииока,

1970], керамика типа 1а памятника Хандуза [Ямаура, 1985], керамика с поселения Угольная [Усуки и др., 1999]. На памятниках устья Амура присутствует и керамика, аналогичная типам хандуза 1b и 1c. Считаем правомерным выделение набильской культуры [Василевский и др., 2005], в круг которой входит керамика с гребенчатыми оттисками.

Исходя из отсутствия гребенчатого орнамента на Хоккайдо, следует говорить о том, что влияние со стороны керамики типа эсатору на юге Сахалина начинается со II века. Возможно, что распространение ее на юг острова было связано с выдавливанием части племен с севера населением, связанным с польцевской культурой.

В V–VII веках на юго-западе Сахалина и севере, северо-востоке Хоккайдо существовали памятники культуры товада, в центральной части острова памятники с керамикой типа хигаси-тарайка. На юго-востоке острова в это время, возможно, сохранилось население, изготавлившее керамику типа сусуя. Например, О. А. Шубина относит к V–VI векам керамику типа сусуя, найденную на памятнике Белокаменная-чяси [Шубина, 1999, с. 238].

В период товада, по сравнению с периодом культуры сусуя, повышается качество керамики за счет увеличения температуры обжига изделий, что связано, видимо, с появлением металлургии на Сахалине [Жущиховская 2004]. Согласно К. Ямаура, керамика типа товада, как и керамика типа эноура, ведет свое происхождение от материальных культур [Ямаура, 1985, с. 61]. Возможно, существование керамики типа товада каким-то образом связано с охотничими племенами самаргинской культуры, керамика которой имеет сквозные отверстия или наколы под краем венчика [Дьяков, 1982]. Недавние исследования в бассейне Самарги, которые не противоречат нашим представлениям о развитии археологических культур на западном побережье Татарского пролива [Дерюгин, 1999], показали, что нижний предел бытования самаргинской керамики приходится на середину 1-го тыс. н. э. [Дьякова, Дьяков, 2000]. Далее О. В. Дьякова указывает на сочетание гончарных традиций самаргинской культуры и мохэ в керамике с памятника Самарга-5 [Дьякова, 1998, с. 173–174]. Вполне возможно, что часть населения самаргинской культуры была вытеснена племенами мохэ на Сахалин.

В VII–IX веках вдоль южного побережья Охотского моря вплоть до северных Курильских островов имеются памятники с керамикой типа эноура [Ямаура, 1993]. Возможно, что распространение керамики типа эноура связано с единовременной миграцией какого-то этноса. Найденные на памятниках охотской культуры изделия материального происхождения имеют аналогии с материалами мохэской и покровской культур. Однако до настоящего времени не установлено, являются эти изделия объектом меновой торговли или попали и на Сахалин в результате миграционных процессов.

В X–XIII веках существуют памятники с керамикой типа минами-кайдзука. Различные ее варианты имеются от юга Сахалина до Северо-Западного Приохотья. В этот период распространившаяся к северу культура сацумон ассимилирует остатки населения охотской культуры на Хоккайдо, в ре-

зультате чего появляются памятники с керамикой типа тобинитай. Памятники культуры тобинитай отличаются от предшествующего охотского периода отсутствием костей свиньи и вещей материального происхождения [Наката, 1996, с. 149–151]. По-видимому, это связано с временной стабилизацией населения на Хоккайдо и тем, что основные торговые пути проходили вдоль западного побережья острова. Так как на севере Курильских островов в это время отсутствует керамика типа тобинитай и минами-кайдзука [Игараси, 1989], то, возможно, в этом районе продолжает сохраняться гончарная традиция керамики типа эноура.

С периода эноура на севере ареала так называемой охотской культуры существовала еще одна культура. Тэбахская культура лежит в контактной зоне между миром кочевников, таежных племен и миром морских зверобоев.

Среди керамики тэбахской культуры было выделено несколько видов [Дерюгин, 1998]. Однако только керамика а-с-видов получила наименование «керамика тэбахского типа». Она представлена слабопрофилированными сосудами с налепным валиком под венчиком, штамповым орнаментом по горловине и ложнотекстильными оттисками по тулову. Особенностью а-вида является круглое дно.

Наземное жилище типа чума на стоянке Старая Какорма и наличие в нем круглодонных сосудов указывают на подвижный образ жизни, что, возможно, связано с миграцией населения на Амур с таежной зоны со стороны оз. Байкал.

Керамика d-вида и e-вида (сопоставима с керамикой типа эноура) и керамика f-вида (сопоставима с керамикой типа минами-кайдзука) морфологически полностью аналогичны керамике охотской культуры. Керамика d-вида (аналог керамики эноура-В) появилась в результате влияния со стороны мохэской культуры, однако не исключаем, что в основе ее лежат гончарные традиции польцевской керамики. На это указывают и японские исследователи [Кикути, 1995, с. 109–110]. С другой стороны, они усматривают сильное влияние со стороны най-фельдской группы мохэской культуры на формирование керамики типа эноура [Като, 1975]. Керамика тэбахской культуры f-вида (аналог керамики минами-кайдзука) своим происхождением, по-видимому, связана с влиянием со стороны станковой керамики покровской культуры [Дерюгин, 1999].

Сейчас в тэбахской культуре известны два типа памятников: поселения и сезонные стоянки. К поселениям, состоящим из полуподземных жилищ, можно отнести такие памятники, как Тэбах, Лазарев-2, Большой Ваккер-1, группу памятников на северо-западном побережье оз. Чля. Исследованное на поселении Аэропорт жилище близко в плане к пятиугольной форме. К сезонным стоянкам можно отнести памятник на о. Изют. Остатки наземного жилища типа чума на стоянке Старая Какорма также можно отнести к летней сезонной стоянке. Однако находки в нем сосудов лишь тэбахского типа указывают на однородность происхождения данного типа керамики и свидетельствуют в пользу того, что стоянка является времененным биваком и имеет отношение к таежным племенам, мигрировшим на Амур.

Находки на поселении Тэбах костей нерпы [Васильевский, 1970, с. 180] ясно указывают на использование местным населением и морских биоресурсов. К свидетельствам этого можно отнести и изображение среди Майских петроглифов гарпиона поворотного типа.

Материалы тэбахской культуры не выходят за рамки периодов эноура и минами-кайдзукса охотской культуры. До этого социально-культурные процессы на Сахалине и Амуре шли различными путями. Исключением являются районы Амурского лимана и северного Сахалина, что обусловлено их географической близостью. Если следовать позиции А. А. Василевского, то материалы тэбахской культуры, памятников Северо-Западного Приохотья являются локальными вариантами охотской культуры. Однако мы не можем поддерживать мнение японских археологов о распространении охотской культуры с островов на материк [Усуки, 1999]. Тэбахская культура имеет неостровное происхождение, для распространения охотской культуры на материк нет никаких ни социальных, ни экономических, ни политических обусловленных причин.

На северо-западном побережье Охотского моря существовали токаревская культура и памятники раннего железного века. Найденная керамика имеет общие черты с керамикой тэбахской и охотской культур [Дерюгин, 2006], что указывает на миграцию со стороны устья Амура.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Согласно китайским летописям, в VII веке Сахалин заселяло племя люгуй, но в XIII веке отмечается уже другие народы: цилими, кувэй, юлицянь. Кроме того, имеются данные, что в состав цилими входили и оленеводческие племена бэйшань ежэн [Проблемы..., 1982, с. 66–67, 86, 194]. Относительно культуры сацумон на Хоккайдо имеются достоверные доказательства того, что ее носителями были предки айнов [Утагава, 1988]. Однако в отношении этнического определения населения так называемой охотской культуры имеются самые разнообразные предположения.

Гипотеза об алеуто-эскимосских корнях [Befu, Chard, 1964, с. 11–13] в настоящее время не имеет никакой поддержки со стороны исследователей. Японские археологи придерживаются в основном двух предположений. Первое, Ц. Фудзимото предполагает, что культуры эпидземона принадлежат предкам айнов [Фудзимото, 1966, с. 28–44]. А культура сусуя на севере Хоккайдо и юге Сахалина имеет истоки в этих культурах эпидземона [Кумаки, 1996, с. 12–20]. Об айнской основе в формировании охотской культуры высказывались в советское время и российские ученые [Шубин, 1977, с. 7]. Однако данное высказывание может быть правомерным лишь в отношении населения того периода, которое использовало керамику типа сусуя.

Многие российские ученые считают, что население охотской культуры было протонивхским, тесно связанным своим происхождением с неолитическими племенами Нижнего Амура [Васильевский, Голубев, 1976]. Среди японских исследователей имеются схожие взгляды. Так, описанные китайскими летописями люгуй и цилими трактуются

как предки нивхов, которые являлись носителями охотской культуры [Кикути, 1995, с. 155–169]. Однако относительно племени люгуй, которое якобы обитало на Сахалине, имеются и другие мнения. Например, А. А. Василевский, основываясь только на фонетическом сходстве названий народов в китайских хрониках с самоназванием народов северной части побережья Охотского моря, приходит к выводу, что люгуй являются исчезнувшим народом, близким по языку и происхождению к корякам и чукчам [Василевский, 1999, с. 132].

Б. О. Пилсудским было высказано предположение, что население охотской культуры, легендарные тончи, по своему происхождению связаны с тунгусо-саамскими сушенями. Однако в советское время эта гипотеза была подвергнута критике некоторыми учеными [Васильевский, Голубев, 1976, с. 35]. Но исследования на Сахалине и Хоккайдо свидетельствуют в пользу гипотезы Б. О. Пилсудского.

А. Б. Спеваковский в отношении краинологических материалов с о. Шикотан, сопровождаемых керамикой группы эноура, отмечает, что черепа не имеют каких-то айнских особенностей, а, скорее всего, схожи с параметрами монголоидов внутриконтинентальных районов Восточной Сибири [Спеваковский, 1989, 55].

К схожим выводам приходят и японские антропологи. Х. Исида, изучив коллекции черепов с памятников охотской культуры Сахалина, приходит к выводу о том, что на данной территории около 2 тыс. лет назад проживали племена, не относящиеся к протонивхам, а близкие к нанайцам и ульчам [Исида, 1994, с. 257–269]. К сожалению, из данной публикации непонятно, с каким конкретно типом керамики охотской культуры связаны исследованные черепа. В отношении черепов охотской культуры на Хоккайдо имеются аналогичные выводы [Исида, 1991; Исида, Енэмуро, 1993; Исида и др., 1993, 1994]. Черепа, найденные на памятнике Хаманака-2, определены как близкие к северным монголоидам [Исида и др., 1994]. Это очень важный момент в этнической истории островного мира, так как найденные черепа сопровождались керамикой типа товада.

Согласно антропологическим данным с Хоккайдо, Сахалина и Южных Курил, население охотской культуры не соотносится с современными нивхами или айнами, а очень близко по своим параметрам к современным ульчам и нанайцам. Возможно, что население, связанное своим происхождением с наследниками охотской культуры и имевшее древние тунгусские корни, продолжало существовать на севере Курильских островов вплоть до Нового времени. И. Гиорги сообщает, что одежда северных курильцев, сшитая из шкур морских животных и птичьих шкурок, очень схожа с одеянием тунгусских народов [Гиорги, 1999, с. 131].

В настоящее время для нас предпочтительнее выглядит гипотеза о полигенетическом составе так называемой охотской культуры [Дерюгин, 2002]. Однако не можем обойти вниманием мнение об «охотской культуре» как о «локальных мохэских археологических культурах» и о «метисной мохэско-айнской культуре Тобинитай» [Василевский, 2005]. Айнский компонент у населения культуры

тобинтай присутствует, так как имеются достаточно убедительные доказательства принадлежности культуры сацумон, которая послужила основой формирования культуры тобинтай, предкам айнов [Дерюгин, 2002]. Но использовать в отношении охотской культуры этноним мохэ, который, как показали исследования в Западном Приамурье [Древности Буреи, 2000], применяется к различным этническим группам, считаем несколько преждевременным.

Согласно антропологическим данным, народы Нижнего Амура и Северного Сахалина подразделяются на три типа: амуро-сахалинский, байкальский и дальневосточный краниологические типы [Левин, 1956, с. 134–135]. Амуро-сахалинский тип, характерный для нивхов, хорошо обособляется среди народов Приамурья и Сахалина. По мнению антропологов, этот тип произошел от смешения внутриконтинентальных и тихоокеанских монголоидов и в древности имел более южное распространение [Алексеев, Гохман, 1984, с. 169].

Часть верховых нанайцев близка к дальневосточному краниологическому типу. Низовые наяцы, ульчи, орохи, негидальцы и ульта относятся к байкальскому антропологическому типу. Антропологические исследования показывают, что орохи и ульта стоят очень близко к северным тунгусам Приамурья [Алексеев, Гохман, 1984]. Однако в языковом отношении они близки к наяцам и ульчам. Среди части орочей фиксируется влияние со стороны амуро-сахалинского типа, характерного для нивхов. В отношении гипотезы происхождения охотской культуры от найфельдской группы мохэской культуры особый интерес представляют краниологические материалы периода средневековья.

Антропологических данных, относящихся к найфельдской группе мохэской культуры VII–IX веков, очень мало. Однако материалы могильника Шапка, соотносимого с хэйшуй мохэ, указывают на то, что черепа погребенных относятся не к байкальскому, а к дальневосточному типу монголоидов, который характерен для современных китайцев, японцев и корейцев [Чикишева, Нестеров, 2000].

Черепа же из Троицкого могильника, который, как считается, служил местом погребения сумо-мохэ, соотносятся с байкальским типом северных монголоидов [Алексеев, 1980, с. 106–130]. В таком случае, если население охотской культуры на Сахалине и Хоккайдо происходит от найфельдской группы, почему у него фиксируется краниологический тип, характерный для троицкой группы мохэ, а не найфельдской? Можно, конечно, предположить, что найфельдское население, мигрируя к северу от Среднеамурской низменности, было ассимилировано носителями троицкой группы. Но это слишком простое, на наш взгляд, объяснение.

Черепа, близкие к байкальскому антропологическому типу, фиксируются и в Северо-Западном Приохотье. Черепа из захоронения № 2 на мысе Три Брата соотносятся с показателями юкагиров или ламутов (эвенов) [Беляева, 1967]. Л. П. Хлобыстин считает, что найденные в захоронениях стеклянные бусы связаны со временем начала торговых связей с русским населением [Хлобы-

стин, 1998, с. 104]. На этом основании он относит захоронения к XVII–XVIII векам. Однако такие бусы отмечены на памятниках Приамурья еще с мохэского времени. А. В. Беляева считала, что могильник Три Брата соотносится по времени с близлежащим поселением древнекорякской культуры. На наш взгляд, судить о культурной принадлежности керамики с могильника Трех Братьев на основании лишь внешних признаков (наличие ложнотекстильных оттисков) весьма затруднительно. Но, судя по технологическим показателям, она отличается от керамики древнекорякской культуры и, возможно, принадлежала какой-то иной этнической группе населения. В этой связи несомненный интерес вызывают сведения о культуре и хозяйстве так называемых оседлых тунгусов. Вопрос появления тунгусов на северо-восточном побережье Охотского моря затруднен проблемой совпадения с краниологическими показаниями юкагиров.

Попробуем немного рассмотреть лингвистические и этнографические данные относительно проблемы первоначальной миграции народов в устье Амура и взаимоотношений тунгусских народов и нивхов. М. М. Хасанова на основе анализа преданий делает вывод, что контакты нивхского и тунгусо-маньчжурских языков имеют весьма непродолжительную историю, в пределах нескольких столетий [Хасанова, 1992, с. 67–69]. В свою очередь А. М. Певнов, на основании отсутствия чжурчжэнских слов среди заимствований в нивхском языке из тунгусо-маньчжурских языков, приходит к выводу о культурных контактах этих народов лишь в XVII–XIX веках [Певнов, 1992, с. 25–29]. Однако так как в части происхождения самих носителей амурской культуры множество неясных моментов, то возможно и выводы о времени языковых заимствований будут пересмотрены. Так, на основе анализа тюркских заимствований в маньчжурском и чжурчжэнском языках делается вывод, что первый из них не является непосредственной основой для второго и самое первое разделение внутри тунгусо-маньчжурской языковой группы началось еще в хуннское время [Певнов, 2000, с. 104]. Из всего вышесказанного следует, что языковые заимствования у нивхов от своих современных южных соседей состоялись лишь в XVII–XIX веках, хотя археологически это зафиксировать практически невозможно в силу унификации материальной культуры.

Из общего числа языковых заимствований среди народов нижнего Амура и Сахалина 90% приходится на слова, пришедшие в нивхский язык из тунгусо-маньчжурских языков [Певнов, 1992, с. 27]. В нивхском языке заимствований со стороны тунгусских языков весьма немного. Это можно объяснить одноуровневым развитием хозяйства. Однако странно, что имеются такие, казалось бы, присущие палеоазиатскому населению слова, которые не связаны с нивхским языком. Оказывается, что *строганина, охотничья петля, шаман, пояс шамана, предание, собачьи наряды* и некоторые другие слова имеют явно тунгусское происхождение. Далее, в нивхском языке имеется несколько заимствований, которые по своему

происхождению связаны с каким-то неизвестным древним языком. Это такие слова, как *железо, серебро, крупа*. Они никак не связаны и с айнским языком. Вообще, языковые проникновения в айнский и нивхский языки весьма незначительны. Общих слов в лексике чрезвычайно мало (*лодка, бубен* и др.).

В настоящее время нет единого мнения относительно происхождения северных тунгусов. Если следовать С. М. Широкогорову, то прародиной тунгусов являлся бассейн реки Хуанхэ. В эпоху Великого переселения они были вытеснены древними китайцами на север. Различия в экологической нише и чужеродное этническое окружение привели к разделению на южных и северных тунгусов [Shirokogoroff, 1929, с. 148–149]. Однако у этой гипотезы имеется много противников среди российских ученых.

Относительно этнического состава населения раннего железного века Приамурья мнения российских ученых несколько разнятся. Однако все современные гипотезы происхождения тунгусов строятся в основном из посылки А. П. Окладникова о прародине этих народов в районе оз. Байкал [Окладников, 1950, с. 45]. То есть миграционные выплески предков тунгусов шли из таежной зоны. А. П. Окладников видел в польцевской культуре элементы как аборигенной культуры, так и культуры северных тунгусов. Найденные на поселении Амурский санаторий керамические модели лодки, колыбели и защитного щитка при стрельбе из лука трактуются им как тунгусские предметы, характерные для таежной зоны [Окладников, 1969, с. 103–105]. Согласно предположениям А. П. Окладникова, маньчжуры происходят от той части северных тунгусов, которые, попав в новые для них экологические условия в Маньчжурии, были вынуждены адаптироваться и сменить свой хозяйствственный уклад. И это происходит уже на стадии развития польцевской культуры, что отражено в общих элементах с мохэской керамикой. В польцевской культуре А. П. Окладников усматривал сочетание земледельческих и охотничьих культур, с возможным присутствием культуры оленеводов [Окладников, 1968, с. 33]. Согласно предположениям А. П. Деревянко, население польцевской культуры являлось палеоазиатским, а не тунгусским. Оно было вытеснено тунгусоязычными племенами мохэ в Приморье и к северу в сторону Охотского моря [Деревянко, 1976, с. 274–175].

Традиция пищевого рациона в определенных случаях чрезвычайно консервативна и может быть связана с какими-то определенными этническими группами. Это может быть применено в отношении использования в пищу мяса собаки, что, например, имело место как в охотской культуре, так и в токаревской [Сато, 1996]. На Хоккайдо собаку для пищи разводили еще на стадии эпидемона, о чем свидетельствуют материалы из слоя с керамикой типа уцунаи-2 на памятнике Хаманака-2 [Утияма, Мацумура, 1997].

Использование мяса собаки в пищу принято в большинстве случаев отождествлять с палеоазиатскими этносами. Но так ли уж верно это утверждение? У хоккайдских айнов собака являлась лишь

охранником и помощником на охоте. В то же время айны юго-западного побережья Сахалина разводили собак для пищи, а их шкуры шли на изготовление одежды [Онуки-Тирии, 1996, с. 86, 95]. В ритуальных целях собак, с частичным поеданием мяса во время подготовки к охоте, использовали и орохи [Штернберг, 1933, с. 439–440; Березницкий, 1998, с. 24]. Считается, что этот обычай они заимствовали от нивхов [Березницкий, 1998, с. 29], однако можно предположить и обратное.

Традиция употребления в пищу мяса собак фиксируется и на средневековых памятниках Приморья. Однако если посмотреть сравнительную таблицу четырех основных видов домашних животных в эпоху средневековья, то четко заметно, что по сравнению с бохайским периодом, в киданьско-чжурчжэньское время уменьшается процентное содержание костей свиньи и собаки и увеличивается количество костей лошади и коровы [Дерюгин, Алексеева, 1997]. Возможно, что эти показатели указывают на какие-то изменения в этническом составе населения, которое имело определенные пищевые традиции, или же на развитие земледелия, при котором большую роль играют тягловые животные.

О ВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТИЯ СЕВЕРНЫХ ТУНГУССКИХ НАРОДОВ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУР ОХОТОМОРЬЯ

Согласно китайским летописям XIII века, среди народа цилими жили и оленеводы бэйшань ежэнь [Проблемы..., 1982, с. 193]. Отметим, что данный этноним можно перевести с китайского языка прямолинейно как «горные варвары», что указывает на следующее. Во-первых, данный этноним не является самоназванием народа или фонетической передачей его названия со стороны соседних народов, во-вторых, свидетельствует о приходе данного этноса с горных таежных районов.

На Сахалине дикий северный олень обитает на всей территории острова, от м. Шмидта до м. Крильон. Биологи отмечают, что существуют некоторые различия между диким островным оленем и домашними, завезенными с материка [Воронов, 1998, с. 283–284]. К сожалению, сравнительного анализа найденных костей северного оленя до настоящего времени не проводилось. Хотя имеются материалы из раковинных куч на Сахалине, например Невельск-2, Промысловое-2 (Хигаси-Тарайка), и других памятников [Кикути, 1995, с. 27].

В оленеводстве выделяют таежный и тундровый типы, которые сложились под влиянием природных, хозяйственных и культурных различий. Особенностями первого из них являются более широкое применение дымокуров, небольшая протяженность кочевий, преимущественно транспортное использование, следы выочно-верхового оленеводства [Хомич, 1986]. Однако таежный тип оленеводства не является вариантом производящего хозяйства, а лишь средством в развитии охотничьего промысла [Шнирельман, 1974].

Северные тунгусские народы (эвены и эвенки), для которых характерен таежный тип оленеводства, проживают на очень широкой территории от междуречья Оби и Енисея на западе до побе-

режья Охотского моря на востоке, от тундровой зоны на севере до Амура на юге. Некоторые этнически связанные с ними народы живут в Монголии и на Северо-Востоке Китая. В истории человечества это уникальный случай, когда столь малочисленный этнос, расселившийся на такой огромной территории, сохраняет общий язык.

Появление оленеводства сыграло большую роль в процессе расселения тунгусских народов. Согласно преданиям, впервые приручить оленей удалось жителям местности Оро в верховьях Амура. Первоначально привлеченные возможностью спокойно пасться у дымокуров человека дикие олени часть лета проводили у жилья, а зимой возвращались в тайгу.

Согласно лингвистическим данным, названия верховой упряжи (*седло, тамга и др.*) у тунгусских народов связаны своим происхождением с монгольским языком [История Сибири..., 1968, с. 400]. С другой стороны, промысловые термины являются исконно тунгусскими словами. Возможно, что заимствования из монгольского языка появились у тунгусов в начальный период их кочевого прошлого, когда в начале в качестве транспортного средства использовалась лошадь.

Возникновение оленеводства часть ученых относит к очень древнему периоду, ко второй половине 2-го тыс. до н. э. [Окладников, Мазин, 1976, с. 116]. По С. И. Вайнштейну, выючное оленеводство возникло у самодийских народов около двух тыс. лет назад. Вероятной территорией, где могли контактировать тунгусские и самодийские племена, являлось Прибайкалье. Так как начало миграции на север самодийцев приходится на 1-е тыс. н. э., то именно в этот период должно было произойти заимствование тунгусами оленеводства [Вайнштейн, 1970, 1971].

Так как сама долина Амура непригодна для оленеводства, то возможной территорией для передвижения оленеводов являлись горные отроги. Олени стада двигались в поисках новых ягельников по отрогам Хинганского, Яблонового, Станового хребтов, и вслед за ними был вынужден следовать и хозяин стада. Поэтому направление расселения тунгусов-оленеводов (орочен) диктовалось расположением горных хребтов. Часть орочен, переправившись на Сахалин, вошли в роды ульта. Другие их группы, спустившись по долине Амгуни на Амур, лишившись олених стад, вошли в состав орочей на Анюе и Тумнине [История Сибири..., 1968, с. 400].

Преодолев отроги Верхоянского хребта, оленеводы расселились до Лены. Пришедшие туда якуты уже в XIII веке встретили там тунгусов-оленеводов. Однако если верна датировка надписей на скалах орхоно-енисейской письменности, то тунгусы-оленеводы жили в районе Якутска уже в IX-X веках [Константинов, 1975, с. 122].

Представляют интерес данные по тэбахской культуре, которые могут иметь отношение к проблеме развития оленеводства. Остатки переносного жилища, сопровождавшегося круглодонной керамикой, указывают на миграцию неких племен из таежной зоны в устье Амура. В пользу этого свидетельствуют и петроглифы у заброшенного стойби-

ща Май, которые стилистически соотносятся с материалами тэбахской культуры. А. П. Окладников указывал на то, что майские петроглифы несколько отличаются от рисунков мохского времени у с. Сикачи-Алян и что они связаны с миром таежных кочевых племен. Он предполагал, что оленеводческие племена, оставившие майские петроглифы, мигрировали на Амур со стороны бассейна Ангары около X века [Окладников, 1971, с. 130]. В основной части это предположение было поддержано нами, но, на основании современных представлений о развитии тэбахской культуры, время выхода оленеводческих племен на Амур было удревнено до VI-VII веков. [Дерюгин, Косицына, 1999].

На возможность миграции в устье Амура оленеводов из районов Байкала в средневековье могут указывать следующие данные. Петроглифы [Асеев, 1980, с. 103–126] и арочный орнамент на керамике курумчинской культуры близки стилистически и композиционно к данным тэбахской культур. Композиционные мотивы керамики курумчинской культуры и керамики тэбахского типа можно видеть в изобразительном искусстве современных якутов, эвенков и эвенов [Иванов, 1975, с. 183]. Определенный интерес в связи с возможностью миграции населения на Амур со стороны Ангары вызывают и антропологические данные. Так, по своим краинологическим параметрам население курумчинской культуры сопоставимо как с хуннами Монголии и Забайкалья, так и с современными ульчами и негидальцами [Дашибалов, 2000, с. 43].

И на севере Сахалина, на основе анализа расположения летних и зимних стойбищ, А. А. Васильевский допускает существование оленеводства в охотское (тэбахское) время [Васильевский, 2005, с. 135].

ПРИМОРСКАЯ АДАПТАЦИЯ ТУНГУССКИХ НАРОДОВ

Если исходить из имеющихся преданий, то выход северных тунгусов к берегам Охотского моря произошел лишь около 500 лет назад. Но, по нашему мнению, этот процесс, по сравнению со сложившимися представлениями, начался довольно рано, на что указывает в первую очередь соотношение антропологических показаний черепов из захоронения № 2 могильника на мысе Три Брата с ламутскими (эвенскими) [Беляева, 1967]. Косвенно на время выхода тунгусов к побережью указывают и лингвистические данные. Согласно глотохронологии, эвенкийский и эвенкийский языки разделились около 1500 лет назад [Бурыкин, 1999, с. 46]. Эти временные рамки очень хорошо согласуются с нашими представлениями о времени миграции северных тунгусов на север Охотского побережья, совпадающей с распространением керамики амуро-охотского облика [Дерюгин, 2006].

В результате выхода тунгусских племен на морское побережье они перенимают часть навыков палеоазиатов, частично ассимилировавшихся с ними, и возникает самобытная по своему хозяйственному укладу группа оседлых тунгусов [Спековский, 1984, с. 122]. Переход к оседлому образу жизни всегда влечет за собой и изменения хозяйственного уклада. Примеры этому можно найти и среди некоторых групп современных эве-

нов и эвенков Приохотья, которые занимались в основном рыболовством и добывали морского зверя, при этом «заготовка рыбьей муки охотниками-оленеводами, выходящими летом на Охотское побережье, считалось обязательной» [Дьяченко, Ермолова, 1994, с. 104]. Адаптация тунгусского населения к прибрежным условиям сопровождалась заимствованием элементов материальной культуры палеоазиатов. Например, собачьи нарты, зимние жилища, изделия из шкур морского зверя и рыбьей кожи, использование в пищу морепродуктов. Однако при этих материальных заимствованиях оседлые тунгусы сохраняли свой язык и самобытность культуры.

Среди народов Приамурья многие роды, например ороши, ульчи, негидальцы, ульта, нанайцы, ведут свое происхождение от групп оленеводов. Свидетельства тому сохранились в преданиях и обрядах. Например, по свидетельствам нанайцев, живших по основному руслу Амура, душа умершего отправлялась в загробный мир на собачьих нартах, а души тех, предки кого вышли из таежных оленеводов, отправлялись верхом на олене [Березницкий, 2000, с. 76].

Самоназвание ороши, как у нанайцев, ульчей и ульта, *нани*. Удэге называли ороши «пяка», ульчи – «ороши», эвенки – «ламка» (прибрежные), нивхи – «тозунг», русские – «короченами». Название же ороши берет свое начало в слове оро, что означает домашний олень [Ларькин, 1964, с. 15].

Ороши являются самым южным материковым народом, который добывал морского зверя. Однако это направление хозяйства не доминировало над охотой на сухопутного зверя. Основными объектами охоты на море были нерпа и сивуч. Обычно нерпу били четырехзубой острогой в марте с лодок на участках воды, свободных ото льда, объединяясь в группы из 3–6 человек [Старцев, 1998]. Ороши залива Де-Кастри, так же, как нивхи и ульчи, охотились на морского зверя с берега с помощью составной остроги.

Мясом нерпы ороши питались только в голодные годы, однако использование нерпичьего жира в пищу, который хранили в берестяных емкостях, было обычным делом. Из шкуры нерпы изготавливали обувь, сумки, чехлы для ружья, шаманские юбки и т. д. [Ларькин, 1964, с. 34]. При разделке туши нерпы запрещалось срезать кончик носа. При нарушении этого табу хозяин моря не мог вернуть в будущем зверя к жизни и отправить его к человеку [Старцев, 1998, с. 89].

Наблюдаются общие моменты в обрядах перед началом морского промысла народов Приамурья и Сахалина. Во время морского промысла на побережье прибывали и ульчи, негидальцы с Амуром и Амгуном. Конечно, ритуалы, направленные на сохранение популяции морских животных, были более развиты у нивхов, что можно объяснить и с позиции их более удобного проживания в районах морского промысла. Современные амурские тунгусоязычные народы не могут пояснить значение обряда выбрасывания головы нерпы в море, в то же время нивхи считают, что в этом случае животное может еще раз возродиться [Березницкий, 1998, с. 27]. Согласно Ч. М. Таксами, тради-

ция изготовления юбки шамана из шкуры нерпы у ульчей и ороши появилась под влиянием нивхов [Таксами, 1975, с. 215].

Дельфин, косатка у некоторых территориальных групп ороши и ульта были табуированными животными. Ботчинские ороши никоим образом не использовали ни мясо, ни кости кита, выброшенного на берег. С другой стороны, ороши с р. Хадя использовали кости косатки для изготовления полозьев саней. Для различных тунгусских групп населения косатка являлась духом моря. В то же время нивхи лимана Амура добывали косатку и использовали в пищу ее мясо [Березницкий, 1998, с. 27].

И в случае с ульта можно видеть процесс перехода от оленеводства к прибрежной адаптации, но довольно позднего характера. У них, по сравнению с эвенками, мигрировавшими в недалеком прошлом на Сахалин с Уды, район кочевок менее широк, развития оленеводства практически не наблюдается. Ульта, жившие в летних селениях на побережье, с весны до зимы занимались рыболовством и морским промыслом. Так как в летний период домашние олени откочевывают, то в это время их невозможно увидеть в окрестностях селений [Из доклада, 1995, с. 68].

Согласно преданиям, которые были записаны участниками Амурской экспедиции 1850–1854 годов, эвенки мигрировали на Сахалин с бассейна р. Уды лишь в XVI–XVII веках [Спеваковский, 1984, с. 123]. Таким образом, ульта, в языковом отношении входящие в южную группу тугусо-маньчжурских языков и имевшие неразвитое оленеводство, мигрировали на Сахалин в более раннее время по сравнению с эвенками.

И в настоящее время не наблюдается развития оленеводства у ульта. Например, из 127 ульта, проживающих в с. Вал, работоспособных 60 человек, но только 11 из них (мужчины) заняты в оленеводстве. В небольших стадах большая часть оленей используется для перевозки вещей и в качестве верховых. Ареал кочевок менялся в зависимости от времени года. В весенне-летний период кочевки проходили в окрестностях заливов Пильтун и Чайво, осенью-зимой откочевывали в верховья рек Вал, Комулан, Лангры. Летом для транспортировки оленей использовали верхом, а зимой их впрягали в нарты [Роон, 1992]. Как и в древности, оленеводство у ульта не было доминирующим в хозяйстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Палеоазиатские народы, в том числе и коряки с нивхами, выделяются в основном лишь лингвистически. Каких-то особенных устойчивых показателей в материальной культуре археологически трудно выделить. Считаем, что следует осторожнее подходить к использованию в археологии понятия «палеоазиаты».

Население охотской культуры имеет различное происхождение, что, видимо, связано с региональными природными различиями и разнообразием этнического окружения. Предполагается, что предки нивхов и тунгусских народов мигрировали в районы нынешнего расселения примерно в одно время. Имеются серьезные возражения относительно более древней приморской адаптации нивхов в сравнении с тунгусскими народами. Хозяйственный

уклад народов определяется в первую очередь экологическими особенностями территорий.

С VII века в устье Амура бытует керамика типа эноура, которая своим появлением обязана этническим подвижкам, связанным с выдавливанием населением троицкой группы племен с керамикой типа найфельд. Впоследствии гончарная традиция эноура распространилась вплоть до северных Курильских островов.

Во второй половине VI – первой половине VII века в район устья Амура, по-видимому со стороны Станового хребта, проникают оленеводческие племена, которые, возможно, изготавливали керамику тэбахского типа. Так как олень у них существовал лишь в качестве транспортного средства, а долина Амура более продуктивна в плане рыболовства и охоты, то произошел отказ от оленеводства. Эти бывшие оленеводы вошли в состав родов различных амурских народов.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, В. П. Материалы по краинологии мохэ // В. П. Алексеев // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 106–130.

Алексеев, В. П. Антропология азиатской части СССР // В. П. Алексеев, И. И. Гохман. – М.: Наука, 1984. – 208 с.

Асеев, И. В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным) // И. В. Асеев. – Новосибирск: Наука, 1980. – 150 с.

Беляева, А. В. Древние погребения на Охотском побережье // История и культура народов Севера Дальнего Востока / А. В. Беляева. – М.: Наука, 1967. – С. 80–84.

Березницкий, С. В. Путем взаимовлияния. Промысловые культуры амурских народов и их этнокультурные контакты // С. В. Березницкий // Россия и АТР. – 1998. – № 4. – С. 23–30.

Березницкий, С. В. Верования и обряды аборигенов Нижнего Амура и Сахалина // С. В. Березницкий // Международные совместные исследования относительно природных поселений малочисленных народов российского Дальнего Востока (Росиа кекуто сесуминзоку но сидээн сюраку ни кансуру кокусай кедо кэнкю) 1997–1999 гг. – Ниигата: Ниигата дайгаку бунгакубу, 2000. – С. 75–82.

Бурыкин, А. А. Судьба прибайкальской теории этногенеза тунгусов в свете новых археологических и этнографических данных // Интеграция археологических и этнографических исследований // А. А. Бурыкин. – Москва-Омск: ОмГПУ, 1999. – С. 44–46.

Вайнштейн, С. И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии (1. Саянский очаг домашнего оленя) // С. И. Вайнштейн // СЭ. – 1970. – № 6. – С. 3–14.

Вайнштейн, С. И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии (2. Роль саянского очага в распространении оленеводства в Евразии) // С. И. Вайнштейн // СЭ. – 1971. – № 5. – С. 37–52.

Василевский, А. А. Охотская проблема и ее современное прочтение в России и Японии // А. А. Василевский // Интеграция археологических и этнографических исследований – Москва-Омск: ОмГПУ, 1999. – С. 129–133.

Василевский, А. А. К понятию «неолит» и его периодизации на о-ве Сахалин // А. А. Василевский // Вперед... в прошлое. К 70-летию Ж. В. Андреевой – Владивосток: Дальнаука, 2000. – С. 150–160.

Василевский, А. А. Стратегия адаптации в деятельности человека в условиях островных экосистем // А. А. Василевский // Северная пацифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцен. Материалы международной научной конференции «По следам древних костров...». – Магадан: изд-во СМУ, 2005. – С. 135–138.

Василевский, А. А. Парадокс охотской культуры – прощание с великой легендой // А. А. Василевский // Movement in Medieval North-East Asia – people, material, goods, technology. – Vladivostok International Symposium. – Vladivostok, 2005. – С. 67–76.

Василевский, А. А. Археологические исследования Сахалинского государственного университета (2002–2005 гг.) // А. А. Василевский, В. А. Грищенко, П. В. Кашицын, В. Д. Федорчук // Ученые записки Сахалинского государственного университета. – Вып. 5. – 2005. – С. 48–56.

Васильевский, Р. С. Происхождение и древняя культура коряков // Р. С. Васильевский. – Новосибирск: Наука, 1971. – 250 с.

Васильевский, Р. С. Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка) // Р. С. Васильевский, В. А. Голубев. – Новосибирск: Наука, 1976. – 272 с.

Воронов, Г. А. Основные причины деградации и пути восстановления популяции дикого северного оленя на Сахалине // Г. А. Воронов // Вестник Сахалинского музея. – 1998. – № 5. – С. 281–287.

Гиорги, И. Г. Курильцы (курильские айны) // И. Г. Гиорги // Сборник переводов исследований по айнской тематике (Айну миндзоку канрэнкэнкю ронбунхонякусю). – Нэмуро: Хоппо бунка кэнкюкай, 1999. – С. 127–134.

Дашибалов, Б. Б. Курумчинская культура Байкальской Сибири // Б. Б. Дашибалов // Россия и АТР. – 2000. – № 2. – С. 35–44.

Деревянко, А. П. Приамурье (1 тысячелетие до нашей эры) // А. П. Деревянко. – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.

Дерюгин, В. А. Керамика «тэбахского типа» // В. А. Дерюгин // Россия и АТР. – 1998. – № 2. – С. 71–80.

Дерюгин, В. А. К вопросу о периодизации памятников материального побережья Татарского пролива и их взаимосвязи с памятниками Сахалина // В. А. Дерюгин // Краеведческий бюллетень. – 1999. – № 4. – С. 55–69.

Дерюгин, В. А. Охотоморская культурная общность? (Эпизод первый) // В. А. Дерюгин // Записки Гродековского музея. – Вып. 3. – Хабаровск, 2002. – С. 53–66.

Дерюгин, В. А. Север Японского архипелага и окружающий мир в VII–XIII вв. // В. А. Дерюгин; отв. ред. С. В. Алкин: Материалы международной конференции (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002) // История и культура Востока Азии. – Т. 2. – Новосибирск: ИИАиЭ СОРАН, 2002. – С. 67–70.

Дерюгин, В. А. Керамика Северо-Западного Приохотья, сопоставимая с материалами тэбахской

- и охотской культур / В. А. Дерюгин // Пятыe Гродековские чтения: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. «Амур–дорога тысячелетий». – Ч. 1. – Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2006. – С. 148–156.
- Дерюгин, В. А. Изделия из кости и остеологические материалы из пункта А поселения Покровка-1 / В. А. Дерюгин, Э. В. Алексеева // Хоппо Юрасия гаккай кайхо. – 1997. – № 9. – С. 2–4.
- Дерюгин, В. А. Относительно керамического изделия с изображением всадников, найденного на поселении Чля-3 / В. А. Дерюгин, С. Ф. Косицына // Проект Амур. – Цукуба: Цукуба дайгакути кэнкука, 1999. – С. 84–87.
- Древности Буреи / С. П. Нестеров, А. В. Гребенщиков, С. В. Алкин и др. – Новосибирск: ИАиЭ СОРАН. – 2000. – 352 с.
- Дьяков, В. И. Куksинская стоянка и ее значение для выделения самаргинской археологической культуры / В. И. Дьяков // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 62–70.
- Дьякова, О. В. Мохэские памятники Приморья / О. В. Дьякова. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 318 с.
- Дьякова, О. В. Новые исследования в долине реки Самарги / О. В. Дьякова, В. И. Дьяков // Россия и АТР. – 2000. – № 2. – С. 27–34.
- Дьяченко, В. И. Эвенки и якуты юга Дальнего Востока XVII–XX вв. / В. И. Дьяченко, Н. В. Ермолова. – СПб.: Наука, 1994. – 159 с.
- Жущиховская, И. С. Очерки истории древнего горнчарства Дальнего Востока России / И. С. Жущиховская. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. – 312 с.
- Иванов, С. В. К вопросу о хуннском компоненте в орнаменте якутов / С. В. Иванов // Якутия и ее соседи в древности. – Якутск: изд-во Якутского филиала СО АН СССР, 1975. – С. 174–184.
- Игараси Кунихиро. Керамика охотского типа на Курильских островах // Нэмуроши хакубуцу-кан кайсэцубисицу кие (Вестник музея г. Нэмуро). – 1989. – № 3. – С. 9–37.
- Из доклада начальника Оспенной экспедиции на Сахалин, направленной Сахалинским губернатором летом 1908 года (записано врачом Штейгман В. А.) // Исторические чтения. Труды Государственного архива Сахалинской области. – 1995. – № 1. – С. 48–87.
- Исида Хадзимэ. Череп периода охотской культуры с памятника Осенний на о. Рэбун // Кокурицу кагаку хакубуцу-кан сэнпо. – 1991. – № 24. – С. 149–154.
- Исида Хадзимэ, Енэмуро Тэцухидэ. Кости человека охотского периода с пещеры Омагири-7 у г. Абасири // Кокурицу кагаку хакубуцу-кан сэнпо. – 1993. – № 26. – С. 143–149.
- Исида Хадзимэ, Кида Масахико, Тодо Юкио, Такаяма Хироши. Относительно костей человека охотского периода из пункта Дзиндзя памятника Уторо // Сирэтоко хакубуцу-кан кэнку хококу. – 1993. – № 14. – С. 73–80.
- Исида Хадзимэ, Ханихара Цунэхико, Кондо Осаму. Кости человека охотского периода из пункта Дзиндзя памятника Уторо, найденные в 1990 г. // Сирэтоко хакубуцу-кан кэнку хококу. – 1994. – № 15. – С. 1–12.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней. – Т. 1. – Л.: Наука, 1968. – 454 с.
- Ито Нобую. Периодизация керамики доисторического периода Карапуто // Есида Садакити хакасэ цуто кинэн кокуси ронсю (Сборник статей по истории государства, посвященный памяти профессора С. Есида). – Токио; Дайтосекан, 1942. – С. 19–44.
- Като Симпэй. Переправившись через пролив Мамия // Этоносу. – 1975. – № 4. – С. 40–52.
- Кикути Тосихико. Хоккайдо Адзиа кодай бункан кэнку (Исследования древних культур Северо-Восточной Азии). – Саппоро: Хоккайдо дайгакуто-се канкокай, 1995. – 544 с.
- Коно Хиромити. Группа керамики охотского типа // Хоккайдо гэнси бунка сюэй (Развитие первобытных культур Хоккайдо). – Сайкава, 1933. – С. 19–20.
- Константинов, И. В. Происхождение якутского народа и его культуры / И. В. Константинов // Якутия и ее соседи в древности. – Якутск: изд-во Якутского филиала СО АН СССР, 1975. – С. 106–173.
- Кумаки Тосиаки. Относительно «керамики типа сусуя» на севере Хоккайдо // Кодай бунка. – 1996 – № 48–5. – С. 12–20.
- Константинов, И. В. Происхождение якутского народа и его культуры / И. В. Константинов // Якутия и ее соседи в древности. – Якутск: изд-во Якутского филиала СО АН СССР, 1975. – С. 106–173.
- Ларькин, В. Г. Орохи (историко-этнографический очерк с середины 19 в. до наших дней) / В. Г. Ларькин. – М.: Наука, 1964. – 174 с.
- Левин, М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока / М. Г. Левин. – М.: Наука, 1956. – 358 с.
- Маэда Усио. Археология северных зверобоев (Хоппо сюэрэмин но кокогаку). – Токио: Досэйся, 1987. – 291 с.
- Наката Юка. Развитие древнего общества на Хоккайдо и культурные связи в 10–13 вв. // Культурные связи древнего Эдзо с окружающим миром 1. (Кодай Эдзо но сэй то корю. 1) – Т. 8. – Токио; Мэйтэ сюппан, 1996. – С. 141–168.
- Нииока Такэхико. Заметки о доисторической керамике, бывшей территории Карапуто // Хоккайдо кокогаку. – 1970. – № 6. – С. 1–14.
- Окладников, А. П. К изучению начальных этапов формирования народов Сибири / А. П. Окладников // СЭ. – 1950. – № 2. – С. 36–52.
- Окладников, А. П. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология / А. П. Окладников // История СССР. – 1968. – № 6. – С. 25–42.
- Окладников, А. П. Тунгусо-маньчжурская проблема в свете новейших археологических исследований (к постановке проблемы) / А. П. Окладников // Проблемы истории Дальнего Востока. – Владивосток, 1969. – С. 81–111.
- Окладников, А. П. Петроглифы Нижнего Амура / А. П. Окладников. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.
- Окладников, А. П. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья / А. П. Окладников, А. И. Мазин. – Новосибирск: Наука, 1976. – 188 с.
- Онуки-Тирни Э. Айны северо-западного побережья Южного Сахалина // Краеведческий бюллетень. – 1996. – № 2. – С. 57–105.

- Певнов, А. М. Нивхский и тунгусо-маньчжурские языки; проблемы контактов / А. М. Певнов // Б. О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина: материалы международной научной конференции. 31 октября – 2 ноября 1991 г., Южно-Сахалинск. – Южно-Сахалинск, 1992. – Т. 2. – С. 25–29.
- Певнов, А. М. Тюркизмы в чжурученском языке / А. М. Певнов // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э. В. Шавкунова. – Владивосток: ДВГУ, 2000. – С. 104–106.
- Проблемы охотской культуры (Охочуку бунка но семондай): материалы симпозиума / Под ред. Харуо Оои. – Токио: Гакусэйся, 1982. – 226 с.
- Роон, Т. П. Предварительные итоги этнографического изучения ульта Северного Сахалина в Сахалинском областном краеведческом музее / Т. П. Рон // Б. О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина (Материалы международной научной конференции 31 октября – 2 ноября 1991 г., Южно-Сахалинск). – Южно-Сахалинск, 1992. – Т. 1. – С. 134–141.
- Сато Такао. Собака в токаревской культуре // Добуцу кокогаку. – 1996. – № 7. – С. 37–51.
- Спеваковский, А. Б. Этнокультурные контакты тунгусоязычных народностей на востоке Сибири (эвены и эвенки) / А. Б. Спеваковский // Этнокультурные контакты народов Сибири. – Л.: Наука, 1984. – С. 121–131.
- Спеваковский, А. Б. Древнее погребение на о. Шикотан и проблема этногенеза айнов / А. Б. Спеваковский // СЭ. – 1989. – № 5. – С. 50–63.
- Старцев, А. Ф. Традиционная и современная охотопромысловая деятельность орошей / А. Ф. Старцев // Этнос-информ. – Хабаровск, 1998. – № 3–4. – С. 82–95.
- Таксами, Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов (середина XIX – 70-е годы XX века) / Ч. М. Таксами. – Л.: Наука, 1975. – 235 с.
- Усиро Хироси. Некоторые проблемы хронологии охотской культуры // Ежегодник музея истории освоения Хоккайдо. – 1991. – № 19. – С. 23–52.
- Усиро Хироси. Хронологические сопоставления изменений в охотской культуре // Исследования по культурным и историческим связям с севером. Музей истории освоения Хоккайдо. – Саппоро, 1995. – С. 45–62.
- Усуки Исао. Керамика тэбахской культуры в устье Амура // Буссицу бунка. – 1999. – № 66. – С. 31–34.
- Усуки Исао, Кумаки Тосиаки, Дерюгин В., Спижевой Н. Сообщение об исследованиях в устье Амура (Николаевский район) в 1998 году // Хоккайдо кокогаку. – 1999. – № 35. – С. 33–46.
- Утагава Хироси. Айну бунка сэйрицуси (История становления айнской культуры). – Саппоро: Хоккайдо сюппан кикуку сэнта, 1988. – 376 с.
- Утияма Сатико, Мацумора Хирофуми. К анализу морфологических различий собачьих черепов // Добуцу кокогаку. – № 8. – 1997. – С. 1–20.
- Фудзимото Цуеси. Относительно охотской керамики // Кокогаку дзасси. – 1966. – № 51–4. – С. 28–44.
- Фукуда Масахиро, Дерюгин В., Шевкомул И. Относительно керамики со шнуровым орнаментом на территории российского Дальнего Востока // Кодай бунка. – 2002. – № 54–7. – С. 30–41.
- Хасанова, М. М. Нивхско-тунгусо-маньчжурские фольклорные связи / М. М. Хасанова // Б. О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина: материалы международной научной конференции 31 октября – 2 ноября 1991 г., Южно-Сахалинск. – Т. 2. – Южно-Сахалинск, 1992. – С. 66–70.
- Хлобыстин, Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья / Л. П. Хлобыстин. – СПб.: Институт истории материальной культуры, 1998. – 341 с.
- Хомич, Л. В. Культурные традиции в трудовой деятельности и материальной культуре оленеводов севера Западной Сибири / Л. В. Хомич // Культурные традиции народов Сибири. – Л.: Наука, 1986. – С. 12–41.
- Чикишева, Т. А. Некоторые результаты антропологического исследования могильника Шапка / Т. А. Чикишева, С. П. Нестеров // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. 6: Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 2000 г. – Новосибирск: изд-во ИиЭ СОРАН, 2000. – С. 458–462.
- Шнирельман, В. И. Некоторые проблемы происхождения и распространения животноводства / В. И. Шнирельман // СЭ. – 1974. – № 3. – С. 41–52.
- Штернберг, Л. Я. Гиляки, ороши, гольды, негиальцы, айны / Л. Я. Штернберг. – Хабаровск, 1933. – 740 с.
- Шубин, В. О. Локальный вариант охотской культуры на о. Сахалине: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / В. О. Шубин. – Новосибирск, 1977. – 21 с.
- Шубина, О. А. Этапы заселения древним человеком укрепленного поселения Белокаменная-части на Южном Сахалине / О. А. Шубина // Вестник Сахалинского музея. – 1999. – № 6. – С. 227–252.
- Ямаура Киёси. Доисторическая керамика Карагуто. 1 // Кокогаку дзасси. – 1985. – № 71–1. – С. 44–68.
- Ямаура Киёси. Взгляд на общеохотоморскую культуру // Хоккайдо кокогаку. – 1993. – № 29. – С. 9–20.
- Befu H, Chard Ch. S. A Prehistoric Maritime Culture of the Okhotsk sea // American Antiquity. – 1964. – Vol. 30. – № 1. – P. 3–14.
- Ishida Hajime Skeletal morphology of the Okhotsk people on Sakhalin island // Anthropol. Sci., – 1994. – № 102. – pp 257–269.
- Ishida Hajime, Hanihara Tsunehiko, Kondo Osamu and Ohshima Naoyuki A human skeleton of the early phase of the Okhotsk culture unearthed at the Hamanaka-2 site, Rebun island, Hokkaido // Anthropol. Sci. – 1994. – № 102. – P. 363–378.
- Shirokogoroff S. M. Social organisation of the northern Eungus. – Shanghai, The Commercial Press, Ltd, 1929. – 427 p.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ЧАЙВО-6, ПУНКТ 2, В НОГЛИКСКОМ РАЙОНЕ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Грищенко Вячеслав Александрович – ст. преподаватель кафедры всеобщей истории СахГУ, н. с. Сахалинской лаборатории археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН и СахГУ, аспирант ИАЭТ СО РАН. Область научных интересов: археология каменного века. Научная специализация – ранний неолит острова Сахалин. Автор и соавтор десяти научных публикаций и трех научных отчетов.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Берега залива Чайво давно привлекали внимание археологов. Так, на острове Сонига в конце 1980-х – начале 1990-х годов краевед С. В. Горбунов обнаружил 11 археологических и этнографических объектов, включая несколько стоянок, поселений и могильников. С началом активной хозяйственной деятельности на острове Сахалин, особенно в рамках проектов освоения сахалинского шельфа, активизируются археологические исследования на территории острова, и район залива Чайво, в связи с размещением там площадок и коммуникаций проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2», становится объектом внимания регулярных археологических экспедиций. В 2001 году археологи О. А. Шубина и И. А. Самарин [Шубина О. А., 2002] провели исследования по варианту трассы трубопровода в районе залива Чайво, ими было обнаружено жилище № 1 пункта 1 поселения Чайво-6. Тогда памятник интерпретировался как отдельное жилище и с этим статусом вошел в научные отчеты и проектную документацию. В 2002 году жилище осмотрено экспедицией московских и приморских археологов – С. В. Гусевым, Ю. Г. Никитиным, Н. Н. Клюевым и др. В 2004 году памятник оказался в зоне хозяйственной активности в рамках проекта «Сахалин-1» – на маршруте новой ветки нефтепровода Чайво – Ботасино. С целью изъятия объекта культурного наследия из зоны разрушения экспедицией лаборатории археологии СахГУ под руководством А. А. Васильевского организованы спасательные археологические раскопки в полевой сезон-2004. В ходе работ на объекте выявлено дополнительно две западины жилищ полуподземного типа, что изменило статус объекта культурного наследия, и на данный момент памятник археологии Чайво-6 квалифицирован не как отдельное жилище, а как поселение [Васильевский А. А., 2005]. В 2005 году маршрут магистрального трубопровода по проекту «Сахалин-2» был изменен. Отрядом № 2 археологической экспедиции лаборатории археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН и СахГУ в составе

Рис. 1. Остров Сахалин. Район археологических раскопок поселения Чайво-6, пункт 2

В. Д. Федорчука, В. А. Дерюгина, С. В. Шубина в июне–июле 2005 года проведена археологическая разведка маршрута трубопровода, в результате которой, непосредственно в полосе земельного отвода, был выявлен пункт 2 поселения Чайво-6, состоящий из жилища № 1 [Кашицын, 2006]. Так как жилище находилось в зоне прямого разрушения трассой трубопровода, компанией-заказчиком («Сахалин Энерджи Инвестмент Компаний, Лтд.») и подрядчиком по культурным ресурсам (Лабораторией археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН

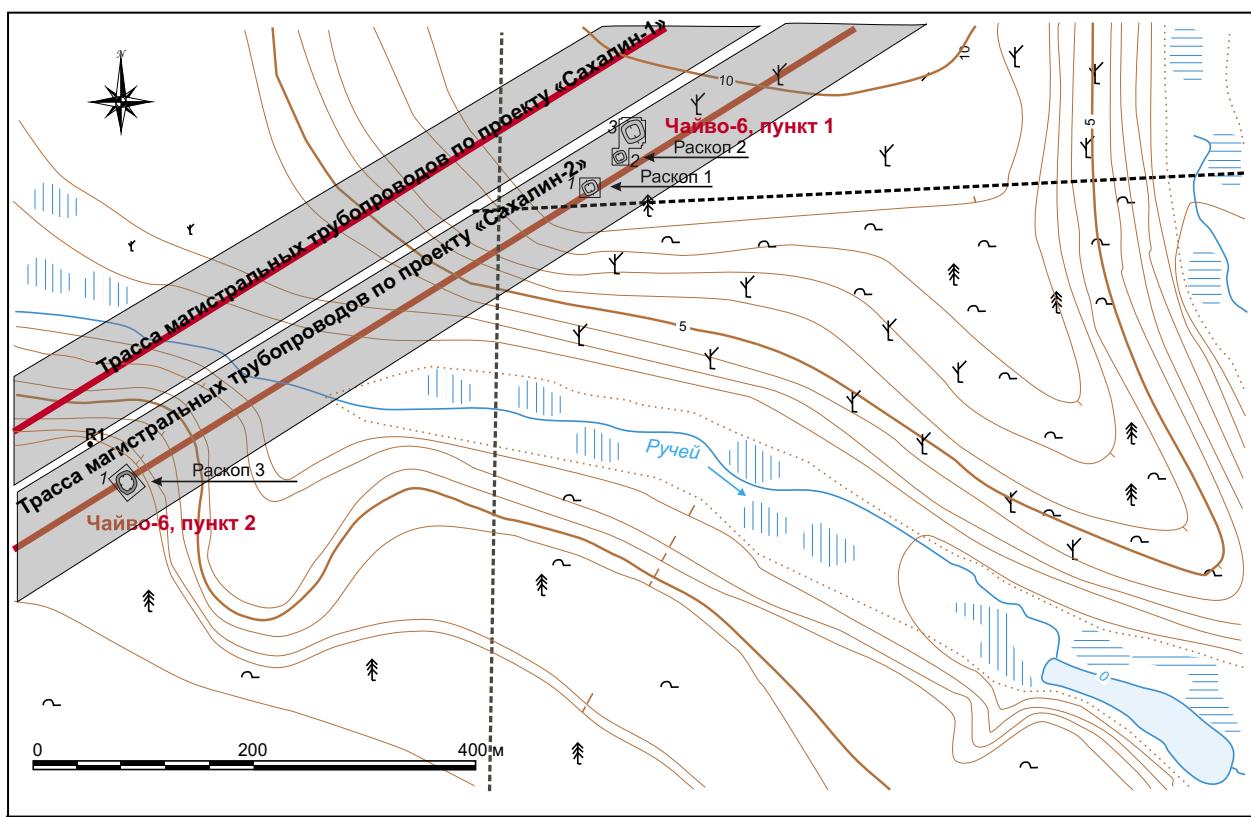

Рис. 2. План поселения Чайво-6, пункты 1–2 с нанесенными раскопками № 1–3

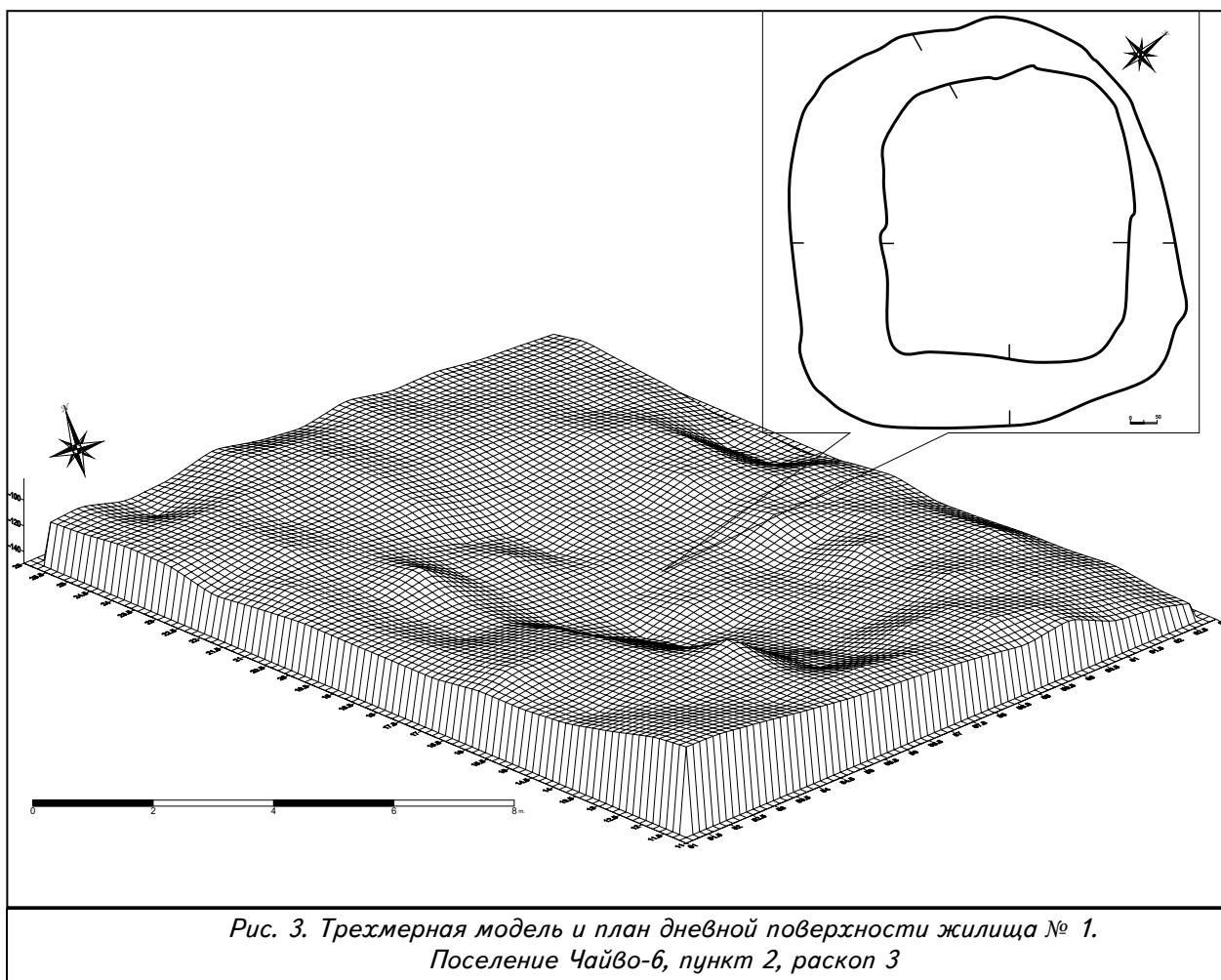

Рис. 3. Трехмерная модель и план дневной поверхности жилища № 1.
Поселение Чайво-6, пункт 2, раскоп 3

и СахГУ) принято решение о спасательных археологических раскопках, для чего сформирован археологический отряд, в который вошли сотрудники лаборатории и студенты СахГУ; в Институте археологии РАН (г. Москва) запрошен Открытый лист на раскопки данного объекта на имя автора настоящей статьи, общее руководство экспедицией непосредственно на месте проведения раскопок осуществлял докт. истор. наук А. А. Василевский.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ТОПОГРАФИЯ

Поселение Чайво-6 расположено в Ногликском районе Сахалинской области, на западном берегу залива Чайво (рис. 1). Пункт 2 расположен на мысовидном выступе, являющем бортом оврага безымянного ручья, впадающего в залив Чайво, на противоположном выступе располагались три жилища пункта 1, исследованные в 2004 году раскопами № 1 и 2 (рис. 2). Поверхность террасы покрыта растительностью: лиственничным лесом, кедровым стлаником, ягельником. Высота террасы пункта 1 – 9 м, пункта 2 – 8 м над уровнем безымянного ручья (рис. 2). Несмотря на некоторую удаленность поселения от современного берега залива, отмечаем безусловную топографическую приуроченность древних жилищ поселения к Чайвинской лагуне, меняющей границы берегов в течение времени в ходе колебаний уровня воды, связанных с глобальными климатическими флюктуациями.

СТРАТИГРАФИЯ

Раскоп 3 на поселении Чайво-6 заложен на площади 168 м². Раскопом «накрыта» жилищная западина № 1 и межжилищное пространство (рис. 3). В ходе работ выявлен следующий порядок отложений (сверху вниз) (рис. 4–5):

Слой 1 – лесная гумусированная подзолисто-глеевая почва. На территории раскопа слой развит слабо, цвет темный, ближе к темно-пепельному, по составу супесь, подстилается подзолистым горизонтом выщелачивания светло-серого цвета.

Слой 2 – заполнение жилищной западины (обваловки стен котлованов, характерных для жилищ раннего железного века Северного Сахалина, не отмечается) – рыхлая супесь коричневого цвета и более плотная супесь коричнево-бурого (результат ожелезнения) цвета с включениями отдельных углей и углистых линз, слой местами нарушен корнями растений. Заполнение сформировалось вследствие оползания части стеновых конструкций внутрь котлована, а также жизнедеятельности людей. Вне жилища слой 2 – это остатки выброшенного грунта из котлована, что подтверждает высказанные предположения о его композитном характере. Артефакты в слое 2 немногочисленны, сосредоточены в северо-западной части жилища, ближе к углу, и не выходят из контекста комплекса находок на полу жилища. Отсюда вывод о проникновении артефактов в слой 2 из нижележащего слоя.

Слой 3 – нижняя часть слоя плотной коричнево-буровой с включениями отдельных углей и углистых линз супеси, а также пол жилищных западин – зеленовато-серый песок темных тонов (близок к цвету мокрого асфальта). Точно такой же слой обнаружен в западинах жилищ в раскопах на поселениях Кашкалебагш-2 (2003 г.),

Чайво-1 (Нгаян) и Чайво-6, пункт 1 (2004 г.). Слой морского (лагунного) генезиса, но преобразовался в результате деятельности человека: песок окрашен углем из очага и органикой. Он наблюдается в виде тонкого (до 3 см) слоя на полах жилищ. Помимо вышеописанного, слой представлен углистым заполнением вдоль стен котлована (рис. 6–7), по нашим представлениям, эта часть слоя образовалась в результате накопления бытowego мусора и нанесенного на пол жилища песка под лежаками-нарами, расположеннымными вдоль стен. В межжилищном пространстве слой 3 представлен мешанным песком коричневого и желтого цвета с угольными линзами, однако он практически не выражен, отсюда вывод об антропогенном характере образования слоя.

Слой 4 – песок желто-белесого (на отдельных участках до белого) цвета, местами ожелезненный, с серыми подзолистыми пятнами. Этот стерильный слой является основанием в данном раскопе.

ВЫВОД ПО СТРАТИГРАФИИ РАСКОПА 3

1. Из разрезов видно, что в котловане жилища шло длительное накопление осадков, что обусловило невыразительный профиль дневной поверхности западины.

2. Отложения в жилище делятся на две пачки:

- отложения верхнего уровня (дерн, подзол, ожелезненная супесь, рыхлая супесь коричневого цвета с включениями углей) – сформировались после гибели жилища в результате оплыва стен внутрь котлована (рыхлая супесь коричневого цвета с включениями углей) и естественного осадконакопления (дерн, подзол, ожелезненная супесь). Косвенным подтверждением формирования пачки после гибели жилища служит сравнительно (с нижележащими слоями) небольшое количество артефактов в вышеописанных слоях.

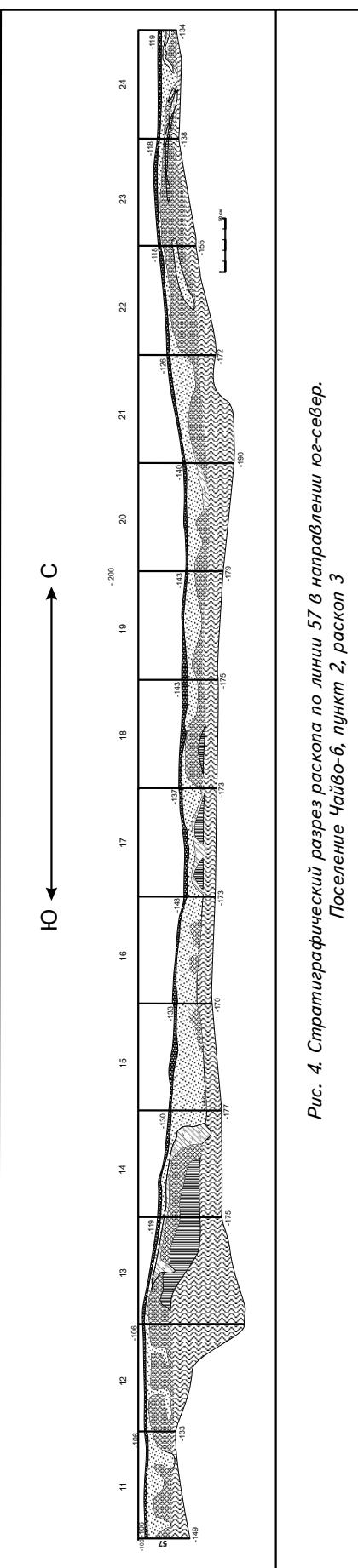
- отложения нижнего уровня (супесь желто-зеленого цвета, углистые линзы и углистое заполнение вдоль стен, плотная супесь коричнево-бурого цвета с включениями углей) – формировались во время строительства и функционирования жилища. В пачке обнаружено преобладающее большинство находок и зафиксированы основные скопления.

3. В профилях бровок отчетливо видно корытообразную форму жилища (рис. 4, 5).

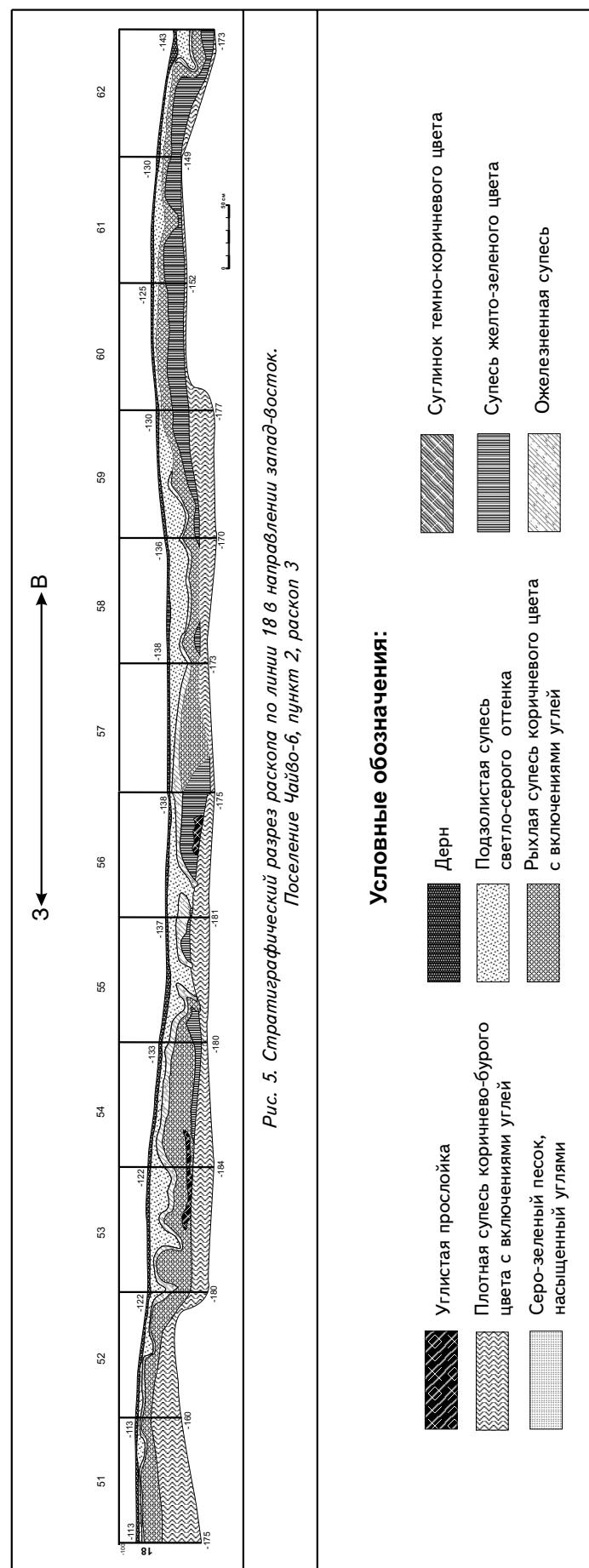
4. Значительная глубина отложений в котловане (до 90 см) при небольшой глубине западины на современной поверхности свидетельствует о древности жилища относительно изученных нами ранее жилищ эпохи раннего железа в районе залива Чайво.

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ

В коллекции, полученной в ходе раскопок жилища 1 пункта 2 поселения Чайво-6 отмечаем преобладающее количество артефактов из камня, представленных орудиями и отходами обработки камня. В орудийном наборе отмечаем преобладание ножей и ножевидных изделий (орудия с обушком, оформленным диагональным или продольным сколами, часто в качестве обушка использовались участки сохранившейся галечной корки), выполненных на отщепах и бифасах (ножи с черешком) (рис. 8). Также представлены скребки концевого типа на отщепах и пластинчатых отщепах, с черешком, оформленным

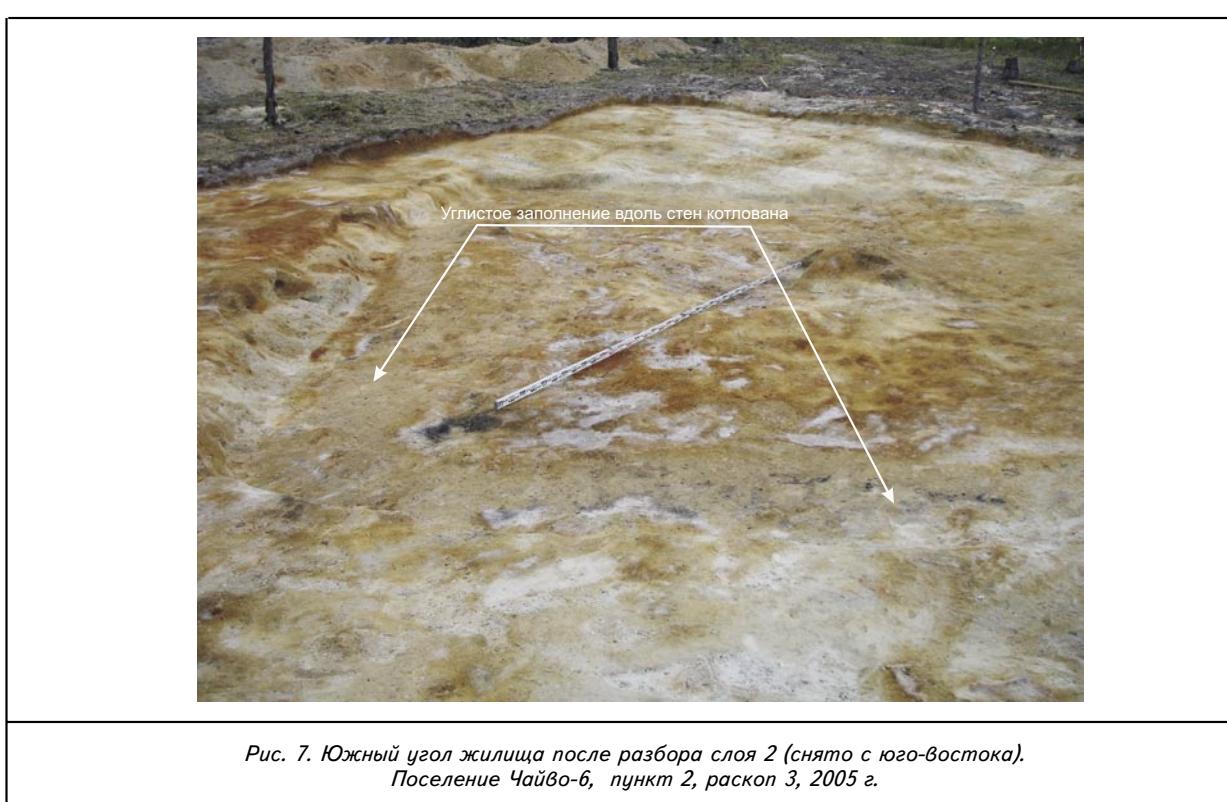
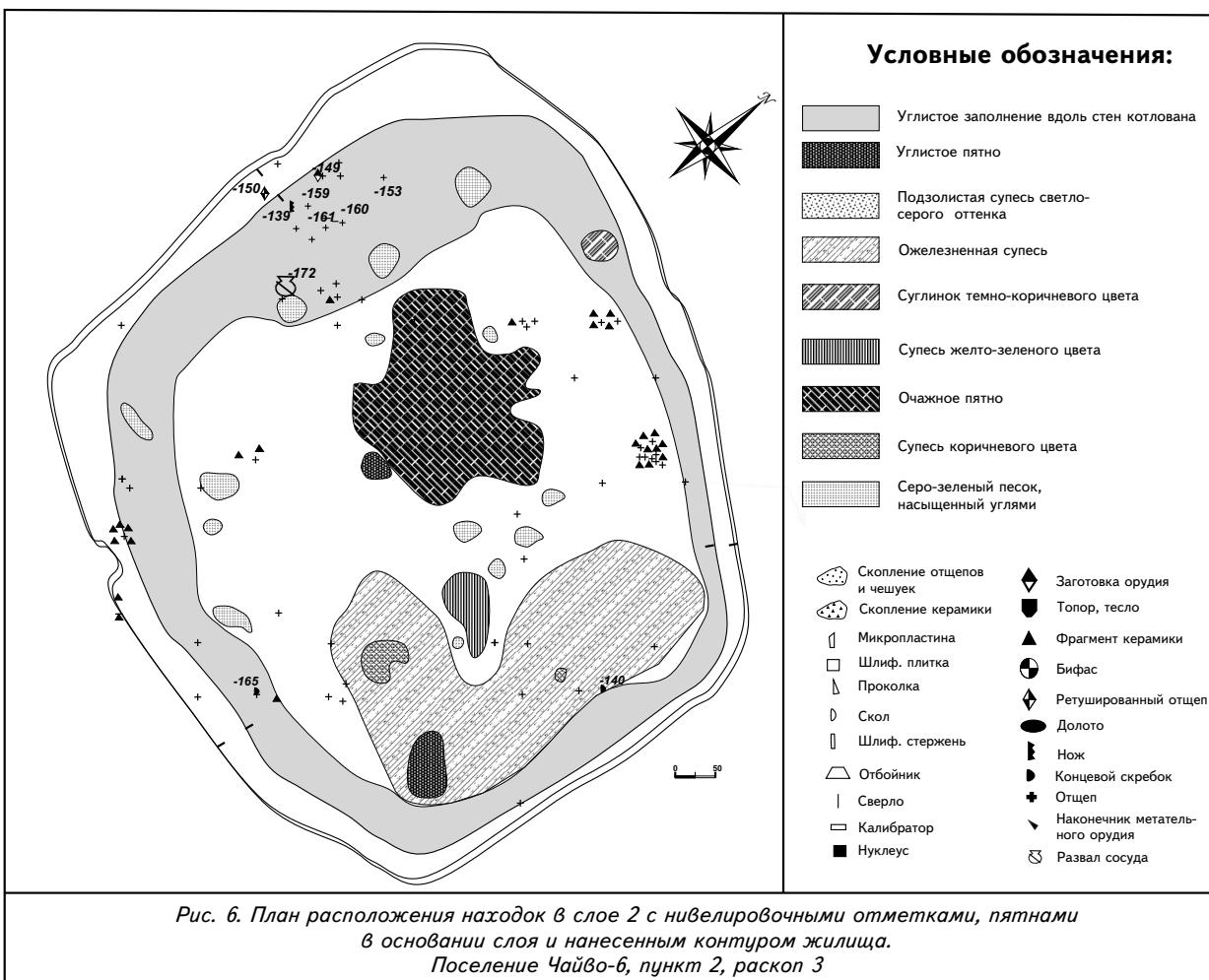
*Рис. 4. Стратиграфический разрез раскопа по линии 57 в направлении юг-север.
Поселение Чайво-б, пункт 2, раскоп 3*

*Рис. 5. Стратиграфический разрез раскопа по линии 18 в направлении запад-восток.
Поселение Чайво-б, пункт 2, раскоп 3*

Условные обозначения:

Углистая прослойка
Плотная супесь коричнево-бурового цвета с включениями углей
Серо-зеленый песок, насыщенный углеми | Дерн
Подзолистая супесь светло-серого оттенка | Суглинок темно-коричневого цвета
Рыхлая супесь коричневого цвета с включениями углей | Супесь желто-зеленого цвета
Ожелезненная супесь |
|--|--|---|--|

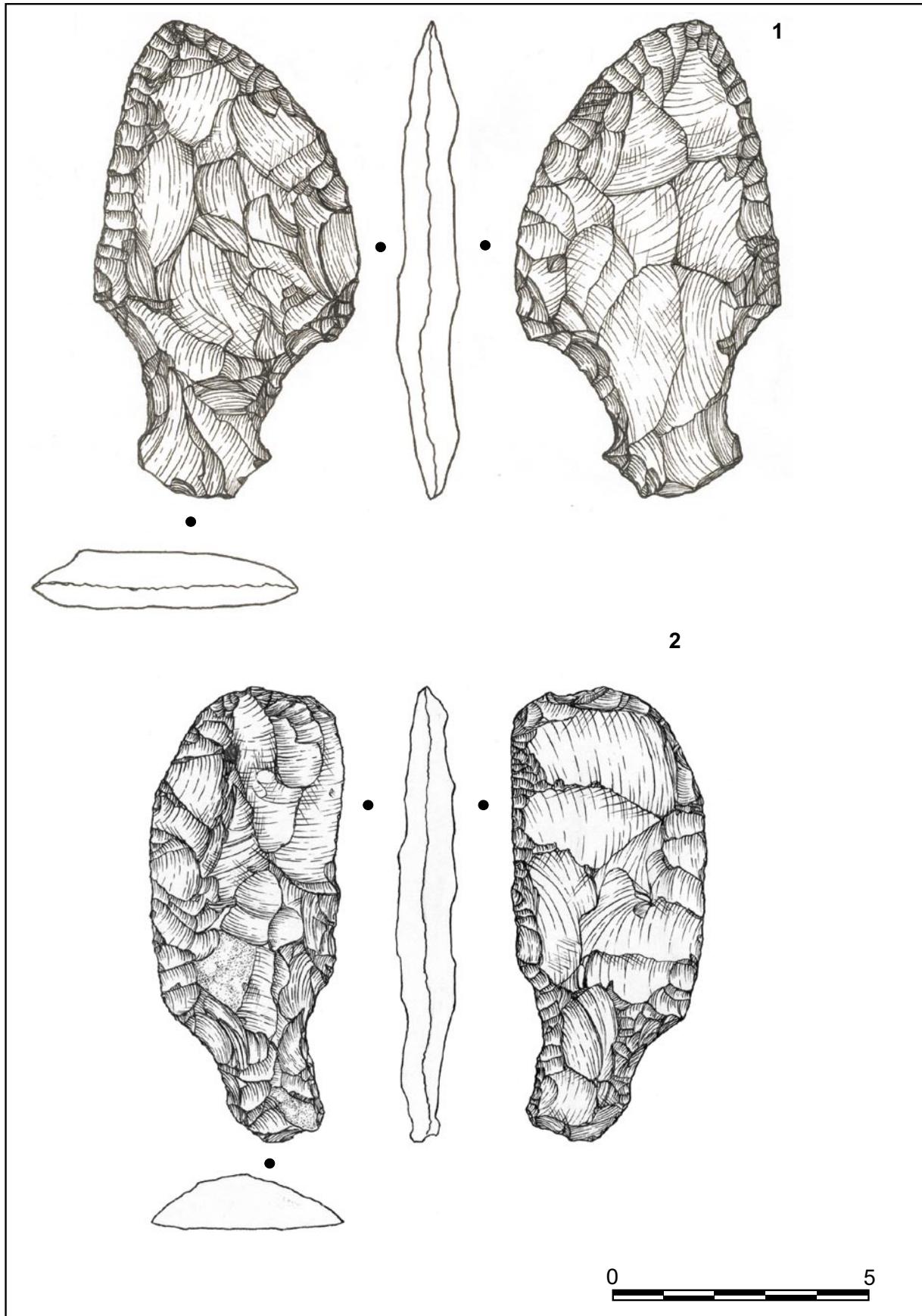

Рис. 8. Каменный инвентарь из раскопа 3, поселение Чайво-6, пункт 2:
 1 — Черешковый нож с выпуклым лезвием, слой 2, кв. 20/55.
 2 — Черешковый нож с выпуклым лезвием, слой 3, кв. 21/56

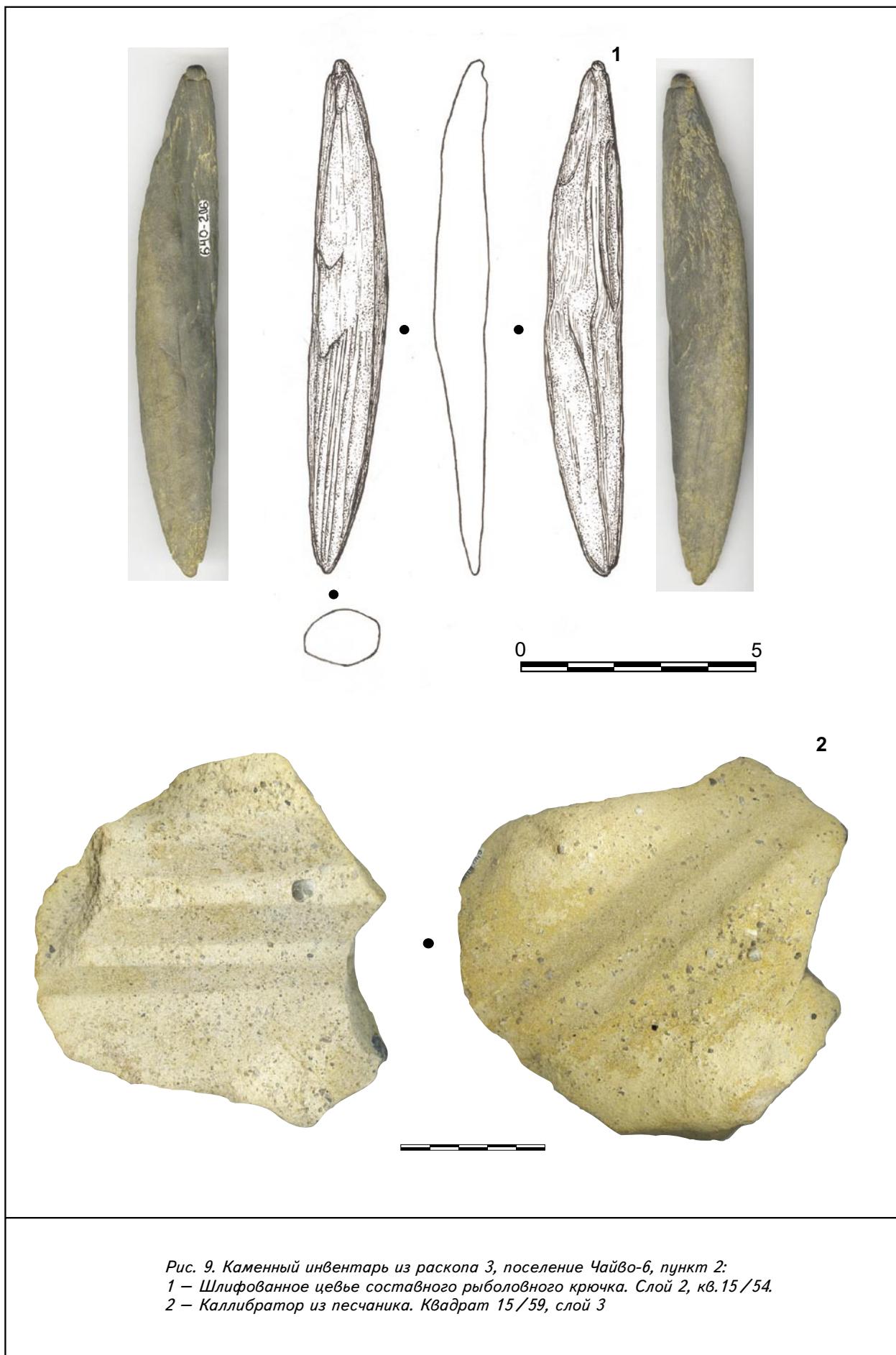

Рис. 9. Каменный инвентарь из раскопа 3, поселение Чайво-6, пункт 2:
1 – Шлифованное цевье составного рыболовного крючка. Слой 2, кв. 15/54.
2 – Калибратор из песчаника. Квадрат 15/59, слой 3

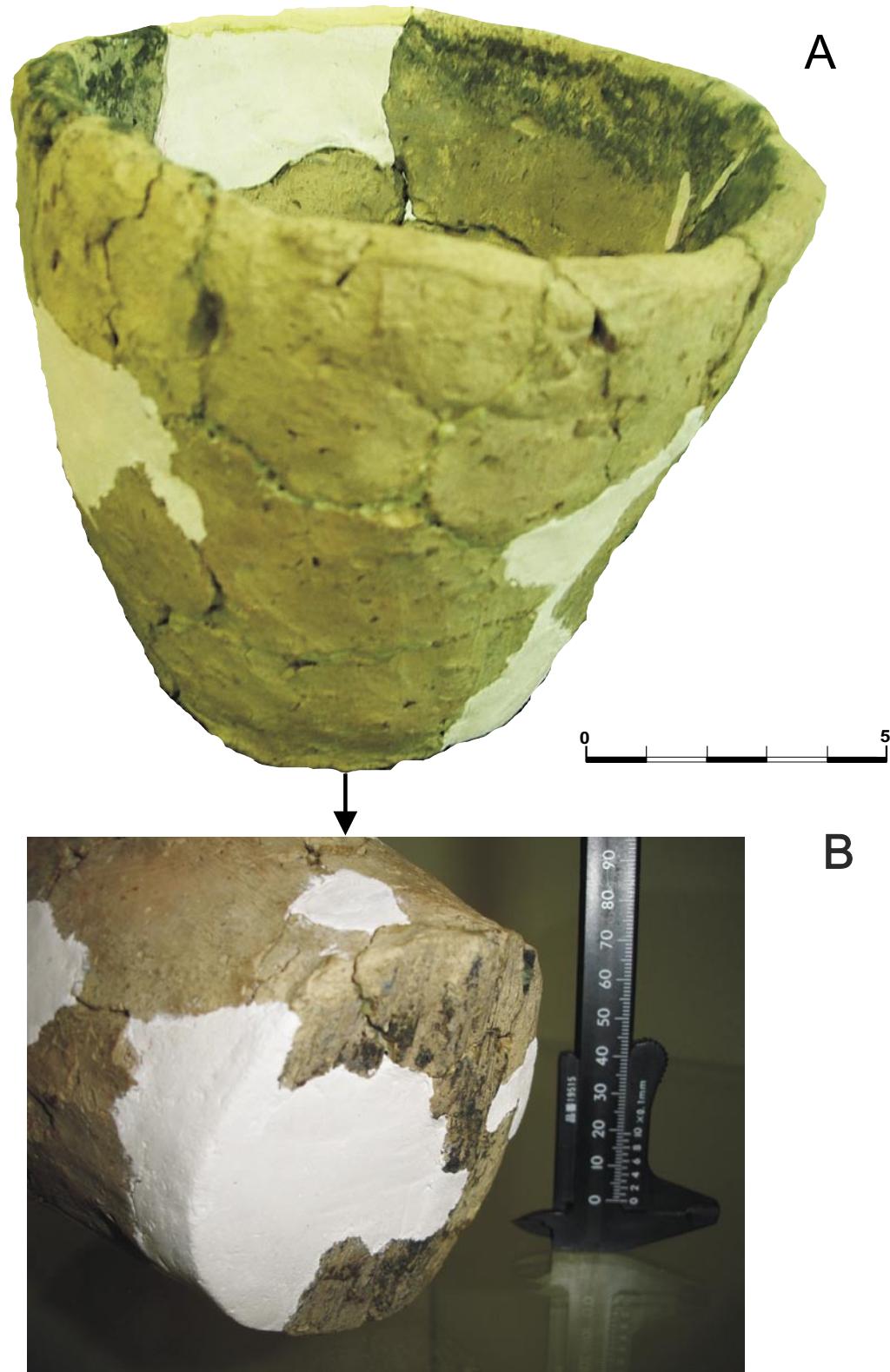

Рис. 10. Керамический сосуд из раскопа 3 (тип Чайво-6),
поселение Чайво-6, пункт 2:
A – общий вид, В – донышко

Рис. 11. Керамические сосуды из раскопа 3 (тип Чайво-6),
поселение Чайво-6, пункт 2

аккомодационной ретушью. В гораздо меньшем количестве представлены наконечники метательных орудий и орудия деревообработки: односторонне-выпуклое тесло, долото, фрагмент линзовидного в сечении расщепляющего тесла. Кроме того, выделяется особый тип инвентаря: калибраторы из песчаниковых галек, песты-отбойники и точильные (шлифовальные, терочные) камни (рис. 9-2). Примечательна находка частично шлифованного цевья составного рыболовного крючка, с проточками на концах (рис. 9-1). Подобный орудийный набор находит аналогии с деталями комплекса Южносахалинской неолитической культуры Южного Сахалина. Планиграфически материал концентрируется непосредственно в жилищной западине, преимущественно в углистом заполнении пристеночного пространства, и является по происхождению инситным, то есть соответствует времени функционирования жилища.

КЕРАМИКА

По материалам раскопа 3 на поселении реконструировано два сосуда, отличающихся друг от друга размерами (рис. 11). Оба сосуда плоскодонные, грубой лепной формы, профиль стенки – ровный, расширяющийся к устью, резервуары округлые в плане. Керамика толстостенная, с многочисленными лакунами от выгоревшей в teste органической примеси, цвет черепка – желто-коричневый, светлого оттенка. Какой-либо орнаментации на данных изделиях не отмечено. Примечательной особенностью является способ формовки дна на щепке (рис. 10) – отсюда неровная поверхность донышка с фиксируемыми глубокими бороздками.

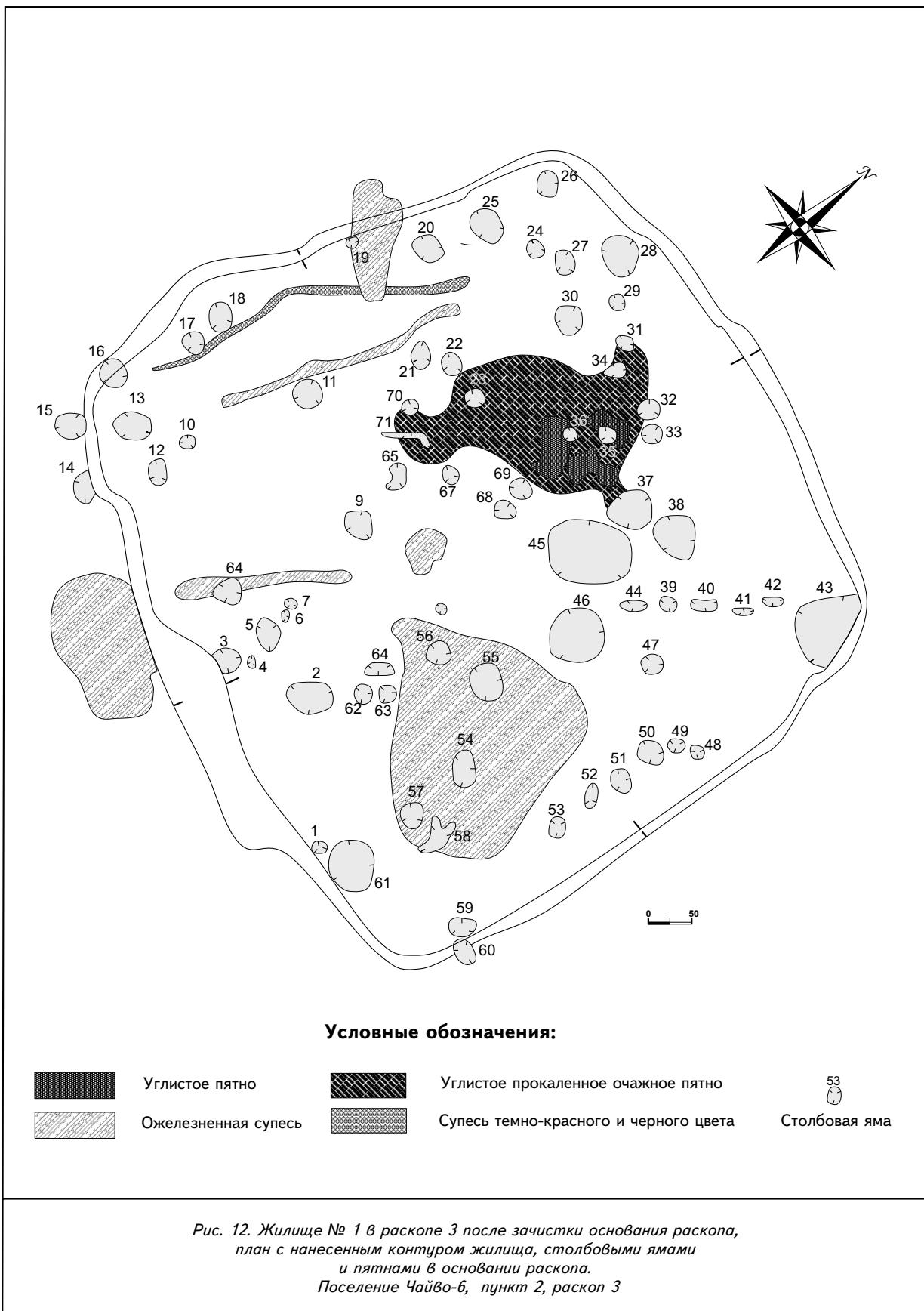
Выявленный керамический тип не описан в археологической литературе ранее, в связи с этим считаем своевременным поставить вопрос о выделении нового типа неолитической керамики Северного Сахалина; по месту первого стратифицированного обнаружения предлагаем назвать данный тип – Чайво-6. Данная керамика имеет аналогии с нестратифицированными находками с памятников Северного Сахалина: сосудом со стоянки Ныйво-2 Ногликского района (колл. № 230 – фонды Музея археологии СахГУ), коллекции подъемных сборов со стоянки Малый ручей-1 Охинского района (колл. № 245 – фонды Музея археологии СахГУ). Примечательно, что фрагменты керамики с Малого ручья обнаружены в адекватном контексте каменных артефактов – с отщепами сургучного кремня, шлифованным теслом, фрагментом двусторонне-обработанного наконечника [Грищенко, 2003], соответственно предварительные выводы автора о принадлежности керамики со стоянки Малый ручей к Северо-Сахалинской неолитической культуре [Грищенко, 2003] следует пересмотреть в пользу Чайвинского керамического комплекса.

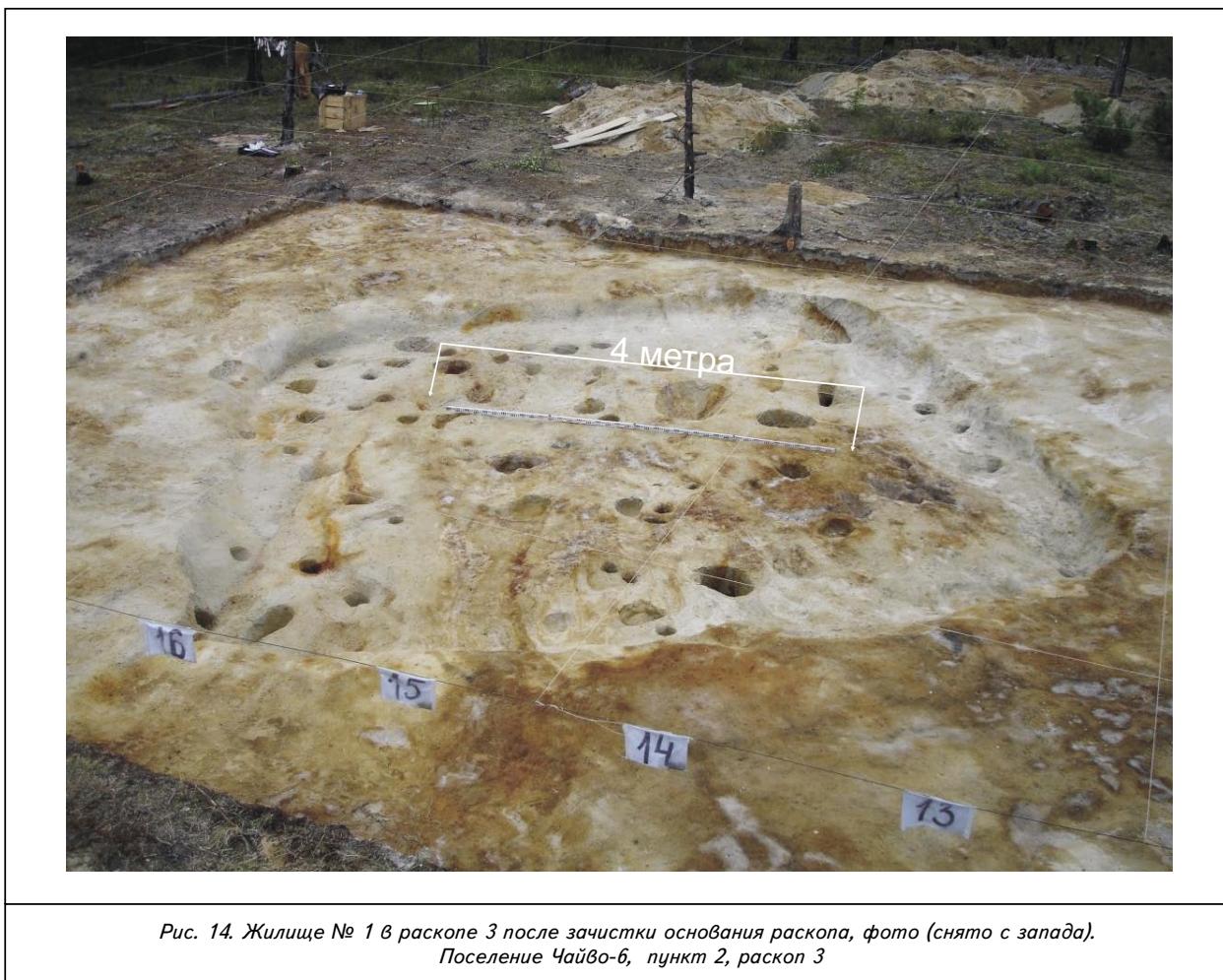
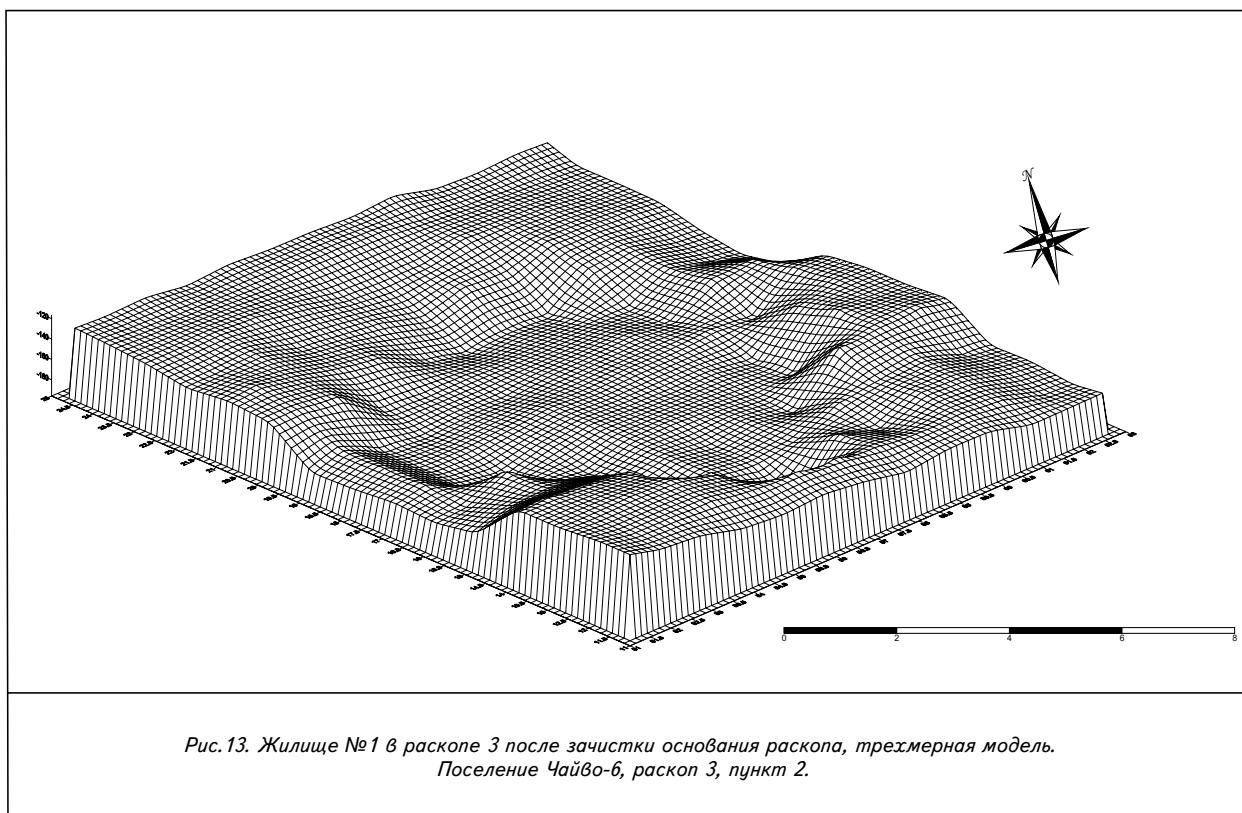
КОНСТРУКЦИЯ ЖИЛИЩА

После расчистки заполнения и зачистки пола и плечиков выявилось следующее:

1. Пол жилища ровный, без перепадов, плотный по структуре, сложен быстроотсыхающим плотным желтовато-белым песком. Кроме того, на полу выявлено очажное пятно и пятна уплотненного бурого ожелезненного песка (рис. 12).

2. Жилище имеет форму правильного четы-

рехугольника размером 6х6 м, ориентированного углами по следующим сторонам света: северо-запад – юго-восток и юго-запад – северо-восток (рис. 12–14).

3. Типологически это жилище относится к полуземлянкам, так как оно углублено в землю на половину – не глубже 50–70 см. Обваловка не выражена – большая часть оползла внутрь котлована и разобрана в слое 2.

4. Очаг (рис. 12) имеет форму расплывшегося овала, с длиной по длинной оси около 300 см и по короткой – 200 см. Он смещен от центра западины к северной стене. В центре очага наблюдаем черный углистый песок и пятна прокала. В разрезе по оси запад-восток – прокаленный плотный песок оранжевого цвета подстилается супесью желто-зеленого оттенка, а в центре – углистая линза. Мощность углистого слоя и прокала в очаге незначительна, что в целом соответствует характеру сохранения очажных комплексов в жилищах Северного Сахалина.

5. На полу, на плечиках и в плечиках жилища выявлены ямы горизонтальной и наклонной ориентации (рис. 12, 14). Ямы, выявленные в основании жилища № 1, позволяют реконструировать каркасную конструкцию из столбов и стропил, которая поддерживала кровлю.

Ямы в жилище подразделяются на три категории. Первая категория – пристенные ямы опор лежаков-нар. Они небольшого диаметра и не очень глубокие (№ 48–53, 39–42, 44, 47, 17–20, 24–26, 2–7, 64). Эти ямы указывают на наличие пристенных конструкций, возможно лежаков-нар.

Прочие ямы внутри котлована – это ямы двух следующих категорий: от столбов основных и вспомогательных опор каркаса, от подпорок стропил, а также категории четыре – собственно стропил.

Отметим, что в жилище выделяется ряд опорных ям. Ямы № 2 и 45–46, 37–38, а также 30 и 11 расположены на расстоянии 2–3 м друг от друга. Это главные опоры конструкции. Ямы № 45–46, 37–38 расположены рядом и, возможно, служили для одной опоры, сменявшейся в ходе эксплуатации.

Ямы от стропил № 14–16, 61, 28, 43 расположены в углах жилища и подкреплялись подпорными столбиками.

Ямы № 21–23, 29, 31–38, 65, 67–71 расположены рядом с очагом и являлись, вероятно, частью очажных конструкций.

8. Предполагаем, что кровля состояла из четырех скатов, которые соответствовали четырем сторонам дома. Углы строений в древности ориентировали согласно розе ветров. Нам представляется, что данное жилище не исключение из этого правила.

9. Выход из жилища не прослеживается ни в планиграфии, ни в стратиграфии котлована, вероятно, вход и выход осуществлялись способом, не оставляющим следы в конструкции жилища, например через дымовое отверстие.

ДАТИРОВКА И ВЫВОДЫ

В результате проведенных раскопок жилища мы имеем следующие результаты: размеры, форма и конструктивные особенности жилища, а также его топография являются типичными для неолитических культур Сахалина и региона в целом; каменный инвентарь находит прямые аналогии с каменным инвентарем среднего неолита остро-

ва; от ранненеолитических комплексов Дальнего Востока коллекцию отличает отсутствие техники пластин и микропластинчатого расщепления. Ярко выраженная бифасиальная техника и техника отщепов говорит о широком внедрении неолитических инноваций [Подробнее об этом: Василевский, 2000] в хозяйство исследуемого социума. О главной инновации периода – активной переориентации на биоресурсы моря свидетельствует географическое положение памятника и ряд находок – черешковых «рыбных» ножей и каменного цевья составного рыболовного крючка.

Грубые лепные плоскодонные сосуды без орнамента являются довольно архаичной формой керамического производства, однако их активное производство и использование также является ключевой инновацией неолита.

По углю из жилища № 1 (поселение Чайво-6, пункт 2) ст. н. с. Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя ИГН СОРАН Л. А. Орловой получены следующие радиоуглеродные даты – из очага жилища: **6945 ± 90 лет** (СОАН-6095), из пристеночного заполнения: **6895 ± 100 лет** (СОАН-6094).

Таким образом, в результате спасательных раскопок жилища № 1 пункта 2 поселения Чайво-6 в Ногликском районе получен оригинальный комплекс ранней поры среднего неолита Северного Сахалина с радиоуглеродным возрастом семь тысяч лет. Памятник является однослойным комплексом без поздних и ранних включений, что делает его коллекцию эталонной для данного времени в рамках северной части острова Сахалин.

ЛИТЕРАТУРА

Шубина, О. А. Научный отчет о полевых археологических исследованиях на территории Ногликского района Сахалинской области по Открытыму листу № 161, форма 2. Фонды СЛАиЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ / О. А. Шубина. – Южно-Сахалинск, 2002.

Василевский, А. А. Отчет: Археологические исследования на острове Сахалин в 2004 году. – Т. 5: Отчет о спасательных археологических раскопках, проведенных отрядом № 1 Сахалинского госуниверситета на объекте культурного наследия – древнем поселении Чайво-6 в Ногликском районе в зоне строительства трубопроводов по проекту «Сахалин-1» в 2004 году / А. А. Василевский. – Южно-Сахалинск, 2005. – Архив СЛАиЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ.

Кашицын, П. В. Отчет об археологических разведках отряда № 1 в Тымовском, Ногликском и Александровск-Сахалинском районах Сахалинской области в 2005 году / П. В. Кашицын. – Южно-Сахалинск, 2006. – Архив СЛАиЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ.

Грищенко, В. А. Памятники пластинчатых и до-пластинчатых индустрий Северного Сахалина / В. А. Грищенко // Народы и культуры Дальнего Востока: взгляд из XXI века. Доклады международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Л. Я. Штернберга. – Южно-Сахалинск, 2003. – С. 91.

Василевский, А. А. К понятию неолит и его периодизации на Сахалине / А. А. Василевский // Вперед... в прошлое. К 70-летию Ж. В. Андреевой. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – С. 150–160.

ОБЗОР ДОЧЕТВЕРТИЧНЫХ ПОЗВОНОЧНЫХ ОСТРОВА САХАЛИН

Алифанов Владимир Рудольфович – ст. научный сотрудник лаборатории завропсид Палеонтологического института, кандидат биологических наук с 1995 года. Тема диссертации: «Ископаемые *Tetrapoda* Азии и ранние этапы эволюции ящериц». Научные интересы: морфология, систематика, филогения и палеогеография мезозойских и современных рептилий. Около сотни научных и научно-популярных публикаций. Автор монографии «Макроцефалозавры и ранние этапы эволюции ящериц Центральной Азии» (М.: Геос., 2000. – 126 с.). Участник и руководитель экспедиций по поиску древних наземных позвоночных в Сибири, Амурской области и Монголии.

Кириллова Ирина Владимировна – Ведущий редактор ОМТ Палеонтологического института РАН. Научные интересы: палеотериология и археозоология. Около 20 научных публикаций. Участник и руководитель многочисленных геологических экспедиций.

В 2005 и 2006 годах Сахалинская лаборатория археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН и СахГУ под руководством проф. А. А. Васильевского проводила археологический мониторинг по трассе трубопровода «Сахалин-2». В рамках этого мероприятия были осмотрены ключевые участки трассы для выявления ценных палеонтологических находок, которым грозит уничтожение в процессе строительных работ. Среди обнаруженных материалов оказались только часто встречающиеся раковины моллюсков и растительные макроостатки. Позвоночные животные в сборах отсутствуют из-за незначительной площади вскрытия и преимущественно морского генезиса пород, через которые проложен трубопровод. Можно отметить и редкость подобного рода находок, особенно их наземных и вторичноводных форм (тетрапод), на Сахалине в целом.

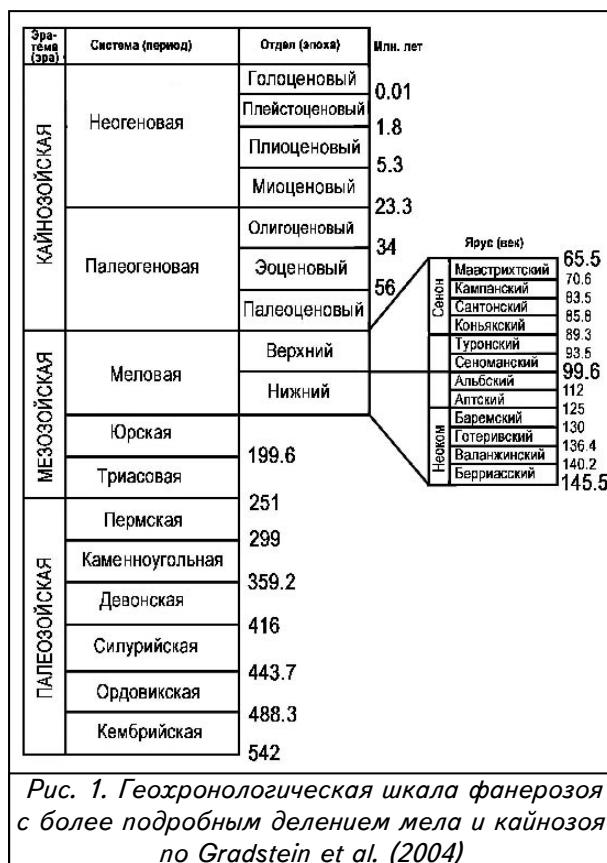
Несмотря на это, некоторые ископаемые позвоночные, обнаруженные на Сахалине, сыграли важную роль в развитии палеонтологии Японии. В России же, судя по небольшому количеству публикаций, они известны меньше. Именно последнее обстоятельство побудило авторов представить обзор основных находок ископаемых тетрапод Сахалина, с привлечением сведений из прилегающих к острову территорий, в том числе Камчатки, континентальной части Дальнего Востока России и Японии.

В обзоре приведены характеристика животных, данные по истории изучения находок и проблемам систематики, а также сведения по геологии и палеогеографии, почерпнутые главным образом из фундаментальных работ (Геология СССР, 1970; Александров, 1973; Верещагин, 1977 и др.). Данные обзора позволяют не только выявить спектр возможных находок на Сахалине, но и составить общее впечатление об особенностях состава и развития фауны позвоночных береговых районов восточной части Северной Пацифики в мезозое и кайнозое. Фактически речь пойдет о происхождении того биологического ресурса, которым впо-

следствии воспользовался человек, появившийся в приморских районах Азии в четвертичное время.

Геологическая летопись (рис. 1) Сахалина достоверно известна только с раннего палеозоя. Тогда на месте современного острова накапливались осадочные отложения большой мощности. Литологический состав, остатки радиолярий и фораминифер, а также таких макроорганизмов, как морские лилии и ежи, которые встречаются в линзах известняков, указывают на формирование этих пород в условиях открытых морских бассейнов.

Породы первой половины мезозоя на Сахалине

не выявлены, хотя они есть южнее, на Японских островах.

Пограничный юрско-меловой возраст имеют на-
бильская серия, достигающая большой мощности
в осевой части Восточно-Сахалинских гор, нови-
ковская свита Тонино-Анивского хребта и другие
геологические тела, сформировавшиеся на месте
окраинных морей и включенные в ходе орогени-
ческих процессов в складчатый пояс азиатского
континента. Кроме радиолярий и фораминифер,
в отложениях этого возраста отмечены кораллы и
строматопориды, а также иноцерамы.

В течение мелового периода на востоке Се-
верной Пацифики произошло заложение системы
островных дуг, раскрытие Протояпонского моря и
развитие крупного вулканического пояса. К началу
позднемелового времени на побережье Японского
моря формировались прогибы, а начиная с конца
раннего мела в континентальных отложениях су-
щественно возросло содержание туфогенного ма-
териала. Со складчательными движениями было связа-
но поднятие значительной части Сахалина, размыт
более древних образований и новое погружение,
приведшее к накоплению многокилометровой тол-
щи терригенных осадков.

В позднем мелу в пределах Западно-
Сахалинской структурно-фаунистической зоны мор-
ской бассейн начал мелеть. С этим событием со-

впало формирование распространенных на остро-
ве сенонских свит, в частности быковской (верх-
ний сеноман-нижний кампан) на юге и тымовской,
верблюжегорской и жонкьерской (турон-сантон)
на севере. Отложения этих свит содержат множе-
ство ископаемых остатков. В основном они при-
надлежат наземным растениям, представленным
листьями и древесиной, а также моллюскам, пре-
имущественно аммонитам и иноцерамам.

На рубеже сантона-кампана в Западно-Са-
халинской зоне осадконакопления началось на-
ступление моря в северном направлении с одно-
временным углублением бассейна. Затем условия
седиментации снова сменились на мелководные.
С ними связано накопление отложений краснояр-
ковской свиты (верхний кампан-маастрихт), в ко-
торых захоронивались многочисленные аммониты,
двуворчатые моллюски и крупные брюхоногие
моллюски '*Patella gigantea*'.

О палеогеографической обстановке на прото-
сахалинской суше в позднемеловое время можно
судить по макроостаткам растений, приуроченным
преимущественно к вулканогенным и угленосным
отложениям. В. А. Красилов (1979) выделяет пять
последовательных ископаемых растительных ком-
плексов (айнусский, гиляцкий, жонкьерский, авгу-
стовский и бошняковский), которые в целом соот-
ветствуют этапам мелового флогогенеза на тер-
ритории всей Палеопацифики. Судя по
этим данным, в течение позднего мела
возросла роль хвойных из голосеменных,
а также лавролистных и платанолистных
из числа цветковых растений. Хвойно-
лавролистные и хвойно-платанолистные
леса не имеют аналогов в современной
растительности.

В коньякское время началась экспанция смешанных лесов. Тогда среди
цветковых преобладали растения с пла-
таноидными листьями. Данное событие
было сопряжено с похолоданием, кото-
рое, как считается, имело ограниченный
характер. Последующее потепление, пик
которого пришелся на кампанийский век,
привело к повышенному содержанию
лавролистных растений. К маастрихту
опять возросла роль платанолистных
цветковых на фоне нового похолода-
ния, которое, скорее всего, и явилось
реальной причиной великого мелового
вымирания.

Из верхнемеловых отложений проис-
ходит наиболее древнее и самое извест-
ное ископаемое позвоночное Сахали-
на – ниппонозавр (*Nipponosaurus sachalensis* Nagaо, 1936). Неполный скелет
этого ящера (рис. 2, а) был обнаружен
в ноябре 1934 года при строительстве
госпиталя на территории Кавакамских
угольных копей, которые разрабатывала
компания «Мицуи». Ныне место находки
расположено в пределах с. Синегорск.
Научное описание материалов выполнил
Такуми Нагао, профессор Хоккайдского
императорского университета (Nagaо,

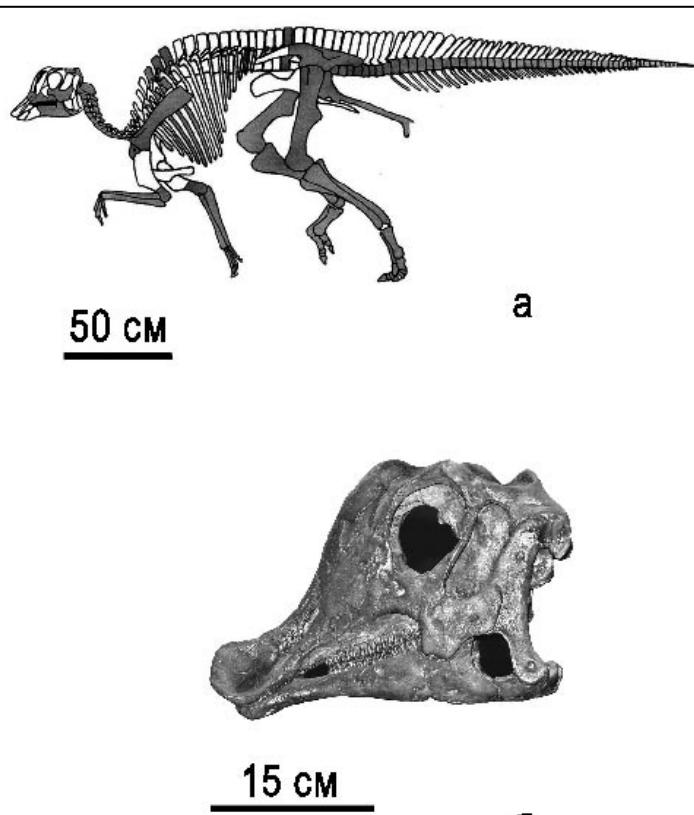

Рис. 2. Позднемеловые гадрозавры:
а) скелет ниппонозавра (*Nipponosaurus sachalinensis*),
имеющиеся в наличии кости залиты [по Д. Судзуки и др.
(Suzuki et al., 2004)]; б) реконструкция черепа
проженеозавра из Казахстана
(экспозиция Палеонтологического музея РАН)

1936). Летом 1937 года он во главе специальной экспедиции прибыл для дополнительных сборов на местонахождение, где обнаружил элементы передних конечностей, правую голень, правый и левый голеностопы той же особи (Nagao, 1938).

Первоначально возраст пород, в которых залегали остатки ниппонозавра, был датирован сеноном (интервал от начала коньякского до конца маастрихтского яруса); позднее произошло уточнение. Костеносные породы сопоставляли либо с верхней частью группы йезо (Matsumoto, Obata, 1979 по Suzuki et al., 2004), что отвечает сантону-нижнему кампану, либо с нижней частью красноярковской свиты (Верещагин, 1977), датируемой кампаном (Зонова и др., 1993).

Ниппонозавр принадлежит к отряду птицетазовых динозавров (*Ornithischia*), инфраотряду орнитопод (*Ornithopoda*) и семейству гадрозаврид (*Hadrosauridae*), или гадрозавров. Для последних также часто используют название «утконосые динозавры» из-за сплющенных дорсо-вентрально-ростральных концов челюстей. Гадрозавры были широко распространены почти на всех континентах (не обнаружены лишь в Австралии) в течение позднего мела. Большого разнообразия и численности эта группа достигла в кампане и маастрихте Северной Америки и Азии. Для гадрозавров характерна довольно длинная шея, выгнутые вперед сочленовые поверхности шейных и переднегрудных позвонков, трехпалая стопа, сильно уплощенные концевые фаланги пальцев кисти и другие признаки. Гадрозавры характеризуются также развитием лобно-теменных (супракраниальных) гребней разной формы и величины, многочисленными зубами с ромбовидной формой эмалевой поверхности, а также утратой первого пальца кисти. Самые крупные ее представители достигали в длину более 12 м. Утконосые динозавры обитали вблизи различных водоемов и питались береговой растительностью.

Остатки ниппонозавра, составляющие более половины костей скелета (рис. 2, а), позволяют восстановить длину его тела примерно в 3,5 м. По мнению Nagao (Nagao, 1936), его скелет принадлежал взрослой особи. Он придерживался мнения об архаичности сахалинского гадрозавра и его близости к североамериканскому хенеозавру. Классификация последнего ныне считается затруднительной из-за принадлежности остатков ювенильному экземпляру. А. К. Рождественский (1964; Rozhdestvensky, 1977), специалист по динозаврам из Палеонтологического института АН СССР, напротив, считал, что скелет ниппонозавра принадлежал молодому животному, родственному манджурозавру (*Mandschurosaurus amurensis* Ribabin, 1930; в настоящее время действительным таксоном не считается) из маастрихта Приамурья.

В недавнем переописании (Suzuki et al., 2004) ниппонозавр отнесен к азио-североамериканскому подсемейству лямбеозаврин (*Lambeosaurinae*), или гребнеголовых гадрозавров, отличающихся развитием полого супракраниального гребня. По деталям строения этого гребня выявлено сходство ниппонозавра с североамериканским гипакрозавром (*Hypacrosaurus*).

Кроме ниппонозавра и проблематичного манджурозавра, гадрозавры на Дальнем Востоке России представлены еще несколькими формами. Из нижнемаастрихтских отложений в черте г. Благовещенск описаны амурозавр (*Amurosaurus riabinini* Bolotsky et Kurzanov, 1995) и керберозавр (*Kerberosaurus manakini* Bolotsky et Godefroit, 2004), а из местонахождения Кундур, расположенного на границе Амурской области и Еврейского автономного округа, выявлен олоротитан (*Olorotitan arkhangeliensis* Godefroit et al., 2003). Последняя форма представлена практически полным скелетом с черепом хорошей сохранности. Как и открытый в китайском Приамурье (провинция Хейлунцзян) харонозавр (*Charonosaurus jiayinensis* Godefroit et al., 2001), олоротитан относится к эволюционно продвинутым лямбеозавринам. В сравнении с ними ниппонозавр выглядит очень архаично, находясь, скорее, на одном эволюционном уровне с прохенеозавром (*Procheneosaurus convincens* Rozhdestvensky, 1968) из коньякских отложений Казахстана (рис. 2, б). Большое разнообразие в сочетании с наличием архаичных и продвинутых форм соответствует предположению о палеоазиатском происхождении лямбеозаврин (Godefroit et al., 2003).

За последние десятилетия динозавры обнаружены во многих районах Японии. Древнейшие из них отмечены в нижнемеловых породах (формация куваджима, берриас-готерив) местонахождения Касеки-Кабе (Хонсю, префектура Исикава), открытого в 1985 году. Тогда были найдены несколько динозавровых зубов и ископаемая древесина хорошей сохранности, в результате чего местонахождение получило известность и статус национального научного памятника. Последнее обстоятельство оказалось важным, когда Министерство строительства Японии спланировало прокладку дорожного туннеля через скальные породы в районе Касеки-Кабе, но было вынуждено пойти на соглашение с учеными и местными властями об охране палеонтологических объектов, которые будут обнаружены в процессе прокладки туннеля. В итоге именно дорожно-строительные работы, проходившие в течение 1997–2000 годов, позволили обстоятельно исследовать ранее труднодоступный костеносный горизонт. Из него определены бесхвостые земноводные, черепахи, ящерицы, летающие ящеры и архаичные млекопитающие (Barret et al., 2002).

Динозавры представлены редкими фрагментарными остатками нескольких групп: как хищных (*Theropoda*), так растительноядных (родственные гадрозаврам игуанодонтиды и гипсилофодонтиды). По зубам определены и такие динозавры, как завроподы. В целом состав позвоночных Касеки-Кабе оказался исключительно богат в сравнении с аналогичными по возрасту азиатскими комплексами.

Большой интерес вызвали сообщения о находках динозавров раннемелового возраста в префектуре Фукуи (о. Хонсю). В отложениях формации исуки указан тираннозавроидный теропод. Однако последнее определение основано на находке одного небольшого зуба и требует подтверждения. Из отложений формации китадани (ранний мел, готтерив–баррем) происходят

теропод (карнозавр) фукуираптор (*Fukuiraptor kitadanensis* Azuma et Currie, 2000), описанный по фрагментарному скелету с черепом, и игуанодонтид фукуизавр (*Fukuisaurus tetoriensis* Kobayashi et Azuma, 2003), представленный черепом. Вместе с ними обнаружены остатки крокодилов-гонифолид, черепах и архаичного рогатого динозавра пситтакозавра (*Psittacosaurus*). Последняя форма характерна для отложений раннего мела исключительно на территории палеоазиатского континента, судя по материалам, найденным в Монголии, Китае, Таиланде и России (Кемеровская область). Найдены кости пситтакозавров – самое убедительное доказательство фаунистической связи Японии с Палеоазией в раннем мелу.

Вероятно, связь существовала и в течение позднемелового времени. Об этом свидетельствуют неопределимые до вида находки гадрозавров, обнаруженные в ряде префектур, в том числе на Хоккайдо (йезо-группа, конъяк), а также завроподы и анкилозавры (*Ankylosauria*), или панцирные динозавры (Weishampel et al., 2004) из формации тамаяма (поздний сантон).

Самой неожиданной оказалась находка на о. Хоккайдо (местонахождение Оюбари) анкилозавра (Hayakawa et al., 2005) из семейства нодозавридов (*Nodosauridae*), основное разнообразие которого сосредоточено в Северной Америке. Представители этого семейства лишь недавно были указаны в нижненастрихских отложениях Амурской области (Туманова и др., 2003, 2004). Открытие нодозавридов в Азии хорошо вписывается в предположение о существовании сухопутного моста между Палеоазией и Северной Америкой в течение позднемелового времени. Возраст остатков хоккайдского анкилозавра (верхнесеноманские отложения формации хикагеносава) указывает на то, что обмен фаун двух континентов осуществлялся уже в самом начале позднего мела или, не исключено, раньше.

В течение позднего мела Сахалин, судя по находке ниппонозавра, имел фаунистическую связь с континентальной частью древней Азии, возможно, не напрямую, а через территорию Японии. Подтвердить это предположение можно с помощью данных о других наземных позвоночных, обитавших бок о бок с ниппонозавром. Однако они пока отсутствуют.

Еще одной группой позднемеловых наземных позвоночных, отмеченных на Сахалине, являются плезиозавры (*Plesiosauria*). Они классифицируются в составе вымершего отряда пресмыкающихся завроптеригий (*Sauroptrygia*) и известны начиная с триасового периода. Максимального расцвета группа достигла в юрское и раннемеловое время, что совпало с расширением площади акваторий эпиконтинентальных морей, а также с увеличением разнообразия и биомассы головоногих моллюсков и рыб, составлявших основу питания плезиозавров. Об их исключительно водном образе жизни свидетельствуют преобразованные в ласты передние и задние конечности. В позднем мелу широко распространялись эласмозавриды (*Elasmosauridae*), которые отличались чрезвычайно длинной шеей с большим количеством позвонков (до 76) и крупными размерами, достигавшими иногда до 15–16 м в длину.

На Сахалине единственная находка плезиозавра представлена уплощенной и суженной по средине фалангой одного из пальцев длиной 6 см (рис. 3, а). Кость была обнаружена в 1909 году Н. Н. Тихоновичем, начальником разведывательной экспедиции Геологического комитета России, на берегу р. Амба (правый приток р. Пильевка) при осмотре верхнемеловых (сенонских) песчаников и конгломератов. Сообщение о находке опубликовал наиболее авторитетный в то время специалист по ископаемым рептилиям А. Н. Рябинин (1915). Учитывая позднемеловой возраст, строение и крупные размеры кости, он уверенно отнес ее к представителю эласмозавридов.

Рис. 3. Позднемеловые эласмозавриды:
а) фаланга с берега реки Амба (Рябинина, 1915); б) реконструкция скелета футабазавра (*Futabasaurus suzuki*) из Японии (экспозиция Палеонтологического музея РАН)

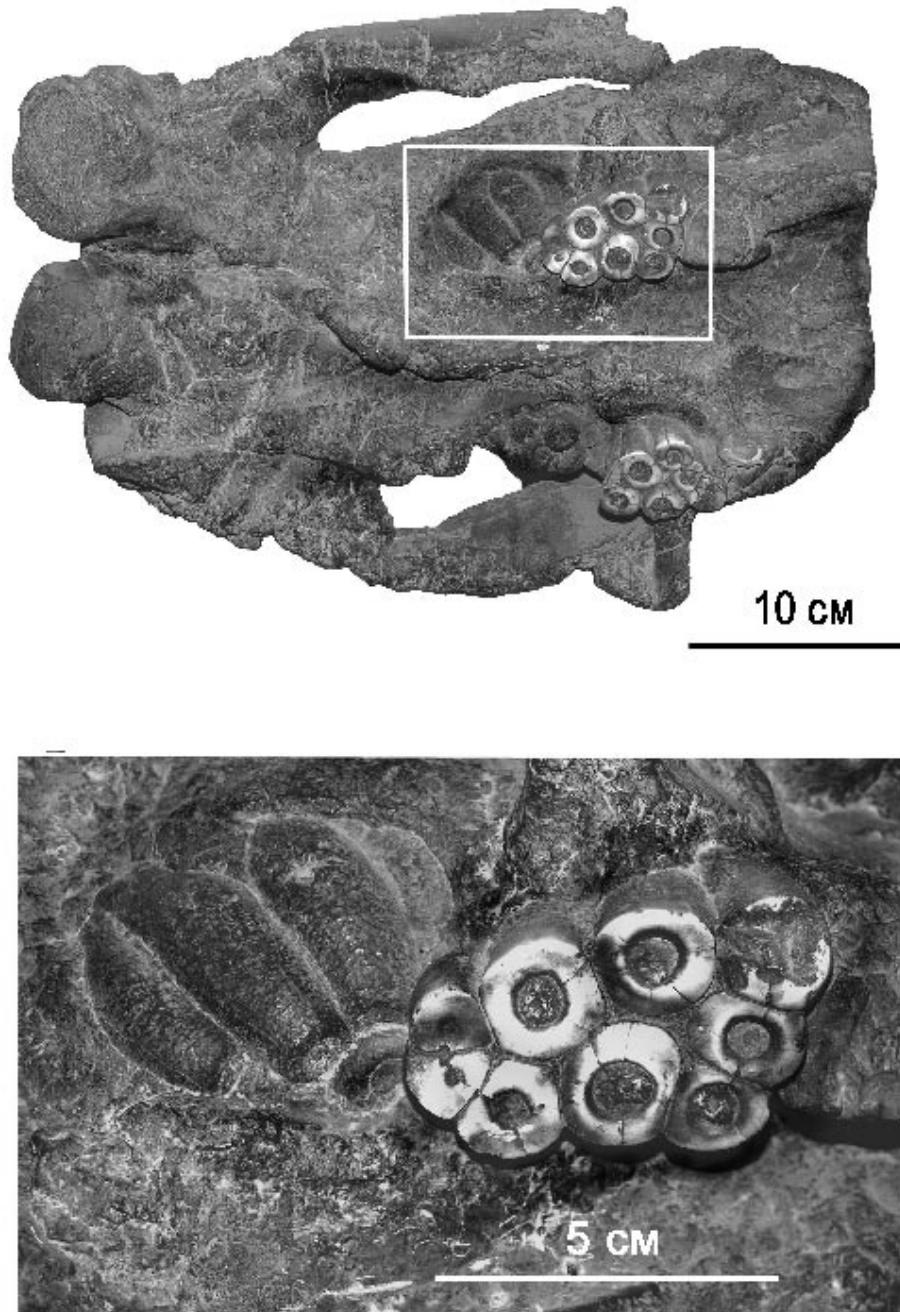

Рис. 4. Небная поверхность слепка черепа десмостиля (*Desmostylus hesperus*), обнаруженного на Сахалине. В рамке: правые щечные зубы в процессе смены; внизу: то же, увеличено

Заключение Рябинина подтверждают находки эласмозаврид в Японии. Так, из отложений нижнего кампана и верхнего кампана-маастрихта на о. Хоккайдо (Nakaya, 1989; Ogawa, Nakaya, 1998) происходят отдельные кости, а из отложений нижнего сантона на Хонсю (Фукусима) – почти полный скелет, описанный как футабазавр (*Futabasaurus suzuki*: Sato et al., 2006; рис. 3, б). Длина тела этого ящера составляла не менее 6 м. Всего на тихоокеанском побережье южных и северных континентов открыто более десятка местонахождений с остатками эласмозаврид.

Обзор позднемеловых водных рептилий вос-

точных окраин палеоазиатского континента был бы неполон без информации о гигантских морских ящерицах – мозазавридах (Mosasauridae). В Японии зафиксировано несколько родов: *Tylosaurus*, *Plioplatecarpus*, *Mosasaurus* (Suzuki, 1985), а также описан новый вид – *M. hobetsuensis* Suzuki, 1985. Мозазавры были быстроплавающими, в основном рыбоядными рептилиями. На рубеже кампана и маастрихта они достигли максимального распространения, большого таксономического разнообразия и гигантских размеров (более 10 м). Расцвет мозазавров совпал с установлением температурного оптимума в меловое время, а выми-

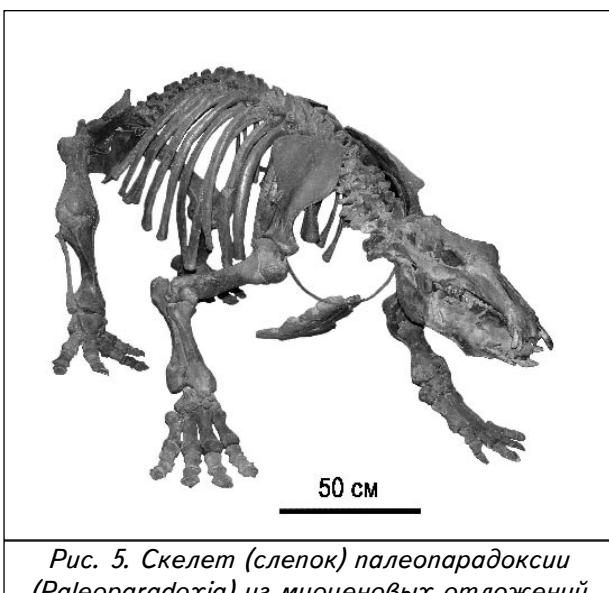

Рис. 5. Скелет (слепок) палеопарадоксии (*Paleoparadoxia*) из миоценовых отложений Японии (экспозиция Палеонтологического музея РАН)

ование – с похолоданием, наметившимся в течение маастрихтского века, то есть в самом конце мезозоя. В верхнемеловых отложениях Японии обнаружены также остатки черепах. Некоторые из них представлены эндемичными родами и видами (Hirayama et al., 2001).

В палеогене проявились интенсивные складчатые движения, приведшие к образованию Западно-Сахалинских, Восточно-Сахалинских, Сусунайских и Тонино-Анивских горных систем, которые в течение неогена достигли значительных высот. Хотя палеогеновые отложения имеют значительную мощность в пределах Западно-Сахалинской структурно-фациальной зоны, остатки позвоночных этого времени на Сахалине неизвестны.

В начале неогена произошло новое погружение территории Сахалинской области. Все районы с современными положительными отметками рельефа находились или ниже, или около уровня моря. К этому времени Западно-Сахалинская структурно-фациальная зона представляла собой слабовсхолмленную и пологонаклонную с востока на запад равнину, переходящую в мелководный шельф с цепочкой вулканических островов. В восточной части той же зоны располагалась прибрежно-морская равнина.

В раннем миоцене положительные формы рельефа стали испытывать тенденцию к воздыманию, а отрицательные – к погружению. В среднем миоцене произошло общее поднятие острова, которое вскоре сменилось новым погружением, продолжавшимся до конца плиоцена, когда складчатая структура Сахалина пришла к современному состоянию.

С особенностями миоценового ландшафта Сахалина и прилегающих к нему территорий, а именно с большой протяженностью береговых зон и обширными площадями мелководий, связана и фауна наземных позвоночных. Происхождение и распространение едва ли не всех входящих в ее состав групп до конца не выяснены. Но их объединяет образ жизни, тесно увязанный с прибрежно-морскими условиями.

Из неогеновых позвоночных ранее других стало известно о десмостилях (*Desmostylia*), систематическое положение которых долгое время выглядело загадочным. Для них характерны уплощенные лицевой отдел черепа и нижнечелюстного симфиза, сильно редуцированный хвост, массивные передние конечности и стопохождение. Зубная система очень своеобразна: резцы крупные, ориентированы рострально, клыки бивнеобразные; щечные зубы напоминают группу из 4–8 тесно посаженных цилиндров с толстой эмалью и кратерообразными вершинками. Смена щечных зубов происходила в горизонтальном направлении, что характерно для хоботных (рис. 4). Внешне десмостилии напоминали гиппопотамов.

Первые сведения о десмостилях представил О. Марш, более известный как крупнейший специалист по динозаврам. В 1888 году по фрагментарным материалам из миоцена Калифорнии он описал *Desmostylus hesperus* в составе отряда *Sirenia* (сирены). Несколько позже в Японии недалеко от г. Мизунами была обнаружена часть черепа и нижняя челюсть, в отношении которой японские исследователи С. Йошивара и Дж. Ивасаки решили, что этот материал документирует неизвестную ранее форму древних хоботных. Однако знаменитый американский палеонтолог Г. Ф. Осборн, состоявший с японскими исследователями в переписке, указал на принадлежность ископаемой находки к роду *Desmostylus*, для которого предложил особое семейство *Desmostylidae* Osborn, 1905.

При обсуждении систематического положения десмостилид иногда выдвигались довольно неожиданные гипотезы. Например, известный немецкий палеонтолог О. Абель причислял ископаемую группу к подклассу однопроходных, представленных ныне лишь в фауне Австралии ехидной и утконосом. Дискуссия о родственных связях десмостилид приобрела более направленный характер после работ Р. Рейнхарта (Reinhart, 1953, 1959), который обратил внимание на сходство особенностей их зубной системы с меритерием (*Moeritherium*), архаичным представителем отряда хоботных. Именно этот автор выделил десмостилид в самостоятельный отряд. Позднее М. МакКенна (McKenna, 1975) рассматривал его вместе с хоботными и сиренами в составе надотряда *Tethytheria* (тетитерии).

В состав десмостилий входит несколько родов. Некоторые из них (*Desmostyella*, *Kronokotherium*) в настоящее время считаются младшими синонимами *Desmostylus*. Несколько видов, выделенных в составе последнего рода, ныне относят к одному – *D. hexensis* (Reinhart, 1959; Трофимов, Громова, 1962). В отряд входят также плохо изученные вандерхуфий (*Vanderhoofius*) из среднего миоцена Калифорнии и корнволлий (*Cornwallius*) из верхнего олигоцена–нижнего миоцена западного побережья Северной Америки, а также палеопарадоксия (*Paleoparadoxia*) из раннего–позднего миоцена Японии, представленная довольно многочисленными и полными находками (рис. 5). От десмостиля она отличается сравнительно небольшим черепом и более мелкими зубами.

Сейчас открытые в Северной Америке формы найдены и в Японии, а японская палеопарадоксия

обнаружена на североамериканском континенте. В настоящее время десмостилий классифицируют в семействах *Desmostylidae* (*Desmostylus*, *Vanderhoofius*) и *Palaeoparadoxidae* (*Paleoparadoxia*, *Cornwallius*). Близким к предку обеих групп считается бегемотопс (*Begemotops*) из олигоцена западного побережья Северной Америки (Domning et al., 1986).

Амфибиотический образ жизни десмостилий не вызывает сомнений, о чем свидетельствуют многие черты скелета. Вместе с тем до конца не выясненными остаются детали их пищедобывающего поведения. Есть версия, что десмостилии кормились морскими моллюсками, которых они выграбили со дна мелководья бивнями и перемалывали устойчивыми к стиранию и давлению щечными зубами. Однако малакофагия – это плотоядность, которая мало вероятна в качестве главного направления специализации у исходно растительноядных животных. Поэтому гипотеза о растительноядности десмостилий преобладает. По распространенным представлениям, десмостилии питались придонными водорослями, а по мнению В. И. Жегалло (перс. сообщение), их пищей являлись растения мангровых сообществ.

Мангры, занимающие в настоящее время около 73 % береговой линии тропических морей, проникают и за пределы тропиков. Наиболее северная точка их распространения – около 32° с. ш. во Флориде и на Бермудских островах, в Красном море (залив Акаба) и на юге Японии. Для существования мангров необходимы особые условия: мелководный шельф, высокий уровень приливов, слабое волнение, теплая спрессенная морская вода.

Современные мангровые заросли характеризуются высокой продуктивностью. Они образованы цветковыми растениями, принадлежащими пятнадцати семействам, которые считаются эволюционно продвинутыми. Специальные морфологические приспособления для обитания в приливно-отливной зоне заключены в высокоспециализированном характере корневой системы, обладающей тканевыми приспособлениями для снижения концентрации соли в жизненно важных органах. Листья мангров сочные, но в то же время жесткие и кожистые.

Древнейшие мангры современного типа обнаружены в среднетуранских отложениях пустыни Негев (Красилов и др., 2004). Ряд исследователей считает, что в геологическом прошлом, до появления цветковых, мангры состояли из папоротников и голосеменных. В частности, широко распространенный по побережью древнего океана Тетиса древовидный папоротник *Weichselia*, судя по литологии включающих его остатки отложений, вполне мог быть мангровым. В меловых отложениях Северной Африки и Ближнего Востока вместе с *Weichselia* находят остатки динозавров – завропод, что используется как указание на связь этих животных с мангровыми местообитаниями (Smith et al., 2001). Интересно, что у завропод и десмостилий конвергентно формируется пальцехождение передних конечностей при сохранении стопохождения. Возможно, это связано с необходимостью балансирующих движений тела в полупогруженном состоянии в воде во время приливов и отливов.

Изменение доминант и характера растительных сообществ миоцена в связи с похолоданием, возможно, было причиной вымирания десмостилий.

Вместе с десмостилиями исчезают и другие группы позвоночных, биология которых была очень тесно связана с прибрежно-морскими биотами. Это пока неизвестная на Сахалине, но обнаруженная в Японии группа нелетающих птиц плотоптериид (*Plotopteriidae*) из отряда веслоногих (*Pelecaniformes*), куда входят также олуши, бакланы и пеликаны. Некоторые плотоптерииды имели крупные размеры (до 2 м в длину), то есть превосходили всех известных ныряющих птиц, и замечательное конвергентное сходство элементов скелета (и, видимо, поведения) с пингвинами. Правда, в отличие от последних плотоптерииды заселяли не Южное полушарие, а побережья континентов Северной Пацифики.

В ряде местонахождений Японии остатки десмостилий найдены совместно с остатками млекопитающих так называемой анхитериевой фауны. Анхитерий (*Anchitherium*) – архаичная трехпалая лошадь, которая мигрировала в Азию из Северной Америки по существовавшему в миоцене Берингийскому мосту. В целом анхитериевая фауна была связана с лесостепными и саванными ландшафтами. Она включала архаичные виды млекопитающих, входящие в уже сформировавшиеся современные семейства и подсемейства. В Японии из анхитериевой фауны определены мастодонт гомфотерий (*Gomphotherium*), архаичный тапир (*Paleotapirus*), безрогий носорог хилотерий (*Chilotherium*), небольшой олень амфитрагуль (*Amphitragulus*). Из хищников обнаружены остатки псовых. Есть и находки крокодилов, которые указывают на близкие к тропическим условиям обитания наземных, околоводных и водных животных. Следующие по возрасту находки крокодила (*Toxotaphimeia machkanense*) в Японии (префектура Осака) фиксируются только в среднеплейстоценовых отложениях возрастом в 0,37 млн лет (Aoki, 1983). Тойотамафимейя близка к современным гавиалам и имела более 7 м в длину.

Открытие первого скелета десмостиля произошло на Сахалине в мае 1933 года. Тогда японский рабочий, занятый на заготовке древесины, обнаружил в русле р. Кетон (ныне Орловка) конкрецию с включением костей животного. Кости просматривались и в огромной глыбе длиной 3 м, шириной 2 м и высотой 1,5 м. Меньший образец был доставлен на факультет геологии и минералогии Хоккайдского университета. В нем Т. Нагао обнаружил череп десмостиля без ростральной части (рис. 4). В самом начале сентября 1934 года ученым приехал с помощниками на местонахождение за крупным образцом, который для удобства транспортировки удалось разделить на несколько частей.

Большая часть извлеченных из породы костей оказалась деформирована и требовала реставрации, после которой стал возможным монтаж скелета на металлическом каркасе с реконструкцией недостающих элементов, для наглядного представления об общем строении ископаемого животного.

Во время войны скелет был разобран, кости упакованы и зарыты в землю, на случай бомбардировки.

Рис. 6. Череп и нижняя челюсть сахалиноцета (*Sachalinocetus cholmicus*)

дировок. Вместе с его новым монтажом в 1948 году специально созданная рабочая группа приступила к новому и более подробному описанию десмостиля, чем представил в своих работах Нагао (Nagao, 1935, 1937). Однако в 1950 году недалеко от г. Доки (префектура Гифу) стало известно о находке скелета палеопарадоксии. После этого потребовался сравнительный анализ двух форм, что задержало публикацию результатов изучения сахалинской находки (Shikama, 1966).

К настоящему времени на Сахалине зафиксировано около десятка находок десмостилид. Они происходят из отложений сертунаской и кура-сийской свит или их аналогов. О самой поздней находке щечного зуба из района среднего течения р. Слава (Тымовский район) стало известно в 1992 году (Соловьев, 1997). Интересно сообщение И. П. Хоменко (1927), который указал на находку остатков десмостиля в районе междуречья Ноями и Сертуна вместе с зубами акул рода *Isurus* (серо-голубая, или акула-мако) и сирены.

Сирены (*Sirenia*) – отряд морских млекопитающих, который в современности представлен ламантинами (*Trichechus*), дюгонями (*Dugong*) и истребленной к середине XVIII века стеллеровой морской коровой (*Hydrodamalis stelleri*). Последняя отличалась утратой зубов и крупными размерами. Все сирены имеют сходное строение (веретеновидное тело, мощные передние и редуцированные задние конечности, загнутые вниз ростр черепа и симфиз нижней челюсти) и биологию (водный образ жизни и растительноядность). Большинство их – обитатели тропических вод. И только морские коровы (*Hydrodamalidae*) освоили северную часть Тихого океана.

Предком стеллеровой морской коровы считается вымерший дусисирен (*Dusisiren*): все его виды, известные с запада и востока тихоокеанского побережья, формируют непрерывный ряд форм к роду *Hydrodamalis*, который появляется в конце миоцена (Domning, 1978; Takahashi et al., 1986; Domning, Furuhashi, 1995). Скорее всего, зуб, отмеченный в статье Хоменко, принадлежит именно дусисирену.

В России, кроме Сахалина, фрагментарные остатки десмостилий известны из миоценовых свит на

Камчатке (Дуброво, Синельникова, 1971). В отложениях этолонской свиты (средний миоцен), кроме десмостилий, обнаружены остатки ластоногих (*Pinnipedia*) и китов (*Cetacea*). Ластоногие представлены фрагментами черепа и нижней челюсти камчатоаркты (*Kamtschatarctos sinelnikovae*), относящегося к особому подсемейству (*Kamtschatarctinae*) ушастых тюленей (*Enaliaarctidae*). Эта группа тюленей отличается от современных родственников особым сочетанием архаичных и прогрессивных черт. Интересно, что в раннем миоцене Северной Америки указан ушастый тюлень современного типа. Две последние находки говорят о различиях в условиях существования, по крайней мере, для представителей ушастых тюленей на западе и востоке Северной Пацифики. Киты в отложениях этолонской свиты представлены отдельными костями и, вероятно, принадлежат беззубым формам (Синельникова и др., 1985).

Первую полную информацию о миоценовых китах восточного побережья Северной Пацифики дал скелет, найденный геологами Сахалинского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения АН СССР И. М. Сирком, С. И. Зарубиным и А. Е. Егоровым на правом берегу ручья Сова (приток р. Гребянки), в 2 км от станции Гребенская Макаровского района. Кости вскрылись в отложениях холмской свиты (ранний–средний миоцен) в результате обвала берега. В момент обнаружения большая их часть располагалась в естественном порядке в алевролитовых конкрециях, и только два позвонка и зуб были найдены на небольшом удалении от них.

Зимой 1963 года место находки исследовал отряд Палеонтологического института АН СССР под руководством И. А. Дуброво. В результате раскопок и последующей камеральной препаратовки, осложненной хрупкостью костей и высокой плотностью окружающей его породы, выяснилось, что скелет принадлежал новой форме зубатого кита (*Odontoceti*) из вымершего семейства *Squalodontidae* – сахалиноцету (*Sachalinocetus cholmicus*, рис. 5).

Свалодонтоиды характеризуются вытянутым ростром, расположением носовых отверстий между орбитами, разрастанием межчелюстных костей назад и верхнезатылочной кости вперед, архаичной треугольной конфигурацией и двукорневыми зубами (Кэрролл, 1993). Отличительными особенностями сахалиноцета являются крупный ростр, который по длине почти в два раза превосходит мозговую часть черепа, короткий симфиз нижней челюсти и небольшие зазубрины на задних краях щечных зубов. Судя по скелету, сахалиноцет имел торпедовидную форму тела и был обитателем открытого моря (Дуброво, 1971).

Довольно много остатков китообразных обнаружено в Японии. Самые древние из них происходят из отложений группы асия (верхний олигоцен). В частности, на Хоккайдо известны находки

нескольких групп архаичных зубатых китов, в том числе и сквалодонтид. Есть данные и о кентриодонтидах (Kentriodontidae), предках современных дельфинов (Ichishima, 1994; Ichishima et al., 1994). Довольно разнообразны цетотерииды (Cetotheriidiae), объединяющие несколько десятков вымерших видов, в основном миоценового возраста (Kimura, Hasegawa, 2005). Вероятно, с ними связано происхождение беззубых китов-полосатиков (Balaenopteridae), древнейшие представители которых известны из среднего миоцена в той же Японии.

Открытия ископаемых китообразных более всего вероятны в неогеновых отложениях Сахалина. Неизбежно также обнаружение остатков как десмостилий, так и других млекопитающих миоценового и палеогенового времени. По мере освоения и изучения острова следует ожидать и новых находок меловых наземных и водных рептилий. Заметим, что успех в большой степени будет зависеть от планомерности поисков. Нет сомнений и в том, что новые палеонтологические материалы с территории Сахалина внесут важную лепту в познание палеонтологической и геологической истории восточных окраин Евразии.

Работа выполнена при поддержке Сахалинской лаборатории археологии и этнографии ИАЭТ СОРАН и СахГУ (руководитель – профессор А. А. Василевский), программы президиума РАН 25 «Происхождение и эволюция биосферы», подпрограмма 2, гранта президента РФ для Ведущей научной школы НШ-6228.20-06.4.

ЛИТЕРАТУРА

Александров, С. М. Остров Сахалин (История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока) / С. М. Александров. – М.: Наука, 1973. – 183 с.

Верещагин, В. Н. Меловая система Дальнего Востока / В. Н. Верещагин. – Л.: Недра, – 1977. – 208 с. (М-во геологии СССР, Всесоюз. науч.-исслед. геол. ин-т. труды, новая сер., Т. 242).

Геология СССР. Т. 33 / В. Н. Верещагин, редактор, Ю. М. Ковтунович, соредактор / Остров Сахалин. Геологическое описание. – М.: Недра, 1970. – 431 с.

Дуброво, И. А. Новый род китообразных (*Sachalinocetus cholmicus* gen. et sp. nov.) из миоцена о-ва Сахалин / И. А. Дуброво // Труды Палеонтологического института АН СССР. – 1971. – Т. 130. – С. 87–103.

Дуброво, И. А. Десмотилиды неогена Камчатки / И. А. Дуброво, В. Н. Синельникова // Доклады АН СССР. – 1971. – Т. 199. – № 3. – С. 670–673.

Зонова, Т. Д. Атлас руководящих групп меловой фауны Сахалина / Т. Д. Зонова, Л. И. Казинцова, Е. А. Языкова. – СПб.: Недра, 1993. – 325 с.

Красилов, В. А. Меловая флора Сахалина / В. А. Красилов. – М.: Наука, 1979. – 184 с.

Красилов, В. А. Сингенез и макроэволюция в мангровых сообществах из меловых отложений пустыни Негев (Израиль) / В. А. Красилов, З. Леви, Э. Нево // Экосистемные перестройки и эволюция биосферы. – М.: ПИН РАН, 2004. – С. 23–39.

Кэрролл, Р. Палеонтология и эволюция позвоночных: в 3 т. – Т. 3: Перевод с английского / Р. Кэрролл. – М.: Мир, 1993. – 310 с.

Рождественский, А. К. Птиценогие / А. К. Рождественский, Л. П. Татаринов // Основы палеонтологии. Справочник для палеонтологов и геологов СССР. Земноводные, пресмыкающиеся и птицы. – М.: Наука, 1964. – С. 553–572.

Рябинин, А. Н. Заметка о плезиозавре с о. Сахалина / А. Н. Рябинин // Геологический вестник. – Т. 1. – 1915. – № 2. – С. 82–84.

Синельникова, В. Н. Расчленение и палеонтологическая характеристика неогенового разреза Каврано-Ухтолокской бухты (Западная Камчатка) / В. Н. Синельникова, Г. М. Братцева, И. А. Дуброво и др.; отв. ред. Ю. М. Пущаровский, Ю. Б. Гладенков // Корреляция кайнозойских толщ Дальнего Востока. – М.: Геологический институт АН СССР, 1985. – С. 84–156. (Труды Восточной комплексной геологической экспедиции. – Т. 1).

Соловьев, А. В. О новой находке *Desmostylus* на Северном Сахалине / А. В. Соловьев // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск. – 1997. – № 3. – С. 47–53.

Трофимов, Б. А. Десмостилии / Б. А. Трофимов, В. И. Громова; отв. ред. В. И. Громова // Основы палеонтологии. Справочник для палеонтологов и геологов СССР. Млекопитающие. – М.: изд-во литературы по геологии и охране недр, 1962. – С. 283–285.

Туманова, Т. А. В России впервые обнаружены остатки панцирных динозавров / Т. А. Туманова, В. Р. Алифанов, Ю. Л. Болотский // Природа. – 2003. – № 3. – С. 69–70.

Туманова, Т. А. Первые находки панцирных динозавров в Приамурье / Т. А. Туманова, В. Р. Алифанов, Ю. Л. Болотский // Палеонтологический журнал. – 2004. – № 1. – С. 68–72.

Хоменко, И. П. *Desmostylus* sp. из третичных пластов о. Сахалина / И. П. Хоменко // Вестник геологического комитета. – 1927. – Т. 96. – № 3. – С. 21–24.

Aoki R. A new generic allocation of *Tomistoma machikanense*, a fossil crocodilian from the Pleistocene of Japan // Copeia. – 1983. – № 1. – P. 89–95.

Barret P. M., Hasegawa Y., Manabe M. et al. Sauropod dinosaurs from the Lower Cretaceous of Eastern Asia: Taxonomic and biogeographical implications // Paleontology, 2002. – V. 45. – Pt. 4. – P. 1197–1217.

Domning, D. P. Sirenian evolution in the North Pacific Ocean // University of California Publication, Geological Sciences. – 1978. – V. 118. – Pt. 1. – P. 1–178.

Domning, D. P., Furusawa H. Summary of taxa and distribution of Sirenia in the North Pacific Ocean / In: Barnes L. G., Inuzuka N., Hasegawa Y., editors. // Evolution and Biogeography of Fossil Marine Vertebrates in the Pacific Realm // The Island Arc. – 1995. – V. 3. – № 4. – P. 506–512.

Domning, D. P., Ray C. E., McKenna M. Two new Oligocene Desmostylians and a discussion of tethytherian systematics // Smithsonian Contributions to Paleobiology. – 1986. – № 59. – 56 p.

Godefroit P., Bolotsky Yu., Alifanov V. A remarkable hollow-crested hadrosaur from Russia: An Asian origin for lambeosaurines // Comptes rendus Paleovol. – 2003. – № 2. – P. 143–151.

- Gradstein F. M., Ogg J. G., Smith A. G., Bleeker W., Lourens L. J. A new Geological Time Scale, with special reference to Precambrian and Neogene // *Episodes*. – 2004. – V.27. – № 2. – P. 83–100.
- Hayakawa H., Manabe M., Carpenter K. Nodosaurid ankylosaur from the Cenomanian of Japan // *Journal of Vertebrate Paleontology*. – 2005. – V.5. – № 1. – P. 240–245.
- Hirayama R., Sakurai K., Chitoku Ts. et al. Anomalochelis angulata, an unusual land turtle of family Nanhsiungchelyidae (superfamily Trionychoidea; order Testudines) from the Upper Cretaceous of Hokkaido, North Japan // *Russian Journal of Herpetology*. – 2001. – V. 8. – № 2. – P. 127–138.
- Ichishima H. A new fossil kentriodontid dolphin (Cetacea; Kentriodontidae) from the Middle Miocene Takinoue Formation, Hokkaido, Japan // *The Island Arc.* – 1994. – V. 2. – № 3. – P. 473–485.
- Ichishima, H., Barnes, L.G., Fordyce, R.E. et al. 1994. A review of kentriodontine dolphins (Cetacea; Delphinoidea; Kentriodontidae): systematics and biogeography // *The Island Arc.* – 1994. – V. 2. – № 3. – P. 486–492.
- Kimura T., Hasegawa Y. An outline of the cethoreres of Japan / Uhen M.D., editor / Evolution of Aquatic Tetrapods. 4 th Triannual Convention Abstracts. Akron, Ohio, U.S. A., 2005. – P. 36 (Cranbrook Institute of Science Miscellaneous Publications, V. 1).
- McKenna M. C. Towards a phylogenetic classification of the Mammalia / In Luckett W. P., Szalay F.S., editors / Phylogeny of the Primates. 1975. New York, London: Plenum Publishing Corporation. – P. 21–46.
- Nagao T. Desmostylus mirabilis nov. from Saghalin // *Journal of the Geological Society of Japan* // 1935. – V. 42. – № 507. – P. 822–824.
- Nagao T. Nipponosaurus sachaliensis: A new genus and species of trachodont dinosaur from Japanese Saghalien // *Journal of Faculty of Sciense of Hokkaido Imperial University*. – 1936. – Ser. 4. – V. 3. – № 2. – P. 185–220.
- Nagao T. A new species of Desmostylus from Japanese Saghalin and its geological significance // Proceeding of the Imperial Academy of Tokyo. – 1937. – V. 13. – P. 46–49.
- Nagao T. On the limb-bones of Nipponosaurus sachaliensis Nagao, a Japanese hadrosaurian dinosaur // *Annotationes Zoologicae Japonenses*. – 1938. – V. 17. – № 3–4. – P. 311–317.
- Nakaya H., Upper Cretaceous elasmosaurid (Reptilia, Plesiosauria) from Hobetsu, Hokkaido, Northern Japan // *Transactions and Proceedings of the Paleontological Society of Japan. New Series*. – 1989. – № 154. – P. 96–116.
- Ogawa K., Nakaya H. Late Cretaceous Elasmosauridae fossils from Nakagawa, Hokkaido, Japan // *Bulletin of the Nakagawa Museum of Natural History*. – 1998. – V. 1. – P. 3–52.
- Reinhart R. Diagnosis of the New Mammalian Order, Desmostylia // *Journal of Geology*. – 1953. – V. 61. – № 2. – P. 187.
- Reinhart R. A review of the Sirenia and Desmostylia // *University of California Publications, Geological Sciences*. – 1959. – V. 36. – № 1. – 146 p.
- Rozhdestvensky A. K. The study of dinosaurs in Asia // *Journal of the Paleontological Society of India*. – 1977. – V. 20. – P. 102–119.
- Sato T., Hasegawa Y., Manabe M. A new elasmosaurid plesiosaur from the Upper Cetaceous of Fukushima, Japan // *Palaeontology*. – 2006. – V. 49. – Pt. 3. – P. 467–484.
- Shikama T. Postcranial skeleton of Japanese Desmostylia. Universyty of Tokyo, Tokyo Press. 1966. 202 p. (Paleontological Society of Japan, special papers, № 12).
- Smith, J. B., Lamanna, M. C., Lacovara, K. J. et al. A giant sauropod dinosaur from Upper Cretaceous mangrove deposits of Egypt // *Science*, 2001. – V. 292. – P. 1704–1706.
- Suzuki S. Upper Creaceous mosasaur remains from southen part of central Hokkaido, Japan, A preliminary report // *Bulletin of the Hobetsu Mu-seum*. – 1985. – V. 2. – P. 31–42.
- Suzuki D., Weishampel D. B., Minoura N. 2004. Nipponosaurus sachaliensis (Dinosauria; Ornithopoda): Anatomy and systematic position within Hadrosauridae // *Journal of Vertebrate Paleontology*. – V. 24. – № 1. – P. 145–164.
- Takahashi S., Domning D. P., Sato T. 1986. Dusisiren dewana, n. sp. (Mammalia: Sirenia), a new ancestor of Steller's sea cow from the Upper Miocene of Yamagata Prefecture, northeastern Japan // *Transactions and Proceedings of the Palaeontological Society of Japan. New Series*. – 1986. – №. 141. – P. 296–321.
- Weishampel D. B., Barret P. M., Coria R. A. et al. Dinosaur distribution / In: Weishampel D.B., Dodson P., Osmyska H., editors / *The Dinosauria*. Second edition. Berkely, Los Angeles, London: University of California Press. – 2004. – P. 517–626.

**А. А. Василевский, В. А. Дерюгин, Тошиаки Кумаки, Масахиро Фукуда,
Маэкава Канаме, Хироюки Сато, Шизуо Онуки, Ясую Иде**

**РАБОТЫ РОССИЙСКО-ЯПОНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБЪЕКТАХ ПОСЕЛЕНИЯ СЕДЫХ-1 НА СТАЦИОНАРНОЙ УЧЕБНОЙ
БАЗЕ САХАЛИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
В СЕЛЕ ОХОТСКОЕ В ПОЛЕВОЙ СЕЗОН 2006 ГОДА**

Василевский Александр Александрович – докт. ист. наук, зав. кафедрой Всеобщей истории СахГУ, зав. лабораторией археологии и этнографии ИАЭТ СОРАН и СахГУ.

Дерюгин Валерий Алексеевич – научный сотрудник лаборатории археологии и этнографии ИАЭТ СОРАН и СахГУ.

Кумаки Тошиаки – PhD (докт. филос.), доцент, зав. учебным центром Университета Токио в Токоро (Хоккайдо).

Фукуда Масахиро – PhD (докт. филос.), археолог, Университет Токио.

Маэкава Канаме – профессор, Центральный Токийский университет Тюо.

Сато Хироюки – доцент, Университет Токио.

Онуки Шизуо – профессор, Университет Токио.

Иде Ясую – аспирант, Центральный Токийский университет Тюо.

Начиная с 2000 года Сахалинский государственный университет ведет археологические исследования в области средневековой археологии Дальнего Востока совместно с несколькими университетами Японии и академическими центрами России в рамках проекта «ABC» (archaeology, bibliography, computer). С японской стороны до 2007 года директором проекта являлся профессор отделения японской истории Центрального Токийского университета Тюо Маэкава Канаме, от СахГУ – профессор кафедры всеобщей истории А. А. Василевский. За несколько лет проведены раскопки на Крильонском городище XIII века, в которых участвовали студенты, аспиранты и преподаватели Института истории, социологии и управления СахГУ и нескольких высших учебных заведений Японии, переведены на русский язык и опубликованы, в том числе в «Ученых записках СахГУ», уникальные исторические документальные данные о монгольских походах в континентальной и островной части Дальнего Востока и средневековой истории острова Сахалин. В 2006 году начаты раскопки еще одного фортификационного сооружения в районе учебной полевой базы на поселении Седых-1 в селе Охотское Корсаковского района. Результаты этих раскопок описываются ниже в коллективной статье участников исследования.

**РАСПОЛОЖЕНИЕ И СОСТАВ КОМПЛЕКСА
ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕДЫХ**

Комплекс Седых является крупнейшим на Южном Сахалине. Памятник находится между озерами лагунного типа Тунайча, Изменчивое и берегом Охотского моря. Его площадь составляет около 20 га. Размеры поселения объясняются тем, что оно располагается в необычайно богатом рыбой районе и приурочено к стыку трех ландшафтов – приморского, озерного и горно-таежного. Комплекс включает 11 пунктов (Седых 1–11). Имя памятнику дано по пресному оз. Седых, вокруг которого и расположена большая часть жилищ. Всего выявлено около 1600 жилищных западин, видимых на поверхности. Поселение 1 включает 987 видимых жилищ на шестиметровой террасе и более 200 на 12-метровой террасе, а также фортификационные сооружения и могильник эпохи средневековья.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Исследование памятника нельзя оторвать от истории изучения памятников прошлого изучаемого района. Кратко остановимся на этом вопросе. В окрестностях села Охотское в прибрежной зоне Охотского моря и цепи озер обнаружено 35 древних поселений, где сосредоточено более трех с половиной тысяч погребенных жилищ (рис. 1, см. стр. 48). Местность эта была издревле известна под айским именем Тонай, связанным с айским корнем «най» – вода. В 1643 году здесь побывала голландская морская экспедиция во главе с капитаном Мартином Герритцем де Фрисом. В XVII–XIX веках через озерный край проходил путь с севера на юг; здесь обитали айны, и район являлся одним из главных центров островной жизни. В XIX веке в селении Очехпоко (Лесное) в нескольких километрах от изучаемого места располагался русский военный пост. В том же веке места, богатые рыбой и трудовыми ресурсами, привлекли в Тоннай рыбопромышленников с Хоккайдо, которые устроили здесь рыбные промыслы с привлечением на них местных жителей-айнов. В 1905 году на противоположном – южном берегу оз. Тоннай (Тунайча) произошло сражение между японским десантом и русскими партизанами под руководством штабс-капитана Б. В. Гrotto-Слепиковского.

Археологическое изучение района начинается с 1930-х годов, когда японские краеведы и археологи описали стоянку в устье протоки Тоннай (Красноармейская), где они собирали небольшие коллекции. Данные коллекции найдены и изучены нами в университете Тохоку, где хранятся каменные топоры и пешни, собранные в 1930-х годах на берегу протоки Тоннай. В сводке Т. Нииока и Х. Утагава стоянка значится под номером 226 – Tonnai Kawaguchi, Tonnai mura, Odomari. В конце 1940-х годов в газете «Советский Сахалин» появилась статья военного инженера, который среди прочих древних укреплений упоминал «крепости Тоннай». В 1970-х годах разведку близ села Охотское проводил В. О. Шубин. В 1990 году школьники – ученики автора принесли в лабораторию каменный топор с дороги у оз. Седых. Тогда же вместе с Н. В. Плотниковым автор осмотрел место

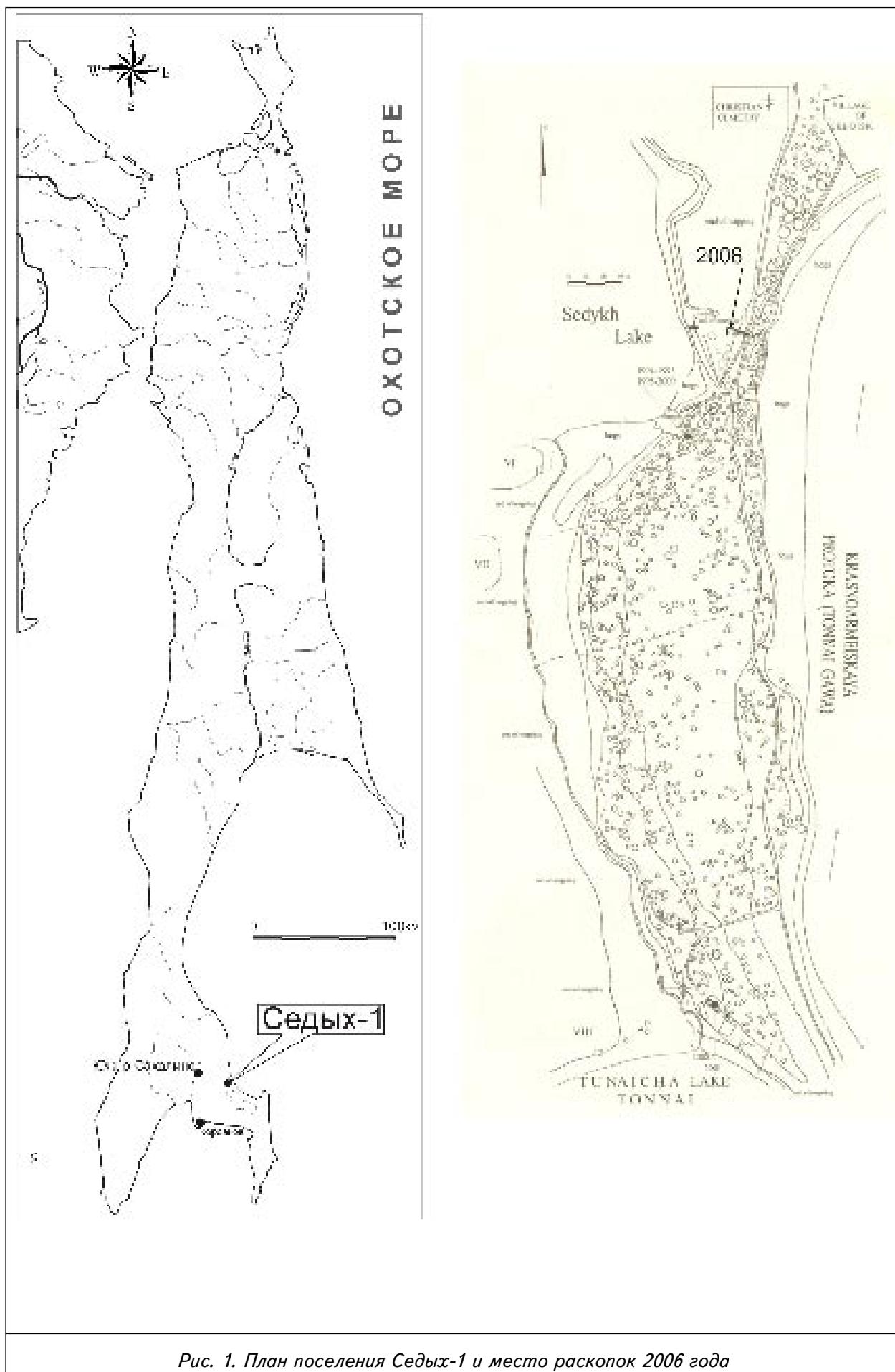

Рис. 1. План поселения Седых-1 и место раскопок 2006 года

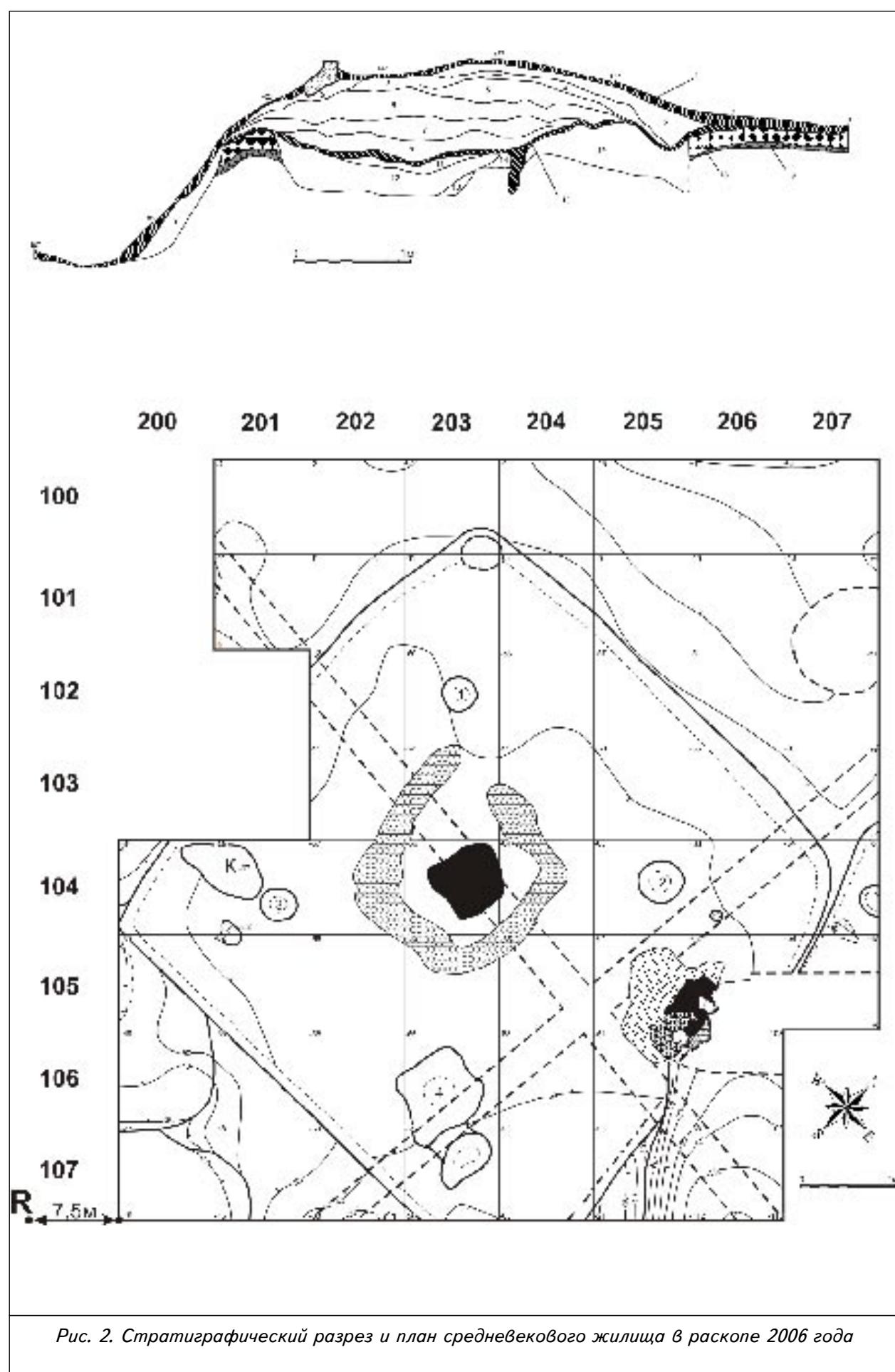

Рис. 2. Стратиграфический разрез и план средневекового жилища в раскопе 2006 года

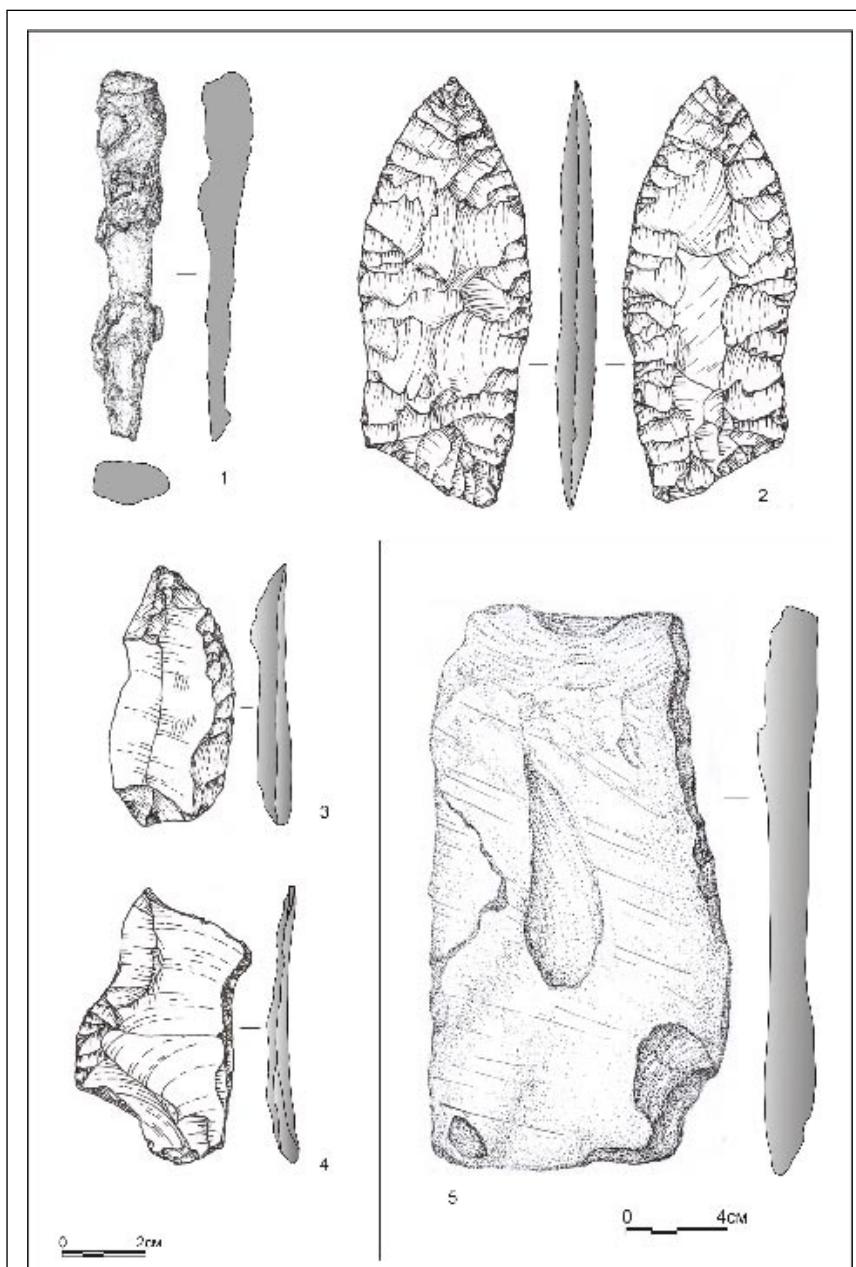

Рис. 3. Артефакты позднего неолита (2, 3, 4) и раннего средневековья (1, 5) из раскопа 2006 года на поселении Седых-1: 1 – кованый железный гвоздь, 2 – листовидное острье – клинок дротика, 3, 4 – орудия на отщепах, 5 – терочная плита

находки, в результате было открыто самое большое, но, по странному стечению обстоятельств, неизвестное до того древнее поселение на Южном Сахалине, получившее по имени озера название Седых. В 1991–1993 годах автор статьи совместно с Н. В. Плотниковым и И. А. Самаринным проводил разведку памятника, в результате чего появился публикуемый здесь план (рис. 2, см. стр. 49).

В 1991–1992 годах в южной части поселения автором проведены охранные раскопки пяти жилищ в зоне базы отдыха рыбаков на берегу оз. Тунайча. В 1994–1995 годах В. А. Голубевым проведены раскопки одного жилища у оз. Седых. В 1996–1997 годах на поселении Седых-1 работала российско-японская экспедиция под руководством С. Цудзи и В. А. Голубева¹. В разные годы в исследовании этого памятника принимали участие или посещали его с экскурсиями археологи из России и Японии – в том числе А. Н. Алексеев (г. Якутск), В. И. Дьяков, А. М. Кузнецов, И. С. Жущиховская, А. Л. Ивлиев, Н. А. Клюев, Ю. Г. Никитин (г. Владивосток), В. А. Дерюгин (г. Хабаровск), С. П. Нестеров, А. В. Черемисин, А. В. Постнов (г. Новосибирск), С. В. Гусев, Л. И. Миссонова (г. Москва), Амано Тэцуя, Кимура Хидэаки, Маэда Усио, Сато Хироюки, Маэкава Канаме, Ямада Киёси, Оно Хироко, Оно Сизуо, Цудзи Сэйтиро, Эйцки Ёкёма, Акошима Каору, Като Хирофуми, Горо Ямада, Кумаки Тошиаки, Исии Джунпэй, Фукуда Масахиро, Учияма Сачико, Кияма Кадзухико, Наоя Цукада, Иде Ясуо и почти все сахалинские археологи. В 1998–2000 годах один из авторов провел раскопки средневекового могильника и одного средневекового жилища².

В общей сложности до 2006 года раскопками охвачена площадь около 600 кв. м и обследовано семь жилищ и один могильник. На всех раскопах наблюдалось устойчивое чередование слоев, которое позволяет выделить три пачки отложений (рис. 4). Снизу вверх по разрезу представлены:

- Пачка 1 – пески с гравием без следов деятельности человека. Древние жилища выкапывались сквозь рыхлые отложения до слоя водоупорного песчаника бурого цвета.
- Пачка 2 – пески рыжего цвета. Соответствуют оптимуму голоценса и содержат два комплекса эпохи среднего и позднего неолита.

¹ Tsuji S. Environmental History and the high precision chronology in Southern Sakhalin // Paper presented in the 5-th Open Symposium of Hokkaido University «Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending». – Sapporo, 28.02–1.03.2002. – 8 p. (Japanese and English.)

² Василевский, А. А. Отчет о полевых исследованиях отряда № 1 археологической лаборатории Сахалинского государственного университета в 2000 году. – Научный отчет / А. А. Василевский. – ИА РАН. – Р-1. – 2001 Б. – 177 с.

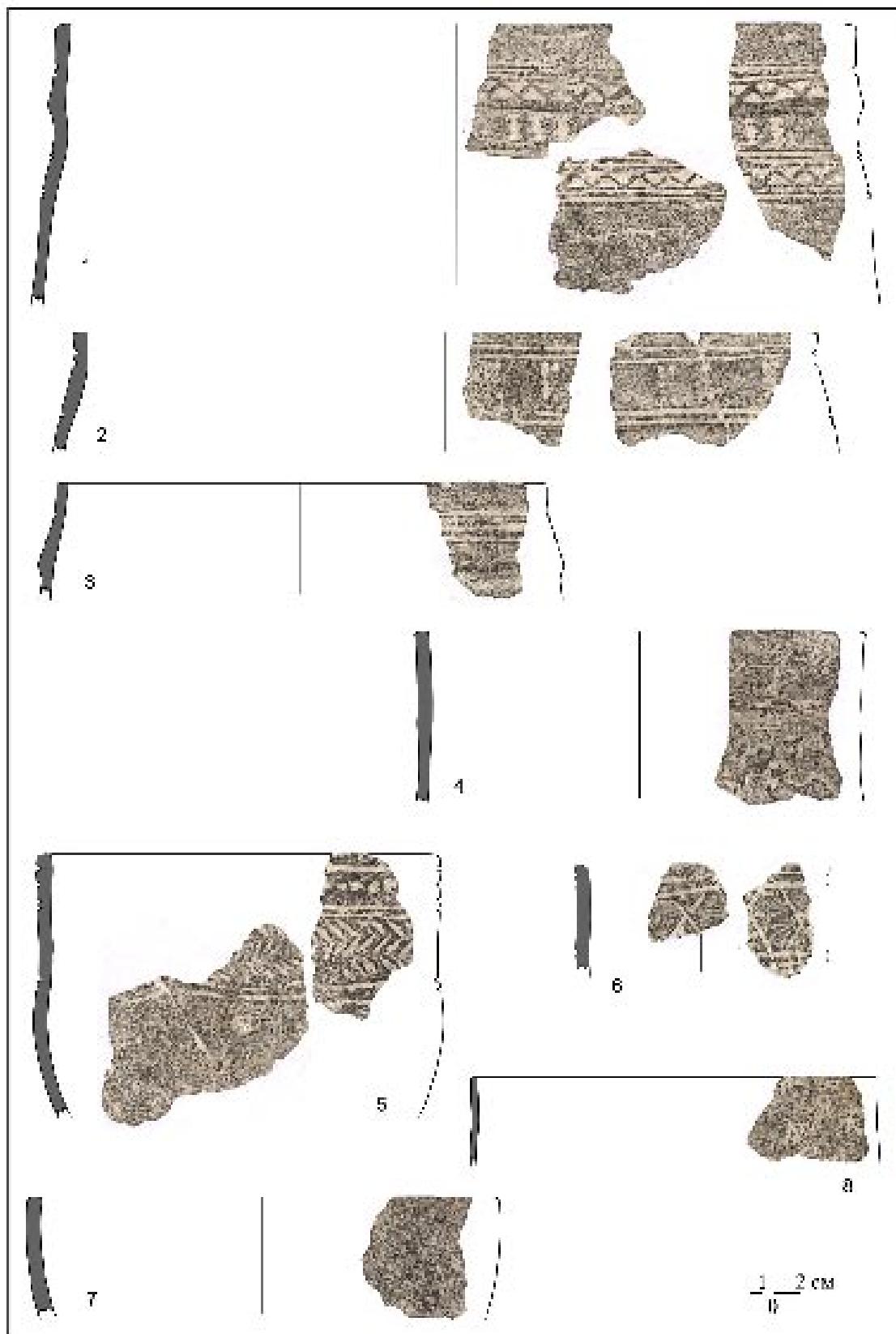

Рис. 4. Графическая реконструкция и оттиски с орнаментированной поверхности сосудов эпохи средневековья. Раскоп 2006 года. Седых-1

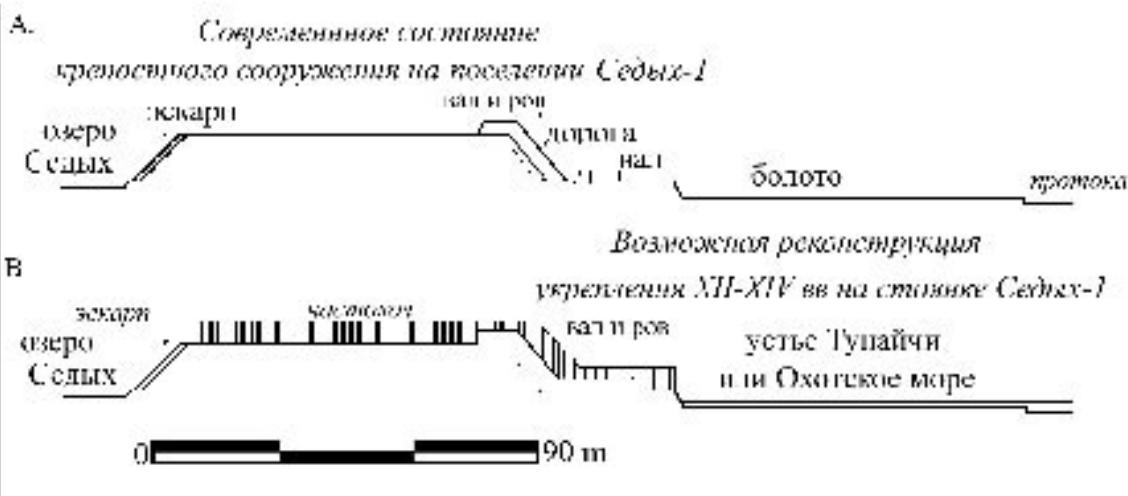

Рис. 5. Современное состояние (XXI Век) и Возможная реконструкция укрепления на поселении Седых-1 (XII–XIV века)

3. Пачка 3 – пески коричневого цвета. Соответствуют суббореальному и субатлантическому периодам голоцен. В пачке 3 выделен горизонт раннего железа и средневековья в рамках календарного периода от V в. до н. э. до XIII в. н. э.

Примерно в 0,3 км к северу от стационарной учебной базы СахГУ, ближе к окрестностям села Охотское, над дорогой на спасательную станцию, на 12-метровой террасе располагается упоминавшийся выше объект эпохи средневековья – крепостная стена и ров, сооруженные между протокой и оз. Седых, где и разбит раскоп 2006 года (рис. 2 и 4).

РАСКОПКИ 2006 ГОДА

В июне 2006 года в рамках указанного выше проекта «ABC» на поселении Седых-1 работала совместная российско-японская археологическая экспедиция Сахалинского государственного университета, Центрального Токийского университета Тюо и Токийского университета. Объект раскопок – западный участок рва и вала средневекового фортификационного сооружения и примыкающего к нему разрушенного в древности жилища № 999. Конечная цель раскопок объекта на несколько лет – получение достоверной проверяемой и комплексной информации о фортификационном сооружении на оз. Седых. Данное сооружение перепоясывает перемычку между указанным озером и средневековым устьем протоки Красноармейская. Состав сооружения и его идентификация – вопросы, рассматриваемые ниже. Остановимся на раскопе 2006 года подробнее.

В границах раскопа включены жилищная западина № 999, часть западины № 1000 и вал со рвом.

Установлено следующее расположение слоев (рис. 2). Вся поверхность задернована (1), местами перекрыта небольшим слоем современного на броса грунта. Слои супеси красно-серых цветов (2–8) образовались в результате сооружения вала, путем выборки грунта из рва, а слой мягкой темно-коричневой супеси с включением гумуса (9) об

разовался при оползании земли с вала.

Ниже расположен погребенный дерн (10), который разделяет слои вала и заполнение жилища № 999 (11–13). У южного угла раскопа фиксируется выброс грунта из котлована жилища (14). Сам котлован жилища прорезает слои темно-коричневой супеси с мелкой галькой и частицами угля (15) и углистый слой черно-серого цвета (16). В последнем из них фиксируются скопления керамики.

Нижний углистый слой содержал в основном керамику типа минами-кайдзука. Часть находок относится к более раннему периоду. За исключением неопределенного назначения ямы, других объектов, относимых к периоду до существования жилища, не выявлено.

Котлован жилища № 999, который прорезал слои, содержащие керамику типа минами-кайдзука, почти правильной квадратной формы со слаженными углами (рис. 2). По центру котлована располагался очаг с маломощным слоем прокала и угля. Вокруг него по основанию котлована фиксируется углистое пятно подквадратной формы, которое является следом сгоревших деревянных плах обкладки очажной ямы. На равном удалении от углов жилища и его центра выявлено четыре ямы от опорных столбов.

У разрушенной рвом восточной стенки жилища выявлена частично сохранившаяся печь-камадо. Сама печь была сложена из глины, а дымоход – из камней. Незначительные запасы глины, использованной при сооружении печи, были найдены в яме, которая примыкала к яме опорного столба № 4. Дымоход, сложенный из камней, разрушен при рытье рва. Камни от него зафиксированы в нижних слоях вала и на поверхности погребенного дерна.

Частично раскопом затронуто и жилище № 1000. Найдки в нем, за исключением терочного камня (рис. 3–5), отсутствовали. Временное соотношение между жилищами № 999 и № 1000 зафиксировать не удалось. Ясно лишь, что первое появилось позже второго.

Рис. 6. Артефакты эпохи средневековья, в том числе керамика типа минами-кайзука и бронзовые поясные бляшки и медальон (Х–XI века). Раскопки 2000 года, Седых-1

Для радиоуглеродного датирования взяты образцы из очага, печи, слоя с керамикой типа минами-кайзука и из погребенного дерна, перекрытого валом. О временных рамках существования памятника в рамках раскопа можно сказать следующее. Котлован жилища № 999 сооружен после периода существования керамики типа минами-кайзука и относится к айнской культуре, на что указывают его конструктивные характеристики и отсутствие керамики на полу дома. Из находок, относящихся к этому времени, отметим найденный в размытом почвенном слое во рву кованый железный гвоздь. Он прямоугольный в сечении и имеет Г-образную шляпку (рис. 3-1).

Можно утверждать, что ров с валом сооружены после существования жилища № 999, то есть в период айнской культуры эпохи средневековья на Южном Сахалине. По первому погребенному дерну получена радиоуглеродная дата 870 ± 45 лет (СОАН – 6642) – t cal. 812 ± 68 лет. Что соответствует календарной дате 1138 ± 68 год н. э.

Нижний слой в межжилищном пространстве относим к периоду минами-кайдзука. Каменного инвентаря очень мало, он является переотложенным из более раннего, разрушенного слоя, недви-

жимые объекты которого в границах раскопа не зафиксированы. Каменные орудия представлены несколькими артефактами. Среди них двусторонне ретушированный клинок листовидно-усеченной формы с косым насадом (рис. 3-2), а также орудия на отщепах, трасологически распознаваемые как скребки и ножи (рис. 3-3, 4).

Керамика, найденная в нижнем слое, неоднородна по своим технико-морфологическим характеристикам. К основной массе относятся фрагменты сосудов типа минами-кайзука (рис. 4-1, 2), которые украшены горизонтальными резными линиями, оттисками простого штампа и штампа-проката. В небольшом количестве найдены фрагменты керамики, близкие – по горизонтальным линиям и косым насечкам – к типу эноура-В (рис. 4-3, 4). Несколько фрагментов сосудов имеют аналогии среди керамики хигаситараика (рис. 4-5, 6).

Вся вышеназванная керамика взаимно близка по времени бытования, и ее находки в одном культурном слое не выглядят необычными. Но кроме этих групп керамики фиксируется и несколько фрагментов без орнамента, которые относим к эпохе неолита (рис. 4-7, 8).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК

Во-первых, установлено соотношение между тремя изучаемыми объектами – жилищами № 1000, № 999 и крепостным сооружением. Первое еще не раскопано, но оно древнее второго и третьего. Второе древнее третьего, так как перекрывается его отвалом грунта. Все три сооружения следуют относить к концу раннего и началу позднего средневековья, предположительно к периоду от X до XIV века в указанной последовательности (жилище № 1000, X век н. э., № 999, XII век н. э., крепостное сооружение, XIII век н. э.). Таким образом, в результате раскопок выявлено и обосновано средневековое происхождение еще одного фортификационного сооружения на Южном Сахалине. Остановимся на некоторых дискуссионных моментах.

ДИСКУССИЯ

Описанные объекты еще предстоит исследовать в полной мере, раскопки здесь лишь начаты, но некоторые замечания можно высказать уже сейчас.

1. В комплекс защитных сооружений входило три основных объекта. Первое – это эскарп шириной 4 м, точнее, эскарпированный обрыв. Он отрезал обход крепости с западного фланга по берегу оз. Седых. Эскарп – достижение военной инженерии, которое не было известно местным народам. Второе сооружение – ров шириной 3 и глубиной 1,5 м. Третье сооружение – вал высотой 1-1,5 и длиной 42 м. Вал и ров располагаются на склоне, перекрывая сообщение между устьем протоки Красноармейская и мысом Бауэра (рис. 5).

2. При строительстве крепостного рва в эпоху средневековья было разрушено жилище с печью, относимое нами к айнской культуре и датированное XII веком н. э. Ранее нами установлено, что печи появляются на острове под влиянием культуры Сацумон позднего периода, то есть не раньше XII и не позже XIII века. Это также позволяет датировать изучаемое жилище и крепость в отчете от XII до XIII века включительно. На Сахалине известны сооружения этого времени. Это чжурчжэньские (чжурчжэньско-монгольские?) городища в Александровске, Пугачево (Магунтан) и на Крильоне (Сиронуси).

3. Разрезанный раскопом 2006 года ров располагается южнее вала. Это значит, что врага ждали не с севера, а с юга, со стороны лагуны Тунайча. Если наша датировка объекта верна, то в тот период уровень моря, лагуны Тунайча и оз. Седых был несколько выше, чем ныне, как следствие потепления климата и трансгрессии Хэйан. Вероятным противником могли быть кувэй, то естьprotoайны, которые, согласно летописям, наступали на чжурчжэней и монголов с юга. На лодках, по протоке, они могли легко обойти крепость. Это значит, что с восточной стороны она также должна была иметь какую-то защиту. Скорее всего, с востока, а также в пространстве между эскарпом и валом располагался тын.

4. Расположение вала показывает, что тропа с мыса на север шла примерно в том же месте, что и

современная дорога. Где-то в этом месте и должны были располагаться южные ворота крепости.

Эта гипотеза происхождения и устройства крепости Седых как будто бы имеет один большой минус. На первый взгляд, неясно, почему крепость не имеет сплошной стены и почему отсутствует стена на севере. Возможно следующее объяснение. Во-первых, строителям просто могло не хватать сил на возведение стен с обеих сторон, и проще было построить частокол. Во-вторых, данная крепость могла иметь в большей степени символическое, чем военное значение. Она являлась символом власти людей, владевших самым большим богатством этого места – устьем протоки из лагуны Тунайча: здесь проходила вся рыба района. Да и сама протока была своеобразным символом – географическим пунктом на пути север – юг. В-третьих, невдалеке от крепости располагаются сопутствующие ей сооружения – редуты квадратной формы с высокими валами. Внешне они похожи на жилища, но они не выкопаны, а насыпаны. Высота стен колеблется от одного до двух с половиной (1–2, 5 м) метров. Из общего числа сооружений выделяется восемь, размерами по внешнему контуру вала – от 18 до 25 м. Внутренний диаметр редутов от стены до стены – от 12 до 18 м. В трех из них видим следы построенных под защитой стен жилищ. Еще не до конца ясно, к какому периоду и культуре точно относятся данные редуты. Однако заметим, что при расширении дороги, которая проходит через поселение, была разрушена глиняная печка каминного типа, расположенная у стены одного из редутов, что дает основание для датировки: конец раннего – позднее средневековье. Кроме того, ясно, что такие большие земляные работы, которые требовались для строительства редутов и крепости, могли выполняться большими коллективами людей под единым руководством. Все это указывает на возможную датировку объектов в рамках эпохи средневековья, сопоставимой с периодом строительства крепости.

Простейшие подсчеты, основанные на результатах наших раскопок и общей разведки поселений в окрестностях села Охотское, позволяют считать, что этот район в раннем средневековье населялся несколькими как местными, так и пришлыми этническими группами. Предполагаем, что по берегам протоки Красноармейская в X–XIII веках располагалось несколько поселков с числом жителей более одной – полутора тысяч человек, на что указывает необычайно широкое распространение шестиугольных жилищ, жилищ с печами и керамики типа минами-кайзука на всех археологических поселениях в этой местности. Наличие четко рассчитанных по правилам военной инженерии фортификационных сооружений позволяет считать, что район имел стратегическое значение в противостоянии между чжурчжэнами, монголами и их местными союзниками с одной стороны и идущими с юга на остров кувэй – предками айнов, с другой.

И. И. Андриановская

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА

Андраниновская Ирина Ивановна – канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой трудового, гражданского и административного права Юридического института СахГУ. Научная специализация – трудовое право. Имеет более 35 опубликованных работ.

На протяжении последних 10–15 лет в юридической литературе идет активное обсуждение вопросов, связанных с проблемами в правовом регулировании труда. Активность в рассмотрении ряда вопросов была связана как с перспективами принятия нового Трудового кодекса, так и после его принятия в связи со складывающейся практикой его применения. До и после принятия Трудового кодекса в научных исследованиях наблюдается анализ как совершенно новых положений, так и тех, которые считаются устоявшимися, наиболее оптимальными в правовом регулировании труда. Как правило, в большей степени внимание уделяется новеллам трудового законодательства. Полагаем, что в целях повышения качества правового регулирования его действенности необходимо проследить эффективность как новых положений, так и положений, длительное время существующих и зарекомендовавших себя в качестве наиболее приемлемых и оптимальных в правовом регулировании труда. Чтобы правильно определить тенденции развития трудового права, необходимо выявить позитивные и негативные моменты в правовом регулировании труда как за более чем 80-летний исторический период, так и в настоящее время, в том числе и за время действия нового ТК. Поэтому на современном этапе развития трудового права как отрасли права, определяя перспективы правового регулирования труда, невозможно не учитывать историческую ретроспективу трудового права. В этой связи наряду с историческим опытом правового регулирования труда особую ценность представляют собой те нормы, которые ранее действовали и, не утратив своей действенности (жизнеспособности), могут являться регулятором общественных отношений и в настоящее время. Такого рода нормы позволяют свидетельствовать о преемственности в правовом регулировании труда.

В целом категории «преемственность», «преемник» употребляются в правовой материи в самом широком смысле слова. На современном этапе развития права в России при исследовании каких-либо правовых явлений в общетеоретическом и отраслевом аспектах, как правило, наблюдается отслеживание преемственности. Но в связи с принятием новых нормативных актов в юридической литературе наблюдается анализ новых положений законодательства. Поэтому в настоящее время

представляются актуальными вопросы преемственности в правовом регулировании различных видов отношений в целом и трудовых в частности.

В настоящей статье обозначим несколько общих подходов в исследовании преемственности в праве, вполне уместных (приемлемых) на наш взгляд. Вместе с тем рассмотрение данной категории будет производиться на примерах правового регулирования трудовых отношений.

При исследовании правовых явлений в общем и трудовом праве в частности категория «преемственность» используется достаточно часто. В юриспруденции, как правило, термин «преемственность» применяется в общеначальном плане, исходя из его общесмыслового значения: «преемственный (существительное преемственность) – идущий в порядке преемства, последовательности от одного к другому». И здесь же: преемство – передача, переход чего-нибудь от предшественника преемнику¹. Аналогичным образом В. И. Даль, объясняя толкование слов «преемственность», «преемник», отмечает, что «преемник» – принявший что-либо от кого-то. «Преемство, преемничество» – ср. нисходящий, по времени, порядок последования людей одного за другим с правилами и обязанностью наследия. Преемственный, относящийся к порядку наследия, последование за кем-либо, замещение кого-либо собою, относящийся к преемству². Преемственность присуща современному праву, элементы ее можно наблюдать и в гражданском, и в трудовом, и в других отраслях права. О том, что преемственность в праве не только возможный, но и необходимый момент в его развитии, в свое время в качестве принципиального научного положения выдвинул Н. Неновски³. Конечно же, в различных отраслях права различна степень преемственности. Но тем не менее преемственность наблюдается в праве, как и в иных сферах общественной жизни. Представляется возможным обозначить категорию «преемственность» в праве в качестве правовой преемственности. Но нам представляется более правильным говорить именно о преемственности в праве, поскольку преемственность как таковая наблюдается не только в праве, но и в культуре, искусстве и иных областях знаний. И общесмыловое значение данной категории вполне приемлемо в праве.

В целом преемственность в праве можно рассматривать как в широком, так и в узком смысле.

¹ Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 15-е изд., стереотипное. – М.: Русский язык, 1984. – С. 516.

² См.: Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. – М.: Русский язык, 1989. – Т. 3. – С. 391.

³ Неновски, Н. Преемственность в праве / Н. Неновски. – М.: Юрид. лит., 1977. – С. 32.

ле слова. По нашему мнению, в широком смысле слова преемственность можно представить как объективный процесс, присущий как при формировании, так и при становлении права в целом (его отраслей). Этот процесс наблюдается на протяжении длительного времени (столетий, десятилетий) на различных этапах развития общества, государства и права. В этом отношении справедливо отмечал С. С. Алексеев, «право... выступает в качестве юридического преемника всех позитивных правовых ценностей, достижений юридической культуры – всего того, что может обеспечить высокосовершенный, развитой характер социального регулирования... в обществе»⁴.

В узком смысле слова преемственность, на наш взгляд, в праве в целом и в отраслях в частности может рассматриваться как способ, прием законодательной техники, посредством которого происходит использование в праве (отрасли права) довольно длительное время норм либо их отдельных положений, наиболее оптимальных для правового регулирования различных видов отношений. В рамках преемственности национального законодательства России можно выделить по меньшей мере четыре сферы ее проявления: общеправовую, межотраслевую, отраслевую, сферу правового института. В этой связи преемственность в праве можно наблюдать в нескольких плоскостях: горизонтальной и вертикальной. Полагаем, в одной плоскости – горизонтальной – преемственность может наблюдаться в рамках определенного правового массива в определенный период времени. Также и в различные временные отрезки в развитии права (в том числе и в рамках указанных сфер проявления) можно наблюдать элементы преемственности. И в этом смысле речь идет о преемственности по вертикали. Этот вид преемственности – вертикальная преемственность – отслеживается в различных временных пределах. Преемственность в «вертикальном» и «горизонтальном» направлении отмечал Н. Неновски, выделяя ее особенности в одном случае при смене общественно-экономических формаций, во втором – при восприятии правовых институтов одной стороной от другой, когда обе стороны имеют в основных линиях один и тот же экономический базис⁵. Преемственность по вертикали свидетельствует о возможности использования наиболее оптимальных основных категорий, правил, приемов, способов, принципов и т. п. в регулировании различных видов отношений, и в этом смысле речь идет о качестве права в целом и отраслях права в частности. Поэтому представляется возможным отметить, что в первую очередь в любой отрасли права преемственность наблюдается в основном в использовании основных положений, составляющих принципиальную основу правового регулирования. В этой связи целесообразно отметить, что в рамках как вертикальной, так и горизонтальной

преемственности в правовом регулировании различных видов отношений особую ценность приобретают результаты научных разработок в праве в целом и его различных отраслях. Здесь можно говорить как об общеправовой, так и о межотраслевой преемственности. О юридических (правовых) конструкциях как о наиболее высокой правовой абстракции, охватывающей ряд однопорядковых правовых понятий... и выявляющей главное, основное, существенное в этих понятиях, отмечалось неоднократно в юридической литературе⁶. Юридические конструкции складываются на основе опыта правоизделия (в основном кодификационного), в ходе которого отбираются наиболее целесообразные и отбрасываются устаревшие модели построения нормативного материала⁷.

Правовые конструкции, выработанные в отдельных отраслях права, могут применяться в различных отраслях права. К числу таковых относят: общее понятие договора, состав проступка (преступления) и т. п. Использование юридических конструкций, выработанных в одной отрасли права и применяемых в различных отраслях права, свидетельствует как о преемственности в праве, так и о некоторой степени заимствования между различными отраслями права. Проявление преемственности по вертикали свидетельствует как о стабильности в правовом регулировании в различных отраслях права, так и о складывающихся традициях в регулировании различных видов отношений и в праве в целом). Также можно предположить, что высокое, в известном смысле, качество права позволяет следовать традициям в правовом регулировании общественных отношений, и в данном случае можно отметить, что закрепленные в нормах права основные положения как общего, так и отраслевого характера свидетельствуют о стабильности правового регулирования. О стабильности, устойчивости права неоднократно отмечалось в юридической литературе. Так, С. С. Алексеев отмечал: «Право призвано выступать в качестве стабилизирующего фактора в социальной жизни, решать долгосрочные задачи – регламентировать общественные отношения вперед, на единых общих началах. Оно не должно быть неустойчивым, таким, когда бы оно в результате непрерывного правотворчества реагировало на все и всякие изменения общественных отношений, изменялось бы тот час же, когда изменялись те или иные конкретные потребности социальной жизни. Во имя социального выигрыша, который получает общество от устойчивости и определенности нормативно-правовой формы, законодатель может пойти и на известные потери, связанные с некоторым отставанием от быстро развивающихся общественных отношений⁸.

В этой связи, подчеркивая стабильность в регулировании различного рода отношений, следует

⁴ Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – Т. 1. – М.: Юрид. лит., 1981. – С. 131.

⁵ См.: Неновски, Н. Преемственность в праве / Н. Неновски. – М.: Юрид. лит., 1977. – С. 44–48.

⁶ См., напр.: Керимов, Д. А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие / Д. А. Керимов, – М.: Норма-Инфра, 1998. – С. 51.

⁷ Алексеев, С. С. Указ. соч. – Т. 2. – С. 276.

⁸ Алексеев, С. С. Указ. соч. – Т. 1. – С. 331.

отметить, что о стабильности, устойчивости правового регулирования может свидетельствовать использование в праве (отраслях права) основных положений, на которых строится правовое регулирование определенной области правоотношений. К таким основным положениям можно отнести: дефиниции, основные правила поведения, основные принципы, способы регулирования и т. п. В отношении дефиниций, в частности, совершенно верно подметили Л. И. Спиридовон и Ю. А. Денисов: «С известными уточнениями выработанные юридические дефиниции остаются верными для любого общества, в котором развились близкие по форме отношения»⁹.

Конечно же, многие дефиниции, разработанные в различных областях юриспруденции, весьма стабильны, но процесс их формирования длителен и сложен. Некоторые понятия вырабатываются на протяжении десятилетий, в разных экономических, социальных и политических условиях, но тем не менее остаются в своей основе верными, находят закрепление в законодательстве и приемлемы для правового регулирования длительное время. Иные, наоборот, на протяжении ряда десятилетий разрабатываются в теории, уточняются на практике, но закрепления в нормах не находят – очевидно, в силу недостаточной разработанности. А если и находят, то частично, и впоследствии, как правило, требуют своего совершенствования. К числу первых в трудовом праве можно отнести понятие трудового договора, к числу вторых – понятие перевода на другую работу. Так, трудовой договор определялся по кодексу 1922 года следующим образом: «Трудовой договор есть соглашение двух или более лиц, по которому одна сторона (нанимающийся) предоставляет свою рабочую силу другой стороне (нанимателю) за вознаграждение» (ст. 27). Это определение, полагаем, было взято за основу и в несколько измененном виде закреплено в ст. 15 КЗоТ 1971 (в ред. 1998 г.) года: «Трудовой договор есть соглашение между работником и работодателем, по которому работник обязуется выполнить работу по определенной специальности, квалификации, должности с подчинением внутреннему трудовому распорядку, а работодатель обязуется выплачивать работнику заработную плату и обеспечивать условия труда, предусмотренные законодательством о труде, коллективным договором и соглашением сторон». В ст. 56 нового ТК дано определение трудового договора, по своей сути почти не отличающееся от вышеупомянутого. В связи с чем можно согласиться с мнением С. Ю. Головиной о том, что нет необходимости отказываться от устоявшегося и привычного термина «трудовой договор» как родового понятия¹⁰. Полагаем, что рассматриваемая формулировка вполне отвечает современному уровню правового регулирования труда. Поэтому как более 80 лет назад, так и сейчас основа трудового договора – соглашение между работником и работодателем

(сторонами) по поводу применения труда работника работодателем, основных прав и обязанностей сторон, определяемых в данном соглашении (т. е. содержащихся в договоре) и устанавливаемых путем достижения соглашения между сторонами, что находит отражение в ст. 56 ТК.

Представляется правильным совершенствование понятия «сверхурочная работа» в сфере регулирования рабочего времени. Так, в ст. 54 КЗоТ РСФСР содержалось следующее определение: «Сверхурочными считаются работы сверхустановленной продолжительности рабочего времени». В таком виде определение сверхурочных работ находило закрепление на протяжении 30 лет. Из данного определения нельзя было определить инициативу (работника либо работодателя) при применении сверхурочных работ. В определении присутствовал только один признак: данное время выходит за пределы нормы рабочего времени. Хотя из правил допущения сверхурочных работ следовало, что инициатива в рассматриваемом случае принадлежит работодателю (ранее – администрации). При разработке нового Трудового кодекса проведено уточнение в рассматриваемом понятии: инициатива сторон договора четко выражена в ст. 99 ТК: «Сверхурочная работа – работа, выполняемая работником по инициативе работодателя, за пределами нормированной продолжительности рабочего времени».

Полагаем, что довольно сложно и долго идет работа по выработке в трудовом праве понятия перевода на другую работу. Длительное время в КЗоТ определение перевода не содержалось. В ст. 25 КЗоТ РСФСР (введенного в действие с 01.04.1972) были закреплены некоторые условия перевода: допущение перевода только с согласия работника (исключая случаи, предусмотренные в ст. 26, 27, 135 КЗоТ РСФСР). Также в части второй данной статьи содержалось правило, согласно которому «не считается переводом... перемещение... без изменения специальности, квалификации, должности, размера зарплаты, льгот, преимуществ и иных существенных условий труда». Из чего следовало, что, наоборот, при изменении указанных условий трудового договора (специальности, квалификации, должности, размера заработной платы, льгот, преимуществ) и изменении условий труда данное правовое явление считалось переводом. Неоднократно в науке и практике предлагалось определение перевода на другую работу. Но, по нашему мнению, так оно и не выработано. Представляется, что впервые в ст. 72¹ ТК РФ была предпринята попытка определить перевод, но, даже учитывая изменения, определения, внесенные в ТК 30.06.2006, вряд ли можно отметить, что рассматриваемое определение в ст. 72¹ ТК дано. Полагаем, что причиной тому может служить не достаточно четкое выделение признаков данного правового явления, его отличия от смежных правовых явлений. Поэтому, на наш

⁹ Денисов, Ю. А. Абстрактное и конкретное в советском правоведении / Ю. А. Денисов, Л. И. Спиридовон. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. – С. 143.

¹⁰ См.: Головина, С. Ю. Проблема выбора терминов для обозначения понятий в трудовом праве / С. Ю. Головина // Правоведение. – 2000. – № 5. – С. 50.

взгляд, на современном этапе развития трудового права в ч. 1 ст. 72¹ ТК содержится лишь один признак исследуемой категории: перевод на другую работу – постоянное или временное изменение трудовой функции работника.

Некоторые приемы и способы применяются не одно десятилетие в правовом регулировании труда: так, способ «соглашение сторон» применяется в настоящее время и при регулировании индивидуальных трудовых отношений, и при регулировании коллективно-трудовых отношений. Также можно отметить, что некоторые положения КЗоТ 1922 года практически в неизменном виде нашли отражение в современном законодательстве о труде. Например, правило о предельном количестве сверхурочных работ в течение года (не более 120 часов в год) и в течение двух дней подряд (не более 4 часов) было закреплено в ст. 106 КЗоТ 1922 года, ст. 56 КЗоТ 1971 года и в настоящее время – в ст. 99 нового Трудового кодекса. В качестве примера аналогичного характера можно привести положение о том, что «если ни одна из сторон не потребовала расторжения срочного трудового договора в связи с истечением его срока, а работник продолжает работать после истечения срока трудового договора, договор считается заключенным на неопределенный срок», закрепленное в статье 58 современного Трудового кодекса. Приведенное положение было и в ст. 30 КЗоТ 1971 года, и в ст. 45 КЗоТ 1922 года. Примеры, свидетельствующие о преемственности ряда положений в сфере правового регулирования труда, не единичны. Следовательно, положения такого рода признаны теорией правового регулирования трудовых отношений и подтверждены правоприменимой практикой.

Совершенно очевидно, что преемственность (как объективный процесс) не может не влиять на развитие права. В этом смысле представляется возможным отметить две стороны преемственности: позитивную и негативную. Позитивная сторона преемственности проявляется в том, что преемственность, по нашему мнению, является не только показателем общих моментов в различных правовых массивах, системах, сферах как по горизонтали, так и по вертикали, свидетельством стабильности, но и «двигателем» правового прогресса. Она способствует развитию правовой материи. Поскольку рассмотрение преемственности в правовом регулировании труда позволяет выявить основные положения, соответствующие уровню современного правового регулирования труда, и наоборот – по-

ложению, не применимые в настоящее время.

Первый аспект преемственности – позитивный, когда проявляются положительные свойства преемственности, заключающиеся в использовании в нормативном регулировании положений, «зарекомендовавших себя» положительно и в теории и практике регулирования отношений. В связи с чем необходимо учитывать согласованность ранее действовавших и новых положений. Ранее действовавшая норма уже существует, только может быть использована в новых условиях, а новая «вживляется» и «вживается» в правовую материю. И та и другая должны быть вполне адекватны новым условиям.

Второй аспект преемственности (негативный), когда устоявшееся положение «не вписывается», оно не адекватно новым отношениям, нуждающимся в новых подходах в регулировании. Получается, что «старая норма» «не вживается» в новые условия. Как и какое-либо нововведение «не согласуется» с нормами устоявшимися, оно, попадая в неподготовленную почву, отторгается. Образуется правовой дисбаланс, в результате которого ряд норм не действует либо трудно применим на практике¹¹. Таким образом, учитывая высказанное, можно отметить влияние преемственности на развитие современного правового регулирования, которое проявляется:

- а) в использовании оптимальных положений в праве (отраслях права) в том виде, как есть;
- б) в использовании основной части положения, наиболее приемлемой, с заменой устаревшей части (дополнение новых деталей);
- в) в отказе от норм, не адекватных сложившимся условиям, и замена их на адекватные.

Совершенно очевидно, что применительно к правовому регулированию трудовых отношений (как, впрочем, и других областях регулирования) представляется вполне уместным подчеркнуть, что изменение в целях совершенствования норм права, не соответствующих уровню сложившихся отношений в сфере применения труда, как и норм, функционирующих длительное время, свидетельствует как о динамике, так и о статике в правовом регулировании труда. Исходя из последних рассуждений, возможно отметить по меньшей мере две тенденции в современном правовом регулировании: 1) традиционное использование норм, наиболее эффективных в праве (отраслях права); 2) совершенствование норм, не соответствующих современному уровню правового регулирования трудовых отношений.

¹¹ Рассматривая критерии справедливости в праве, автор приводил примеры рассогласованности норм в трудовом праве, которые оказывают влияние на объективную основу справедливости в праве. См.: Андриановская, И. И. Критерии справедливости в праве / И. И. Андриановская // Ленинградский юридический журнал. – 2007. – № 1 (7). – С. 25–33.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВИЗНА В РЕГУЛИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРЕКРАЩЕНИЕМ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

В истории регулирования отношений, связанных с прекращением трудового договора, традиционно обстоятельства, служащие основаниями прекращения трудового договора, имели закрепление в едином кодифицированном нормативном акте типа основ или кодексов. Исторически сложилось так, что эти обстоятельства (причины) на протяжении длительного времени (с 1918 года по настоящее время) были представлены в виде перечня оснований. Причем довольно длительное время перечень был закрыт (с 1918 по 2002 года). Наличие перечня, его «закрытость» являлись средством защиты работника от злоупотребления правом на увольнение со стороны работодателя. В этом отношении можно отметить последовательную и постоянную преемственность. Так, в КЗоТе 1918 года в ст. 46 были перечислены следующие случаи (основания) увольнения:

а) вследствие полной или частичной ликвидации данного учреждения, предприятия или хозяйства либо при упразднении отдельных обязанностей или работ;

б) вследствие приостановки работ на срок более месяца;

в) вследствие истечения срока или выполнения работы, если работа носила временный характер;

г) в случае явной непригодности к работе, по специальному постановлению органов управления предприятием, учреждением или хозяйством, с согласия соответствующей профсоюзной организации;

д) по желанию самого трудящегося. В последующих статьях 47 – 82 раздела V кодекса «О переводе и увольнении трудящихся» содержались правила увольнения и его обжалования.

Пять названных случаев, по сути, служат основой современного перечня оснований прекращения трудового договора и нашли дальнейшее закрепление и развитие в нормах данного подинститута. Из пяти приведенных оснований три применяются законодателем и в настоящее время, конечно же, в более современных формулировках. Назовем те основные словосочетания, которые наиболее употребимы в современный период: а) в случае ликвидации предприятия; б) вследствие истечения срока...; г) по желанию самого трудящегося.

Основания увольнения, а по КЗоТ 1918 года – случаи увольнения, – представлены в кодексе без привычного и применяемого в современном Трудовом кодексе деления на общие и дополнительные. Впервые деление оснований прекращения трудового договора на общие и дополнительные появляется в КЗоТ 1971 года (ст. 29 и 254). Изначально в названии ст. 29 КЗоТ они не были обозначены как общие или основные. А в ст. 254 КЗоТ были предусмотрены дополнительные основания для

прекращения трудового договора некоторых категорий рабочих и служащих при определенных условиях. То есть в названии и содержании статьи был обозначен дополнительный характер оснований прекращения трудового договора. Только в современном Трудовом кодексе и в названии и содержании соответствующих статей закреплен общий или дополнительный характер оснований прекращения трудового договора.

В КЗоТ 1922 года в ст. 44 было предусмотрено четыре основания увольнения: а) соглашение сторон; б) истечение срока; в) окончание условленной работы; г) по заявлению стороны в порядке ст. 46 и 47. В двух последних статьях были предусмотрены основания прекращения трудового договора по инициативе работника и по инициативе работодателя. В этой связи мы воспользовались аналогичной, более современной формулировкой оснований прекращения трудового договора: «по инициативе...», тогда как в КЗоТ 1922 года законодатель не применяет ее, используя термин «по заявлению». Таким образом, в отличие от КЗоТ 1918 года в кодексе 1922 года впервые проявилось деление оснований прекращения трудового договора в зависимости от воли сторон. Обратим внимание на терминологию, применяемую законодателем. В статьях 46 и 47 кодекса 1922 года вместо термина «по заявлению» используется другой термин: «по требованию» – вместо аналогичного и более современного: «по желанию» («по инициативе»). Следует подчеркнуть, что в названных статьях отражена инициатива сторон трудового договора: в собственном смысле слова использованы термины «нанявшейся может требовать...» и «может быть расторгнут по требованию нанимателя». Тогда как в КЗоТе 1918 года наблюдаем формулировку, используемую в настоящее время: «по желанию самого трудящегося», на инициативу работодателя прямого указания нет. Указанные различия в кодексах обусловлены тем, что законодатель в определенные периоды времени возвращается к использованным ранее и некоторое время не применяемым положениям, конструкциям, приемам. Полагаем, что в этой связи можно говорить о возвратной преемственности, сославшись на слова И. Я. Киселева, который отмечал, что «КЗоТ 1922 года использовал юридическую конструкцию прекращения трудового договора, отсутствовавшую в прежнем кодексе, но имевшуюся в дореволюционном УПТ»¹.

Со времени вступления в законную силу КЗоТ 1922 года до времени вступления в силу КЗоТ 1971 года (01.04.1972) перечень оснований прекращения трудового договора содержал четыре основания, два из которых отсылали к двум статьям. С 1972

¹ Киселев, И. Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование: учебное пособие / И. Я. Киселев. – М.: изд-во «Норма», 2001. – С. 148.

года перечень включал в себя семь оснований прекращения трудового договора, причем четыре вышеназванных нашли свое закрепление в новом (1971 г.) кодексе. Рассматриваемые положения в кодексе 1918 года были внесены в раздел V «О переводе и увольнении трудящихся». Как в названии раздела, так и в содержании рассматриваемых статей наблюдается применение одного термина – «увольнение». А также термины: «увольняемый», «о предстоящем увольнении» и т. п. Таким образом, основной термин, используемый законодателем в этой связи, – «увольнение». Следует обратить внимание на то, что уже в кодексе 1922 года законодатель применяет более привычную и используемую в современном правовом регулировании данной группы отношений терминологию: «прекращение» и «расторжение» трудового договора. В отличие от КЗоТ 1918 года, где термины «прекращение, расторжение» не употребляются вообще. В современном правовом регулировании рассматриваемой группы отношений используются в основном термины «прекращение» и «расторжение» трудового договора, «увольнение» – реже.

По существу, система оснований прекращения трудового договора, закрепленная в КЗоТ 1922 года, служит основой современной системы оснований прекращения договора. Мы употребили термин «система», поскольку полагаем, что именно с рассматриваемых положений кодекса 1922 года (ст. 44) берет начало классификация оснований прекращения трудового договора в зависимости от воли сторон: по соглашению сторон; по инициативе одной из сторон; независимо от воли сторон, именно в определенной системе. И такой подход сохраняется в настоящее время². Преемственность в регулировании исследуемой группы отношений сохраняется и оказывает свое положительное влияние на формирование современной группы норм.

Обратимся к более подробному рассмотрению тех оснований прекращения трудового договора, которые имеют право на существование в современных условиях, несмотря на то, что установлены они были в трудовом законодательстве более 85 лет назад. То есть преемственные положения целесообразны с правовой точки зрения и подтверждены правоприменимальной практикой.

Начиная с 1922 года по настоящее время в кодексах были приведены следующие общие основания прекращения трудового договора: 1) по соглашению сторон; 2) в связи с истечением срока трудового договора; 3) по заявлению стороны... Преемственность в расположении и формулировке названных оснований прекращения трудового договора проявляется достаточно четко. В отношении первого из общих оснований прекращения трудового договора можно отметить постоянно существующую на протяжении длительного времени преемственность: прекращается трудовой договор соглашением сторон. Данное основание прекращения трудового договора является «есте-

ственным»: как договор заключается «соглашением сторон», таким образом он и прекращается «соглашением сторон».

Итак, основание увольнения по соглашению сторон известно трудовому праву с 1922 года, между тем формулировка данного основания осталась неизменной. Сравним: в соответствии со ст. 44 КЗоТ 1922 года «трудовой договор прекращается: а) соглашением сторон», а в соответствии со ст. 77 ТК 2002 года – «основаниями прекращения трудового договора являются: 1) соглашение сторон». Следует отметить то, что с точки зрения сохранения преемственных положений законодатель с 1922 по 2002 год придерживался следующей позиции: стороны самостоятельны в определении процедуры прекращения трудового договора; в установлении сроков увольнения и иных возникающих вопросов. Сама по себе формулировка «соглашение сторон» предполагает то, что при прекращении трудового договора все действия сторон должны быть ими согласованы и определены. И поскольку основания прекращения трудового договора определяются соглашением сторон, то никто, кроме сторон, не должен оказывать влияние на их решение, процедуру увольнения, сроки и другие возникающие вопросы. Полагаем, что правильность позиции законодателя в этой связи не вызывает сомнений. И это положение существовало 80 лет. В новый Трудовой кодекс впервые за указанное длительное время было внесено уточнение следующего характера: в пункте первом ст. 77 ТК после обозначенного основания прекращения трудового договора в скобках дана ссылка на ст. 78 ТК. Статья 78 называется «Расторжение трудового договора по соглашению сторон», а в самой статье закреплено следующее положение: трудовой договор может быть в любое время расторгнут по соглашению сторон трудового договора». В этой связи следует обратить внимание на три момента. Первое: представляется излишним в рамках общего правила прекращения трудового договора по соглашению сторон уточнять только одно обстоятельство: «любое время», в которое может быть произведено прекращение трудового договора. Второе: на наш взгляд, в названии статьи не совсем верно применен термин «расторжение», поскольку в данном случае более употребим термин «прекращение» трудового договора, поскольку договор прекращает действие по воле обеих сторон. Третье: название статьи 78 не согласуется с ее содержанием, а именно: в названии статьи указывается на основание прекращения трудового договора. Но оно названо в п. 1 ст. 77 ТК. Поэтому вполне закономерен вопрос практического характера: «При увольнении по соглашению сторон правоприменимель должен указать ст. 77 или ст. 78 ТК РФ?» Очевидно, преемственно и более правильно на ст. 77. В самой же статье содержится правило прекращения трудового договора, относящееся к процедуре увольнения. Уточним: рассматриваемое положение касается одного правила: времени пре-

² См. более подробно: Андриановская, И. И. Классификации оснований прекращения трудового договора / И. И. Андриановская // Ленинградский юридический журнал. – 2006. – № 1 (5). – С. 167–175.

крашения трудового договора. А иные правила, требующие соглашения сторон, по меньшей мере их можно назвать пять, не нашли закрепления в кодексе. Представляется, что к такого рода правилам, являющимся основными вопросами при согласовании увольнения могут быть отнесены следующие: 1) о судьбе договора; 2) о сроках прекращения трудового договора; 3) о процедуре увольнения; 4) финансовые и имущественные обязательства сторон; 5) о последствиях прекращения трудового договора и другие.

И последнее: совершенно верно, так как стороны все вопросы, связанные с прекращением трудового договора, решают (или должны решать) соглашением сторон. Это утверждение: «соглашение сторон», на наш взгляд, является аксиомой в праве, само по себе весьма определенно, ясно, понятно и не требует каких-либо дополнений, уточнений в специальной статье. В связи со сказанным возникает важнейший вопрос о правовой целесообразности, правовой оправданности введения норм, смысл которых значения не имеет в теории, они излишни в законодательстве, а на практике порождают сложности в правоприменении.

В силу высказанных аргументов и следуя преемственности в правовом регулировании труда, полагаем, необходимо отказаться от рассматриваемого уточнения, введенного в 2002 году, исключив ст. 78 ТК в представленной в ТК редакции.

Рассматриваемое основание прекращения трудового договора также нашло закрепление в п. 1 ст. 29 КЗоТ, без изменений оно было перенесено в п. 1 ст. 77 ТК. Следовательно, сложившаяся практика применения данного основания преемственна и вполне приемлема в настоящее время.

Практика показывает, что по соглашению сторон может быть расторгнут трудовой договор, заключенный как на определенный, так и на неопределенный срок. В этой связи вполне уместно привести позицию Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации по делу Гречиной от 21 июля 1998 года, согласно которой «на срочное трудовое соглашение, являющееся одним из видов трудовых договоров, распространяется общее для всех работников основание его прекращения, предусмотренное п. 1 ст. 29 КЗоТ – соглашение сторон»³. Также практика допускает использование применения основания увольнения по п. 1 ст. 29 КЗоТ (п. 1 ст. 77 ТК РФ) – соглашение сторон в тех случаях, когда инициатором увольнения является работодатель, но иных законных оснований для этого у него нет. В такой ситуации как работодатель, так и работник могут расторгнуть трудовой договор по п. 1 ст. 77 ТК на любых приемлемых для сторон условиях, главное, чтобы эти условия не ухудшали положение работника.

Также следует обратить внимание на то, что практикой выработан ряд правил, вытекающих из

особенностей увольнения по соглашению сторон. Так, в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 22 декабря 1992 года с последующими изменениями и дополнениями от 21 декабря 1993 года, 25 октября 1996 года, 15 января 1998 года. «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации законодательства при разрешении трудовых споров»⁴, было разъяснено: 1) при достижении между работником и работодателем соглашения, направленного на прекращение трудового договора, договор прекращается в срок, определенный сторонами; 2) аннулирование такого соглашения возможно лишь при взаимном согласии работодателя и работника. Аналогичные положения были внесены в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 года. «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»⁵ с некоторыми уточнениями, сравним: «срочный трудовой договор может быть расторгнут в любое время в срок, определенный сторонами». А также в отношении аннулирования договоренности уточнено: «относительно срока и основания увольнения». В целом изменения от 30.06.2006 некоснулись рассматриваемых положений⁶. Следовательно, если издан приказ об увольнении работника по п. 1 ст. 77 ТК, то он не вправе требовать восстановления на работе, по причине незаконности приказа. Таким образом, исключается односторонний порядок требования признания увольнения незаконным. Из последнего логически вытекает другое правило. Отказаться от состоявшегося увольнения могут стороны могут только путем достижения соглашения сторон.

Смысль соглашения сторон в данном случае предполагает достижение соглашения по всеменным и другим вопросам, которые могут возникнуть при прекращении трудового договора по рассматриваемому основанию.

В отличие от основания прекращения трудового договора по соглашению сторон, которое весьма преемственно, основание прекращения по истечении срока трудового договора претерпело некоторые существенные изменения именно в связи с принятием нового Трудового кодекса. Изменения в основном касаются особенностей заключения срочного трудового договора, влияющих в свою очередь на прекращение трудового договора, – они вполне насыщны и необходимы. Мы не ставим перед собой задачу дать полный и всесторонний анализ основания прекращения трудового договора в связи с истечением срока. Обратим внимание лишь на некоторые преемственные положения, имеющие важнейшее значение в правовом регулировании названной группы отношений как в прошлом, так и в настоящем, без всякого сомнения – и в будущем. Можно отметить, что именно в формулировке КЗоТ 1922 года почти без изменения в настоящее время законодатель применяет

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 2. – С. 5–6.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1993. – № 3.

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 6.

⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. «О внесении изменений и дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации» от 17.03.04 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 3.

формулировку основания увольнения: «истечение срока договора». Полагаем, правильнее отслеживать преемственные положения в применении данного основания прекращения трудового договора именно с кодекса 1922 года, поскольку в кодексе 1918 года было несколько иначе сформулировано рассматриваемое основание, хотя его общий смысл тождествен исследуемому основанию прекращения трудового договора: «вследствие истечения срока или выполнения работы, если работа носила временный характер» (п. «в» ст. 46 КЗоТ 1918 г.). Кроме того что преемственно само основание прекращения трудового договора (в связи с истечением срока), преемственно и основное правило прекращения трудового договора в связи с истечением срока. Приведем его: «Если по истечении срока договора трудовое отношение продолжается и ни одна из сторон не требует его прекращения, договор признается продолженным на прежних условиях на срок неопределенный». Данное положение было закреплено в ст. 45 КЗоТ 1922 года, сравним его с современной формулировкой: «Истечение срока трудового договора, за исключением случаев, когда трудовые отношения фактически продолжаются и ни одна из сторон не потребовала их прекращения». Рассматриваемое положение, по сути, не изменилось. Безусловно, в современной формулировке оно более лаконично, понятно и вполне применимо на практике.

Следует обратить внимание на то, что в КЗоТ 1922 года приведенное положение (ст. 45) располагалось после перечисленных общих случаев (оснований) увольнения (ст. 44). В современном Трудовом кодексе оно указано после наименования самого основания увольнения в связи с истечением срока трудового договора (п. 2 ст. 77). Этот прием известен со времени действия КЗоТ 1971 года, причем это правило не изменилось до настоящего времени.

Следующие основания прекращения трудового договора предполагают инициативу (требование) сторон договора.

В КЗоТ 1918 года было закреплено основание прекращения трудового договора по собственному желанию работника: «по желанию самого трудащегося». Причем с того до настоящего времени законодатель не ограничивает работника объяснением причин увольнения. По КЗоТ 1918 года правило предупреждения работодателя о предстоящем увольнении не было предусмотрено.

Только в 1922 году было введено правило предупреждения об увольнении по собственному желанию. Эта норма сохраняется по настоящее время: работник о предстоящем увольнении по собственному желанию (по требованию нанявшегося) должен обязательно предупредить работодателя. А именно в соответствии со ст. 46 КЗоТ 1922 года при расторжении трудового договора, заключенного на неопределенный срок, была предусмотрена обязанность работника предупредить нанимателя: при недельном расчете – не менее чем за один день, а при двухнедельном или месячном расчете – не менее чем за семь дней. Причем в самой статье указано, что «нанявшийся может требовать его расторжения во всякое время». В современной трактовке этого

положения законодатель не акцентирует внимание на том, что договор не может быть расторгнут по желанию работника «во всякое время» (в любое время, когда работник сочтет необходимым), тем не менее это предполагается. На протяжении весьма длительного времени сохранялось правило о предупреждении работником работодателя о предстоящем увольнении. Смысл данного положения понятен – предупредить работодателя о расторжении трудового договора, чтобы за это время он мог подыскать нового работника. Правда, обязанность работника в рассматриваемых отношениях в результате кодификации утратила свое значение. В современном виде ст. 80 ТК РФ, как и в ст. 31 КЗоТ 1971 года, предусмотрено «право работника расторгнуть трудовой договор, предупредив об этом работодателя в письменной форме за две недели». Каких-либо специальных положений, имеющих преемственное значение в современном правовом регулировании рассматриваемой группы отношений, кодекс 1918 года не содержал. Обратим внимание только на одно положение, закрепленное в п. 51, от которого законодатель вполне обоснованно отказался, такого рода положение по понятным причинам нет в современном Трудовом кодексе, как и в кодексе 1971 года. Оно заключается в следующем: «Добровольному оставлению работы (п. «д» ст. 46) в предприятии... должна предшествовать проверка оснований ухода, производимая соответствующим органом рабочего самоуправления...» В то время оно могло иметь право на существование в виде определенной гарантии работника от незаконных увольнений.

Впервые в КЗоТ 1922 года в ст. 47 был приведен перечень оснований расторжения трудового договора по требованию нанимателя. Он состоял из семи пунктов, которые были обозначены буквами (буквенное обозначение):

- а) в случае полной или частичной ликвидации предприятия, учреждения или хозяйства, а равно в случае сокращения работ в них;
- б) вследствие приостановки работ на срок более одного месяца по причинам производственно-го характера;
- в) в случае обнаружившейся непригодности нанявшегося к работе;
- г) в случае систематического неисполнения нанявшимся без уважительных причин обязанностей, возлагаемых на него договором или правилами внутреннего трудового распорядка;
- д) вследствие совершения нанявшимся уголовно наказуемого деяния, непосредственно связанного с его работой и установленного вступившим в силу приговором суда, а также в случае пребывания нанявшегося под стражей более двух месяцев;
- е) в случае неявки на работу более трех дней кряду или в общей сложности более шести дней в месяц без уважительных причин;
- ж) в случае непосещения работы, вследствие временной утраты нанявшимся трудоспособности по истечении двух месяцев со дня утраты таковой, а в случае временной утраты трудоспособности после беременности и родов – по истечении двух месяцев сверх установленного ст. 92 четырехмесячного срока.

В редакции 1936 года статья 47 КЗоТ (1922 г.) претерпела некоторые изменения: п. «е» был отменен, введен п. «з» – в случае, когда на должности, занимаемой нанявшимся, восстановлен судом или расценочно-конфликтной комиссией работник, ранее занимавший эту должность.

Следует отметить, что в результате дополнений и изменений 1936 года в КЗоТ была введена отдельная ст. 47¹ – вне перечня оснований прекращения трудового договора, в которой было закреплено следующее: в случае одного дня неявки на работу без уважительных причин (прогул) работник подлежит увольнению с предприятия или учреждения... Таким образом, специально было выделено основание увольнения за прогул и законодатель отказался от формулировки, закрепленной в п. «е» ст. 47 КЗоТ. Обратим внимание на то, что именно в рассматриваемой редакции КЗоТ в правовую материю был введен не правовой, а «обыденный» термин – прогул. С того до настоящего времени данное основание прекращения трудового договора применяется при регулировании рассматриваемой группы отношений. Заметим, что данное основание расторжения трудового договора по «требованию нанимателя» только в КЗоТ 1922 года было вынесено в отдельную статью прим. – 47¹. Тогда как в истории трудового законодательства рассматриваемое основание всегда было приведено в перечне оснований прекращения трудового договора по инициативе работодателя (администрации). Например, как в ст. 33 КЗоТ РФ (1971 г.) и в ст. 81 современного ТК РФ.

К ст. 47 в тексте кодекса было приведено четыре примечания, которые предусматривали некоторые правила увольнения по данным основаниям. От большинства из них законодатель отказался, поэтому мы не будем их рассматривать подробно, обратим внимание лишь на одно, на наш взгляд, имеющее значение и в современном правовом регулировании трудовых отношений. Речь идет о примечании 3, в котором предусмотрены, во-первых, обязанность нанимателя предупредить нанявшегося за 12 рабочих дней об увольнении по п. «а», «б», «в»; во-вторых, выплата компенсации при увольнении в указанных случаях в соответствии со ст. 88 КЗоТ 1922 года. Завершили главу V «О трудовом договоре» кодекса 1922 года две статьи – 48 и 49. В ст. 48 были перечислены основания расторжения срочного трудового договора до истечения его срока, в ст. 49 закреплено основание прекращения трудового договора по требованию профессионального союза. Если в КЗоТ (1971 г.), вступившем в законную силу 01.04.1972 г., эти положения применялись, преемственность их сохранялась, то в новом ТК эти положения отсутствуют. Представляется совершенно верным отказ от вышеуказанного основания прекращения трудового договора, как и отказ от общего запрета расторгнуть срочный трудовой договор по собственному желанию. Названные положения действовали в трудовом праве в течение длительного времени, представляется, что они ограничивали свободу сторон трудового договора в соответствующих отношениях, отказ от них вполне правомерен. Между тем следует специально подчеркнуть,

что перечисленные в ст. 47 КЗоТ 1922 года, основания прекращения трудового договора в целом были восприняты законодателем и использованы им в кодексе 1971 года, с некоторыми незначительными изменениями. Впоследствии они были использованы в современном Трудовом кодексе.

Наибольший теоретический и практический интерес представляет анализ перечня оснований прекращения трудового договора по инициативе работодателя с точки зрения преемственности. Завершая исследование, обратим внимание на два важных обстоятельства, позволяющих провести отличия от перечня основания прекращения трудового договора, закрепленного в КЗоТ 1971 года (как и 1918, 1922 гг.), от современного. Итак, первое обстоятельство, на которое следует обратить внимание. В перечне общих оснований прекращения трудового договора содержится п. 4 ст. 77 ТК, который сформулирован достаточно лаконично: «расторжение трудового договора по инициативе работодателя». Но эта формулировка увольнения носит общий характер, предусматривая лишь возможность увольнения по инициативе работодателя. Конкретные основания увольнения закреплены в специальной статье ТК. В этой статье приведен перечень оснований прекращения трудового договора по инициативе работодателя (ст. 81 ТК). Как правило, увольнение работника по инициативе работодателя производится по одному из оснований расторжения трудового договора, закрепленного в специальном перечне (ст. 81 ТК). Увольнение по инициативе работодателя без основания, указанного в ст. 81 ТК, запрещается. Следовательно, работник может быть уволен работодателем только по тому основанию, которое есть в перечне оснований ст. 81 ТК, в отличие от увольнения работника по его собственной инициативе, при котором причина, конкретное жизненное обстоятельство, может быть любым и не ограничивается каким-либо перечнем.

Закрепление перечня конкретных оснований увольнения по инициативе работодателя достаточно традиционно для трудового законодательства России. В Кодексе законов о труде 1922 года (с изменениями на 01.05.1936) в ст. 47 перечень содержал 7 пунктов, в ст. 33 КЗоТ РФ с изменениями на 01.02.1998 – 8 пунктов, в которых были закреплены конкретные основания увольнения. В 1983 году было введено такое основание прекращения трудового договора, как «появление на работе в нетрезвом состоянии», а в 1986 году – «совершение» по месту работы хищения (в том числе и мелкого)... Исторически (с 1922 по 2002 г.) количество пунктов, название оснований увольнения не было неизменным в КЗоТ, но основания увольнения были закреплены в виде перечня (закрытого), что является гарантией для работника от злоупотребления работодателем правом на увольнение.

Ныне перечень состоит из 14 пунктов. Некоторые пункты включают в себя одно основание: например, п. 2 ст. 81 «сокращение численности или штата работников организаций», другие – два основания п. 3 ст. 81 «несоответствие работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие: а) состояния здоровья в соответствии

с медицинским заключением; б) недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации», иные – более, например п. 6 включает в себя ряд оснований прекращения трудового договора, которые законодатель относит к категории оснований «однократное грубое нарушение работником своих трудовых обязанностей». В 11 пунктах находят отражение конкретные основания увольнения (на 2006 г. п. 12 утратил силу), 13-й пункт включает основания прекращения трудового договора, предусмотренные трудовым договором с руководителем организации, членами коллегиального исполнительного органа организации. Этот пункт предусматривает дополнительные основания увольнения, установленные соглашением сторон и закрепленные в контракте. П. 14 ст. 81 ТК предусматривает другие случаи, с которым закон связывает увольнение работников по инициативе работодателя. Эти случаи могут быть предусмотрены как в самом Трудовом кодексе, так и в федеральных законах. Следовательно, перечень оснований увольнений, закрепленный в ст. 81 ТК, в отличие от перечня, закрепленного в ранее действующем КЗоТ, не носит исчерпывающего характера.

Второе обстоятельство, заслуживающее внимания, состоит в том, что перечень конкретных жизненных обстоятельств, служащих основанием увольнения по инициативе работодателя, был применен ко всем работникам и носил общий характер. В ныне действующем перечне оснований увольнения по инициативе работодателя общий характер оснований увольнения сохранился в отношении части оснований, таких, как: ликвидация организации (п. 1 ст. 81 ТК), сокращения численности или штата работников (п. 2 ст. 81 ТК), несоответствия работника занимаемой должности (п. 3 ст. 81 ТК), неоднократного неисполнения работником без уважительных причин трудовых обязанностей (п. 5 ст. 81 ТК), однократного грубого нарушения работником трудовых обязанностей (п. 6 ст. 81 ТК), предоставление работником работодателю подложных документов (п. 11 ст. 81 ТК). В отношении других оснований явно исключается общий подход в их применении, поскольку в самом основании увольнения указаны субъекты, к которым применимо данное основание увольнения: руководитель, его заместители, главный бухгалтер в случаях: 1) смены собственника имущества организации (п. 4 ст. 81), 2) когда речь идет о принятии необоснованного решения, повлекшего за собой нарушение сохранности имущества (п. 9 ст. 81). И в отношении руководителя, его заместителей в случае однократного грубого нарушения

ими своих трудовых обязанностей (п. 10 ст. 81). В ряде случаев также прослеживается не общий, а специальный характер применения; специальные субъекты названы в пунктах ст. 81 ТК: работник, непосредственно обслуживающий денежные и товарные ценности (п. 7 ст. 81 ТК); работник, выполняющий воспитательные функции (п. 8 ст. 81 ТК). Таким образом, можно констатировать: в современном перечне основания увольнения по инициативе работодателя прослеживаются две категории оснований: 1) основания, применяемые ко всем работникам, выражющие общий характер; 2) основания, применяемые к отдельным категориям работников. В этой связи также необходимо подчеркнуть, что если в ранее действующем КЗоТ достаточно четко проявлялось деление оснований на основные и дополнительные (ст. 29, 254 КЗоТ РФ) и прослеживалось только в названных статьях КЗоТ, то в отношении ныне действующего Трудового кодекса вряд ли можно это сказать. Дополнительные основания увольнения работника в соответствии с п. 13 ст. 81 ТК могут быть предусмотрены в трудовом договоре и установлены только по соглашению сторон в отношении отдельной категории работников. Следовательно, основание увольнения по инициативе работодателя может быть установлено в договоре по соглашению сторон и носить индивидуальный (специальный), а не общий характер. Также в п. 14 предусмотрены иные случаи расторжения трудового договора по инициативе работодателя, установленные в Трудовом кодексе и иных федеральных законах. В отличие от ст. 81 ТК, в ст. 33 КЗоТ, аналогичной по содержанию рассматриваемой, такого рода положений не содержалось.

Увеличение почти в два раза причин – оснований прекращения трудового договора вряд ли можно признать разумным⁷. Также расширение перечня оснований данного вида за счет оснований, предусмотренных в федеральных законах и трудовом договоре, не представляется правильным. Здесь усматривается более детальное регулирование данной группы отношений, не оправданной с точки зрения правовой целесообразности. В этой связи утрачивается и значение самого перечня оснований как средства защиты интересов работника.

Представляется, что на сегодняшний день, в целях защиты интересов работников, предпочтительнее учесть преемственные положения, складывающиеся в трудовом праве, которые позволяют найти наиболее оптимальный вариант регулирования рассматриваемой группы отношений.

⁷ Лившиц, Р. З. отмечал излишнюю заурегулированность отношений как общий недостаток законодательства об увольнении по инициативе администрации. И предлагал, воспользовавшись опытом ряда стран, свести причины увольнения к трем: изменения в организации производства и труда; несоответствие работника выполняемой работе при отсутствии виновных действий с его стороны; виновные действия работника... См.: Лившиц, Р. З. Трудовое законодательство: настоящее и будущее / Р. З. Лившиц. – М.: Наука, 1989. – С. 62–64.

ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бреднева Валентина Сергеевна – ст. преподаватель кафедры теории, истории, философии права и государственно-правовых дисциплин Юридического института Сахалинского государственного университета, аспирантка Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

Вопросы юридической деятельности являются слабо разработанными. В научной литературе до сих пор не сложилось единого представления о понятии и структуре юридической деятельности.

Категория «деятельность» изучается многими науками о человеке, его мышлении, поведении. На их основе к настоящему времени создано несколько вариантов теории деятельности.

Под деятельностью в психологии понимают как внешнюю (предметно-чувственную, материальную) деятельность, так и внутреннюю, идеальную (мышление, познание).¹ Психологический аспект теории права уделяет главное внимание изучению социально-психологических механизмов социальной деятельности людей в сфере правового регулирования². Деятельность всегда имеет психологический аспект, и правовые нормы выступают не только внешними, но и внутренними регуляторами деятельности человека, поскольку, воспринятые им, воздействуют на поведение через систему внутренних психологических регуляторов.

В поведенческой теории права деятельность рассматривается как наивысший уровень поведения, совокупность действий, операций, поступков, направленных к единой цели³.

Главным в «поведенческой» теории признается определение оптимальных границ правового поведения с точки зрения его нормативной регламентации⁴.

Р. Штаммлер писал: «Социальное хозяйство есть совместная деятельность для удовлетворения потребностей. В понятие этой совместной деятельности, раз она становится возможным объектом социального познания, входит внешнее нормирование при помощи определенных, установленных людьми, правил. Предметом социальной науки как таковой является, следовательно, эта урегулированная совместная деятельность, и притом урегулированная особым образом...»⁵ «С точки зрения социально-научного исследования существует лишь определенным образом урегулированная совместная деятельность, направленная к удовлетворению человеческих потребностей. Но

это социальное хозяйство не находится в качестве особого объекта, под причинным воздействием независимого от него права. Вообще перед нами нет ничего другого, кроме единого объекта социального анализа, определенным образом урегулированного социального хозяйства»⁶.

Характеристику деятельности субъектов с позиций поведенческой, социологической и психологической теории права необходимо дополнить еще одним аспектом исследования такой деятельности – с точки зрения инструментальной теории права⁷.

Юридическая деятельность является одним из видов осознанной социальной деятельности и характеризуется активным использованием правовых средств. Она обеспечивается различными элементами и уровнями правосознания.

Акцент в исследовании деятельности с этой теории должен быть сделан на определении места и роли правовых средств в структуре деятельности, возможностям и правилам их исследования при решении разнообразных социальных задач. Такое выявление поможет разработать практические рекомендации по совершенствованию юридической деятельности и обеспечению ее эффективности.

Относительно структуры юридической деятельности среди ученых нет единства. В. Н. Карташов считает, что «структурный подход к юридической деятельности требует прежде всего уяснения ее содержания и формы, поскольку именно эти категории в первую очередь раскрывают его строение как цельного и относительно самостоятельного явления правовой системы общества. ...А под содержанием юридической деятельности следует понимать совокупность всех свойств, элементов и процессов, ее составляющих. Конституирующими элементами содержания выступают субъекты, участники, юридические действия и операции, средства и способы их осуществления»⁸.

Для понимания структуры любой деятельности важное значение имеет данная К. Марксом характеристика труда. При рассмотрении этой структуры К. Маркс подчеркивал, что субъектом деятель-

¹ Суходольский, Г. В. Основы психологической теории деятельности / Г. В. Суходольский. – Л., 1988. – С. 52; см. также: Леонтьев, А. Н. Деятельность, сознание, личность / А. Н. Леонтьев. – М., 1975.

² Кудрявцев, В. Н. Современная социология права / В. Н. Кудрявцев, В. П. Казимирчук. – М., 1995. – С. 136–142.

³ Кудрявцев, В. Н. Правовое поведение: норма и патология / В. Н. Кудрявцев. – М., 1982. – С. 41.

⁴ Там же. С. 283.

⁵ Штаммлер, Рудольф. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории (перевод немецкого) / Рудольф Штаммлер. – Санкт-Петербург: Типография М. Меркушева, Невский проспект, 8, 1898. – С. 108.

⁶ Там же. С. 208.

⁷ Сапун, В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права / В. А. Сапун. – СПб.: СПбГУП, 2002. – С. 99.

⁸ Карташов, В. Н. Понятие и структура юридической деятельности / В. Н. Карташов // Юридическая деятельность: сущность, структура, виды: сб. науч. тр. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1989. – С. 21–22.

ности является человек, который через применение средств труда в процессе труда «преобразует форму того, что дано природой», и в результате получает продукт, который в начале процесса труда мыслится идеально, в качестве цели деятельности. ... В процессе труда деятельность человека при помощи средств труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда. Процесс угасает в продукте... То, что на стороне рабочего проявилось в форме деятельности... теперь на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства... в форме бытия⁹.

Отсюда следует, К. Марксом в качестве структурных элементов выделены субъект труда с его целями и системой действий, предмет труда, средства труда, продукт или результат труда.

В. А. Сапун отмечает, что «структура, проанализированная К. Марксом, имеет значительное сходство с праксеологическими моделями трудовой деятельности лишь с той разницей, что в праксеологии речь идет не только о труде, а о любой деятельности, поэтому ее структура носит всеобщий, а потому абстрактный характер»¹⁰.

Термином «праксеология» называют науку об эффективной деятельности. В употребляемом сегодня смысле термин «праксеология» впервые применил Альфред Эспинас. Следующий этап в развитии праксеологии отнесен работами Котарбинского, который обобщил свои взгляды в книгах «Принципы хорошей работы» и «Трактат о хорошей работе»¹¹.

В своей праксеологии Т. Котарбинский стремился найти законы всякой человеческой деятельности и вывести общие правила хорошей работы путем обобщения опыта человечества. Благодаря Т. Котарбинскому термин и идеи праксеологии были институционализированы в качестве направления теоретических и прикладных исследований. Задачами праксеологии, по Т. Котарбинскому, являются: анализ техники и аналитическое описание элементов и форм рациональной деятельности, создание «грамматики действия» в порядке выработки наиболее общих норм максимальной целесообразности действий, в частности, в виде системы общетехнических рекомендаций и предупреждений в применении к профессиональной индивидуальной и коллективной деятельности (работы). Общая схема нормативного предложения или же правила практики таковы: в обстоятельствах А нужно (достаточно) выполнить В, чтобы вызвать С.

На наш взгляд, структура юридической деятельности – это открытая динамичная система, основными элементами которой являются субъект, объект, объективная сторона, субъективная

сторона, правовые средства, причинно-следственные связи.

В субъективную сторону включаются мотивы, цели, воля, различные правовые установки, содержание которых обусловлено уровнем правосознания в целом. Таким образом, при осуществлении юридической деятельности компоненты правосознания «включаются» и работают на достижение результата.

Субъект – это тот, кто осуществляет юридическую деятельность. Субъект может обладать властными полномочиями или не иметь таковых.

Объект – это то, на что направлены социально-преобразующие, целенаправленные действия субъектов. В самом общем виде объектом являются общественные отношения.

Объективной стороной выступают правовые действия и операции.

Б. Ф. Ломов, например, пишет, «что деятельность реализуется как система последовательно развертывающихся действий, каждое из которых решает частную задачу и может быть рассмотрено как некоторый шаг» по направлению к цели¹². Юридические действия представляют внешне выраженные, социально преобразующие и влекущие определенные правовые последствия акты субъектов, которые составляют фундаментальное зерно, основание любой юридической деятельности¹³. Совокупность взаимосвязанных между собой действий, направленных на достижение локальной цели и решение обосновленной в рамках протекающей юридической деятельности задачи, составляет операцию.

Правовые средства учеными определяются по разному.

Так, по мнению Б. И. Пугинского, правовые средства представляют собой «сочетания (комбинации) юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества», а в более узком значении – «юридические способы решения субъектами соответствующих задач, достижения своих целей (интересов)»¹⁴.

С. С. Алексеев определяет правовые средства как «субстанциональные, институциональные явления правовой действительности, воплощающие регулятивную силу права, его энергию...»¹⁵. В другой работе ученый характеризует их как «объективированные субстанциональные правовые явления, обладающие фиксированными свойствами, которые позволяют реализовать потенциал права, его силу»¹⁶.

С точки зрения В. А. Сапуна, правовые сред-

⁹ Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 23. – С. 191–192.

¹⁰ Сапун, В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права / В. А. Сапун. – СПб.: СПбГУП, 2002. – С. 99; см. также о правильной организации деятельности: Котарбинский, Т. Трактат о хорошей работе / Т. Котарбинский. – М., 1975. – С. 23.

¹¹ Этика: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001. – С. 384.

¹² Ломов, Б. Ф. К проблеме деятельности в психологии / Б. Ф. Ломов // Психологический журнал. – 1981. – Т. 1. – № 5. – С. 11.

¹³ Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М., 1975. – С. 104.

¹⁴ Пугинский, Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б. И. Пугинский. – М., 1984. – С. 87.

¹⁵ Алексеев, С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С. С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 14.

¹⁶ Алексеев, С. С. Теория права. – М., 1995. – С. 223; см. также: Алексеев, С. С. Государство и право / С. С. Алексеев. – М., 2007. – 152 с.

ства – «институциональные образования (установления, формы) правовой действительности, использование которых в специальной правовой деятельности приводит к достижению определенного результата в решении социально-экономических, политических, нравственных и иных задач и проблем, стоящих перед обществом и государством на современном этапе»¹⁷.

А. В. Малько полагает, что «правовые средства – это правовые явления, выражаются в инструментах (установлениях) и действиях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей»¹⁸.

В научной работе правовые средства понимаются как институциональные образования правовой действительности, использование которых в юридической деятельности приводит к достижению определенного результата.

Юридические нормы, правовые отношения, акты реализации прав и обязанностей, правоприменимые акты – это лишь некоторые правовые средства, при помощи которых обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения.

Разноплановые по своей природе и функциям юридические средства, объединяясь в механизм правового регулирования, образуют целостный организм, единую, внутренне согласованную, непротиворечивую комбинацию элементов, назначение которой заключается в постоянном действии, в непрерывном «прокручивании» правовой энергии¹⁹.

В настоящее время исследователи уделяют внимание различным видам правовых средств, в частности административно-правовым средствам²⁰.

Юридические средства выражают информационно-энергетические качества и регулятивные ресурсы права, что придает им особую силу, своеобразную юридическую энергию», направленную на преодоление препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов участников правоотношений²¹. Правовые средства аккумулируют в себе возможности права. В них потенциально заложены такие способности, которые позволяют им справляться с различного рода препятствия-

ми, обеспечивать разрешение необходимых задач. Правовые средства обеспечиваются государством, их отличает гарантированность мерамиластного воздействия, поскольку реализация возможностей права предполагает наличие стимулирующих, защитных, охранительных и карательных механизмов. Правовые средства приводят к определенным юридически значимым последствиям, конкретным результатам, той или иной степени эффективности либо дефектности правового регулирования²².

Причинно-следственные связи соединяют субъект, объект, субъективную сторону, объективную сторону, правовые средства в единое структурно и логически целое – юридическую деятельность.

Уровень правосознания определяет выбор правовых средств, выбор правовых действий и операций, обуславливает мотивы и цели.

С Сливка подчеркивает, что юридическую деятельность можно рассматривать как технологию и как искусство: «Искусство основано на интуиции, а технологии на закономерностях науки. Фактически, юридическая наука начинается с искусства, а заканчивается технологией».²³

Проблемы взаимодействия и соотношения правосознания и различных видов юридической деятельности имеют особое научное и прикладное значение на современной стадии формирования российского общества, когда правовые средства непосредственно призваны играть стержневую роль в обновлении всех сфер многообразной общественной жизни. Уровни правосознания включаются в различные виды юридической деятельности и обладают различной результативностью и спецификой.

В юридической литературе подробно исследованы отдельные виды юридической деятельности²⁴, однако практически нет работ, рассматривающих соотношение правовой и юридической деятельности. Исследование данного вопроса крайне важно и необходимо для понимания места и роли уровней правосознания, поскольку в научных работах, посвященных правосознанию, применяются оба термина.

Некоторые авторы считают, что термины «юридический» и «правовой» выводятся из различных смысловых значений²⁵.

¹⁷ Сапун, В. А. Деятельность по использованию правовых средств в реализации советского права / В. А. Сапун // Проблемы реализации права: Межвуз. сб. научных трудов. – Свердловск, 1990. – С. 10.

¹⁸ Малько, А. В. Новые явления в политико-правовой жизни России: вопросы теории и практики / А. В. Малько. – Тольятти, 1999. – С. 65.

¹⁹ Малько, А. В. Цели и средства в праве и правовой политике / А. В. Малько, К. В. Шундиков. – Саратов: изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. – С. 70.

²⁰ Волков, С. Г. Административно-правовые средства обеспечения авиационной безопасности в Российской Федерации / С. Г. Волков // Современное право. – 2007. – № 7. – С. 63–67; Кишенин, В. Н. Логистические конфликтные ситуации и инструментальные средства их разрешения: монография / В. Н. Кишенин. – М., 2006. – 112 с.; Куракин, А. В. Проблемы реализации административно-правовых средств предупреждения и пресечения коррупции в системе Вооруженных Сил Российской Федерации / А. В. Куракин // Современное право. – 2007. – № 6. – С. 54–61; см. также: Волков, С. Г. Административно-правовые средства охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на объектах гражданской авиации / С. Г. Волков // Право и политика. – 2007. – № 8. – С. 34–38.

²¹ Матузов, Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н. И. Матузов. – Саратов, 1972. – С. 231.

²² Малько, А. В. Цели и средства в праве и правовой политике / А. В. Малько, К. В. Шундиков. – Саратов: изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. – С. 113–114.

²³ Сливка, С. С. Правница деонтология / С. С. Сливка. – К.: Атика, 1999. – С. 126.

²⁴ Теория юридического процесса / Под общ. ред. В. М. Горшенева. – Харьков, 1985. – С. 37–38.

²⁵ Шагиева, Р. В. Правовая деятельность и ее разновидности в современном российском обществе / Р. В. Шагиева // Журнал российского права. – 2004. – № 10. – С. 88–98; Петрова, Л. В. О естественном и позитивном праве / Л. В. Петрова // Государство и право. – 1995. – № 2. – С. 36.

По мнению Л. В. Петровой, попытка отождествить слова «юридический» и «правовой» этимологически и теоретически несостоятельна. Исследователь обращается к работам известных римских юристов и утверждает, что слово *jus* (право) происходит от *justitia* (правда, справедливость), а термин «юридический» происходит от лат. *juridicus*, то есть судебный²⁶.

Однако в самом издании «Дигесты Юстиниана» отмечено, что «слово *jus* («право») имеет иногда значение, близкое к значению слова «суд»»²⁷.

Р. В. Шагиева отмечает, что и в латинском варианте, и в переводе нет противопоставления юридического и правового: «Тому, что установлено против смысла права, мы не можем следовать как юридическому правилу по-латыни звучит так: “In his quae contra rationen iuris constituta sunt, non possumus sequi regulam iuris”»²⁸.

Кроме того, слово «*jus*» всегда переводят на русский язык как «право», а вот «*iuris, juridicus*» может переводиться как «правовой», «юридический» или «судебный» – в зависимости от контекста. В русском языке слово «юридический» – заимствованное, иностранное. На это прямо указывают и некоторые толковые словари²⁹.

Таким образом, с определенной долей уверенности можно утверждать, что римляне применяли в одном смысловом и этимологическом поле слова: право, юстиция, юрисдикция, права, судебный, юридический, юриспруденция.

А вот русское слово «право» этимологически невозможно вывести из латыни. Древние славяне обладали достаточно сформированной системой мифологического осмыслиения мира, характеризующейся в духовном отношении высокой индивидуальностью и значительной предправовой про-двинутостью³⁰. Русское слово «право» имеет свое собственное смысловое поле, которое обозначается однокоренными словами: «справедливость», «правь», «правда», «праведный», «правильный», «правила».

Возникает закономерный вопрос: если в русском языке уже давно существовало собственное слово «право», было известно слово «закон», почему потребовалось заимствование слова «юридический»? Почему в русском языке и юридической науке существуют два слова, имеющие единое смысловое поле?

Можно предположить, что слово «юридический» появилось и закрепилось в российской литературе в результате «экспорта» европейских знаний в российскую правовую действительность. Аналогично тому, как на сегодняшний день суще-

ствуют слова «менеджер», «логистик», «криэйтэр», хотя у этих слов есть русский аналог.

Некоторые авторы считают, что Россия имела самостоятельный путь правового развития и длительное время не участвовала в процессе зарождения и формирования европейского права. Лишь значительно позднее, выйдя на путь западной правовой традиции, Россия воспринимает многие ее черты³¹. В. А. Туманов считает, что только после реформ 60-х годов XIX века в России начинается активный процесс развития юридической профессии, юридической науки, юридического образования³².

Исходя из этих обстоятельств, некоторые исследователи полагают, что термин «юридический» понадобился в русском языке не как равнозначный уже имеющемуся слову «правовой» и не как выводимый из значения «судебный», а для обозначения чего-то нового, связанного с появлением юристов-профессионалов.

Р. В. Шагиева утверждает: «С точки зрения субъектного состава категория «правовая деятельность» шире категории «юридическая деятельность», поскольку призвана охватить действия не только публичных субъектов, осуществляющих государственную власть, но и всех юридических и физических лиц. Однако вряд ли будет правильным рассматривать соотношение правовой и юридической деятельности как целого и части»³³.

Исследователи делают вывод, что «категория «правовая деятельность» необходима для фиксации всех действий, признаваемых нашим обществом и государством правильными, справедливыми, какими бы субъектами они ни осуществлялись. Юридическая же деятельность должна осуществляться лишь на профессиональной основе, юристами, поскольку связана со специальными операциями по поводу правовых явлений, требует особых навыков и умений»³⁴.

На наш взгляд, это утверждение не бесспорно, поскольку традиционно к юридической деятельности относят и деятельность по непосредственной реализации права, субъекты которой могут и не обладать специальными юридическими знаниями.

С определенной долей условности критерием различия правовой и юридической деятельности является то, что юридическая деятельность порождает юридически значимые последствия – возникновение прав и обязанностей. Правовая деятельность может и не порождать возникновения юридически значимых последствий (например, правовая воспитательная работа с несовершеннолетними правонарушителями).

Таким образом, этимологически слова «пра-

²⁶ Петрова, Л. В. О естественном и позитивном праве / Л. В. Петрова // Государство и право. – 1995. – № 2. – С. 36.

²⁷ Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М., 2002. – С. 87.

²⁸ Шагиева, Р. В. Правовая деятельность и ее разновидности в современном российском обществе / Р. В. Шагиева // Журнал российского права. – 2004. – № 10. – С. 88–98.

²⁹ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 2000. – Т. 4. – С. 1447.

³⁰ Мифы древних славян. Велесова книга. – Саратов, 1993.

³¹ См.: Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман. – М., 1994.

³² Туманов, В. А. О правовом нигилизме / В. А. Туманов // Советское государство и право. – 1989. – № 10. – С. 10–27.

³³ Шагиева, Р. В. Правовая деятельность и ее разновидности в современном российском обществе / Р. В. Шагиева // Журнал российского права. – 2004. – № 10. – С. 88–98.

³⁴ Политико-правовые средства обеспечения перестройки / Под ред. И. А. Тарханова. – Казань, 1990. – С. 15–17; Юридическая деятельность: сущность, структура, виды: сб. науч. тр. – Ярославль, 1989. – С. 12.

вовая» и «юридическая» одинаковы (буквально означают «справедливость», «правильность»), но практически в научных трудах термин «правовая деятельность» используется в более широком значении. Отсюда следует, что вполне допустимо рассматривать соотношение правовой и юридической деятельности как целого и части.

Особенность правосознания и юридической деятельности в том, что они не являются структурными элементами механизма правового регулирования, но оказывают влияние и обеспечивают функционирование всех стадий самого правового регулирования.

В научной литературе существует и другая точка зрения. Некоторые исследователи считают, что «практически всю юридическую деятельность (правотворческую, правоприменительную, интерпретационную), если смотреть на нее сквозь призму прав и обязанностей, можно отнести к юридической технологии, к правовым средствам-деяниям»³⁵.

Проблема разделения юридической деятельности на виды постоянно привлекает к себе внимание ученых. В правовой науке высказываются различные мнения по поводу определения тех или иных ее типов³⁶.

Так, Н. Г. Александров, М. И. Байтин, И. С. Самошенко называли три основных вида юридической деятельности: правотворческую, правоисполнительную (оперативно-исполнительную) и правоохранительную³⁷. А. В. Мицкевич в этот ряд ставит и контрольно-надзорную деятельность компетентных органов³⁸. Существует мнение, что следует выделять правотворческую, правоприменитель-

ную, учредительную и контрольную деятельность³⁹. С. С. Алексеев считает возможным различать правотворческую, правоисполнительную и правообеспечительную деятельность, подразделяемую, в свою очередь, на организационную, контрольно-надзорную и правоохранительную⁴⁰. Анализируя применение права как особую форму его реализации, Ф. А. Григорьев и А. Д. Черкасов указывают на две формы правоприменения: оперативно-исполнительную и правоохранительную⁴¹. Л. Т. Бакулина наряду с признанием контрольной называет и правоконкретизирующую деятельность⁴². Встречаются предложения в качестве самостоятельных видов (типов) юридической деятельности рассматривать познавательную, конструктивную, организаторскую, коммуникативную, удостоверительную, воспитательную и т. д.⁴³.

Рассматривая юридическую деятельность как деятельность всех субъектов, реализующих права и обязанности с помощью специальных правовых средств в различных типах правового регулирования, считаем необходимым выделять три основных ее вида: правотворческую деятельность, деятельность по непосредственной реализации права, правоприменительную деятельность⁴⁴.

Таким образом, основными структурными элементами юридической деятельности являются субъект, объект, объективная сторона, субъективная сторона, правовые средства, причинно-следственные связи. Юридическая деятельность является одним из видов осознанной социальной деятельности и характеризуется активным использованием правовых средств.

³⁵ Политико-правовые средства обеспечения перестройки / Под ред. И. А. Тарханова. – Казань, 1990. – С. 15–17; Юридическая деятельность: сущность, структура, виды: сб. науч. тр. – Ярославль, 1989. – С. 70.

³⁶ Горшнев, В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе: Дис. ... докт. юрид. наук / В. М. Горшнев. – Свердловск, 1969. – С. 75; Горшнев, В. М. Контроль как правовая форма деятельности / В. М. Горшнев, И. Б. Шахов. – М., 1987. – С. 56; Чиркин, В. Е. Контрольная власть / В. Е. Чиркин // Государство и право. – 1993. – № 4. – С. 11.

³⁷ Байтин, М. И. О формах осуществления функций социалистического государства / М. И. Байтин // Ученые записки Саратовского юрид. ин-та. – Вып. 18. – Саратов, 1969. – С. 263; Самошенко, И. С. О правовых формах осуществления функций Советского государства / И. С. Самошенко // Сов. государство и право. – 1956. – № 3. – С. 85, 91; Теория государства и права / Отв. ред. Н. Г. Александров. – М., 1968. – С. 72–79.

³⁸ Правотворчество в СССР / Под ред. А. В. Мицкевича. – М., 1974. – С. 75.

³⁹ Теория юридического процесса / Под ред. В. М. Горшнева. – Харьков, 1985. – С. 7.

⁴⁰ Алексеев, С. С. Общая теория социалистического права: курс лекций / С. С. Алексеев. – Вып. 1. – Свердловск, 1963. – С. 72; Проблемы теории права: курс лекций. – Т. 1. – Свердловск, 1972. – С. 58.

⁴¹ Теория государства и права. – М., 2001. – С. 455.

⁴² Бакулина, Л. Т. Государственная правореализующая деятельность: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Л. Т. Бакулина. – М., 1998. – С. 7.

⁴³ Васильев, В. Л. Психологическая характеристика деятельности следователя: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / В. Л. Васильев. – М., 1970. – С. 4.

⁴⁴ Сапун, В. А. Механизм реализации советского права / В. А. Сапун // Правоведение. – 1988. – № 1; Сапун, В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дисс. ... докт. юрид. наук / В. А. Сапун. – М., 2003. – С. 150.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРАВА И МОРАЛИ

Бухалов Антон Владимирович – ст. преподаватель кафедры теории, истории, философии права и государственно-правовых дисциплин Юридического института СахГУ, аспирант Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Окончил Юридический институт СахГУ в 2005 году.
Область научных интересов: источники права, теория частного договора.

НОРМА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Исследование вопроса соотношения права и морали следует начинать, на наш взгляд, с понятия нормы как составляющего элемента категорий права и морали, а также ее сущности и социальной ценности в системе общественных отношений.

Норма предполагает прежде всего «узаконенное установление, признанный обязательный порядок, определенное универсальное правило поведения, выраженное определенным образом, установленное или гарантированное чем-либо или кем-либо»¹. Причем это правило поведения должно обладать признаком системности, которая может быть как внутренней, так и внешней. Внутренняя системность предполагает строение самой нормы, при этом теоретическое расчленение нормы на гипотезу, диспозицию и санкцию представляется наиболее верным, так как выражает ее сущность как общеобязательного, гарантированного предписания, применяемого для регулирования определенных отношений.

Внешняя системность предполагает расположение нормы в системе таких же норм, при этом стоит заметить, что нормы располагаются в системе на основании общности отношений, которые урегулированы определенными группами норм. Например, в праве группы правовых норм, регулирующих определенные отношения, называются подинститутами, институтами, отраслями права. Что касается морали, то определенные моральные ценности урегулированы группами норм, которые основываются на убеждениях индивида о необходимости соблюдения таких норм.

Норма предполагает общеобязательность. При этом такое качество ярко проявляется в правовых нормах, в которых указано: каким образом, в каком направлении, в течение какого времени, на какой территории необходимо действовать тому или иному субъекту.

Понятие нормы неотделимо от социальной деятельности людей, от их общественных отношений.

Для моральных норм общеобязательность выражается в их «правильности» с точки зрения их признанности обществом. «Норма морали предписывает правильный с точки зрения общества и потому обязательный для конкретного индивида образ действий»². Норма морали обязательна в силу того, что она содержит в себе общее благо,

которое выработано обществом для поддержания конкретного индивида и общества в целом, в то время как правовая норма вырабатывается государством для поддержания общества и в некоторых случаях содержит санкцию как условие надлежащего соблюдения нормы. Норма морали лишена санкций.

Такое качество нормы, как универсальность, выражается в способности регулирования определенного общественного отношения и группы общественных отношений в течение определенного времени.

Формальная определенность нормы выражается в закрепленности нормы в определенных источниках. Такой признак более характерен для правовых норм. Нормы права закрепляются в источниках права, становясь не только общедоступными, но и общеобязательными.

Нормы морали не обладают признаком формальной определенности. Они существуют в сознании людей и являются необходимыми в силу именно их способности регулировать общественные отношения. Как указывал М. И. Байтин, «норма есть социальный феномен. Она выступает как справедливый масштаб поведения людей, обеспеченный общесоциальным авторитетом, социальной силой и господствующими в обществе представлениями о добром и справедливом»³. Правовая норма выступает как средство защиты интересов прав и свобод личности и одновременно в необходимых случаях средством ограничения свободы поведения.

«Социальный характер нормы, как пишет В. И. Червонюк, «будь она правовой или норма морали выражается в ее связи с обществом, то есть так или иначе она создается обществом и существует для общества»⁴.

И последнее, благодаря норме возникает такое явление, как нормативность. Данную категорию можно понимать по-разному, но прежде всего нормативность – это упорядочение общественных отношений путем их регламентации нормами. Нормативность можно представить как определенное свойство явления. Например, нормативность акта субъекта правотворчества. Но не будем забывать, что данная категория отражает прежде всего определенную упорядоченность норм как правил поведения, которые осуществля-

¹ Популярный юридический энциклопедический словарь / О. Е. Кутафин, В. А. Туманов, И. В. Шмаров. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 689.

² Алексеев, С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. – М.: Норма, 2002. – С. 70.

³ Байтин, М. И. Сущность права (современное нормативное понимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – Саратов, 2001. – С. 54.

⁴ Червонюк, В. И. Теория государства и права: учебник / В. И. Червонюк. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 278.

ют упорядоченное воздействие на определенный объект (предмет).

Норма представляет собой явление, отражающее особенности общественных отношений, для регулирования которых она существует. Категория «отношение» предполагает юридическую связь индивидов, и прежде всего их зависимость друг от друга. Социальное взаимодействие индивидов в процессе производства, обмена, распределения неизбежно приводит к столкновению сознаний и воль участников социального общения, интересов индивидов и социального целого.

«Общественные отношения, которые возникают между субъектами права, в своей массе не однородны. Содержание отношений зависит не только от количества субъектов, но и от того, по поводу чего эти отношения возникают. Отсюда можно говорить и о характере таких отношений (существуют, например, отношения частного или публичного характера и т. д.)»⁵.

Общественные отношения предполагают подчиненность субъектов или, иногда, их равенство, но в любом случае каждый из участников общественного отношения зависит от тех обязательств, которые он на себя берет, исполняя свою роль в общественном отношении.

Заметим, что в реализации общественного отношения большую роль играют определенные представления субъектов о справедливости, долге, обязанности и иных моральных ценностях, так как без этого общественное отношение было бы крайне неустойчиво.

Разновидностью общественных отношений является правоотношение, которое понимается как общественное отношение урегулированное нормами права.

Именно влияние правовых норм на некое общественное отношение делает его правоотношением.

Участники правоотношения должны обладать таким свойством, как правосубъектность, то есть способность являться участником правоотношения. Это вызвано, «во-первых, воздействием норм права на такие отношения, а это предполагает подготовленность субъектов к такому воздействию, а во-вторых, «узким» характером правоотношения, которое возникает, как правило, по поводу объекта, который возможно урегулировать при помощи права»⁶.

В отличие от правоотношения общественное отношение регулируется при помощи различных «не правовых» инструментов, например морали.

О МОРАЛИ И ПРАВЕ

Мораль можно представить как систему исторически определенных взглядов, норм, принципов, оценок, убеждений, выражющихся в поступках и действиях людей, регулирующих их отношения друг к другу, к обществу, определенному классу, государству и поддерживающих личным убеждением, традицией, воспитанием, силой обще-

ственного мнения, всего общества, определенного класса.

О. Г. Дробницкий указывал: «Исследуя сущность морали, этики отмечают, что мораль возникает из социальной потребности в согласованности поведения индивида, с интересами социального целого в преодолении противоречий между интересами личности и общества. Мораль выступает как нормативное осознание такого рода противоречий, как ответ на эту социальную потребность»⁷.

Представляется, что мораль как социальная ценность и общественная необходимость выполняет функции социального регулятора и инструмента «согласования поведения индивида, с интересами социального целого»⁸. Такой подход к оценке морали в обществе позволяет показать ее универсальный характер. Моральное регулирование предстает в относительно «чистом» виде, в сравнительно узкой сфере межличностного отношения, хотя и здесь оно исторически никогда не действовало изолированно от религиозных норм, обычая, традиций. Выделяя относительно самостоятельное поле действия моральных норм, не стоит забывать о важнейшем свойстве – универсальности, способности проникать в самые различные сферы общественных отношений, в том числе экономические, политические, трудовые.

«Моральные нормы ориентированы на категории добра, чести, совести, долга и т. д. Данные категории в той или иной классовой интерпретации выступают в качестве критериев оценки поведения людей во всех сферах общественной жизни»⁹.

В этом смысле мораль схожа с правом, однако отметим, что право представляет собой систему общеобязательных социальных норм, охраняемых силой государства, обеспечивающего юридическую регламентацию общественных отношений в масштабе всего общества. При этом право предназначено для регулирования определенных общественных отношений в различных сферах общественного бытия.

Таким образом, и право, и мораль обладают способностью проникать в самые различные области общественной жизни. Ни право, ни мораль не ограничиваются предметно обособленной сферой общественных отношений. Они связаны с поведением людей в широких областях их социального взаимодействия. Учитывая это, а также принимая во внимание «универсальность» морали, можно сделать вывод о том, что нельзя разграничить право и мораль по предметным сферам их действия.

«Право действует в таких специфических сферах, как политические отношения и отношения собственности. Однако они не обособлены от морали. В то же время действие права также выходит далеко за пределы указанных отношений. Поэтому следует подчеркнуть, что право и мораль не имеют специфических, предметно или про-

⁵ Dennis LLOYD. The idea of law. A repressive evil or social necessity? / Pelican Books London. – 1964. – P. 89.

⁶ Керимов, Д. А. Философские проблемы права / Д. А. Керимов. – М., 1972. – С. 78.

⁷ Дробницкий, О. Г. Проблемы нравственности / О. Г. Дробницкий. – М., 1977. – С. 71.

⁸ Лукашева, Е. А. Социалистическое правосознание и законность / Е. А. Лукашева. – М., 1973. – С. 89.

⁹ Лейст, О. Э. Сущность права: Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст. – М.: Зерцало, 2002. – С. 34.

странственно обособленных сфер общественных отношений, а действуют в едином «поле» социальных связей¹⁰. Отсюда общность, тесное взаимодействие права и морали. Нормы права, в отличие от норм морали, носят общеобязательный характер, гарантированы государством, обладают особым порядком принятия и закреплены в соответствующих источниках, однако правовые и моральные нормы всегда являются фиксацией сущего и формулированием на их основе должного, желаемого, необходимого с точки зрения общества, класса, социальной группы.

«Взаимодействие должного и сущего – характерное свойство нормативно-ценостных, правовых систем, сообщающее им способность регулировать общественные отношения. Можно предположить, что правовая система в целом подлежит моральным оценкам – вся правовая система может быть рассмотрена сквозь призму добра, зла, совести, чести в их исторически измененной классовой интерпретации»¹¹.

Различие права и морали проявляется в ответственности участников общественных отношений, урегулированных правом или моралью. Так, в случае нарушения нормы права применяется ответственность в соответствии с санкцией нарушенной

нормы. В этом случае ответственность налагается государством и связана с определенными неблагоприятными последствиями для субъекта, нарушающего право.

Если мы ведем речь о моральной ответственности, то здесь говорить о неблагоприятных последствиях можно с известной долей условности. Ответственность строится на принуждении. Мораль не предусматривает принуждения, а основывается на общественном порицании. Однако если мы учтем, что право основывается на моральных ценностях, тогда предположим, что право частично распространяет свое действие на нормы морали. Например, мораль запрещает безнравственное, противозаконное поведение, за которое предусмотрена правовая ответственность (хулиганство, например).

Мораль выступает как ценностный критерий права. Право – категория этическая, нет и не может быть права, к которому неприложимы были бы моральные оценки. Моральное измерение права – это не абстрактная мера, одинаковая для всех времен и народов, поэтому мы полагаем, что право и мораль не должны рассматриваться с точки зрения приоритета одной формы регулирования перед другой.

¹⁰ Козюбра, Н. И. Право и общественное сознание / Н. И. Козюбра. – Киев, 1979. – С. 69.

¹¹ Лукашева, Е. А. Право, мораль, личность / Е. А. Лукашева. – М.: Наука, 1986. – С. 90.

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ

Вишняков Олег Владимирович – соискатель ученой степени кандидата юридических наук ГОУ ВПО «Российская академия правосудия».

Непременное условие реального осуществления судебной властью своей конституционной функции – ее приверженность идее защиты права каждого, кто пожелает обратиться к судебной защите; при этом исполнение судебного решения гарантируется государством посредством создания особых органов – службы судебных приставов-исполнителей, одной из основных функций которых и является принудительное исполнение судебных актов.

Именно поэтому богиню правосудия Фемиду изображают с повязкой на глазах и мечом в руке. Повязка на глазах гарантирует непредвзятость к любому лицу, обратившемуся за правосудием, а меч символизирует силу закона и неотвратность наказания за его нарушение. Однако, как и любое оружие, меч правосудия может принести как пользу, так и вред, и тогда встает закономерный вопрос: а кто возместит ущерб, причиненный при отправлении правосудия?

При этом нередко рядовой «субъект» спорных правоотношений (вне зависимости от того, юридическое это или физическое лицо) оказывается между «молотом» в виде стороны, недобросовестно заявившей неосновательный иск, и «наковальней» в виде суда, не успевающего (а иногда, и не желающего успеть) своевременно постановить по делу законное и обоснованное решение. В итоге: затраченное время, понесенные убытки, подорванное здоровье, подмоченная репутация. Кто же возместит эти потери?

На данный вопрос существует несколько вариантов ответа, причем каждый из них может при определенных обстоятельствах считаться правильным.

Начнем с самого простого, определенного положениями ч. 1 ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации: вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред¹. В этом случае лицом, причинившим вред, будет «проигравшая» в суде дело сторона, которая «вынудила» вторую сторону защищать свои интересы в суде: обратиться за юридической помощью к адвокату (естественно, платной), потратить свое время и понести затраты на предоставление доказательств и вызов свидетелей, оплатить стоимость проведения судебной экспертизы...

В данном контексте определения ответственности за вред, причиненный при отправлении правосудия, он закреплен и в нескольких статьях Гражданского процессуального кодекса РФ².

Так, ст. 146 Гражданского процессуального ко-

декса РФ предусмотрено, что судья или суд, допуская обеспечение иска, может потребовать от истца предоставления обеспечения возможных для ответчика убытков. Ответчик после вступления в законную силу решения суда, которым в иске отказано, вправе предъявить к истцу иск о возмещении убытков, причиненных ему мерами по обеспечению иска, принятыми по просьбе истца.

Кроме того, ст. 94 Гражданского процессуального кодекса РФ определен перечень издержек, связанных с рассмотрением гражданского дела, к которым относятся: суммы, подлежащие выплате свидетелям, экспертам, специалистам и переводчикам; расходы на оплату услуг переводчика; расходы на проезд и проживание сторон и третьих лиц, понесенные ими в связи с явкой в суд; расходы на оплату услуг представителей; расходы на производство осмотра на месте; компенсация за фактическую потерю времени; связанные с рассмотрением дела почтовые расходы, понесенные сторонами; другие признанные судом необходимыми расходы.

В последующих ст. 98–100 Гражданского процессуального кодекса РФ изложены основные принципы возмещения понесенных стороной судебных издержек. Так, определено, что стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы. При этом со стороны, недобросовестно заявившей неосновательный иск или спор относительно иска либо систематически противодействовавшей правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела, суд может взыскать в пользу другой стороны компенсацию за фактическую потерю времени.

Все эти затраты, вынужденно понесенные «невиновной» стороной по делу, могут быть взысканы с другой стороны, которая подлежит, по сути, гражданско-процессуальной ответственности. Таким образом, имеет место правонарушение, совершенное в сфере осуществления правосудия (например, сторона недобросовестно заявила неосновательный иск, сторона систематически противодействует разрешению дела), – а противоправное действие влечет применение мер юридической ответственности. Ряд авторов указанные меры именует компенсационным видом гражданской процессуальной ответственности³.

Размер компенсации определяется судом в разумных пределах и с учетом конкретных обстоятельств. Также о разумных пределах указывает законодатель и при разрешении судом ходатайства стороны, в пользу которой состоялось реше-

¹ Гражданский кодекс РФ. – Ч. 2 // Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 410.

² Гражданский процессуальный кодекс РФ // Собрание законодательства РФ. – 18.11.2002. – № 46. – Ст. 4532.

³ Викут, М. А. Гражданский процесс: курс лекций / М. А. Викут, И. М. Зайцев. – Саратов, 1998. – С. 106.

ние суда, о взыскании с другой стороны расходов на оплату услуг представителя.

К сожалению, правильная в принципе формулировка закона о «разумности пределов» взыскиваемой судом компенсации нередко вызывает ожесточенные споры и многочисленные кассационные жалобы с обеих сторон, каждая из которых осталась при своем мнении о «разумности» взысканной суммы компенсации понесенных затрат.

Пожалуй, было бы логичным, чтобы законодатель более конкретно определил критерии разумного размера оплаты услуг представителя и компенсации за фактическую потерю времени. Например, как это сделал Высший Арбитражный Суд РФ, предложивший такой вариант решения аналогичной проблемы в рамках арбитражного судопроизводства. Так, при определении разумных пределов расходов на оплату услуг представителя он предлагает принимать во внимание⁴: нормы расходов на служебные командировки, установленные правовыми актами; стоимость экономных транспортных услуг; время, которое мог бы затратить на подготовку материалов квалифицированный специалист; сложившуюся в регионе стоимость оплаты услуг адвокатов; имеющиеся сведения статистических органов о ценах на рынке юридических услуг; продолжительность рассмотрения и сложность дела.

Принятие соответствующих изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ позволило бы избежать субъективности в разрешении подобных дел, так как четкая регламентация действий суда при разрешении спорных правоотношений позволяет положить в основу постановленного решения не только мнение одного судьи об обоснованности заявленных требований, но и точный математический расчет произведенных затрат. Это позволит обеим сторонам одинаково свободно проверить «разумность» и обоснованность постановленного судебного акта, что могло бы исключить в деятельности суда и ошибки характера «человеческого фактора».

Очевидно, на практике невозможно избежать случаев проявления различного рода судебных ошибок. Поэтому имеет смысл затронуть проблему гражданско-правовой ответственности непосредственно судьи: может ли пострадавшая сторона (будь то физическое или юридическое лицо) рассчитывать на возмещение причиненного ему вреда именно судьей, постановившим незаконное решение (или приговор), и как пострадавший может реализовать свое право на возмещение вреда.

В исторической ретроспективе российского правоведения вопрос об гражданско-правовой ответственности «чинов судебного ведомства» обсуждался неоднократно. Видные юристы призывали к законодательному закреплению права пострадавшего на гарантированную защиту его интересов через подачу иска

к судьям. Уже почти триста лет назад в России была введена ответственность судей по искам потерпевших от их служебных действий. Реформатор Российской империи Петр I позволил пострадавшим от судебского произвола «в партикулярных обидах бить человеком» на должностных лиц и «искать с них судом, где надлежит»⁵. А судьи, постановившие приговор о наказании невиновного, были обязаны возвратить его из ссылки за свой счет, заплатить ему штраф за назначенное наказание, возместить понесенные убытки⁶. Однако этот «эксперимент» просуществовал недолго и окончился вскоре после смерти великого реформатора.

В настоящее время процедура привлечения судьи к ответственности, как дисциплинарной, так и уголовной, сильно усложнена; а вопросы привлечения судьи к гражданско-правовой ответственности действующим законодательством, в том числе Законом «О статусе судей в Российской Федерации»⁷, Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации»⁸, – не регламентированы. В том числе законодательно не урегулированы и такие важные понятия, как «профессиональная ошибка» и «судебная ошибка». Нет точного определения и немаловажному вопросу о том, какие профессиональные ошибки судьи влекут его ответственность. Однако из действующего гражданского законодательства России можно сделать вполне ясный вывод о том, что привлечь непосредственно судью к гражданско-правовой ответственности за причиненный его непрофессиональной деятельностью вред – крайне трудно, а скорее – практически невозможно.

Быть может, российскому законодателю в целях усовершенствования института гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный при отправлении правосудия, стоит исследовать зарубежный опыт? Например, положениями пункта 5.2 Европейской хартии о статусе судей, принятой Советом Европы, предусмотрено, что, когда ущерб явился результатом грубого нарушения судьей норм, регламентирующих его деятельность, государство может потребовать от него возмещение убытков в судебном порядке.

Законодательство Федеративной Республики Германии предусматривает определенные ограничения подобной ответственности. В силу ст. 34 Основного закона государство гарантирует возмещение вреда, причиненного должностными лицами вне зависимости от их принадлежности к какой-либо из «ветвей власти», поэтому в равной мере это распространяется и на судей. Однако параграфом № 839 Германского Гражданского Уложения установлено такое ограничение ответственности судей при принятии ими судебных актов: «Если должностное лицо нарушит свои служебные обязанности при вынесении судебного решения по правовому вопросу, оно несет ответственность за причиненный вследствие этого вред только в случае, если нарушение обязанностей составляет

⁴ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 августа 2004 г. № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса РФ».

⁵ Бойцова, Л. В. Ответственность государства за ущерб, причиненный гражданам в сфере правосудия: Генезис, сущность, тенденции развития: дисс. ... докт. юрид. наук / Л. В. Бойцова. – М., 1995.

⁶ Победоносцев, К. П. Курс гражданского права / К. П. Победоносцев. – Ч. 3. – СПб., 1896. – С. 565.

⁷ Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. – 1992. – 29 июля (№ 170).

⁸ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

уголовное преступление. Данное положение не применяется к нарушающему обязанности отказу или при задержке выполнения им своих служебных обязанностей».

Очевидно, что целью данной нормы является не защита государством судей как таковых, а предотвращение новой проверки судебных актов в аспекте соблюдения судьями своих должностных обязанностей. Именно поэтому данная норма не только касается нарушения судьей должностных обязанностей непосредственно при постановлении окончательного судебного акта (решения по гражданскому делу или приговора по уголовному); но ее действие распространяется и на деятельность, устанавливающую основания, на которых строится судебное решение.

Аналогично истолковывается и положения п. 2 ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации Конституционным Судом РФ: ограничение ответственности судей распространяется только на осуществление правосудия в смысле разрешения дела по существу и определения материально-правового положения сторон и не должно распространяться на процессуальные вопросы (от принятия заявления и до исполнения судебного решения), в том числе при окончании дела путем прекращения производства по нему и оставления заявления без рассмотрения⁹.

Во Франции в соответствии с Кодексом судоустройства государство возмещает ущерб, причиненный неправомерным осуществлением правосудия. Но эта ответственность наступает только тогда, когда судья (или суд), деятельность которых обжаловал потерпевший, совершил грубую ошибку или отказал в правосудии. Личная ответственность судей за профессиональные ошибки регулируется законодательством о статусе магистратуры и особыми законами в отношении судей специальных судов. Согласно ст. 1 Органического закона, судья персонально ответственен за свои действия, но государство гарантирует возмещение ущерба, причиненного ошибками судей, сохраняя за собой право предъявления регрессного иска.

Возможность привлечь судью к гражданской ответственности за отказ в доступе к правосудию предусмотрена и законодательством Нидерландов. При этом судьи при разрешении подобных исков руководствуются не вполне конкретными критериями: оспариваемое решение по своему содержанию и способу вынесения должно быть столь явно неправомерным, что может рассматриваться как произвол, небрежность или правонарушение, заключающееся в использовании своих законных прав незаконным путем. Возможно, тем самым правоприменитель пытается избежать излишней детализации судебных прецедентов при разрешении подобных правоотношений.

В Новой Зеландии запрещено предъявление иска к судье, за исключением случаев, когда он превысил юрисдикцию или действовал в отсутствие юрисдикции.

В России Гражданский кодекс в ст. 1070 устанавливает ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Причем в ч. 1 указанной статьи законодатель особо подчеркивает необходимость возмещения такого вреда в полном объеме, включая и необходимость возмещения морального вреда, основания для которого указаны в ст. 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации. Указанный вред возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

В целом можно согласиться с мнением автором ряда монографий, которые указывают, что «российский законодатель избрал принципиально правильный путь, распространив на имущественную ответственность государства режим гражданско-правовых деликтных обязательств»¹⁰.

При этом можно выделить ряд особенностей гражданско-правовой ответственности суда, закрепленной в ч. 1 ст. 1070 Гражданского кодекса РФ. Во-первых, гражданско-правовая ответственность возникает вне зависимости от вины суда. Во-вторых, непосредственный «причинитель вреда» (то есть судья или суд) и субъект ответственности не совпадают, так как, например, согласно ст. 1071 Гражданского кодекса РФ, от имени казны выступают финансовые органы (а именно Министерство финансов РФ в лице казначейства), которые и являются ответчиком по искам о возмещении вреда, причиненного судом.

Согласно положениям ч. 2 ст. 1070 Гражданского кодекса РФ, вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается только в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу. При этом, согласно позиции Конституционного Суда РФ, под « осуществлением правосудия» следует понимать не все судопроизводство, а лишь ту его часть, которая заключается в принятии актов судебной власти по разрешению дела по существу.

К сожалению, нормы гражданского законодательства в части возмещения вреда, причиненного при осуществлении правосудия, в силу определенной сложности привлечения судьи к уголовной ответственности, являются практически не действующими (во всяком случае, крайне редко применяемыми на практике).

Как правило, суды отказывают в принятии исковых заявлений о взыскании ущерба, причиненного в результате нарушения сроков рассмотрения гражданских дел в суде, нарушения права доступа к правосудию и т. д. При этом в определениях указывается на то, что ч. 2 ст. 1070 Гражданского кодекса РФ обуславливает возможность взыскания ущерба наличием установленной вступившим в законную силу приговором вины судьи в совершении преступления; а Уголовный кодекс РФ предусматривает в качестве оснований такой ответственности только очень серьезные умышленные преступления, например, предусмо-

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2001. – № 3.

¹⁰ Рипинский, С. Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям / С. Ю. Рипинский. – СПб., 2002. – С. 51.

тренное ст. 305 Уголовного кодекса РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта».

Таким образом, формулировка ч. 2 ст. 1070 Гражданского кодекса РФ фактически лишает пострадавших возможности получить компенсацию предъявления исков к судьям в общегражданском порядке. Тем самым не только серьезно ограничивается основополагающий принцип ответственности государства за вред, причиненный незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, предусмотренный ст. 53 Конституции РФ, но и нарушается иной фундаментальный принцип любого демократического государства – принцип доступа к средствам правовой защиты, указанный в ст. 46 Конституции РФ. Общеобязательное действие рассматриваемых конституционных гарантий особенно важно, поскольку «важнейшее место в системе гарантий прав и свобод занимает институт правовой ответственности государства, его органов»¹¹.

В настоящее время многими авторами обсуждается вопрос: только ли при установлении вины судьи приговором суда следует возмещать вред? Эта проблема стала особенно актуальной после вынесения Конституционным Судом РФ определения от 8 февраля 2001 года¹², в котором прямо указано, что в случаях противоправного поведения судьи, выразившегося в принятии им незаконного судебного акта по вопросам, не определяющим материально-правовое положение сторон, либо не выраженного в судебном акте, его вина может быть установлена не только приговором суда, но и иным судебным решением, а значит, вред должен быть возмещен.

Строгое соблюдение конституционных норм всеми государственными органами является основополагающим условием поддержания в обществе баланса частных и публичных интересов. Именно поэтому, пока режим ответственности государства за акты представителей власти, в том числе и судебной, устанавливается лишь обобщенными нормами Гражданского кодекса РФ и ограничен жесткими условиями, интересы простых граждан не будут защищаться в достаточной мере эффективно.

Рядом видных российских юристов давно поставлен актуальный вопрос о необходимости разработки и принятия Федерального закона «Об ответственности за ущерб, причиненный гражданам неправомерными действиями государственных органов и должностных лиц при исполнении служебных обязанностей в сфере правовой ответственности государства и судей»¹³, определении пределов и условия гражданско-правовой ответственности государства и представителей судебной власти.

До разработки указанного закона необходимо, как минимум, внести изменения в ст. 1070 Гражданского кодекса РФ, выделив в отдельную ч. 3 указанной статьи положения, касающиеся условий возмещения вреда, причиненного при осуществлении правосудия. И дополнить указанием на то обстоятельство, что положение об обязательном установлении вины судьи приговором суда «не применяется при установлении нарушения судьей права на доступ к правосудию, либо при необоснованной задержке выполнения им своих служебных обязанностей».

¹¹ Абдуллаев, М. И. Права человека и закон / М. И. Абдуллаев. – СПб., 2004. – С. 202.

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2001 г. – № 43-О.

¹³ Бойцова, В. В. Ответственность государства за действия должностных лиц: публично-правовая и частноправовая / В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова // Правоведение. – 1993. – № 1.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КОЛОНИЗАЦИИ САХАЛИНА РОССИЕЙ И СУДЬБЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ОСТРОВА В XIX–XX ВЕКАХ

Высоков Михаил Станиславович – докт. ист. наук, профессор кафедры российской истории СахГУ. Приоритетные направления деятельности: исторический опыт колонизации Сахалина и Курильских островов Российской империей, Японией и Советским Союзом; роль телекоммуникаций в модернизации Российской империи и СССР; комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин». Автор (как индивидуально, так и в соавторстве) одиннадцати книг (в том числе шести монографий и трех учебных пособий) и более 150 научных статей в российских и зарубежных изданиях.

Одной из основных целей настоящей публикации является привлечение внимания к проблеме «Сахалин как колония». При этом мне прежде всего хотелось бы отметить существенный вклад японских исследователей в изучение опыта колонизации Карабуто¹. Что же касается России, то здесь последнее крупное исследование данной проблемы увидело свет больше ста лет тому назад².

Приступая к изучению названной проблемы, нельзя уйти от вопроса о том, насколько правомерна сама постановка вопроса о колониальном статусе Сахалина в составе России. И прежде всего нужно остановиться на том, какие земли в России называли колониями. Единственным российским владением, которое официально имело статус колонии, была Русская Америка. Что же касается других территорий, то здесь возникали споры, которые не завершились и поныне. Так, вот уже почти два столетия ведется спор о статусе Сибири в составе Российской империи³.

Известный русский статистик, историк и географ К. И. Арсеньев, определяя Сибирь как «истинную колонию земледельческую, металлоносную и коммерческую», отмечал ее преимущества над колониями других европейских государств. Ведь Сибирь не была отделена от метрополии «ни Океаном, ни посторонними владениями»⁴. Полвека спустя подобный взгляд высказывал немецкий географ и геолог Ф. Рихтгофен: «В смысле колониальных владений Россия в самом благоприятном условии среди других государств, ибо все ее колониальные владения находятся в одной меже с метрополией и представляют доступные ценные местности»⁵.

В 60-х годах XIX века над вопросом о статусе Сибири задумались будущие областники. Вот что писал об этом в своих воспоминаниях Г. Н. Потанин: «Теперь перед нами возник вопрос, что такое, в самом деле, Сибирь, колония или провинция? Чем колония отличается от провинции? Называются ли колониями только те новые приращения государства, которые сделаны за пределами океана, или край, присоединенный к государству только в позднейшее время, будет все-таки колонией, хотя бы он плотно примыкал к старой территории государства? ... Тогда же мы пришли к заключению, что разницу между колонией и провинцией создает не оторванность края, не морской пролив, а применение или неприменение к вновь занятой стране политики, называемой колониальной... Сибирь служила для мануфактурного центра России рынком сырья; мы спрашивали себя, поддерживается ли это положение искусственно или это неизбежный рок для Сибири? И затем другой вопрос – убыточно ли это положение для Сибири, и если убыточно, то поправимо ли такое положение или ведет к все большему разорению страны? Тогда же мы поняли, что интересы Сибири противостоят интересам Москвы...»⁶ Здесь нельзя не сказать, что многие вопросы, которые задавали себе сибирские патриоты почти полтора столетия тому назад, актуальны и сегодня.

Существенный вклад в изучение проблемы внес один из лидеров сибирских областников Н. М. Ядринцев, чья книга «Сибирь как колония»⁷ дала ответы на многие вопросы, связанные с колониальным статусом этой огромной территории. Его книги и статьи оказали существенное влияние практически на всех, кто на рубеже XIX–XX веков

¹ Японская историография колонизации Карабуто представлена множеством работ. Из последних публикаций хотелось бы выделить материалы недавних японо-российских симпозиумов, состоявшихся в Южно-Сахалинске и Саппоро в конце 2005 – начале 2006 года, а также книгу профессора Мики «Сахалин, как колония» (Токио, 2006).

² Панов, А. А. Сахалин, как колония / А. А. Панов. – М., 1905.

³ Обстоятельный обзор взглядов на этот вопрос был опубликован А. В. Ремневым. См.: Ремнев, А. В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века / А. В. Ремнев // Российская империя: Стратегия стабилизации и опыты обновления. – Воронеж, 2004. – С. 112–146; и др.

⁴ Арсеньев, К. И. Статистические очерки России / К. И. Арсеньев. – СПб., 1848. – С. 25.

⁵ Цит. по: Ремнев, А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков / А. В. Ремнев. – Омск, 2004. – С. 28–29.

⁶ Цит. по: Резун, Д. Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтон в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. – Новосибирск, 2005. – С. 52.

⁷ Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / Н. М. Ядринцев. – СПб., 1882; Он же. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб., 1892. В последние годы главный труд Н. М. Ядринцева неоднократно переиздавался. Самым лучшим подобным переизданием является издание, выпущенное в Новосибирске в 2003 году научно-издательским центром «Сибирский хронограф» (ответственный редактор и автор вводной статьи Л. М. Горюшкин, авторы научного комментария Л. М. Горюшкин, М. В. Шиловский, С. В. Камышан).

изучал историю колонизации Сахалина. На статьи Н. М. Ядринцева ссылаются А. П. Чехов⁸. Влияние Н. М. Ядринцева чувствуется при чтении посвященных колонизации Сахалина книг Н. Я. Новомбергского⁹ и А. А. Панова¹⁰. Причем книга последнего явно не без влияния Н. М. Ядринцева была названа автором «Сахалин, как колония».

Вместе с тем концепция колониального статуса Сибири имела немало влиятельных противников¹¹, которые сходились во мнении о том, что в отличие от стран Западной Европы, создавших за морями обширные колониальные империи, Россия никогда не имела колоний. Как отмечал А. В. Ремнев, «основным отличием Российской империи от западных мировых держав считалось то, что она представляет собой цельный территориальный монолит»¹². Наиболее ярко и последовательно данные взгляды были отражены в работах идеолога панславизма Н. Я. Данилевского¹³.

«Русский народ не высылает из среды своей, как пчелиные ульи, роев, образующих центры новых политических обществ, подобно грекам – в древние, англичанам – в более близкие к нам времена, – отмечал Н. Я. Данилевский. – Россия не имеет того, что называется владениями, как Рим и опять-таки Англия. Русское государство от самых времен первых московских князей есть сама Россия, постепенно, неудержимо расширяющаяся во все стороны, заселяя граничащие с нею незаселенные пространства и уподобляя себе включенные в ее государственные границы инородческие поселения... По этой же причине Россия никогда не имела колоний, ей удававшихся, и весьма ошибочно считать таковою Сибирь, как многие делают... Куда бы ни заходили русские люди, хотя бы временные и местные обстоятельства давали им возможность и даже принуждали их принять самобытную политическую организацию... центром их народной жизни все-таки остается старая Русь-

Москва, высшая власть в понятии их продолжает олицетворяться в лице русского царя. Они спешат принести ему присягу, поклониться ему новыми странами, которыми они завладели, вступить в непосредственную связь с Русским государством... Одним словом, они образуют не новые центры русской жизни, а только расширяют единый, нераздельный круг ее»¹⁴.

По мысли Н. Я. Данилевского, русский народ «или занимал пустыни, или соединял с собою путем исторической, нисколько не насильтвенной ассимиляции... племена... не заключавшие в себе ни зачатков исторической жизни, ни стремления к ней; или... принимал под свой кров и свою защиту такие племена и народы, которые, будучи окружены врагами, уже потеряли свою национальную самостоятельность или не могли более сохранять ее... Завоевание играло во всем этом самую ничтожную роль»¹⁵.

Представления Н. Я. Данилевского как об особом характере российской экспансии, так и об отсутствии у России колоний получили довольно широкое распространение как в дореволюционной, так и в коммунистической России.

В частности, подобные взгляды характерны для авторов такого крупного обобщающего исследования, как «История Сибири» под редакцией академика А. П. Окладникова, рассматривавшего Сибирь исключительно как неотъемлемую часть России. «Характерной чертой присоединения Сибири к России, – отмечается на страницах этого труда, – являлось сочетание политического подчинения с хозяйственным освоением ее девственных просторов»¹⁶. В этом же ключе написаны первые тома «Истории Дальнего Востока СССР» под редакцией академика А. И. Крушанова, авторы которой стремились показать преимущественно мирный и добровольный характер присоединения дальневосточных народов к России¹⁷.

⁸ В списке книг и статей, составленном А. П. Чеховым перед поездкой на Сахалин, упомянуты две статьи Н. М. Ядринцева: Ядринцев, Н. Исправительное значение Сибирской ссылки // Н. Ядринцев // Голос. – 1874. – 12 дек.; Ядринцев, Н. Положение ссылочных в Сибири // Н. Ядринцев // Вестник Европы. – 1875. – № 11, 12. См.: Список книг, статей, газетных корреспонденций, связанных с работой А. П. Чехова над очерками «Из Сибири» и книгой «Остров Сахалин» // Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения // А. П. Чехов. – М., 1987. – Т. 14–15. – С. 889, 890.

⁹ Новомбергский, Н. Я. Остров Сахалин // Н. Я. Новомбергский. – СПб., 1903.

¹⁰ Панов, А. А. Сахалин, как колония // А. А. Панов. – М., 1905.

¹¹ Так для основоположника сибирского краеведения П. А. Словцова Сибирь прежде всего является частью России: «История Сибирская есть добавка в Русской, равно как сама Сибирь для правительства представляет боковую дверь в Азию и Америку. Не трудно предвидеть время, когда законодательство и образованность умственная, поравняв Сибирь с Россиею, тем самым закончат отдельность здешней истории». См.: Словцов, П. А. Историческое обозрение Сибири // П. А. Словцов. – Новосибирск, 1995. – С. 337.

¹² Ремнев, А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков // А. В. Ремнев. – Омск, 2004. – С. 43.

¹³ Н. Я. Данилевский создал концепцию «естественного роста» Российского государства, которая легла в основу подавляющего большинства работ по истории СССР, увидевших свет в 40–80-х годах XX столетия. Правда, о том, что автором данной концепции является «реакционный публицист», в то время говорить было не принято. «Россия не мала, но большую часть ее пространства занял русский народ путем свободного расселения, а не государственного завоевания. Надел, доставшийся русскому народу, составляет вполне естественную область... резко ограниченную со всех сторон... морями и горами... На всем этом пространстве не было никакого сформированного политического тела, когда русский народ стал постепенно выходить из племенных форм быта и принимать государственный строй. Вся страна была или пустыней, или заселена полудикими финскими племенами и кочевниками; следовательно, ничто не препятствовало свободному расселению русского народа, продолжавшемуся почти во все первое тысячелетие его истории, при полном отсутствии исторических наций, которые надлежала бы разрушать и попирать ногами, чтобы занять их место. Никогда занятие народом предназначенному ему исторического поприща не стоило меньше крови и слез. Он терпел многое неправд и утеснений от татар и поляков, шведов и меченосцев, но сам никого не утеснял, если не назовем утеснением отражение несправедливых нападений и притязаний». Данилевский, Н. Я. Россия и Европа // Н. Я. Данилевский. – М., 1991. – С. 24–25.

¹⁴ Данилевский, Н. Я. Россия и Европа // Н. Я. Данилевский. – М., 1991. – С. 485–486.

¹⁵ Там же. С. 25.

¹⁶ История Сибири. – Т. 2. – Л., 1968. – С. 503.

¹⁷ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М., 1991. Реальная история подчинения народов Дальнего Востока Российской показана в публикациях А. С. Зуева. См.: Зуев, А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в / А. С. Зуев. – Новосибирск, 2002.

В 60–70-х годах отношение к проблеме «Сибирь как колония» в значительной степени определялось позицией весьма влиятельного в Сибири профессора И. М. Разгона, который буквально объявил войну всем тем, кто пытался беспристрастно разобраться во взглядах областников (прежде всего Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева)¹⁸. Ведь И. М. Разгон считал, что «областничество и его идеологи были... не только врагами социалистической революции, они были врагами всего революционного движения и всех русских революционеров»¹⁹. Для него «буржуазный либерализм Потанина и Ядринцева был еще более реакционным, так как к либерализму примешивалась еще реакционная идея отрыва Сибири от России»²⁰.

Гораздо более взвешенный подход в отношении статуса Сибири продемонстрировал видный сибирский историк Л. М. Горюшкин. В его работах постоянно проводилась мысль о том, что «Сибирь являлась неразрывной составной частью России и в то же время колонией – в экономическом смысле – Европейской России»²¹. По его мнению, «только

аборигены испытывали не только экономический, но и политический, национальный гнет»²².

После распада Советского Союза дискуссия о российских колониях разгорелась с новой силой²³. И сегодня вопрос о статусе Сибири все еще далеко от разрешения. Ряд современных сибирских исследователей развивают идеи областников. «Из трех колоссальных пространств, именовавшихся безлюдными в пору их открытия европейцами, лишь Сибирь осталась в состоянии реликта эпохи колониальных империй, – отмечают новосибирские историки В. А. Ламин и Д. Я. Резун. – В течение более 400 лет производительные силы Сибири эксплуатируются во имя так называемых высших государственных интересов. Население региона, коренное и пришлое, из поколения в поколение с жертвенной покорностью ожидает, когда же на конец бескрайняя нива культа высших государственных интересов отзовется плодами реального роста благосостояния»²⁴.

Вместе с тем некоторые исследователи стремятся вырваться из рамок обеих концепций.

¹⁸ О том, как протекала научная дискуссия по вопросу о колониальном статусе Сибири, хорошо видно из публикации текста выступления И. М. Разгона на научной конференции, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции: «В эти дни – накануне 50-летия Великого Октября – идеологическая борьба, которая ведется против нашей страны, еще более обостряется... Как и 50 лет тому назад враги социалистической революции и Советской власти стремятся прежде всего доказать историческую неправомерность победы социалистической революции... История победы социалистической революции в Сибири является ярким свидетельством закономерности социалистической революции в нашей стране в целом и в отдельных ее районах в частности... Чтобы правильно понять этот процесс, следует разобраться в расстановке классовых сил накануне и в период социалистической революции в Сибири. Для этого прежде всего нужно ответить на следующий вопрос: была ли Сибирь к 1917 г. колонией России? Решение этого вопроса является необходимым для выяснения условий победы социалистической революции в Сибири. Историки Сибири последние полтора десятка лет уделяли ему много внимания. Это вызывалось тем, что в опубликованных работах по истории Сибири в досоветское время и в советский период имелись серьезные недостатки, ошибки, прежде всего методологического характера. Основа этих ошибок лежит в том, что Сибирь вплоть до Октябрьской революции рассматривается как единое целое, как колония России (царизма)... Идею «Сибирь как колония» выдвинули сибирские «областники»... «Областничество», то есть идея об особых путях развития Сибири, о том, что Сибирь – «колония», о необходимости отделения Сибири от России, стало политическим требованием различного рода буржуазных групп в Сибири... С развитием революционного движения в России и активным участием в нем тружеников Сибири «областничество», будучи реакционной идеей и раньше, становится ярко контрреволюционным... На этом вопросе приходится так подробно останавливаться потому, что антиисторическая, реакционная идея «Сибирь – колония» до сих пор находит отражение в работах некоторых советских историков». При издании текста юбилейного доклада к последней фразе добавлено примечание: «Уже после научных конференций в ряде городов Сибири, посвященных 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, вышла из печати книга доцента И. Т. Белимова «Железнодорожный транспорт Сибири в революции 1905–1907 гг.» (Новосибирск, 1967), в которой автор бездоказательно, в полном согласии и опираясь на мнение отцов сибирского реакционного областничества Потанина и Ядринцева, отстаивает идею о том, что накануне Октябрьской революции Сибирь была колонией... Конечно, печально, что историк-марксист в дни 50-летия социалистической революции разделяет враждебную революции точку зрения, но еще более недопустимо, что к мнению по этому вопросу врага социалистической революции Потанина он присоединяет имя великого вождя социалистической революции В. И. Ленина». См.: Разгон, И. М. Расстановка классовых сил в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции / И. М. Разгон // Вопросы истории Сибири. – Вып. 4. – Труды Томского государственного университета. – Т. 214. – Томск, 1969. – С. 3–7.

¹⁹ Разгон, И. М. Предисловие / И. М. Разгон // М. Г. Сесюнина, Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев – идеологи сибирского областничества (к вопросу о классовой сущности сибирского областничества второй половины XIX в.). – Томск, 1974. – С. 5.

²⁰ Там же. Здесь необходимо отметить, что в то время в Советском Союзе обвинения в претензиях в своих работах идей «реакционеров» и «врагов социалистической революции» могли иметь довольно печальные последствия для любого беспристрастного исследователя, который бы посмел высказать отличную от И. М. Разгона точку зрения на проблему статуса Сибири в России.

²¹ Горюшкин, Л. М. Сибирь в конце XIX – начале XX в. в контексте российской истории / Л. М. Горюшкин // Региональные процессы в Сибири в контексте Российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998. – С. 7.

²² Горюшкин, Л. М. Главный труд Н. М. Ядринцева / Л. М. Горюшкин // Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Новосибирск, 2003. – С. 26.

²³ Говоря о современной российской историографии проблемы, следует отметить позицию Б. Н. Миронова, утверждающего, что «российская империя никогда не была колониальной державой в европейском смысле этого слова (хотя элементы колониализма наблюдались, например, по отношению к народам Сибири) по нескольким причинам. Во-первых, русские не были «господствующим» народом империи... Во-вторых, национальная политика России отличалась pragmatismом и терпимостью по отношению к нерусским, ставила на первое место не экономические, а политico-стратегические задачи... В-третьих, в экономическом и культурном смыслах русский центр уступал западной периферии и незначительно превосходил большинство своих восточных и южных окраин... В-четвертых, Российская империя держалась в решавшей степени на династическом и сословном принципе, а не на этническом и религиозном самосознании русских». См.: Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б. Н. Миронов. – СПб., 2003. – Т. 1. – С. 62–63.

²⁴ Ламин, В. А. Метаморфозы фронтира в истории Сибири, Северной Америки и Австралии (к постановке проблемы) / В. А. Ламин, Д. Я. Резун // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998. – С. 23.

В обстоятельных работах омского историка А. В. Ремнева мы видим попытки определить место Сибири и Дальнего Востока в составе России с помощью концепций «мир–империя» (Ф. Бродель и И. Валлерстайн), «центр–периферия» (Э. Шилз и Ш. Эйзенштадт) и «внутреннего колониализма» (М. Хечтер)²⁵.

Таким образом, поиск продолжается.

В связи со всем вышеизложенным довольно перспективным мне представляется комплексное исследование «Сахалин: критический анализ исторического опыта колонизации пограничной территории». Возможная структура такой работы видится мне следующим образом:

- Геостратегическое положение и ресурсы острова Сахалин.
- Доколониальный период в истории Сахалина.
- Первые шаги по колонизации острова Японии.
- Сахалин в составе Российской колониальной империи.
- Сахалин в составе Японской колониальной империи.
- Сахалин в составе Советской колониальной империи.
- Постсоветский период в истории колонизации Сахалина.

Ясно, что недостаток места не дает мне возможности даже бегло осветить все заявленные в данном проекте вопросы. В связи с этим мне хотелось бы более подробно поговорить о таком важнейшем для понимания проблемы вопросе, как «Российская колонизация и коренное население Сахалина».

Россия приступила к колонизации Сахалина в середине XIX столетия. Именно в это время здесь появляются первые русские поселения, а также начинает формироваться постоянное пришлое население, представленное в основном русскими и другими народами Российской империи. На момент начала колонизации острова здесь постоянно проживали представители трех народов, которые мы с полным основанием можем отнести к коренным народам Сахалина. Это айны, нивхи и ороки-уйльта, чьи предки появились на острове за многие сотни лет до японцев и русских. На момент начала колонизации Сахалина Россией нивхи заселяли его северную часть, ороки-уйльта жили на севере и в центральной части, айны занимали южную часть острова.

Кроме вышеназванных народов, с определенными оговорками к числу коренных народов Сахалинской области можно отнести и небольшую группу сахалинских эвенков, предки которых ока-

зались на Сахалине только в XIX столетии.

Россия приступила к колонизации Сахалина всего полтора столетия тому назад. В обычное время с точки зрения истории народов это срок не очень велик. Однако в течение последнего столетия в жизни коренного населения Сахалина произошли столь значительные изменения, что мы можем говорить о том, что данные народы вступили в принципиально новый (я не исключаю, что заключительный) этап своей истории. По существу, на пороге третьего тысячелетия мы наблюдаем процессы, в ходе которых создаются объективные предпосылки для довольно быстрой утраты этнической специфики коренными народами Сахалина и их постепенной ассимиляцией пришлым населением.

Среди факторов, обусловливающих вышеназванную тенденцию, особую роль играет как абсолютная, так и относительная малочисленность коренных народов Сахалина.

В середине XIX века практически все постоянное население Сахалина было представлено коренными народами острова. Начавшаяся в 50-х годах названного столетия русская колонизация привела к тому, что удельный вес коренного населения начинает быстро сокращаться. Уже в начале 80-х годов XIX века пришлое население начинает численно преобладать над коренным. К 1897 году на Сахалине проживало 4161 представитель коренных народов (1443 айна, 1969 нивхов и 749 ороков-уйльта) и доля туземцев в общей численности населения острова составляла всего 14,8 %²⁶.

За минувшее столетие падение удельного веса коренных народов в общей численности населения острова происходило уже буквально обвальными темпами. При этом наблюдается не только относительное, но и абсолютное сокращение численности аборигенного населения. В настоящее время на территории Сахалина проживает 2790 представителей коренных народов (2450 нивхов и 340 ороков-уйльта)²⁷. Общая же численность населения острова на начало 2006 года составляла примерно 507 тысяч человек²⁸. Таким образом, удельный вес коренного населения на Сахалине в настоящее время составляет всего 0,55 %. По отдельным народам этот показатель выглядит следующим образом: нивхи составляют 0,48 % населения Сахалина и ороки-уйльта – 0,07 %²⁹.

Что же касается абсолютной численности коренного населения, то за минувшее столетие она сократилась почти на одну треть. Главной причиной этого стал тот факт, что вскоре после окончания Второй мировой войны практически все сахалинские айны, а также значительная часть про-

²⁵ Ремнев, А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков / А. В. Ремнев. – Омск, 2004. – С. 9–11; Ремнев, А. В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века / А. В. Ремнев // Российская империя: Стратегия стабилизации и опыты обновления. – Воронеж, 2004; и др.

²⁶ Подсчеты автора по: Патканов, С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материалов переписи 1897 г.) / С. Патканов. – СПб., 1912. – Т. 3. – С. 982–983.

²⁷ Подсчеты автора на основании сведений, опубликованных в: Лайгун, Н. А. Проблемы и перспективы развития коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области / Н. А. Лайгун // <http://www.dvcongress.ru/Doklad/Laygun.PDF>.

²⁸ Подсчеты произведены автором на основе следующих материалов: «О предварительных итогах Всероссийской переписи населения 2002 года на территории Сахалинской области» (<http://dolinsk-sakh.narod.ru/news-20030717.htm>) и «На 1 января 2006 г. численность населения Сахалинской области составила 526,3 тыс. человек» (<http://www.dfo.ru/print/news-21022006-3474.htm>).

²⁹ Подсчеты автора.

живавших на юге острова ороков-уйльта и нивхов были депортированы в Японию. Существенную роль сыграли и ассимиляционные процессы.

Свыше 80 % нивхов и ороков-уйльта постоянно проживает на территории шести административных районов Сахалинской области, которые были утверждены в качестве особых районов проживания малочисленных народов Севера³⁰. На протяжении всего XX столетия в этих районах шел быстрый рост численности пришлого населения³¹. С началом кризиса и экономических реформ пришлое население начинает покидать эти районы.

Таблица - Изменения численности населения Сахалинской области и районов проживания коренных народов Сахалина между 1989 и 2002 г. (тыс. чел.)³²

	1989	2002	2002 в % к 1989
Сахалинская область	710,2	546,5	77,0
Ногликский район	16,8	13,6	81,0
Охинский район	54,7	33,5	61,2
Тымовский район	25,8	19,1	74,0
Александровск-Сахалинский район	27,8	17,5	62,2
Поронайский район	43,9	28,9	65,8
Смирныховский район	21,6	15,0	69,4

Однако даже такие весьма существенные для демографической ситуации на Сахалине изменения не имеют принципиального характера для коренных народов острова. И сегодня коренное население по-прежнему является крайне незначительным по своей численности национальным меньшинством не только на территории острова Сахалин в целом, но на территориях официальных районов своего проживания. Так, доля нивхов в населении Ногликского района составляет примерно 6,7 %, Охинского – 2,9 %, Тымовско-

го – 1,2 %, Александровского – 0,9 %, Поронайского – 0,5 %³³.

Таким образом, на территории Сахалина практически нет места, которое можно было бы определить как территорию компактного проживания нивхов или ороков-уйльта. В связи с этим в настоящее время крайне сложно установить территорию традиционного природопользования.

Уже на первых этапах колонизации Сахалина Россией и Японией начался процесс разрушения того равновесия между природой и человеком, которое складывалось и существовало здесь на протяжении тысячелетий. Все те, кто обладал островом в последние 150 лет, рассматривали его прежде всего как источник рыбы и морепродуктов, леса, целлюлозы и бумаги, угля, нефти и газа. Велась на острове и сельскохозяйственная колонизация. Всего за полтора столетия все более интенсивное освоение всех доступных человеку биологических и минерально-сырьевых ресурсов привело к разрушению экосистем Сахалина и омывающих его морей, оскудению растительного и животного мира и в конечном итоге к уничтожению основ традиционных культур его аборигенов³⁴.

На протяжении полутора столетий продолжался процесс изъятия у коренного населения Сахалина земель, рыбных и охотничьих промыслов, других угодий. В результате нивхи и ороки-уйльта на рубеже 80–90-х годов XX столетия остались без какой-либо земельной собственности. В связи с созданием родовых хозяйств этим хозяйствам начинают выделяться земельные участки. Однако на сегодняшний день общая площадь земель, которые находятся в собственности коренного населения острова, не превышает 300 гектаров, что составляет всего 0,004 % территории Сахалина³⁵.

С древних времен главными занятиями коренных народов Сахалина были рыбная ловля, морской зверобойный промысел, охота и собирательство у нивхов; оленеводство, рыбная ловля, морской зверобойный промысел, охота и собирательство – у ороков-уйльта. В течение минувшего столетия на Сахалине были созданы условия, в которых сохранение традиционных промыслов было сопряжено со значительными трудностями. Пришлое население постепенно вытесняло аборигенов из таких отраслей, как рыболовство и охота³⁶.

³⁰ Александровск-Сахалинский, Охинский, Ногликский, Поронайский, Тымовский, Смирныховский. См.: Постановление правительства Российской Федерации № 22 от 11 января 1993 г. «О перечне районов проживания малочисленных народов Севера» и Постановление правительства Российской Федерации № 977 от 7 октября 1993 г. «О внесении изменений в перечень районов проживания малочисленных народов Севера».

³¹ Так, в 1926–1989 годы доля нивхов в населении Сахалинской области уменьшилась с 14,3 до 0,3 %. По отдельным районам в 1989 году картина выглядела следующим образом: в Ногликском районе доля нивхов составляла 4,9 %, в Охинском – 1,6 %, Тымовском – 0,8 %, Александровском – 0,5 %, Поронайском – 0,3 %. См.: Высоков, М. С. К проблеме преподавания в школе языков аборигенов Сахалина // М. С. Высоков // Краеведческий бюллетень. – 1995. – № 1. – С. 78.

³² См.: Численность населения Сахалинской области по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – Южно-Сахалинск, 1990. – С. 11–12, 17а, 18, 19, 20, 22–23; О предварительных итогах Всероссийской переписи населения 2002 года на территории Сахалинской области (<http://dolinsk-sakh.narod.ru/news-20030717.htm>).

³³ Подсчеты автора.

³⁴ Высоков, М. С. Проблема сохранения этнического своеобразия коренного населения Сахалина // M. C. Высоков // Bronislaw Pilsudski and Futabatei Shimeji – an excellent charter in the history of polish-japanese relations. Materials of the third international conference of Bronislaw Pilsudski and his scholarly heritage. – Poznan, 2001. – P. 357–383.

³⁵ Подсчеты автора.

³⁶ В годы существования коммунистического режима те представители коренных народов Сахалина, которые не хотели оставить рыбный промысел, были заняты в так называемых национальных рыболовецких колхозах. Однако коренное население в этих колхозах составляло меньшинство. Так, в национальном рыболовецком колхозе «Дружба» (Поронайск) доля нивхов составляла всего 0,7 % колхозников, в колхозе «Восток» (Ноглики) – 28 %, в колхозе «Красная заря» (село Некрасовка Охинского райо-

Переход к рыночным отношениям вызвал существенные изменения в жизни малочисленных народов Севера. В условиях острого экономического кризиса, поразившего островную экономику в 90-х годах, и массовых увольнений во многих отраслях народного хозяйства возникла острая конкуренция между претендентами на рабочие места. Основная масса нивхов и ороков-уйльта, оставивших свои традиционные занятия, в течение длительного времени не имели какой-либо оплачиваемой работы или были заняты самым низкооплачиваемым малоквалифицированным трудом. Среди них много разнорабочих, грузчиков, уборщиков, сторожей, истопников. Именно эта категория работников в первую очередь подвергается увольнениям.

Экономический кризис по-разному сказался на ситуации на рынке труда в различных районах Сахалина. В 90-х годах сокращение числа занятых в различных населенных пунктах, где проживали коренные народы острова, колебалось от 2,3 до 90,5 %³⁷. С началом реализации проектов по освоению нефтяных месторождений на сахалинском шельфе, а также в связи с существенным сокращением населения острова сократилась и безработица. Однако и в новых значительно более благоприятных условиях напряженность на рынке труда районов проживания народов Севера сохраняется. И здесь за право на труд остро конкурируют нивхи и ороки-уйльта, с одной стороны, и представители пришлого населения – с другой. В этой конкурентной борьбе коренное население с самого начала поставлено в менее выгодные условия. Главной причиной этого является низкий уровень профессионального образования подавляющего большинства безработных из числа коренных народов³⁸.

С началом реформ большие надежды возлагались на родовые хозяйства коренного населения, которые были призваны не только дать работу нивхам и орокам-уйльта, но и возродить у них традиционные промыслы. Сначала коренное население отнеслось к идеи о создании родовых хозяйств с большим энтузиазмом. Однако с самого начала создатели данных хозяйств столкнулись

с многочисленными и, как оказалось, непреодолимыми трудностями. В связи с этим значительная часть родовых хозяйств разорилась и прекратила свое существование. К началу 2005 года на территории Сахалинской области было зарегистрировано всего 46 родовых хозяйств³⁹.

Нивхские родовые хозяйства были изначально поставлены в неравные условия по сравнению с другими рыбодобывающими предприятиями. Ведь родовые хозяйства не имеют ни собственного флота, ни перерабатывающих мощностей. Кроме того, имеются сложности с получением участков. Участки уже давно распределены. Отнять их у старого хозяина и отдать представителям коренного населения крайне сложно.

Говоря о рыбном промысле, нельзя не остановиться на таком вопросе, как регламентация лова рыбы (особенно лососевых) органами рыбоохраны. Существующая система лимитов и квот ставит в неравное положение рыбодобывающие предприятия и отдельные родовые хозяйства. В результате этого родовые хозяйства представителей коренных народов Сахалина влачат жалкое существование⁴⁰.

Кроме тех лимитов, которые выделяются родовым хозяйствам, представители коренного населения имеют право ловить рыбу в индивидуальном порядке. Однако, ссылаясь на ограниченность ресурсов лососевых, органы рыбоохраны разрешают аборигенам Сахалина заготавливать для своих нужд по 100 килограммов лососевых в год. В том числе кеты – 50 килограммов (или 13 штук)⁴¹. Такое положение ставит коренное население в крайне тяжелое положение. Ведь на Сахалине в течение нескольких тысячелетий сформировалась система питания, основанная именно на рыбе. Установленная же органами рыбоохраны норма вылова абсолютно не учитывает национальной специфики коренного населения Сахалина, предки которых на протяжении многих сот лет питались в основном рыбой и мясом морского зверя.

Особо следует отметить такое традиционное занятие, как оленеводство. В настоящее время этот вид деятельности (как и сам традиционный

на) – 31,4 %. Однако даже эти цифры не дают верного представления о количестве нивхов, реально занятых на рыбодобывче и рыбобработке. Так, в 80-х годах прошлого столетия из 110 нивхов-колхозников рыболовецкого колхоза «Восток» на рыбном промысле было занято 17 человек, на обработке рыбы – 13 человек. Аналогичная картина наблюдалась в колхозе «Красная заря». См.: Нивхи Сахалина. Современное социально-экономическое развитие. – Новосибирск, 1988. – С. 55; Высоков, М. С. К проблеме преподавания в школе языков аборигенов Сахалина / М. С. Высоков. – С. 78.

³⁷ Высоков, М. С. Проблема сохранения этнического своеобразия коренного населения Сахалина / М. С. Высоков // Bronislaw Pilsudski and Futabatei Shimei – an excellent charter in the history of polish-japanese relations. Materials of the third international conference of Bronislaw Pilsudski and his scholarly heritage. – Poznan, 2001. – Р. 357–383.

³⁸ Лайгун, Н. А. Проблемы и перспективы развития коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области / Н. А. Лайгун // <http://www.dvcongress.ru/Doklad/Laygun.PDF>.

³⁹ Лайгун, Н. А. Проблемы и перспективы развития коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области / Н. А. Лайгун // <http://www.dvcongress.ru/Doklad/Laygun.PDF>.

⁴⁰ Существующая система ограничений в добывче рыбы вызывает беспокойство и недоумение коренного населения Сахалина. Народы, проживающие в тех местах, где на протяжении многих сотен лет ловили рыбу их предки, не имеют возможности спокойно заниматься рыбным промыслом. Органы рыбоохраны подвергают крупным штрафам и нивхов, и ороков. У «брюканьеров» изымаются орудия лова. Служба рыбоохраны мотивирует это тем, что во время хода лимитированных пород рыб нельзя вести лов. А ведь именно во время нерестового хода на протяжении столетий коренное население ловило рыбу.

⁴¹ По данным Е. А. Крейновича (много лет посвятившего изучению нивхов) в удачный год нивхи заготавливали на зиму в среднем на одного человека 853 с лишним юколя, или 426 с лишним рыб. При этом от одной четверти до одной трети юколя приходилось на кету. Там, где возможности лова лососевых были ограничены, для изготовления юколя использовалась также такая мелкая рыба, как корюшка, красноперка и т. п. Кроме того, помимо вяленой, нивхи в течение года употребляли большое количество свежей рыбы (тайменя, красноперки, сельди, бычка, наваги, камбалы, сига, кумжи, форели, миноги, осетра, калуги и рыб других видов). См.: Крейнович, Е. А. Нивхги. Загадочные обитатели Сахалина и Амура / Е. А. Крейнович. – М., 1973. – С. 465–466.

образ жизни потомственных оленеводов ороков-уйльта) находится на грани исчезновения⁴². Общее поголовье дикого северного оленя и практически одичавшего домашнего оленя на острове, по экспертным оценкам, не превышает 3,5 тысячи голов. При этом только в районе села Вал Ногликского района удалось сохранить оленье стадо общей численностью около 200 голов⁴³. Вероятнее всего, уже при жизни нынешнего поколения на Сахалине навсегда исчезнет оленеводство.

Еще тяжелее у коренного населения идут дела в охотничьем промысле. В жесткой конкурентной борьбе коренное население постоянно проигрывает пришлым охотникам, которые уже давно заняли наиболее ценные охотничьи угодья. Как считают представители управления охотничьего хозяйства администрации Сахалинской области, коренное население не готово к освоению охотничьих угодий в условиях рыночной экономики. Ведь охотники должны думать не только о добывче зверя, но и о его переработке и дальнейшей реализации.

Таким образом, приходится признать, что практически все создаваемые на Сахалине национальные предприятия, семейно-родовые хозяйства, общины коренного населения из-за слабой материально-технической базы влекут жалкое существование и находятся на грани разорения⁴⁴.

Цивилизаторская политика, проводившаяся на Сахалине на протяжении почти всего, нынешнего столетия, привела к существенным и, вероятнее всего необратимым изменениям в обычаях и нравах коренного населения. Вопрос о современных нравах коренного населения Сахалина практически не изучен. Вместе с тем следует отметить, что многие исследователи Сахалина XIX – начала XX века отмечали добронравие малых народов. Особое внимание обращалось на такие характерные черты сахалинских аборигенов, как честность, доброта, доверчивость.

Значительное воздействие на нравы коренного населения оказала сложившаяся в советский период система образования и воспитания детей и молодежи народностей Севера. Доминирующую роль в данной системе играло полное государственное обеспечение, на котором находились дети и молодежь народностей Севера в период обучения. В течение большей части года дети коренного населения находились в государственных школах-интернатах и были оторваны от своих семей. В результате резко ослабли нравственные связи в семьях коренного населения. Кроме того, данная система несла в себе значительные издержки в

плане трудового воспитания, развития стимулов к труду и трудовой активности. У значительной части детей и их родителей формировалось пассивное и потребительское отношение к жизни. Кроме того, наблюдалось снижение ответственности родителей за воспитание собственных детей⁴⁵. В результате коренное население нравственно оказалось еще меньше подготовлено к тем экономическим реформам, чем представители других народов, проживающих на территории Сахалинской области.

Рыночные реформы и то крайне сложное положение, в которое попали сегодня многие сахалинские аборигены, оказали не самое лучшее воздействие на их нравы. Рынок поставил представителей коренного населения в условия, когда они вынуждены вступать в остройную конкуренцию за промысловые участки, за квоты и лимиты на вылов рыбы, за работу и средства к существованию не только с представителями пришлого населения, но и друг с другом. В условиях острой нехватки биоресурсов для нормального развития рыбного промысла всеми родовыми хозяйствами неизбежны постоянные конфликты⁴⁶.

Большее влияние на коренное население оказала культурно-просветительская работа, которая велась на Сахалине в советский период. Политика государственного атеизма, а также репрессии, которые в 30-х годах минувшего столетия были обрушены на шаманов, привели к тому, что традиционные культуры стали спрятываться тайно. Свое влияние на традиционное мировоззрение коренного населения оказали охват нескольких поколений нивхов и ороков-уйльта обязательным государственным образованием, а также отрыв в течение учебного года подавляющего большинства детей аборигенов Сахалина от родителей и концентрация их в школах-интернатах. Вот уже несколько десятилетий, как подавляющее большинство представителей коренного населения получает информацию об окружающем их мире при помощи русскоязычного телевидения, радио, газет, журналов, книг, кинофильмов. В результате молодое и среднее поколения нивхов и ороков-уйльта уже не являются носителями традиционного мировоззрения.

Разрушение среды обитания и традиционного образа жизни, интеграция коренных народов в несвойственный им образ жизни, массовый переход на русский язык как основное средство как межэтнического, так и внутриэтнического общения привели к стремительной утрате нивхами и ороками-уйльта того этнического своеобразия, которое и отличает один народ от другого⁴⁷.

⁴² Бывший представитель от народов Севера в Сахалинской областной Думе А. Я. Начеткина характеризует положение данной отрасли хозяйства коренного населения как катастрофическое: «Пастухи-оленеводы несколько лет не получают зарплату. Люди влекут жалкое существование и доведены до отчаяния. Спутники их – болезни, безработица, обнищание, падение рождаемости и рост смертности, в том числе от убийств и самоубийств». См.: Знамя труда. – 1998. – 14 янв.

⁴³ Лайгун, Н. А. Проблемы и перспективы развития коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области / Н. А. Лайгун // <http://www.dvcongress.ru/Doklad/Laygun.PDF>.

⁴⁴ Лайгун, Н. А. Итоги выполнения государственной программы развития экономики и культуры малочисленных народов Севера Сахалинской области / Н. А. Лайгун. – С. 62.

⁴⁵ Нивхи Сахалина. Современное социально-экономическое развитие. – Новосибирск, 1988. – С. 212.

⁴⁶ Высоков, М. С. Проблема сохранения этнического своеобразия коренного населения Сахалина / М. С. Высоков // Bronislaw Pilsudski and Futabatei Shimei – an excellent charter in the history of polish-japanese relations. Materials of the third international conference of Bronislaw Pilsudski and his scholarly heritage. – Poznan, 2001. – Р. 357–383.

⁴⁷ Проблема сохранения национальных языков коренного населения заслуживает отдельного рассмотрения. По данным Всероссийской переписи населения 2002 года, уже практически все нивхи и ороки-уйльта свободно владеют русским языком. Для

Важнейшей проблемой для коренного населения Сахалина является неблагоприятная социально-демографическая обстановка. У всех коренных народов острова наблюдается снижение рождаемости и повышение уровня смертности (особенно детской и лиц трудоспособного возраста). Недостаток рыбы и морского зверя уже привел к существенным изменениям в структуре питания коренного населения. Резкий переход на несвойственный тип питания наряду со значительным падением жизненного уровня подавляющего большинства представителей коренного населения и общее значительное ухудшение дел в здравоохранении Сахалинской области уже привели к значительному росту числа заболеваний⁴⁸.

Вопиющая бедность, безработица, отсутствие надежды на хоть какое-то улучшение своего положения приводят к тому, что некоторые представители коренного населения пытаются найти выход в алкоголизме и даже в самоубийствах.

Практически все представители коренного населения Сахалина считают несправедливой ситуацию,

когда они не имеют никаких прав на те земли, на которых в течение многих веков жили их предки. Все громче звучат высказывания о недопустимости того, что право на распределение рыбных ресурсов находится у федерального правительства. Именно в Москве сегодня определяют лимиты на лов рыбы для Сахалинской области. Там же определена и недопустимо низкая годовая норма на лов лососевых для коренного населения.

В настоящее время коренное население все громче заявляет о своих правах на земли и недра Сахалина. Особенно интересуют их богатства сахалинского шельфа⁴⁹. В весьма жесткой форме вопрос о праве сахалинских нивхов на богатства сахалинского шельфа поставил известный нивхский писатель В. М. Санги. В конце 1996 года он от имени организации, названной им «Совет старейшин (родовых вождей) нивхского народа», направил в администрацию Сахалинской области, а также правительству России и Японии письмо, в котором поставил вопрос о правах нивхов на сахалинский шельф⁵⁰.

подавляющего большинства представителей коренного населения Сахалина русский язык не только язык межнационального общения, но и тот язык, с помощью которого они общаются между собой. Только около одной пятой части всех нивхов и около четверти ороков-уйльта пока еще сохраняют знание родных языков. В основном это представители старшего поколения, и их уход приведет к полному исчезновению языков коренного населения в течение ближайших двух-трех десятилетий. См.: Высоков, М. С. К проблеме преподавания в школе языков аборигенов Сахалина / М. С. Высоков // Краеведческий бюллетень. – 1995. – №! 1; Аверин, А. Н. Новые данные о динамике коренных малочисленных народов России / А. Н. Аверин // http://www.socis.isras.ru/SocIsArticles/2005_02/averin_dorabo.doc

⁴⁸ В структуре заболеваемости коренного населения Сахалина лидирующие позиции занимают болезни органов дыхания (14 %), органов пищеварения (13 %), мочеполовой системы (12 %), органов кровообращения (9,5 %). Особые опасения вызывает быстрое распространение такого социально опасного заболевания, как туберкулез. Администрации районов проживания народов Севера не могут хоть как-то изолировать больных. В частности, никак не решается вопрос о выделении отдельного жилья носителям открытой формы туберкулеза. Кроме того, в последние годы среди коренного населения Сахалина постоянно увеличивается число людей, страдающих онкологическими заболеваниями. Все больше людей теряют зрение. И, наконец, в районах проживания малых народов Севера наблюдается настоящая эпидемия венерических заболеваний. См.: Высоков, М. С. Проблема сохранения этнического своеобразия коренного населения Сахалина / М. С. Высоков // Bronislaw Pilsudski and Futabatei Shimei – an excellent charter in the history of polish-japanese relations. Materials of the third international conference of Bronislaw Pilsudski and his scholarly heritage. – Poznan, 2001. – Р. 357–383; Лайгун, Н. А. Проблемы и перспективы развития коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области / Н. А. Лайгун // <http://www.dvcongress.ru/Doklad/Laygun.PDF>.

⁴⁹ Бывший представитель коренного населения в Сахалинской областной Думе А. Я. Начеткина поставила перед администрацией Сахалинской области и Сахалинской областной Думой вопрос об отчислении от 5 до 10 % всех доходов от освоения нефтегазовых месторождений сахалинского шельфа в качестве платы за пользование недрами на территории традиционного природопользования коренного населения. Кроме того, она предложила ввести в состав комиссии по подготовке соглашений о разделе продукции представителей от малочисленных народов Севера. «Если разработки ведутся на территории традиционного проживания аборигенов, – отмечает А. Я. Начеткина, – должно учитываться мнение коренного населения, необходимо заключать соглашение между ними и предприятиями, осуществляющими разработку нефтяных и газовых месторождений». См.: Знамя труда. – 1998. – 14 янв. Данное предложение не получило какой-либо поддержки в администрации Сахалинской области.

⁵⁰ В связи с тем, что аргументация этого документа представляет интерес и в дальнейшем еще неоднократно может быть использована, привожу текст В. М. Санги без значительных сокращений.

«Совет старейшин констатирует:

Нивхи – единственный коренной народ Сахалина. Проживают на этой земле в течение многих тысячелетий и являются ее исконными хозяевами. Право владения Сахалином нивхи никогда и никому не передавали. И нивхский народ во все века своего существования был независим и свободен.

...Лишь во второй половине XIX века японцы и русские, используя не принятые в нивхском обиходе обман и коварство, не-законно обозначили на Сахалине свое присутствие.

Нивхи и их земля остров Сахалин никогда не входили ни в состав Японии, ни в состав России. Потому временное присутствие на Сахалине японцев, а также настоящее присутствие России не имеют под собой юридической, правовой основы.

...Япония и Россия, несанкционированно присутствуя на нивхской территории, разграбили ее природные ресурсы на сотни миллиардов долларов, довели практически до экологической катастрофы ...

Убедительным проявлением политики колониализма в отношении нивхского народа является говор России, Японии и США в вопросе промышленного использования наиболее священной территории нивхов – шельфа Кет (Восточного побережья Сахалина).

Шельф Кет является:

обиталищем Тайхнада – Творца живности, а также Тол ызна – Хозяина моря в обличье Касатки;

природным храмом общения старейшин (родовых вождей), шаманов и добытчиков с Тол ызном во имя благополучия нивхского народа;

исторически сложившейся территорией традиционного природопользования нивхских родов Кет: Кекрвонгун и Акрвонгун (бассейн залива Пильтун), Кевонгун, Авонгун и Тлаглогун (бассейн залива Чайво), Ларвонгун и Тыгмытвонгун (бассейн залива Даги), Такрвонгун, Кетвонгун и Кевонгун (бассейн залива Ныйский), Набигун, Лубогун, Саквонгун, Кокрпингун (бассейны заливов Набиль, Луньский и южные территории), и на этой территории нивхи во все века добывали генетически закрепленную пищу: морского зверя, рыбу, китообразных, птиц, моллюсков и т. д.;

стартовой площадкой древних путешествий нивхов в ближние и дальние пределы;

Так называемый «Совет старейшин» предложил всем заинтересованным в сахалинском шельфе сторонам провести в феврале 1997 года переговоры в поселке Ноглики. Однако данное предложение не нашло отклика ни у администрации Сахалинской области, ни у российского правительства.

Кстати, вызывает большие сомнения право так называемого «Совета старейшин (родовых вождей) нивхского народа» выступать от имени сахалинских нивхов. Подавляющее большинство нивхов не настроено оказывать какую-либо поддержку лично В. М. Санги. В настоящее время у них есть лидеры, пользующиеся вреди нивхского народа гораздо большим авторитетом. Одним из таких влиятельных лидеров является президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области А. Лиманзо.

Однако следует отметить, что вопросы, поднимаемые В. М. Санги, реально существуют. Сахалинские нивхи и ороки-уйльта совершенно справедливо считают, что имеют исторические права на ресурсы сахалинского шельфа и не желают быть обойденными при дележке тех средств, кото-

рые будут получены от его освоения. Кроме того, их чрезвычайно волнуют те последствия, которые будет иметь освоение шельфа для чрезвычайно уязвимой природы Северного Сахалина.

Не дождавшись внятных ответов на свои требования, наиболее активная часть коренного населения Сахалина переходит к активным действиям. Так, в январе 2005 года на территории Ногликского района силами активистов Ассоциации коренных малочисленных народов Сахалина была блокирована дорога, ведущая к одной из строительных площадок компании «Эксон Нефтегаз Лимитед»⁵¹. Подобные акции имели место и в дальнейшем.

В связи со всем вышесказанным следует ожидать того, что наиболее авторитетные лидеры коренного населения Сахалина будут настойчиво добиваться учета своих исторических прав на те территории, которые на протяжении столетий принадлежали многим поколениям их предков. Пока они только просят учитывать их исторические права. Как события будут развиваться дальше – покажет будущее.

Тайнадом – определенным местом нагула и яолями рыбы, ракообразных, тюленей, птиц, китов и т. д., обилием своим обеспечивавшим нивхам благополучную жизнь.

При рассмотрении вопроса об освоении шельфа Кет правительство России, администрация Сахалинской области, правительства и руководство промышленных компаний не сочли нужным провести в установленном традициями коренных народов, а также сообществами, считающими себя цивилизованными, порядке должные встречи со старейшинами (вождями) родовых общин – исконными хозяевами Восточнобережья Сахалина, не выслушали опасений и соображений, в результате чего вопрос о табу шельфа не только не был снят, но и не поднимался никем.

Совет старейшин (родовых вождей) нивхов считает необходимым:

до рассмотрения вопроса о шельфе Кет (Восточнобережья Сахалина):

правительство Японии должно выплатить коренному народу Сахалина нивхам в лице Совета старейшин (родовых вождей) юскинд – откупные в сумме 30 млн американских долларов;

правительство России должно выплатить юскинд в сумме 30 млн американских долларов.

Учитывая, что в результате сговора правительств империалистических держав изъятие шельфа Восточнобережья Сахалина из материального, экономического и духовного обращения нивхского народа является состоявшимся фактом, правительства стран, подписавших соглашение о разработке сахалинского шельфа, должны выплатить нивхскому народу откупные в сумме по 50 млн. американских долларов каждое.

Сроки выплаты юскинд (откупных) установить до 31 января 1997 года. До выплаты откупных правительства стран, участвующих в разработке сахалинского шельфа, должны принять необходимые меры по прекращению всяких работ на промышленное освоение сахалинского шельфа». См.: Губернские ведомости. – 1997. – 13 фев.

⁵¹ Поумнеют ли нефтяные компании после изгнания злых духов // <http://info.forest.ru/oil/05/oil-0503.htm>.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ипатьева Александра Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры Российской истории СахГУ. Сфера научных интересов: история Русской православной церкви на Дальнем Востоке во Второй половине XIX века. По данной теме опубликовано более 10 статей.

История Русской православной церкви как одного из важнейших социальных институтов российского государства, при отсутствии идеологического давления и навязываемых государством установок, привлекает сегодня многих исследователей. Видный историк А. М. Сахаров справедливо отмечал, что «...невозможно создать глубоко разработанной истории России без того, чтобы не обращаться к истории Русской православной церкви, которая долгие века тяготела над русским и другими народами нашей страны и определяла во многом их политическое, культурное, а иногда и экономическое развитие»¹. В силу чего представить историю развития Дальнего Востока без анализа деятельности Русской православной церкви не представляется возможным.

Одним из основных направлений деятельности церкви в данном регионе являлось распространение русского влияния на коренное население через русификацию и христианизацию. Исследование миссионерской деятельности Русской православной церкви для дальневосточных историков в значительной мере затруднено в силу разбросанности исторических источников по архивам Дальнего Востока, Сибири и центральным историческим архивам. Учитывая антирелигиозную и антицерковную политику советской власти, не приходится удивляться и плохой сохранности документов по истории церкви, особенно по истории окраинных епархий Российской империи. Поэтому исследования, направленные на поиск и анализ источников по истории Русской православной церкви, представляются актуальными и значимыми для развития исторической науки.

В данной статье источники по истории миссионерской деятельности церкви на юге Дальнего Востока, после его присоединения к России, представлены рядом опубликованных и неопубликованных материалов, собранных в центральных и местных архивах, в рукописных отделах научных библиотек.

Тематически все источники можно разделить на несколько групп: государственные акты и ведомственные циркуляры, регламентирующие миссионерскую деятельность Русской православной церкви; материалы делопроизводственного характера; светские и конфессиональные статистические материалы о количестве церквей, миссионерских станов, школ и числе новокрещеных; источники личного происхождения (путевые описания, днев-

ники, воспоминания, письма). Следует отметить, что до недавнего времени исследователи незаслуженно игнорировали конфессиональные источники, рассматривая их как документы, не заслуживающие доверия. Признавалось, что, пользуясь привилегированным положением в государстве, Русская православная церковь неадекватно оценивала собственную деятельность, преувеличивая роль православных священнослужителей в духовной и социальной жизни общества. Однако, если не следовать аксиологической позиции конфессиональных источников, можно с успехом использовать их большой и разнообразный фактический материал, который освещает многие стороны церковной жизни, в том числе и миссионерскую деятельность.

Законодательные акты Российской империи, регламентирующие миссионерскую деятельность церкви, опубликованы в Полном собрании законов Российской империи и в отдельных хронологических и тематических сборниках. Они позволяют проследить зависимость миссионерской деятельности церкви от государственных интересов, выявить основные формы и методы православной миссии и финансовые источники ее существования. Законодательные акты, касающиеся старообрядцев и сектантов, разработанные в царствование Александра II и Александра III, собраны миссионером В. М. Скворцовым. Они раскрывают не только правовое положение старообрядцев и сектантов, но и свидетельствуют о преимущественно полицейских методах деятельности внутренней миссии, что подтверждается и Уставом уголовного суда.

Из текущих государственных постановлений наиболее важными были указ 3 мая 1883 года «О свободе богослужебных собраний» и указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 года, свидетельствующие о постепенном переходе правительства на позиции веротерпимости, а следовательно, и с подрыве законодательной и полицейской поддержки миссионерской деятельности. Сопоставление вероисповедного российского законодательства с его реализацией в отдельных регионах страны, в частности на Дальнем Востоке, позволяет выявить практику изменения или даже фактической отмены центральных узаконений в конкретно-региональном преломлении.

Среди опубликованных конфессиональных делопроизводственных материалов большой интерес представляют отчеты обер-прокурора Синода и

¹ Сахаров, А. М. К изучению истории русской церкви / А. М. Сахаров // Вопросы истории. – 1968. – № 6. – С. 167.

обзоры деятельности православного исповедания. Несмотря на ведомственную ангажированность этих источников, собранный в них статистический материал по миссионерству в разных регионах страны позволяет выявить масштабность деятельности православной дальневосточной миссии на общероссийском фоне.

Основную базу неопубликованных источников составляют материалы, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) и в фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ). Большую ценность для исследования истории православия на Дальнем Востоке представляет ряд фондов РГИА: фонд 796 – канцелярии Святейшего Синода, фонд 797 – канцелярии обер-прокурора Синода, фонд 834 – рукописи Синода XIV – XX веков и фонд 835 – строительные планы и фотографии Синода.

В РГИА ДВ наибольшую значимость для раскрытия данной тематики представляет фонд 1009 – Камчатской духовной консистории.

Отдельный комплекс неопубликованных материалов составляют журналы Особого совещания по делам внутренней и внешней миссии (РГИА, ф. 796, оп. 445). Они позволяют выявить механизм выработки методики миссионерской деятельности после официального утверждения правительством принципа веротерпимости. За период с 1911 по 1913 год состоялось 38 заседаний Особого совещания, на которых рассматривались итоги всероссийских миссионерских съездов и предложения миссионеров с мест по улучшению деятельности православной миссии. Эти материалы свидетельствуют об определенной внутренней борьбе среди участников совещания по вопросам методики миссионерства. С одной стороны, миссионерам было рекомендовано действовать на «инородцев» и раскольников исключительно мирными средствами убеждения и противостоянием «истинного православного учения» их религиозным заблуждениям. И в то же время в решения Совещания попадали и откровенно реакционные, инквизиторские предложения. Так, на заседании Совещания от 22 февраля 1912 года было принято решение об усилении церковной цензуры периодической печати, а творчество М. Горького, Д. Мережковского, В. Арцыбашева, П. Милюкова было признано вредным и тормозящим «осуществление целей и задач православной миссии», так как «в своей философской основе обнаруживают явления совершенно языческие». Было предложено подвергнуть этих известных в России творческих деятелей церковному наказанию. Этот факт – яркий пример косности части высших церковных кругов России, их неспособности раз и навсегда отказаться от силовых методов в процессе идеологического контроля над своей паствой. Об этом же свидетельствует и отчет И. Восторгова по обозрению миссионерского дела в Зауральских епархиях (РГИА, ф. 796, оп. 440). Стоя на бескомпромиссно-враждебных позициях по отношению к старообрядцам и сектантам, чиновник по особым поручениям при Синоде открыто критиковал веротерпимую политику дальневосточной администрации, искренне недо-

умевая по поводу расселения на окраинах России религиозных диссидентов, ничем не связанных с центром и не тяготеющих к нему духовно.

Документы местного происхождения представлены неопубликованными епархиальными отчетами (РГИА, ф. 796, оп. 442). Они носят комплексный характер и включают в себя не только информацию о состоянии епархии, но и интересный этнографический материал, данные об освоении Приамурского края, основании новых поселений и составе поселенцев, сведения об иностранной колонизации и развитии сети начального и среднего образования. Отчеты составлялись по строгой структуре, определенной Синодом, что облегчает работу исследователя с достаточно объемным источником, который в среднем содержит от 50 до 100 рукописных листов.

Помимо конкретного фактического материала и статистических данных о числе миссионерских станов, миссионеров и новокрещеных, епископы давали анализ миссионерской деятельности. Так как эта документация была предназначена для внутреннего пользования, архиереи не скрывали сложностей, возникавших в столь трудном деле, и откровенно писали о низком образовательном уровне духовенства, случаях нарушения священниками и миссионерами своих священнических обязанностей или нравственных норм поведения. Они не скрывали и фактического провала деятельности внутренней миссии, хотя причины этого искали в основном в правительственной политике по отношению к старообрядцам и сектантам на Дальнем Востоке.

Оценивая итоги деятельности внешней миссии, епархиальное начальство исходило из количественных показателей новокрещеных, что не отражало реальных итогов христианизации и создавало в целом благополучную картину. Ее несоответствие действительности особенно ярко проявляется на фоне оценок дальневосточных губернаторов.

В этом комплексе документов явно выделяются материалы об открытии православной миссии на Амуре (оп. 132, д. 2165). В них содержится переписка архиепископа Иннокентия с Синодом и генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым по этому вопросу, которая позволяет выявить сложный процесс принятия политического решения об открытии миссии на еще не вошедших в состав России территориях Приамурья и раскрыть механизм подготовительной работы по организации миссионерской деятельности церкви.

Кроме конфессиональных материалов центральных архивов, сохранился весьма разнообразный, но разрозненный и несистематический материал по истории дальневосточных епархий в региональных и местных архивах. Такое состояние документации было вызвано тем, что фонды Камчатской консистории на протяжении своего существования делились и перемещались из-за частой реструктуризации Камчатской епархии и переноса местопребывания епархиального архива из Новоярхангельска в Якутск, затем в Благовещенск, а позже часть материалов была перевезена во Владивосток. Эти фонды содержат ведомости и отчеты о строительстве церквей, открытии церковно-

приходских миссионерских школ, отчеты миссионеров и священников о числе присоединенных к православию, послужные списки священников, ведомости о причтах, получавших государственное жалование, подписки, дававшиеся при принятии православия лицами, принадлежавшими ранее к расколу или же другим вероисповеданиям.

Источники делопроизводственного светского характера представлены ежегодными губернскими отчетами, часть из которых была опубликована². Неопубликованные отчеты отложились в фондах Российского государственного исторического архива (ф. 1284 Департамента общих дел, ф. 1282 Канцелярии МВД, ф. 1265 Второго Сибирского комитета). К сожалению, губернские отчеты не содержат подробного анализа миссионерской деятельности церкви в Приамурском крае, а включают только общую, в целом невысокую оценку миссионерства. В то же время отчеты представляют интерес в плане выявления особыхностей вероисповедной политики местной администрации.

Интересную информацию о миссионерской деятельности на Сахалине содержит «Доклад начальника Оспенной экспедиции на Сахалин, направленной Сахалинским губернатором летом 1908 года», хранящийся в РГИА ДВ (Ф. 702, оп. 1, д. 645) и опубликованный в «Трудах государственного архива Сахалинской области» в 1995 году. Врачу Штейгману, помимо санитарного обследования населения острова, было поручено собрать материал о степени распространения христианства среди инородцев. Непредвзятая характеристика невысоких результатов миссионерской деятельности на Сахалине позволяет более объективно осветить степень влияния христианских идей на сознание коренного населения.

Еще один комплекс источников по истории миссионерской деятельности церкви на Дальнем Востоке сформировался благодаря созданию Православного миссионерского общества. Устав общества определял обязательную публикацию ежегодных отчетов, после их обсуждения и утверждения на общем собрании членов общества. Наиболее полное собрание этих отчетов (с 1883 по 1914 год) сохранилось в Синодальной библиотеке (РГИА)³. Они содержат ценную информацию о финансовом положении общества, источниках финансирования, расходах на отдельные миссии, в том числе дальневосточные. Отчеты позволяют проследить формирование структурных подразделений миссии, выявить название миссионерских станов и ареал их деятельности. В отчеты включались наиболее интересные и поучительные примеры деятельности отдельных миссионеров, что позволяет воссоздать более полную картину христианизации. Помимо статистических данных о

числе новокрещеных и количестве «инородцев», обучающихся в миссионерских школах, в отчетах рассказывалось о новых организационных формах и методах, выработанных миссионерами, что содействовало распространению их практики на все миссии. Однако отчеты страдали общим для всех конфессиональных источников недостатком – излишним преувеличением успехов внешней миссии. Так как отчеты были рассчитаны на широкий круг читателей, жертвующих свои средства на финансовое обеспечение миссионерской деятельности, в них необходимо было показать прогрессивную, цивилизаторскую и многотрудную деятельность миссионеров так, чтобы у читателей не возникло сомнений в необходимости дальнейшей поддержки общества. Этот фактор необходимо учитывать при работе с данным комплексом источников.

Важное место среди источников занимают материалы личного происхождения – как опубликованные, так и неопубликованные. Большой интерес представляет личный архив выдающегося дальневосточного миссионера И. Вениамина. Большинство его писем и путевых дневников собрано и опубликовано И. Барсуковым и В. Крыловым⁴. Часть неопубликованных материалов отложилась в фондах РГИА (ф. 834) и рукописного отдела Российской национальной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 314). В переписке архиепископа Иннокентия особой информативностью отличаются его письма к Дмитрию Хитрову, будущему епископу Якутскому и сподвижнику Иннокентия на миссионерском поприще. Именно с ним первый дальневосточный епископ делился проблемами, возникавшими в процессе организации миссии на Амуре и первыми успехами последней, советовался по поводу кандидатур миссионеров, благодаря чему сохранились редкие личностные характеристики первых миссионеров и священников на Амуре С. Попова, А. Протодьяконова, А. Сизого, братьев С. и И. Петрологиновых. Путевые журналы Иннокентия, помимо описания посещаемых им приходов и миссионерских станов, содержат характеристику малых народностей, проживающих на территории Камчатской епархии, их способности к восприятию православного учения, объективную оценку противоречивого влияния русского населения на быт и нравы «инородцев». Разработанные Иннокентием «Наставления миссионерам» легли в основу методики миссионерской деятельности во второй половине XIX – начале XX века. Опубликованные дневники и путевые записки миссионеров А. Протодьяконова, архимандрита Геронтия, Д. Хитрова, иеромонаха Нестора, П. Ляхотского позволяют судить о том, насколько вошли в практику миссионерской деятельности «Наставления»,

² Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского (1896–1897). – СПб., 1898; Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора, генерала от инfanterии Гродекова (1898–1900). – СПб., 1901; Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора, сенатора, инженер-генерала Унтербергера за 1906 и 1907 гг. – Хабаровск, 1908.

³ Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского (1896–1897). – СПб., 1898; Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора, генерала от инfanterии Гродекова (1898–1900). – СПб., 1901; Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора, сенатора, инженер-генерала Унтербергера за 1906 и 1907 гг. – Хабаровск, 1908.

⁴ Административные документы и письма высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Камчатского за 1846–1896 гг. / Собр. Крылов В. – Казань, 1909; Иннокентий (Попов-Вениаминов И. Е.). Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. 1855–1865. – СПб., 1898. – Кн. 2.

разработанные Иннокентием. В них содержатся этнографические описания коренного населения Дальнего Востока, раскрываются сложности миссионерского служения и дается субъективная оценка хода христианизации, не всегда совпадающая с официальной⁵.

В путевых дневниках противораскольнических миссионеров С. Тихвинского и П. Протодьяконо娃 содержится интересная информация о быте и нравах старообрядцев Амурской области, дается с конфессиональных позиций характеристика их социальной организации и крайне враждебного отношения к официальной церкви и ее священнослужителям⁶.

Частную и отрывочную информацию об итогах деятельности православной миссии на Дальнем Востоке и процессе русского влияния на «инородческое» население содержат опубликованные путевые заметки путешественников А. В. Елисеева, А. Н. Краснова, С. Максимова⁷.

Таким образом, источниковая база по истории миссионерской деятельности русской православной церкви представлена разнохарактерными и разнотипными источниками, что позволяет в первом приближении представить процесс христианизации коренных народов Дальнего Востока и его влияние на складывание межэтнических отношений в данном регионе.

⁵ Протодьяконов, А. Сведения о православной миссии Камчатской епархии за 1887 год / А. Протодьяконов // Иркутские епархиальные ведомости. – 1888. – № 21, 22, 23; Ляхотский, П. Из дневника гольдского миссионера (Камчатская миссия) за 1898 год / П. Ляхотский // Православный благовестник. – Пг., 1899. – Т. 2. – № 16; Т. 3. – № 17–20; Миссионерское путешествие архимандрита Геронтия, начальника Камчатской миссии // Московские церковные ведомости. – 1882. – № 2; Хитров, Д. Миссионерская деятельность в Сибири. Из путевого журнала Д. Хитрова / Д. Хитров // Ярославские епархиальные ведомости. – 1865. – № 19–40, № 43–46; Нестор (Анисимов). Записки камчатского миссионера иеромонаха Нестора. – Казань, 1909.

⁶ Тихвинский, С. Путевые заметки и впечатления сопровождавшего его преосвященство преосвященнейшего Макария по За-Зейскому краю / С. Тихвинский // Камчатские епархиальные ведомости. – 1894. – № 20, 23, 24. – 1895. – № 1, 3; Протодьяконов, П. Из дневника противораскольнического миссионера / П. Протодьяконов // Камчатские епархиальные ведомости. – 1894. – № 5, 6, 8.

⁷ Елисеев, А. В. По Южно-Уссурийскому краю / А. В. Елисеев // Исторический вестник. – 1891. – Т. 43. – № 2, 3; Т. 44. – № 4; Краснов, А. Н. На Сахалине. Из воспоминаний путешественника по востоку Азии / А. Н. Краснов // Исторический вестник. – 1894. – Т. 55. – № 2, 3; Максимов, С. На востоке. Поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания / С. Максимов. – СПб., 1871.

ЭКСПАНСИЯ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В РОССИЙСКИЙ БАНКОВСКИЙ СЕКТОР: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Крысько Вячеслав Иванович – доцент кафедры финансового менеджмента ИЭиВ СахГУ. С 2000 г. кандидат экономических наук по специальности «Финансы и кредит». Сфера научных интересов преподавателя: привлечение иностранных инвестиций в экономику РФ; развитие региональной экономики; участие российской банковской системы в финансовой глобализации.

Иностранные банки стремились в Российскую Федерацию давно, и далеко не всегда препятствием для их прихода в страну были юридические или политические преграды. Многие ведущие финансовые институты мира обозначили свое присутствие на российском рынке еще в 70–80-х годах прошлого века в форме представительств и информационных офисов. Естественно, в рамках госмонополии на банковскую деятельность не могло идти и речи о присутствии иностранцев в кредитной системе страны. Впрочем, разраставшийся к тому времени в мире процесс финансовой глобализации уже тогда позволял осуществлять крупные финансовые транзакции без физического присутствия в Советском Союзе, а потому внушительного присутствия иностранцев на нашем финансовом рынке и не требовалось.

Первый реальный шанс на российском рынке появился у иностранных банкиров почти одновременно с созданием первых частных российских банков. Так, уже в декабре 1991 года был зарегистрирован «Калион Русбанк» – дочка французской финансовой группы Креди Лионэ. Хотя, если быть справедливым, первый банк, принадлежащий иностранным акционерам, был открыт еще в СССР – 24 ноября 1989 осуществлена регистрация Московского Международного Банка, в создании которого участвовала целая группа иностранных и бывших союзграждан.

Да и многие другие ведущие европейские и американские банки не заставили себя долго ждать, и уже к 1997 году в Российской Федерации присутствовали полтора десятка иностранных дочерей. При этом надо подчеркнуть, что начиная с момента создания российской банковской системы и вплоть до настоящего времени финансовые власти, несмотря на непрекращающееся давление со стороны мировых банковских кругов, продолжают придерживаться довольно жесткой позиции по форме участия иностранцев в банковском секторе – это могут быть только зарегистрированные в Российской Федерации дочерние институты, а не филиалы и отделения.

Вообще можно выделить несколько способов выхода иностранных банков на локальный банковский рынок:

1. Трансграничное присутствие, когда банковское обслуживание или сделки осуществляются в стране без физического присутствия либо путем открытия небольшого представительского или информационного офиса.
2. Открытие филиала, который предоставляет банковский сервис по принципам и правилам стра-

ны нахождения головной структуры. Показатели филиала учитываются в балансе головного офиса, и, как следствие, банковский надзор в основном осуществляется иностранным регулятором.

3. Открытие дочернего банка, который полностью подчиняется местным законам, и надзор за которым осуществляется местным регулятором.

4. Приобретение местного банка, имеющего наработанную клиентуру, локальную сеть продаж.

5. Вступление в альянс с крупнейшими местными игроками, имеющими широкое региональное присутствие и занимающими серьезную долю рынка.

Первое время иностранные институты больше присматривались к российскому рынку и в первую очередь занимались обслуживанием своих глобальных клиентов и прочих иностранных компаний, что, естественно, мало пересекалось с банковским бизнесом тех времен. Однако, когда в середине 90-х годов прошлого века в сфере интересов иностранных финансовых институтов появились крупнейшие российские компании-экспортеры, национальный банковский бизнес запросил у российских властей защиты. Благо возможности влиять на политику государственных органов у владельцев крупных частных банков в то время были весьма велики. Именно в 1995–1996 годах в российском банковском законодательстве появился и лимит участия иностранного капитала в капитале российской банковской системы – 12 % от уставного капитала всех российских банков. Стоит, правда, отметить, что вплоть до 1999 года доля эта не превышала и 5 %.

Может показаться странным, но экономический и финансовый кризис 1998 года в России привел к резкому усилению роли иностранных банков. Конечно, часть из них покинули страну – кто надолго, а кто и навсегда. Но оставшиеся, поддержаные капиталами материнских компаний, стали островками стабильности финансовой системы уже не только для крупнейших компаний, но и для средних и мелких предпринимателей, а самое главное – для простых граждан. Банкротство ведущих частных банков оставило большинству российских клиентов лишь один выбор – обслуживаться в государственном банке (Сбербанк, Внешторгбанк) или идти в иностранный.

Количество банков, принадлежащих иностранным, увеличилось до трех десятков, и к 1 января 2000 года доля нерезидентов в совокупном капитале российской банковской системы превысила 10 %.

Развить успех иностранным банкирам все же не удалось, причем как по причине восстановления местных кредитных институтов, так и с кон-

центрацией усилий иностранцев на рынке Москвы и Санкт-Петербурга. Так на 01 июля 2002 года двадцать шесть банков со стопроцентным иностранным капиталом имели всего 11 филиалов, из которых половина была открыта «московскими иностранцами» в Санкт-Петербурге.

Бурный рост российского банковского сектора в начале двадцать первого века на десятки процентов в год на фоне стагнации показателей дочек нерезидентов привел к резкому сокращению участия нерезидентов в банковском капитале Российской Федерации (на 01.07.2002 – 4,98 % от совокупного капитала банковского сектора) (см. таблицу).

Новым прорывом для нерезидентов стал 2005 год, когда количество стопроцентных дочек иностранных банков выросло на восемь и достигло сорока одной кредитной организации, а количество филиалов этих банков возросло на тринадцать и достигло двадцати девяти, а доля нерезидентов подскочила почти в два раза, до 11,98 % и вплотную приблизилась к двенадцатипроцентной границе.

Безусловным локомотивом для прихода всех новых иностранных банков в Российскую Федерацию стал бурный рост потребительского кредитования. Именно желанием поучаствовать в экспансионно растущем рынке привело к формированию новой тенденции в деятельности иностранных банков. Если в прошлое десятилетие основным способом прихода в Россию было создание с нуля дочернего банка, как правило, с иностранным менеджментом на ключевых позициях, то в последние два года иностранные банки либо полностью выкупают существующие российские банки, либо вступают в альянсы с крупнейшими российскими банками, приобретая долю в их капитале.

Две самые значимые сделки из этого ряда были совершены в 2006 году. Австрийская Raiffeisen International, уже владеющая на российском банковском секторе достаточно крупной дочкой – Райффайзен Банк, поглотила Импэксбанк, входивший в первую тридцатку и имевший 45 филиалов по всей стране. А французское Societe Generale приобрело уже 20 % акций Росбанка (7-е место по сумме чистых активов на 01.07.2006), имеющего по стране 550 отделений, и в ближайшее время может приобрести еще 30 % акций. Причем Societe Generale, как один из наиболее активных иностранных игроков в российском банковском секторе, уже имеет здесь дочерний банк «Соcиете Женераль Восток», ипотечный банк «Дельта кредит», а также компанию потребительского кредитования «Русфинанс».

И, как свидетельствуют последние доступные

данные Центрального Банка Российской Федерации, двенадцатипроцентный рубеж был легко пройден уже во второй половине 2006 года (14,42 % на 01.10.2006) (см. рис. 1).

Можно предположить, что по итогам года эта доля еще несколько возрастет, ведь кроме мега-сделок на рынке происходят и более мелкие сделки, и за последнее время сюда пришли иностранные банковские группы – норвежский DnB Norske, венгерский OTPBank, скандинавский Hansa Bank, японские банки. В целом можно констатировать произошедший с середины 2005 года коренной перелом в тенденции превышения темпов роста иностранных инвестиций в уставные капиталы кредитных организаций над темпом роста совокупного уставного капитала банковской системы (см. рис. 2).

Что же несет российскому банковскому сектору, да и экономике в целом приход иностранных банкиров?

Главной приманкой для клиентов на протяжении ряда лет была безупречная репутация иностранцев в отличие от своих российских коллег. Однако в связи с экспанссией в регионы, различные сегменты банковского бизнеса, да и стабилизацией российского банковского сектора в целом, на первое место в последнее время выходят более прагматичные моменты, такие как имеющиеся опыт работы и корпоративная культура. Ведь перенести и адаптировать новый продукт или процесс из одной страны в другую все же проще, дешевле и быстрее, чем придумывать все с нуля.

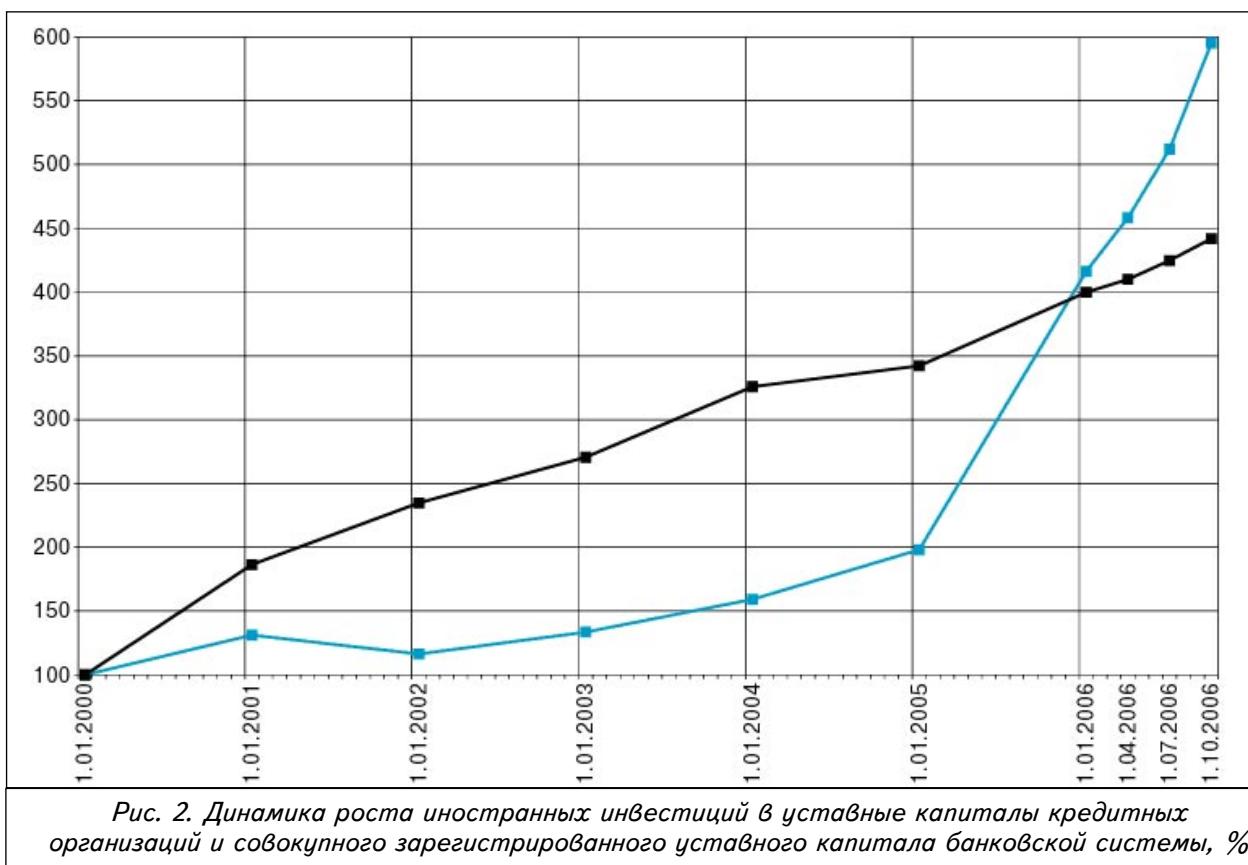
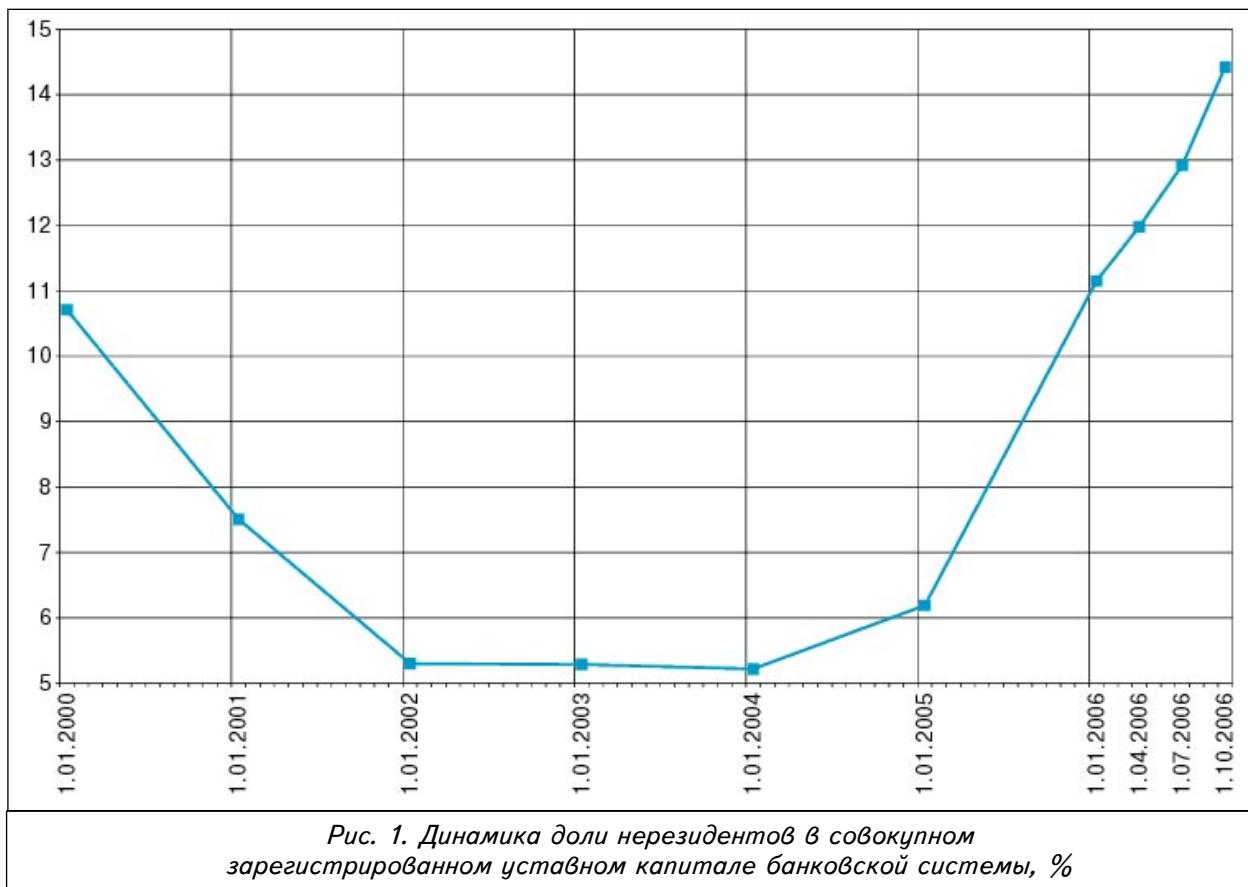
Не стоит также забывать о гораздо более значительных и дешевых источниках ресурсов для банков-нерезидентов, которые могут быть привлечены как за счет материнских компаний, так и с глобальных финансовых рынков.

Весьма вероятно, что процесс внедрения иностранных банков в российский рынок не только не закончился, а, напротив, вступает в активную fazu. Ведь многие американские, швейцарские, японские и английские банки из числа крупнейших в мире у нас пока не представлены, да и в российских регионах банки, принадлежащие иностранцам, представлены еще слабо.

Впрочем, учитывая финансовую глобализацию, а также принимая во внимание опыт стран Центральной и Восточной Европы, можно предположить, что иностранцы в состоянии завоевать до 80 % банковского сектора страны (Чехия, Словакия, Венгрия). И с учетом этого многие российские банки могут представлять интерес для иностранцев, хотя понятно, что основными объектами для поглощения, безусловно, будут являться ведущие 30–40 банков, имеющих достаточную клиентскую базу, а главное, широкую сеть продаж в регионах.

ТАБЛИЦА
**ДИНАМИКА КОЛИЧЕСТВА ДЕЙСТВУЮЩИХ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С УЧАСТИЕМ НЕРЕЗИДЕНТОВ, СУММЫ ВЛНОСОСОВ
НЕРЕЗИДЕНТОВ В УСТАВНЫХ КАПИТАЛЫ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ДОЛИ УЧАСТИЯ НЕРЕЗИДЕНТОВ
В СОВОКУПНОМ УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ
ЗА 2000–2005 ГОДЫ И II КВАРТАЛ 2006 ГОДА**

	1.01.2000	1.01.2001	1.01.2002	1.01.2003	1.01.2004	1.01.2005	1.01.2006	1.04.2006	1.07.2006	1.10.2006	1.10.2006 к 1.07.2006, %
1	Количество действующих кредитных организаций с участием нерезидентов, всего	133	130	126	123	128	131	136	138	144	148
2	Сумма долей (акций) нерезидентов в уставных капиталах действующих кредитных организаций (млн руб.)	11 898,5	15 576,0	13 843,6	15 886,8	18 902,6	23 553,0	49 554,5	54 562,7	60 916,1	70 797,7
3	Совокупный зарегистрированный уставный капитал действующих кредитных организаций (млн руб.)	111 130	207 402	260 989	300 391	362 010	380 468	444 377	455 533	471 341	490 982
4	Темп роста суммы иностранных инвестиций в уставные капиталы кредитных организаций к 1.01.2000 (%)	100,0	130,9	116,3	133,5	158,9	197,9	416,5	458,6	512,0	595,0
5	Темп роста суммы зарегистрированного уставного капитала всей банковской системы к 1.01.2000 (%)	100,0	186,6	234,9	270,3	325,8	342,4	399,9	409,9	424,1	441,8
6	Доля нерезидентов в совокупном уставном капитале (%)	10,71	7,51	5,30	5,29	5,22	6,19	11,15	11,98	12,92	14,42
7	Доля нерезидентов в совокупном уставном капитале без учета участия нерезидентов, находящихся под существенным влиянием резидентов Российской Федерации (%)	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	6,19	10,49	10,50	11,74	13,39	х

ОБРАЗ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ЯПОНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА (МАТЕРИАЛЫ К ЗАНЯТИЯМ ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ КРАЕВЕДЕНИЮ)

Иконникова Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и культуры Востока Института экономики и Востоковедения Сахалинского государственного университета. Область научных интересов: теоретические аспекты литературоведения; «восточный компонент» литературного краеведения Сахалинской области.

В школьном и вузовском курсах литературного краеведения Сахалинской области в основном рассматривается русская национальная и русская региональная литература¹. Существенным упущением из тематики литературного краеведения Сахалинской области становится отсутствие в ней имен представителей иных национальных литератур (японской, корейской и др.), обращавшихся в своем творчестве к образу Сахалина и Курильских островов. Представим ряд материалов по аналогичной проблематике, которые могут быть полезны и школьному учителю на краеведческих занятиях, и вузовскому преподавателю при чтении дисциплин подобного уровня.

Образ Сахалина и Курильских островов – одно из магистральных направлений в творческом наследии японских писателей XX века. Причина такого интереса обусловлена известными географическими и историко-политическими показателями.

Одним из ранних, доступных широкому читателю произведений с «сахалинским» компонентом, допустимо считать датируемый апрелем-июнем 1909 года «Дневник, написанный латиницей» японского поэта Исикавы Такубоку (1886–1912). Первое упоминание о Сахалине в «Дневнике» относится к субботе, 17 апреля, когда школьный товарищ поэта Киндайти Кёскэ рассказал о своем нежелании отправиться в научную командировку на Карафуто (1905–1945) для изучения традиций айнского народа. Через «сахалинские» страницы «Дневника» передается страстное желание Исикавы Такубоку вырваться из атмосферы заурядных будней, часто сопряженных в его жизни с материальной нестабильностью. Невозможность поездки на Сахалин, кроме сугубо семейных причин, состояла в отсутствии у поэта необходимых денежных средств: «Я слушал, как Киндайти читал мне «Усталось» Доппо и еще две-три его новеллы. Потом я слушал его рассказы о Сахалине. Об айну, об орлах, что шумят крыльями в утреннем небе, о кораблях, об огромных девственных лесах... Я спросил: «А сколько стоит путешествие на Сахалин?»

«Всего двадцать иен». <...>

Друг смотрел на меня жалостливыми глазами².

Неосуществимость мечты Исикавы Такубоку подчеркивается еще одной фактической деталью. Спустя чуть больше двух недель после разговора с Киндайти Кёскэ поэт занимает в долг на семейные нужды двадцать пять иен – сумму практически эквивалентную денежным затратам поездки на Сахалин.

Внимание Исикавы Такубоку к Сахалину объясняется общими настроениями, господствовавшими в Японии того времени. С южной частью Сахалина, отошедшей Японии после поражения России в войне 1904–1905 годов, многие соотечественники поэта связывали поиск новой работы и возможности самореализации. Но Исикава Такубоку возлагал надежды еще и на то, что он сумеет проникнуть на север острова, где, естественно, должна была сохраниться тюремная система, описанная Антоном Чеховым в его книге «Остров Сахалин». Поэтому не случайно в «Дневнике» запечатлены «неосуществимые, фантастические мечты! Цунами и Хакодате... поездка <...> на Сахалин, в северные районы Сахалина в России... встречи с государственными преступниками...»³.

Примечательно, что «Остров Сахалин» Антона Чехова на японском языке появился многим позже – только в 1925 году (он был осуществлен Ми-якэ Кэн). Но переводы чеховских рассказов стали известны японцам еще в 1903 году (благодаря стараниям ученицы святителя Николая Японского – Сэнума Каё). К тому же в 1904 году по всей Японии широко освещался факт смерти Антона Чехова, в связи с чем неоднократно упоминалось о гражданском подвиге русского писателя, оправившегося на российскую окраину с благородной миссией. Исикава Такубоку был не единственным японским литератором, вдохновленным рассказами о том, какой богатый материал для дальнейшей творческой работы был найден Антоном Чеховым на каторжном острове.

В 1923 году Миядзава Кэндзи (1896–1933), желая избавиться от душевных терзаний по поводу преждевременной смерти своей трепетно любимой сестры Тосико, отправляется на Сахалин. Творческим итогом пребывания поэта на острове стано-

¹ См. следующие программы: Региональная литература / Сост. О. А. Щербакова, Е. В. Сверкунова, Т. М. Соловьева // Интегративный курс «Сахалиноведение». – Южно-Сахалинск, 2003. – С. 3–13; Шумилова, Т. Е. Литература Сахалина и о Сахалине в контексте курса «Литературное краеведение» в вузе / Т. Е. Шумилова // Актуальные проблемы школьного и профессионального филологического образования: межвузовский сборник научно-методических работ / Под ред. Р. В. Якименко. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 149–157; рабочие программы по литературному краеведению преподавателей ЮСПК СахГУ Л. В. Хахулиной и С. А. Шарова и др.

² Исикава Такубоку. Дневник, написанный латиницей / Такубоку Исикава; пер. с яп. Е. М. Дьяконовой // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Вып. 4. – М., 1989. – С. 156.

³ Там же. С. 157.

вится метафизическое повествование с названием «Ночное путешествие на поезде по Млечному Пути» (1925). В сказочной повести Миядзавы Кэндзи, вдохновленного холодными водами Охотского моря, ожидают затаенные мечты человека, познающего философию смерти. Юные герои книги поэта – Джованни и Кампанелла странствуют по бескрайним дорогам вселенной и открывают неизвестные им ранее тайны небесного мироздания.

Также в анналы японской литературы о Сахалине и Курильских островах вписан достаточно интересный перечень имен поэтов и писателей, живших непосредственно на территории Карафуто.

Японский поэт Огума Хидэо (1901–1940) родился в крестьянской семье на севере Японии, в городе Асахигава. В 1914 году овдовевший отец Огумы Хидэо вместе с детьми в надежде поправить свои финансовые дела переезжает в губернаторство Карафуто, где обосновывается в Томариоро (город Томари Сахалинской области).

Не имея необходимого образования, Огума Хидэо в юношеские годы испробовал множество профессий: работал кузнецом и подковывал коней, пытался зарабатывать, будучи сторожем, выходил на промысел в море, занимался сбором морской капусты, рубил дрова. Сахалинская тематика заявлена в хрестоматийной поэме Огумы Хидэо «Летящие сани» (1935). В этом лиро-эпическом произведении прославляется могучий дух айнского народа, противостоящего неукротимым силам сахалинской зимы. Умирающие айны вступают в борьбу с природной стихией, породившей и кормящей их. Неукротимость и ярость зимних ветровозвучна духовной и физической стойкости отважных людей:

Зима рванулась в атаку –
Как будто наотмашь
Ладонью
Удалили по щеке...
На какое-то время растеряно
И природа, и люди застыли...
Бурая кожа земли
За вечер
Покрылась чистейшим снегом.

(Пер. с яп. А. Мамонова)

Несложными, импрессионистическими штрихами рисует поэт образы сахалинской природы («снежная крыша», «словно закоченела» изба, «холодный снег», «ветер студеный», ветер, «ползущий с моря» и др.) и людей, готовящихся к «вторжению ветра и снега»:

Северяне, с их чуткостью к переменам,
Тщательностью и быстротой,
Готовились встретить зиму.
Готовились

Каждый по-своему:
Имеющий деньги – по-своему,
Не имеющий денег – по-своему.

(Пер. с яп. А. Мамонова)

Реалии природного уклада Сахалина даются поэтом как художественный образ северной природы, не привязанной к какому-либо конкретному географическому месту.

Во вступительной статье Алексея Мамонова к единственной подборке стихотворений Огумы Хидэо на русском языке нет ни одного упоминания о том, что юношеские годы поэта прошли на Сахалине, даже в кратком комментарии к «Летящим саням» говорится о том, что герои поэмы айны проживают в северной части Японии, преимущественно на Хоккайдо. Единственная на сегодняшний день, ставшая раритетной, книга переводов небольшой группы стихотворений Огумы Хидэо для русских читателей была издана в Москве в 1971 году⁴.

Существенный вклад в развитие литературы Карафуто внес Самукава Котаро (1908–1977, настоящее имя – Сугавара Норимицу), который в 1921 году впервые ступил на островную землю. Литературной работе предшествовала научная деятельность Самукавы Котаро. Начиная с 1932 года он ассистировал своему отцу, Сугаваре Сигэдзо (1876–1967), – сотруднику Сахалинского музея в городе Тоёхара (современный Южно-Сахалинск): делал зарисовки растений Сахалина и готовил обзорные статьи о сахалинской флоре для последующей публикации⁵.

Параллельно с деятельностью по систематизации и изданию научных работ своего отца Самукава Котаро делает первые шаги и в художественной литературе, а именно: публикует небольшую повесть с названием «Браконьер» (1939). В повести Самукавы Котаро рисуются величественные картины северной природы, на которую писатель смотрит одновременно и глазами своего отца – ученого-естественника, и глазами художника, искусно владеющего художественным словом: «Несколько дней и ночей лодка плавно скользила через полярную зону. Море было синим с белыми гребнями, которые, разбиваясь о судно, придерживались своей негромкой неизменной, но не надоедающей мелодии. Вскоре море сделалось серым, а потом и вовсе стало чернильного цвета. Северные ветры гудели и завывали. Морская вода поднималась в высоту с гору. Небо затянуло облаками, и оно стало темным. Все указывало на приближение холодного севера. Лодка прошла через Командорский пролив и вошла в залив Анадырь. Море неожиданно прекратило свое движение. Повсюду показались ледовые поля» (пер. с яп. А. Никоновой).

⁴ См. Огума Хидэо, Кондо Ёсими. Из современной японской поэзии. – М., 1971.

⁵ Подробнее о биографии писателя и членах его семьи см. в следующих работах: Накадзава, Синго. Сэгэдзо Сугавара: ботаник, посвятивший свою жизнь изучению Сахалина; пер. с яп. В. В. Переславцева / Синго Накадзава // Краеведческий бюллетень. – 1991. – № 1. – С. 22–27; Камия, Тадатака. Сахалин и Самукава Котаро // Тадатака Камия // Япония и Россия: диалог и взаимодействие культур: Материалы Международной научно-практической конференции (Южно-Сахалинск, сентябрь 2002 г.). – Южно-Сахалинск, 2003. – С. 21; частично в материалах книги Прокофьева М. М. Японские учены – исследователи Южного Сахалина и Курильских островов (конец XIX – первая половина XX в. Биобиблиографические очерки. Книга первая. – Южно-Сахалинск, 2005. – С. 67; Никонова, А. С. Сахалин и Курилы в творческом наследии Самукава Котаро / А. С. Никонова // Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию восстановления российско-японских дипломатических отношений и 270-летию учреждения Школы японского языка при Российской Академии Наук. – СПб., 2006. – С. 102–109 и др.

В последующем образ Сахалина был заявлен и в ряде романов писателя таких, как «Пролив», «Дрейфующие льды», «Записки о Сагарене» и др. Особое место в зрелом творчестве Самукавы Котаро занимает история о племени ороков «Миф». Со слов пожилого орока главный герой книги (повествование ведется от первого лица) тщательно записывает передвижение древнего племени, однажды пересекшего замёрзший Татарский пролив и двинувшегося вверх по течению Пороная в северную часть Сахалина. Глава рода Шуни приводит свой клан на новые земли для создания поселение, позже названного Отасу (местечко, находящееся рядом с современным городом Поронайск Сахалинской области).

Вклад в развитие литературы Карагуто был сделан и Юзурихара Масако (1911–1949). В тринадцатилетнем возрасте она стала ученицей Высшей женской гимназии города Тоёхара (территория современного областного центра – Южно-Сахалинска), которую окончила в 1929 году, а затем работала учительницей в школах Отиай и Маока (современные названия городов Долинск и Холмск Сахалинской области). «Сахалинские» страницы просматриваются в опубликованных после смерти писательницы произведениях – «Берег Родины» (1985), «Северное сражение» (1985) и «Женская квартира» (1988).

Другой японский писатель – Мияти Кания (1912–1983) – переехал на южный Сахалин в 1923 году, когда его отца перевели для руководства средней школой в городе Отомари (современный город Корсаков Сахалинской области). В 1929 году Мияти Кания окончил школу средней ступени, затем учился на отделении английской литературы университета Васэда. Главной книгой Мияти Кания стал его труд «Центральные горы», где представлены материалы по Сахалину периода Карагуто.

Действия некоторых японских писателей рассматриваются и в русле все еще остающихся притязаний Японии на часть Курильских островов. Так, токийская писательница Камисака Фуюко (род. 1930; настоящее имя – Нива Ёсиго) – автор книги «Дневник высадки на серные территории» – в начале 2003 года через муниципалитет города Нэмуро в одностороннем порядке зарегистрировалась на Кунашире.

Еще одна японская писательница Ёсида Томоко (род. в 1934; настоящее имя – Кира Томоко (миссис Кира Дзинъити), в девичестве – Кания Томоко), автор нескольких романов и эссе, также имеет непосредственное отношение к периоду Карагуто. В 1945 году ее отец, проживавший с семьей на юге Сахалина, был взят в плен советской армией. Ведущими темами творчества Ёсида Томоко становятся военные конфликты прошлого (события в Маньчжурии и Китае во время японской оккупации 1931–1945 годов, окончание Второй мировой войны на территории южного Сахалина и

др.). Большая часть написанного Ёсида Томоко основана на её детских воспоминаниях, отчетливо просматриваемых в книгах «Могила отца» и «Я ничего не знаю о Маньчжурии».

Японская литература, созданная в период Карагуто, как образец региональной культуры повторяла те тенденции, которые были свойственны японской литературе того времени. Писатели не только использовали собственно художественные средства воссоздания действительности, но и представили ряд работ в документально-эссеистических жанрах.

Отдельного внимания заслуживают японские писатели, проживавшие за пределами губернаторства Карагуто, но обращавшиеся в своих произведениях к образу Сахалина и Курильских островов.

Японский прозаик Симаки Кэнсаку (1903–1945) родился на острове Хоккайдо. «Университеты» Симаки Кэнсаку начались очень рано: потеряв отца, он вынужден был оставить школу и самостоятельно зарабатывать на жизнь. Его первые литературные опыты совпали с собственным шестнадцатилетием. Для российского читателя Симаки Кэнсаку все еще малознакомый автор. Перевод на русский язык его рассказа «Слепой» был опубликован в 1935 году на страницах журнала «Интернациональная литература» (в настоящее время – «Иностранная литература»). В последующем в русской переводной литературе появилось лишь несколько произведений японского писателя: 1968 году – новелла «Черный кот», а в 1973 году – новелла «Красная лягушка»⁶. При этом большая часть новеллистического наследия Симаки Кэнсаку продолжает быть неосвоенной отечественными переводчиками.

Новелла «Черный кот», вошедшая в свое время в 7-й том сборника «Избранных произведений послевоенного десятилетия» (Токио, 1955), отчасти затрагивает «сахалинскую» тематику. «Черный кот» открывается рассказом главного героя (от имени которого ведется повествование) о том, что он во время продолжительной болезни коротал время за чтением «географических» журналов: «В одном из последних номеров меня заинтересовали впечатления некоего профессора о поездке на Сахалин. Особенно поразил мое воображение рассказ о горном коте, которого не раз пытались истребить. Сахалинского горного кота вылавливали трижды – в 1908, 1911 и 1930 годах – и решили, что он истреблен. Однако в феврале 1941 года горный кот снова появился в местечке Нода⁷...»⁸

Образ горного сахалинского кота удерживал воображение героя в течение многих дней. Фотографический снимок чучела кота, представленный в журнале, свидетельствовал о свирепости и беспощадности этого дикого животного. А рассказ охотившихся за последним сахалинским котом людей поразил героя неординарностью ситуации: «Когда охотники спустили на него собак, он отбил их атаку. Изумленный охотники приготовились стрелять,

⁶ По названию этой новеллы было дано и общее название всего сборника: Красная лягушка. Сборник новелл. – М., 1973.

⁷ Нода – японское название современного села Чехов Сахалинской области.

⁸ Симаки Кэнсаку. Черный кот [Пер. с яп. Д. Бугаевой] // Современная восточная новелла. № 36. Новеллы японских писателей. – М., 1968. – С. 132–133.

но горный кот, сидя на дереве, вдруг помочился прямо на них»⁹.

В новелле сахалинскому горному коту, по представлению героя, предписывются исключительные черты: лапы в сравнении с туловищем «казались устрашающе мощными и длинными», «олицетворяли собой большую силу», «на таких лапах он мог передвигаться почти бесшумно»¹⁰. Внутреннее коварство и звериная суть горного кота противопоставляются мирному существованию сахалинских лесов: «Я представил себе, как этот лютый зверь, сверкая глазами, бродит в тиши сахалинских лесов. Может быть, на всем Сахалине их осталось всего один-два, да и тех скоро уничтожат»¹¹.

История о сахалинском горном коте в композиционной системе новеллы «Черный кот» относится к вставному эпизоду как к самостоятельному по тематическому и сюжетному полям компоненту художественного текста. Рассказ о сахалинском горном коте, включенный в общее повествование новеллы, будучи абсолютно автономным содержанием, тем не менее отчасти помогает понять авторскую концепцию всего произведения Симаки Кэнсаку.

Другой японский писатель Такэда Тайдзюн (1913–1992) в новелле «Светящийся мох» представляет два противоположных по родовой природу сюжета: в одном случае – собственно эпическое повествование с интригующим событием в его центральной части – людоедство тридцатисемилетнего капитана, в другом – драматическая мистерия, навеянная историей о презревшем законы человеческого существования герое.

«Чудесное» возвращение к жизни капитана С. и судебное расследование происшествия, овеянного тайной гибели его товарищей у мыса Пекин, косвенно связаны с эпизодическими упоминаниями в общем содержании новеллы Курильских островов. Образ Курильских островов возникает еще в самом начале «Светящегося мха». Описываемые в новелле события происходят в небольшом приграничном городке Раусу: «От станции Сибэцу до порта Раусу ходит автобус. Справа от дороги остается пролив Нэмуро. Когда едешь в автобусе, перед глазами все время маячит узкая полоска острова Кунасири из гряды Курильских островов»¹².

Близость российской территории (именуемой «заграницей»), связанной одновременно и чем-то запретным, и чем-то весьма заурядным, всякий раз притягивает взгляды и случайного в Раусу гостя, и постоянных городских обывателей: «Когда поезд, который здесь еле тащится и подолгу стоит на станциях, подходит к Сибэцу, можно увидеть весь остров. Но не успеет кто-нибудь крикнуть:

«Смотрите, Курильские острова!» или «Мы прибыли на границу!», нужный вам автобус уже отходит»¹³. «Заграница», которая находится от Раусу всего в «семи милях», в представлении жителей портового городка «небольшой остров, на котором издали можно разглядеть склоны, покрытые зеленою растительностью, и синие складки гор <...> и пустынный морской берег, без солдат, без пушек, без проволочных заграждений – в общем ничего заслуживающего внимания»¹⁴.

Несмотря на то что Раусу считается пограничным городом, жизнь в ней течет уединенно. Обыденность человеческого существования в Раусу обусловлена климатическими условиями и рельефом местности всего западного полуострова Сирэтоко: в середине сентября в Раусу «можно любоваться еще не облетевшими алыми лепестками и красными, отливающими глянцем, плодами хаманаси»¹⁵, а зимой приходится укрываться от суровым ветром. Но прозаичность быта Раусу, в которой все, даже естественные природные циклы измеряются близостью к «загранице», иногда потрясается исключительными событиями. Одним из таких случаев становится история, произошедшая с директором школы, спутником главного героя, от имени которого ведется все повествование:

«Экзамены в стране проходят везде одновременно, отложить их нельзя. Вот директор и поплыл в феврале на рыбакской шхуне до Сибэцу. Туда добрался благополучно, а на обратном пути их накрыл тайфун, судно все дальше относилось к Курильским островам. Весь пролив был забит льдом, а ветер все время дул в сторону русской территории. <...>

– А вы не боялись, что вас схватят русские? Ведь вы зашли на их территорию?

– Я как-то об этом не думал. Больше всего меня беспокоили экзамены, ведь я вез бланки и должен был во что бы то ни стало вернуться. А на острове даже людей не было видно. Только на берегу, кажется, сгружали каракатицу»¹⁶.

Вместо положенных двух часов герой пробыл в пути трое суток. Повествователь поражен тем, какой «незаметной на первый взгляд выносливостью» и «удивительной сопротивляемостью» обладает этот «слабый на вид человек». Оказалшийся в экстремальных условиях, директор школы пробирался сквозь лесную чащу медвежьими тропами, преодолевал «обледеневшие горы», думая только о том, чтобы вовремя поспеть к экзамену. Безымянный собеседник главного героя новеллы «спокойно относился к своей судьбе сельского учителя в пограничном рыбачьем поселке и часто улыбался, с добродушной ironией рассказывая о своей деятельности в этом глухом городке»¹⁷.

⁹ Симаки Кэнсаку. Черный кот [Пер. с яп. Д. Бугаевой] // Современная восточная новелла. № 36. Новеллы японских писателей. – М., 1968. – С. 133.

¹⁰ Там же. С. 133.

¹¹ Там же. С. 133.

¹² Такэда Тайдзюн. Светящийся мох [Пер. с яп. Л. Бабкиной] // Японская новелла: 1945–1960. – М., 1961. – С. 295.

¹³ Там же. С. 295.

¹⁴ Там же. С. 296.

¹⁵ Там же. С. 295.

¹⁶ Там же. С. 300–301.

¹⁷ Там же. С. 298.

Главный герой убежден, что большая часть живущих в Раусу и около нее людей скучно влачит свое существования, соглашаясь с заведенными в этом местечке порядками: встреченные повествователем водитель автобуса и помощник старосты отличаются развязанностью, электромонтер в дни показа общественных кинофильмов отключает электрический свет в ближайшей к Раусу деревеньке, чтобы испросить у начальства денег на ремонт электросетей.

В контексте истории, произошедшей с директором школы, описывается и другая трагедия: в декабре 1944 года одно из японских суден потерпело крушение, и из семерых членов команды в живых остался только капитан, ровно через два месяца происшествия оказавшийся в Раусу. Произведенное в конце февраля расследование и детали нахождения фрагментов от тел моряков в конце весны убедили волостное управление в том, что для спасения своей жизни капитан преступил границу человеческой морали – в течении целого месяца поддерживал свое физическое существование, питаясь мясом своих погибших товарищей. И более того, согласно предположению ведущего расследования С., мог даже убить моряка Нисикаву – последнего свидетеля страшных событий, разыгравшихся зимой в военные годы.

Экзистенциальность историй директора школы и капитана косвенно обозначена еще и страхом перед русскими солдатами, охраняющими свою Родину. При этом, как оказывается, главным соперником каждого из героев становится, с одной стороны, сама северная природа, с другой – человеческая сущность, в которой физические инстинкты иногда могут подавлять духовные устремления. В природе нет деления на установленные человечеством границы государств: «...у меня перед глазами была уже не «граница», а северное море, вечернее сентябрьское море, огромная масса воды, таящая опасность»¹⁸. Необузданное естество зимних холдов и темных морских вод таит в себе не меньшую угрозу, чем человеческий страх перед голодной смертью.

Образ светящегося мха, который лег в основу названия новеллы Такэды Тайдзюна, ассоциируется с тем зыбким и далеким душевным светом, который известен не всем жителям Раусу. Лексема «свет» становится ведущей во всем повествовании: это и собственно электрический свет, которого так не хватает в городе, это и морские огни японских судов во время ловли каракатицы, это и ответное освещение «заграницы». Главный герой новеллы, разыскивающий таинственный светящийся мох, приходит к мысли, что «пограничная» Раусу, несмотря на свой государственный статус, будучи местом, в котором царит запустение, рождает чувство совершенной свободы. Именно внутренняя свобода позволяет заезжему гостю любоваться красотой

северной природы и удивляться той силе природного естества, которая ломает цивилизованного человека, заставляя его, подобно айнам, мириться с господством физического начала над духовным.

Реалии Сахалинской области упоминаются и в книгах маститых японских авторов второй половины ХХ столетия, например, в творчестве Мисимы Юкио (1925–1970). Настоящее имя писателя, появившегося на свет через два года после «Великого землетрясения» 1923 года в семье чиновника министерства сельского хозяйства и угодий, – Хираока Кимитакэ. Фамилию Хираока носил отец Мисимы Юкио и его дед – Хираока Дзётаро (1862–1942). К тому времени, когда была опубликована «Исповедь маски» – одно из первых произведений начинающего писателя, – деда Мисимы Юкио уже семь лет как не было в живых.

Мисима Юкио в «Исповеди маски» вскользь пишет о том, что его дед, «губернатор одной из колоний, был вынужден подать в отставку: чтобы замять один крупный скандал, он взял на себя вину своего подчиненного»¹⁹. «Колонией» японский писатель называет южную часть Сахалина, губернаторство Карафуто, которым его дед – генерал-губернатор управлял с 1908 по 1914 год. После ухода Хираока Дзётаро с поста губернатора управление Карафуто было возложено на плечи Бундзи Окада.

Отношение писателя к собственному деду покрыто тайной, сквозь которую все же проглядывает недовольство Мисимы Юкио. По причине слабости здоровья и бытовых неурядиц будущий писатель долгое время воспитывался в семье деда. При всем этом, повествуя о собственных детских годах, он крайне редко вспоминает своего деда. Но и эти редкие воспоминания связаны с негативными эмоциями: писатель говорит, что его дед обладал «абсолютным, идиотским доверием»²⁰. По причине неуемной предпринимательской деятельности Хираока Дзётаро семейные дела с «каким-то залихватским ускорением покатились под гору»²¹. Обвиняется бывший губернатор своим внуком и в «чудовищных долгах», и в «описи имущества», и в вынужденной продаже имения. Не исключено, что и все тщеславные родственники самого писателя (а он сообщает в романе о болезненном тщеславии своих близких, «одержимых некоей темной силой»²²) полагали, что существующие финансовые, а вместе с ними нравственные проблемы одной большой семьи Хираока целиком исходят от ее старейшины – Хираока Дзётаро.

В конечном счете Мисима Юкио склоняется к мысли, что своей материальной и душевной нестабильностью семья его родителей была обязана не только «предпринимательскому пылу» деда, но и «вечным болезнями и безрассудной расточительности бабушки»²³. Однако образ бабки в рома-

¹⁸ Такэда Тайдзюн. Светящийся мох [Пер. с яп. Л. Бабкиной] // Японская новелла: 1945–1960. – М., 1961. – С. 297.

¹⁹ Мисима Юкио. Исповедь маски [Пер. с яп. Г. Чхартишвили]. – СПб., 2002. – С. 9.

²⁰ Там же. С. 9.

²¹ Там же. С. 9–10.

²² Там же. С. 10.

²³ Там же. С. 10.

не «Исповедь маски», в сравнение с лаконичными портретными вкраплениями Хираока Дзётаро, выписан детально и с пристрастием, в котором отражена симпатия писателя к своей героине. А контурно обозначенный образ деда, некогда являвшегося главным административным лицом Южного Сахалина, необходим Мисиме Юкио только для того, чтобы воссоздать сопутствующую нищете атмосферу собственного появления на свет.

Как обозначено в «Исповеди маски», будущий писатель появился на свет «в запущенном наемном особняке, расположенному далеко не в самом престижном районе столицы», в « заносчивом и нелепом доме» «с мрачными, закопченными стенами» и с «множеством плохо освещенных комнат».²⁴ Начиная с 49-го дня своего рождения Хираока Кимитакэ жил исключительно на первой половине дома (верхним этажом дома распоряжались родители ребенка), находясь под пристальным вниманием своей бабки, не доверяющей воспитание юного наследника своему сыну и его супруге.

Жить с дедом и бабкой Мисима Юкио продолжает и после разъезда своих родителей со старшими членами семьи. «Мы оставили особняк <...> и теперь семейство, разделевшись пополам, проживало в двух домах, расположенных неподалеку друг от друга. В одном жили бабушка, дедушка и я, во втором – мои родители, брат и сестра»²⁵ – так констатирует писатель разъезд большой семьи, состоявшийся в 1935 году, когда родители отца Мисимы Юкио, следуя традиции «инкё», приняли решение жить отдельным домом.

Художественное повествование, как известно, никогда не эквивалентно реальным событиям. Поэтому едва ли описание Хираока Дзётаро именитым внуком может быть объективным. Мисима Юкио убежден, что его дед имел дела с «сомнительными приятелями и отправлялся за тридевять земель в погоне за золотым дождем»²⁶ и что «приступы депрессии, мучившие бабушку вплоть до самой смерти, были следствием тех страданий, которые доставлял ей дед своими похождениями в более молодые годы»²⁷.

Вполне допустимо, что Мисима Юкио к своему деду относился не с должной почтительностью. Иначе как объяснить отсутствие в «Исповеди маски» и в других произведениях писателя более или менее весомых описаний Хираока Дзётаро и его административной деятельности на губернаторском посту.

Впрочем, жизнь и творчество Мисимы Юкио таинственным образом переплетается со всем тем, что прямо или косвенно имеет отношение к Сахалину. Наметим только несколько удивительных совпадений.

В «Исповеди маски» говорится о личной аудиенции юного Хираока Кимитакэ с императором Хирохито (1901–1989): став первым учеником в выпускнике гимназии Гакусюин²⁸, будущий писатель был принят в императорском дворце, где в подарок получил наградные серебряные часы. Примечательно, что внук бывшего губернатора Карагуто был удостоен подарка из рук внука покойного императора Муцухито (1852–1912), известного после смерти как Мэйдзи. А ведь именно в годы правления Мэйдзи Япония получила права на Ляодун, железную дорогу в южной Маньчжурии и южную часть Сахалина. В дальнейшем похожее на театральное самоубийство Мисими Юкио в ноябре 1970 года на одной из токийских баз Сил Самообороны в какой-то степени стало следствием политической деятельности императора Хирохито.

Кроме того, и сам император Хирохито, спустя несколько лет после своего большого путешествия по Западной Европе, в 1920-х годах побывал на территории Южного Сахалина. С именем Хирохито связано и падение губернаторства Карагуто: 15 августа 1945 года император предложил японской армии и флоту прекратить сопротивление и тем самым капитулировать перед Советским Союзом.

Мисима Юкио – не единственный японский писатель второй половины XX столетия, косвенно упоминавший в своем творчестве о Сахалине. В 1964 году Оз Кэндзабуро (род. в 1935) в рассказе «Собачий мир» соотнес жизненные повороты в судьбе своего «младшего брата» со злоключениями переселившихся с Южного Сахалина семей оротов и гиляков. В начале 80-х годов XX века ныне культовый Мураками Харуки (род. 1949) в романе «Охота на овец» написал о пейзажах довоенного Сахалина и о детях «малоимущих крестьян», переселенцев с Хоккайдо, потянувшихся ради поиска новых земель в Маньчжурию и на Сахалин²⁹. Вновь к «сахалинской» тематике Мураками Харуки обратился в своей эссеистической книге с замысловатым названием «Токийский клуб сушеных каракатиц». Потерявшиеся на Земле» (2004)³⁰. В книге, рекламируемой как путеводитель по странам и отдаленным местам человеческой цивилизации, приведены личные размышления писателя о Сахалине, на котором он побывал в компании со своим русским переводчиком Дмитрием Ковалениным в июне–июле 2003 года.

Летом 2006 года на русский язык было переведено одно из последних произведений Симады Масахико (род. в 1961) – завершающий трилогию «Канон, звучащий вечно» роман «Любовь на Итурупе» (2003)³¹. Сюжетные перипетии романа, система образов, идеино-тематическая основа и многие

²⁴ Мисима Юкио. Исповедь маски [Пер. с яп. Г. Чхартишвили]. – СПб., 2002. – С. 10.

²⁵ Там же. С. 37.

²⁶ Там же. С. 10.

²⁷ Там же. С. 11.

²⁸ Престижный в Японии лицей Гакусюин (ранее называвшийся Школой пэров) закончил и сам император Хирохито, и его супруга Нагако, являвшаяся воспитанницей женского отделения лицея.

²⁹ См.: Мисиков, Б. Р. Шаги навстречу друг другу // Б. Р. Мисиков // Родина. Российский исторический журнал. – 2005. – № 10. – С. 129.

³⁰ Мураками, Х. Токийский клуб сушеных каракатиц. Потерявшиеся на Земле // Х. Мураками, Ю. Ёсимото, К. Цудзуки. – Токио, 2004. – 384 с.

³¹ Две предыдущие книги трилогии носят следующие названия: «Хозяин кометы» и «Счастливые души».

другие формально-содержательные компоненты книги определяют ее как произведение с «русской» проблематикой. В самом начале «Любви на Итурупе» в единое смысловое пространство оказываются вовлеченными имя Антона Чехова как автора книги «Остров Сахалин» и один из островов Курильской гряды, расположенный в границах современной Сахалинской области. Главным героем романа «Любовь на Итурупе» становится правнук знаменитой Чио-Чио-сан – оперный певец Нода Каору, решивший «начать вторую жизнь на Итурупе»³².

В другом метафизически сложном романе Симады Масахико «Плывшая женщина, тонущий мужчина» (1996) в политических дискуссиях главных героев неоднократно фигурируют образы России, Китая, Японии, Кореи и Тайваня. При этом «русская» тема этого романа становится ведущей. Так, некоторые из героев этого произведения не только носят русские имена (например, Татьяна), но и понимают русскую речь. А в самом finale книги заложники казино проигрывают свою свободу в «русскую рулетку».

В фантазиях героев книги «Плывшая женщина, тонущий мужчина» нередко возникают образы русских земель и городов (Сибирь, Дальний Восток, острова Курильской гряды, Владивосток, Южно-Сахалинск). Один из персонажей книги задумывает следующее трехнедельное путешествие по восточ-

ным водам Евразийского континента: «...после чего взять курс на Владивосток. Далее, обойдя Отару, обогнуть Сахалин, Итуруп, Кунашир, зайти в Нэмуро и возвратиться в порт Токио»³³. Острова Сахалинской области называются и в других эпизодах романа Симады Масахико.

В другом фрагменте «Плывшей женщины, тонущего мужчины» фигурирует упоминание о Южно-Сахалинске, который одновременно с другими географическими местами (мегаполисом или маленьким островом) может быть вовлечен в единое информационное пространство: «Подключившись к электронной информационной сети, охватывающей весь мир, оказываешься одновременно в Шанхае, в Южно-Сахалинске, на островке Уоцури или в Токио»³⁴.

Таким образом, в курс литературного краеведения Сахалинской области могут быть вписаны как имена японских писателей периода Карафуто, так и творческое наследие японских авторов второй половины XX века, нередко использовавших «сахалинскую» тематику в своих произведениях. Обозначенные выше упоминания о Сахалине и Курильских островах (как прямые, так и опосредованные) в японской литературе второй половины XX столетия являются логичным, историческим следствием событий начала XX века и, вероятно, могут восприниматься как традиция с почти столетним периодом.

³² Симада Масахико. Любовь на Итурупе: Роман [Пер. с яп. Е. Тарасовой]. – М.: Иностранка, 2006. – С. 17.

³³ Симада Масахико. Плывшая женщина, тонущий мужчина: Роман [Пер. с яп. Дмитрия Рагозина]. – М., 2005. – С. 62.

³⁴ Там же. С. 231.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ АНГЛИЙСКИХ АНТРОПОНИМОВ

Живоглядов Александр Анатольевич – канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии СахГУ. Защитил кандидатскую при МГПИ им. В. И. Ленина в 1987 году. Область научных интересов: стилистика английского языка, теория слова, общая и частная (английская) ономастика. Автор одной книги и более 40 статей в российских и зарубежных изданиях.

Ниже представлены основные выводы по проведенному на кафедре английской филологии СахГУ исследованию поэтической функции английских имен собственных личных. Материалом послужили прозаические и поэтические произведения английской классики, а также англоязычные произведения современных авторов, художественная ценность которых не вызывает сомнений. Непосредственное описание языкового материала осуществлялось в предшествующих публикациях, наиболее репрезентативными из которых являются [6; 7; 8; 9; 10; 16; 17]. В уточнении, пожалуй, нуждается лишь само понятие поэтической функции.

Мы основываем наш подход на функциональной трихотомии академика В. В. Виноградова, который, как известно, выделял такие важнейшие общественные функции языка, как *общение, общение и воздействие* [3, с. 6]. Если рассматривать их в статике, то они дают в общем плане структуры языка разграничение стилей (обиходно-бытовой, официально-научный и художественно-беллетристический). Рассмотренные же в динамике, общественные функции языка приобретают категориальный характер и отражают этапы семиозиса. При этом образность у имени, что и является признаком поэтической функции, возникает при переходе от одной общественной функции языка к другой. Таким образом, поэтическая функция антропонимов предстает как межуровневая величина той или иной степени интенсивности.

Кроме того, проведенное исследование реализации поэтической функции имени собственного личного на материале различных произведений английской художественной литературы приводит к выводу о наличии неразрывной связи между так называемыми «реальными» и «литературными» антропонимами. Последние не являются чистым «вымыслом» писателя, а продолжают общую линию семантического развития имени собственного личного как одного из древнейших «приобретений» человеческой культуры.

Будучи по своей природе потенциально креативными элементами языка, антропонимы не заданы ограниченным номенклатурным списком, скорее, этот список есть результат коллективного творчества многих поколений.

Связь антропонимов с живой, не скованной жесткими правилами речью проявляется уже на этапе их дескриптивного «оформления». Дескриптивность антропонимов – убедительное доказательство творческой работы «духа», человеческого сознания, человека над «монадой» имени.

Необходимость обращения к дескриптивному этапу номинативного развертывания имени

определяется той ролью, которую он играет в реализации поэтической функции антропонимов. При помощи дескрипции имя раскрывается как носитель индивидуально-личностных смыслов. Дескриптивное развертывание имени вскрывает также и его семантическую двуплановость. Дескрипция способствует превращению «материи звука» и «материи вещи» в знак, у которого означающее (внешняя, материальная сторона) и означаемое (предмет мысли) получают одинаковую содержательную ценность. Эта ценность заключается в том, что и означающее, и означаемое антропонима становятся источником для образования новых дескрипций. Дескриптивное снятие различий между реальной и идеальной сторонами антропонимического знака означает его принципиальную приспособленность к переходу из «мира» реального в «мир» художественного вымысла.

Существует четыре модуса именных дескрипций, два из которых (скрытые и сокращенные) принадлежат «естественному» языку, а другие два (развернутые и абсолютные) – языку художественной литературы. Их внутренняя связь и взаимообусловленность определяются предназначенностю для реализации поэтической функции имени собственного личного. Скрытые дескрипции делают это посредством «намека» на авторско-индивидуальное толкование предмета обозначения при помощи определенного артикла, а сокращенные – в результате процессов «народной этимологизации».

Развернутые дескрипции – это сверхфразовые единства, в которых поэтическая функция имени реализуется средствами экспрессивного синтаксиса, а абсолютные – это образные парафразы, тронные имена и когномены, выступающие субSTITУТАМИ официального имени лица.

Роль именных дескрипций в становлении антропонима как единицы поэтического «языка-речи» заключается еще и в их персонифицированности, так как за каждым актом «обосложнения» означающего и означаемого имени ощущается «некто» (говорящий, человек), а в художественной литературе авторство всегда конкретно. Введение факто-ра адресанта – непременное условие поэтической актуализации имени, и это условие выполняется при помощи дескрипций. Имя собственное личное, содержащее дескриптивный элемент, приобретает повышенную степень «антропоцентризма» и становится формой сообщения, в котором «человек говорит о человеке человеку». Все это позволяет видеть в нем «речевое событие», а дескрипцию определять как антропонимический интенсионал или как речевое значение имени.

Дескриптивность имени объясняет поверхност-

но-речевой аспект реализации поэтической функции. Антропоним, однако, это еще и единица языка, в своей эпистемической функции делающий имя собственное личное хранилищем определенных знаний или «предпосылок», которые разделяются говорящим и слушающими и которые принимаются как разделяемые ими. Этап принятия некоторых знаний как общих для владеющих данным языком – это этап виртуального становления имени собственного личного.

Виртуальная стадия развития антропонима имеет свое начало и завершение и носит, следовательно, процессуальный характер, соответствующий действительному превращению объекта из «ничто» в «нечто» и из «нечто» в человека. На этой стадии вычленяются апофатический момент и экстенсионально-языковое значение имени. Апофазис, или тайна, – эта такое «предпосылочное» знание (мало отличимое еще от незнания), которое дает толчок последующей структуриации экстенсионала и превращению его в сигнifikат. Движение от «незнания» к «знанию», таким образом, изначально придано имени в сфере его виртуального становления, что можно рассматривать и как начало реализации когнитивной функции языка, и как общеязыковую предпосылку для реализации хорошо известной в классической поэтике функции (приема) обнаружения истины, или «узнавания» [1].

Получается, что на этапе виртуально-языкового формирования значения антропонимов когнитивная и поэтическая функции фактически неразличимы или развиваются параллельно.

Положение о сопряженности познавательной деятельности человека с поэтически-художественным освоением мира находит свое подтверждение при рассмотрении особенностей актуализации компонентов языкового значения имени в художественно-поэтическом дискурсе. В целом этот процесс можно охарактеризовать как «вторичное познание уже познанного» [4, с. 21].

Особенностью «вторичного познания» посредством антропонимов является то, что один из компонентов их сигнifikата выдвигается в ядерную, доминантную позицию и становится центром притяжения тех специфически художественных приемов, которые сообщают читателю авторское видение предмета именования. Так, выдвижение (актуализация) бытийного компонента имени вызывает к жизни стилистические приемы апозиопезиса (умолчания), «вопроса-в-повествовании», «отложенного референта» и др. Опора на классифицирующий компонент позволяет реализовать поэтическую функцию антропонимов в рамках «множественных» имен для создания литературных архетипов, в то время как домinantная позиция индивидуализирующего компонента имени способствует проявлению поэтической функции антропонимов в виде различного рода антitez.

Вторичная структурация сигнifikата антропонимов в художественно-поэтическом дискурсе позволяет наблюдать как покомпонентное развертывание антропонимических значений: сочетается с превращением означаемого в означающее или,

наоборот, означающего имени в его означаемое. Так, умолчание (апозиопезис) чаще всего сопровождается полным или частичным отсутствием означающего имени (его фонографической «оболочки») и функционированием вместо него означаемого, выражаемого свободными словосочетаниями или каламбурно-переосмысленными оборотами. Использование псевдоинициальных и «конвенциональных» имен есть не что иное, как «растворение» означаемого в обобщающе-неконкретном означающем (Magу – «некая возлюбленная», Junius – «никто»). «Вопрос-в-повествовании» и антропонимический повтор вообще стремятся «каннигилировать» диахотому антропонимического знака путем погружения его в первозданную нерасчлененность бытия. Прием отложенного или отсутствующего референта ставят его (референта) «бытийность» (существование) в полную зависимость от фонографической «оболочки» антропонима, которая и становится единственным источником для формирования представлений о свойствах и качествах предполагаемого или «могущего быть» носителя имени.

Выдвижение классифицирующего компонента знаменует стадию когнитивного процесса «стихийной таксономии», на котором имя начинает соотноситься с тем или иным «таксоном» (классом) и выступает его представителем. «Классифицирующее» имя собственное личное возникает в результате взаимодействия трех факторов: а) наличия объективной связи имени с предметным рядом «ЧЕЛОВЕК», который в английском языке имеет тенденцию к родовому и «родственному» сужению; б) объективной обобщающей способности «множественной антропонимической рамки» (артикль + имя собственное + показатель множественного числа); в) субъективной предрасположенности адресанта и адресата к поиску апеллятивного коррелята имени как его «этимона». Взаимопереход означающего и означаемого при «классифицирующей» актуализации выражается в том, что означаемое имени как бы «пробивается» через его фонографическую оболочку (инкорпорирующее и контактное включение апеллятивного коррелята в антрополексему, а также специфическое оформление «множественных» имен). В результате имя получает аллюзивность и метафоричность на основе «истинного» или «ложного» апеллятивного прочтения либо участвует в образовании полуутомченных структур. С другой стороны, специфическое «внешнее» оформление антропонима начинает восприниматься как оформление «внутреннее», указывающее на то, что имя обладает некоей «внутренней формой», которая характеризует его как единицу поэтического языка. Доминантная позиция индивидуализирующего компонента в структуре антропонимического сигнifikата соответствует познавательному этапу вычленения предмета из общего «семантического фона» и противопоставления его всем другим подобным предметам. При этом трансформация означающего и означаемого и здесь имеет место, так как фиксация внимания на фонографическом «облике» имени превращает его «звучание» в «значение» для тех, кто усматривает в необычно-

сти имени возможность подчеркнуть необычность (的独特性) его носителя.

Итак, развиваясь параллельно с когнитивной, поэтическая функция имени собственного личного как бы размывает фундаментальную дилемму знака или, по выражению Бахтина, «преодолевает» ее «как лингвистическую определенность» [цит. по: 11, с. 301]. Вместе с тем не требует доказательств и то, что имена собственные личные – наиболее устойчивые, чтобы не сказать консервативные, единицы лексической системы языка. Недаром Фердинанд де Соссюр полагал, что «единственный шанс для [лингвиста] обнаружить устойчивость дают... имена собственные». При этом выдающийся языковед отрицал устойчивость и неизменность у понятий (как мыслительных коррелятов для имен нарицательных) и предполагал наличие некой «ментальной апосемы» (в отличие от просто «апосемы» – материального знака) у имен собственных [12, с. 149–150].

Понятие («*логос*») в качестве ментального коррелята в самом деле вряд ли способно «объять» столь противоречивый и сложный «предмет», кавказским является человек – обладатель имени собственного личного. Понятие – это продукт более позднего, рационально-прагматического освоения человеком окружающей его действительности, и поэтому в концепт человеческой личности оно входит лишь как «момент» или составная часть более раннего, архаического способа отражения ментальной абстракции. Способ абстракции, предшествующий понятию и сохраняемый антропонимами как их «ментальная апосема», обладает тем уникальным свойством, что он базируется на «комплексной интуиции» [15] и способен возвращать рационалистическое сознание в мир «тотальных импресий», которые «являются психическими эквивалентами форм целого, придающих целому его единство» [2, с. 72].

Антропонимическая абстракция устремлена к предмету и его все-стороннему охвату как целого на основе единения множества черт в простом «созерцании» объекта. Сложное и противоречивое предстает как простое и цельное в результате интроспективного неанализирующего «воспоминания». (Отсюда представления о «врожденной генетической памяти» на имена.) Наиболее полно данный тип абстракции охватывается такой категорией, как «эйдос», под которой подразумевается «психический» (мыслительный) эквивалент целого комплексного предмета в нерасчлененном (простом) восприятии («воспоминании») его как интуитивно постигаемого и удерживаемого сознанием единства многих черт и признаков.

Фиксация внимания на эйдосе вообще и антропонимическом эйдосе в частности есть показатель обращенности сознания к определенному культурному коду, что связано с «большой духовной концентрацией» [14], преобладанием «комплексной интуиции» над «абстрагирующими и аналитическим понятием» [15].

Эйдетическое восприятие культуры возрождает «философскую ономатологию», основы которой заложил А. Ф. Лосев. Стремясь охватить все «пространство культуры», то есть духовную жизнь

человека во всех ее сферах, философская ономатология, однако, прежде всего обращается к художественно-поэтическому освоению действительности посредством центральной ономастической категории – антропонима.

Английская классика дает прекрасные примеры того, как имя собственное личное выступает носителем «высшего смысла и... тяготеет к абсолютной мотивированности» [13, с. 126].

Творчество Мильтона и Кольриджа, в частности, во многом определяется эйдетической природой антропонимов как генераторов поэтической «фантазии» (воображения), включающих внутреннюю авторскую «потенцию». «Высший смысл» и «абсолютная мотивированность» у имени есть выражение его эйдосного начала, которое в определенных случаях может доминировать и определять дискурсивно-логическую образность отдельных фрагментов текста (Мильтон) или всего произведения (Кольридж).

Изучение поэтической функции имени собственного личного, следовательно, должно быть также и изучением свойств и способов выражения антропонимического эйдоса, его структуры и отношения к художественной образности.

Попытка, предпринятая нами в этом направлении, позволяет выделить то специфическое ономастическое, что характеризует реализацию поэтической функции антропонимов в английской художественной литературе. Это «специфическое» может проявляться и по отдельности, как «портретность», «объемный лаконизм» (аббревиатурность), внутренне-речевой «психологизм», и в совокупности всех этих характеристик лица на основе интеграции категориально-языковых (экстенсиональных) и дескриптивно-речевых (интенсиональных) значений имени собственного личного. Последний случай представлен всей второй строфой и началом третьей строфы поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда», где появлению имени (в 3-й строфе) предшествует полная его эйдетическая характеристика (2-я строфа). Детальный анализ данного фрагмента, который можно считать классическим примером выраженного антропонимического эйдоса, подтверждает способность последнего существовать как двуединство объективно-языковых и субъективно-речевых «сообщений» о предмете именования. Благодаря этой структурной двойственности эйдоса объект как бы рассматривается одновременно с двух сторон – «внешней» и «внутренней», что создает основу и для его лексико-сintаксической выраженности во «внешней» и «внутренней речи» соответственно.

Внешняя речь экстериоризирует экстенсиональную информацию, заложенную в имени, и детализирует ее в рамках синтаксических структур с преобладанием подчинительной и уступительной связей. Внутренняя речь, «доступная прямому наблюдению» как речь эгоцентрическая [5], содержит информацию личностного плана и реализуется в синтаксических структурах с преобладанием сочинительной и асинтетической связей. Эти «особенности» авторского синтаксиса соответствуют авторскому «ходу мысли» и в конечном итоге от-

ражают «данную нам в наблюдении» структуру антропонимического эйдоса.

Наблюдения над структурой антропонимического эйдоса, имеющие теоретико-экспланаторное значение, так как они объясняют, почему имя может становиться «двухголосым», не лишены также и практически-прикладной ценности, так как следование «духу и букве» эйдетического описания лица помогает добиться большей адекватности при переводе.

«Картинность», двойственность (двучленность), а также «эстетизм», связанный с эмоциональным переживанием, сближают антропонимический эйдос с художественным образом. Однако в субъектно-объектных отношениях и по степени «проницаемости» эти два способа отражения действительности различны. Эйдос архаичен, замкнут, жестко привязан к означающему и означаемому имени как «внешнему знаку», по отношению к которому он выступает «знаком внутренним» или «ментальной скрепой» рече-языкового содержания антропонима. Как особая когнитивная категория антропонимический эйдос оставляет право каждому на духовно-интеллектуальную автономию. Не всегда возможно (и нужно) выразить всю эйдетическую «картинку», зато к ней можно приблизиться интроспективно, через ступень образного сравнения, что, как у Р. Браунинга, ведет к созданию «двухполюсного» произведения, в котором выделяются образный и эйдетический планы. При этом эйдетический план по силе воздействия ничуть не уступает образному, что позволяет имени реализовать свою поэтическую функцию в том особом художественном приеме, который можно было бы назвать «метафорой сокрытия», превращающей саму «невыразимость» эйдетической «картинки» в эстетическую категорию.

Проведенное исследование показывает, что английские антропонимы не только потенциально приспособлены для реализации поэтической функции как единицы языка-речи, но и имеют свою собственную «вершину» или «идеал», который и стремится выразить художник слова всякий раз, как этот «идеал» (эйдос) попадает в фокус поэтической рефлексии.

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель. Об искусстве поэзии / Аристотель. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. – 189 с.

Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Наука, 1975. – 205 с.

Виноградов, В. В. Стилистика. – Теория поэтической речи. – Поэтика / Виктор Виноградов; Акад. наук СССР, отделение лит-ры и языка. – М.: изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.

Винокур, Г. О. Введение в изучение филологических наук / Г. О. Винокур. – М.: Наука, 1981. – 215 с.

Выготский, Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования / Л. С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1996. – 416 с.

Живоглядов, А. А. Английское имя личное и именная дескрипция / А. А. Живоглядов // Филологический журнал: межвузовский сборник научных статей / Сост. Г. Д. Ушакова; под ред. Л. И. Рублевой. – Вып. XIII. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2005. – С. 93–100.

Живоглядов, А. А. Виртуальное становление языкового значения английского имени собственного личного / А. А. Живоглядов // Ученые записки Сахалинского государственного университета: сборник научных статей / Гл. ред. и сост. Т. К. Злобин. – Вып. IV. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2004. – С. 111–116.

Живоглядов, А. А. Классифицирующий компонент значения антропонимического сигнификата и его актуализация в художественно-поэтическом дискурсе / А. А. Живоглядов // Филологический журнал: межвузовский сборник научных статей / Сост. Г. Д. Ушакова. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2001. – С. 6–12.

Живоглядов, А. А. Поэтическая функция английских индивидуализирующих знаков / А. А. Живоглядов // Филологический журнал: межвузовский сборник научных статей / Сост. Г. Д. Ушакова. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2002. – С. 49–54.

Живоглядов, А. А. Эйдетическая природа имени собственного личного / А. А. Живоглядов // Ученые записки Сахалинского государственного университета / Гл. ред. и сост. А. А. Васильевский. – Вып. II. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2001. – С. 160–167.

Звегинцев, В. А. Мысли о лингвистике / В. А. Звегинцев. – М.: изд-во МГУ, 1996. – 336 с.

Соссюр, Ф. де. Заметки по общей лингвистике / Фердинанд де Соссюр // Языковеды мира. – М.: Прогресс, 1990. – 280 с.

Топоров, В. Н. Имя как фактор культуры (на злобу дня) / В. Н. Топоров // Исторические названия – памятники культуры: Всесоюзн. науч.-практ. конф.: тезисы докл. и сообщ. – М.: Наука, 1989. – С. 125–128.

Флоренский, П. А. Малое собрание сочинений. Имена / П. А. Флоренский. – Кострома: Купина, 1993. – Вып. 1. – 316 с.

Cassirer, E. The philosophy of symbolic forms / E. Cassirer / Transl. by R. Manheim. – New Haven – L.: Yale univ. press, 1970. – Vol. 2. – XIV. – 328 p.

Zhivoglyadov A. A. Eidetic approach to analysis of poetic function of English personal names / A. A. Zhivoglyadov // il Nome nel testo. Rivista internazionale di onomastica letteraria / Direzione Maria Giovanna Arcamone, Davide De Camilli, Brunno Porcelli. – VIII. – Pisa: Edizioni ETS, 2006. – P. 129–138.

Zhivoglyadov A. A. Evolution of names in English literature / A. A. Zhivoglyadov // Proceedings of the 21st International Congress of Onomastic Sciences / Editors: Eva Brylla & Mats Wahlberg in collaboration with Vibeke Dalberg & W.F.H. Nicolaisen. – Vol. 1. – Uppsala: Sprek-och folkmänsinstitutet, 2005. – P. 561–570.

И. В. Балицкая

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ КОНЦЕПЦИЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В США, КАНАДЕ И АВСТРАЛИИ

Балицкая Ирина Валериановна – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка СахГУ. Является автором более тридцати научных работ по проблемам американского образования.

Концепции мультикультурного образования в США, Канаде и Австралии зародились в русле философских, психологических, педагогических, антропологических концепций, ведущими идеями которых были идеи равенства в образовании, демократизации общества и образования. Ключевым понятием концепций мультикультурного образования является **культура**, так как пронизывает все аспекты учебно-воспитательной деятельности. В рамках понятия «культура» существуют смежные понятия, изучение которых представляется нам чрезвычайно важным. Речь идет о таких категориях, как система культурных ценностей; языки как основное проявление, идентификация и др.

Термин «культура» используется в биологическом, археологическом, историческом, географическом, этнографическом, социологическом и других смыслах. Культура отражает все аспекты социальной жизни человека, включая обычай, ритуалы, взгляды, ценности нормы, знания, верования, традиции, которые передаются из поколения в поколение (1, 340).

Достаточно широко понятие «культура» рассматривается в рамках различных направлений антропологии. Психологическая антропология возникла в 20–30-х годах XX века и явилась конкретно-научной (в единстве эмпирического и теоретического аспектов) формой выражения взаимодействия двух областей знания: психологии и культурной (социальной) антропологии. Общая формулировка предмета указанной области знаний – межкультурный анализ того, как мыслит, действует и эмоционально реагирует человек (личность) в условиях различных культур (2, 8). Значительная часть исследований психологической антропологии посвящена изучению психокультурных особенностей (этнопсихологии) обществ (современных и традиционных).

Согласно мнению А. Аппия, «антропологи имеют тенденцию не оценивать отдельные культуры относительно друг друга, следуя традициям культурного релятивизма, в чем сомневаются философы» (1, 278). Он добавляет, что, исследуя категорию «культура», мы понимаем, что она достаточно подвижна. Он придерживается следующего определения: «Совокупность социально значимых моделей поведения, взглядов, воззрений, институтов и других продуктов человеческой деятельности и мысли. Я полагаю, что это неверно. Но это определение четко обрисовывает сочетание идей. В одном смысле культура, несомненно, отражает продукт человеческой работы и мысли, это то, чего придерживаются антропологии».

Культура, по определению представителей социальной антропологии (3, 161), «может быть определена как все виды деятельности, а не физиологи-

ческие результаты (продукты человеческих особей, не являющиеся, безусловно, рефлекторными или инстинктивными). Это далее означает, выражаясь языком биологии и физиологии, что культура состоит из условно-рефлекторных и приобретенных обучением видов деятельности, а также их производным продуктом. В свою очередь, идея обучения снова возвращает нас к тому, что является социально передаваемым, то есть передаваемым по традиции, что приобретено человеком как членом общества» (Kroeber A.L, Klukhon C.).

Антропологи утверждают, что культура есть результат совместной жизнедеятельности, и основными составляющими культуры являются четко очерченная группа людей и определенная история их существования. Культура определяет способы, с помощью которых различные общества стандартизируют и канонизируют одобренные нормы поведения, а также методы, с помощью которых общество выражает неприятие несоответствующих моделей поведения» (Walton C. C.).

А. Кребер был сторонником рассмотрения культуры как определенной целостной формы и одновременно способа осуществления жизнедеятельности людей. Ведущую роль в интегральном бытии культуры играет, согласно Креберу, идеальная, или ценностная, культура, которая «в большей мере и является основой для понимания реальной культуры. Без нее существует лишь множество отдельных предметов. С помощью же идеальной ценностной системы культура получает смысл. Эта система объединяет отдельные институты и идеи в целостность, включая их в форму» (3, 295). Несмотря на доминирование идеальной культуры в концепции Кребера, он отчетливо осознает, что все структурные уровни специфически человеческой формы жизни порождаются и функционируют в процессе деятельности индивида. Это хорошо видно на примере определения культуры, данного Кребером – Клакхоном: «Культура состоит из внутренне содержащихся и внешне проявляемых норм, определяющих поведение, осваиваемое и опосредуемое при помощи символов; она возникает в результате деятельности людей, включая ее воплощение в (материальных) средствах. Сущностное ядро культуры составляют традиционные (исторически сложившиеся) идеи, в первую очередь те, которым приписывается особая ценность. Культурные системы могут рассматриваться, с одной стороны, как результаты деятельности людей, а с другой – как ее регуляторы» (2, 18).

В своем определении Кребер и Клакхон подчеркивают неосознаваемые, символичные, способные к восприятию и формированию идей аспекты жиз-

ни группы людей как наиболее важные аспекты культуры. Некоторые представители социальных наук (Теодорсон, 1969) исключают материальные объекты (артефакты) из определения культуры. Даже те, кто принимает во внимание материальные, осязаемые предметы, считают, что интерпретация этих предметов, правила их использования составляют основу культуры, а не сами эти предметы. В. Гудинаф пишет: «Культура – не материальный феномен: она не состоит из вещей, людей, поведения или эмоций. Это скорее форма организации всего этого. Это форма того, что люди подразумевают, это модель их восприятия и понимания, отношения и ее интерпретации» (Goodenough W. H.).

Положения Кребера получили отражение в трудах одного из теоретиков направления «культура и личность» Дж. Хонигмана, который выделял в культуре два типа явлений. Первый – это «...социально-стандартизированное поведение – действия, мышление, чувства некоторой группы». Второй – «материальные продукты... поведения... группы».

Антропологи-символисты сосредоточивают внимание на динамической стороне внутреннего взаимодействия между значением, опытом и реальностью, продуктом которого является культура. Они рассматривают культуру как систему символов или значений (R. S. Scarcella, R. L. Oxford). Согласно постулатам символической антропологии, культура – это динамическая система, находящаяся в постоянном диалектическом процессе, вызывающем к жизни символы, которые можно рассматривать исторически. Прошлый опыт, согласно этим постулатам, в свою очередь влияет на последующее значение и т. п. Главной заслугой данного подхода является привлечение внимания к взаимозависимости между значением и культурным опытом. Определение культуры в данном направлении сосредоточивается не на внешних событиях и не на внутренних механизмах организации как таковых, а на значении, которое является продуктом (результатом) диалектического процесса, имеющего место при взаимодействии (4, 17). В трудах некоторых исследователей анализируется взаимосвязь терминов «общество» и «культура». Они определяют, что «общество – это видимое взаимодействие между людьми, а культура – неосязаемые правила, символы и ценности, которые... люди используют, чтобы определять себя» (Димен-Шайн, 1977). Символические антропологи, такие, как Клиффорд Гиртц и Виктор Тернер, «изучают идеологию как множественное значение слов и вещей, роль символов в определении социальной жизни объединяя противоположные значения» (Димен-Шайн, 1977).

Противоположной точки зрения придерживается Т. Гиртц, для которого культура не знание, закрепленное в сознании людей, а репертуар контрольных механизмов, то есть «планов, способов, правил, инструкций», при помощи которых становится возможным управление поведением людей (Geertz C.). Обусловленное культурой знание манифестируется в соответствии с этим в межличностные интеракции. Слова понимаются как символы, с помощью которых передаются намерения и ожидания.

Антрапологическая психология основной смысл культуры видит в деятельности и понимает ее как «совокупность результатов деятельности человеческого общества во всех сферах жизни и всех факторов (идей, верований, обычая, традиций), составляющих и обуславливающих образ жизни нации, класса, группы людей в определенный период времени»

Иногда культура определяется как стратегия или программа для выживания. В таком видении культуры она создается, когда человеческие группы пытаются удовлетворить собственные нужды для выживания. Булливан, который рассматривает культуру как стратегию выживания, утверждает, что культура – это не постоянная категория, а является предметом обстоятельств (среды), в которых находится культура. Он описывает три типа окружения, на которые группы людей реагируют в создании культуры: географическое положение, социальное положение, метафизическое положение. Булливан (1984) определяет культуру как взаимозависимую, многоаспектную систему традиционных знаний и ценностей, воплощенных в поведении и артефактах символично и несимволично, которые передаются новым поколениям и которые развивались в обществе исторически и модифицировались и увеличивались, для того чтобы справиться с настоящими и будущими проблемами существования.

М. Коул в «Культурно-исторической психологии» пишет о культуре как организованных сообществах людей, разделяющих одни и те же ценности, обычаи и социокультурные институты. М. Коул подчеркивает, что культура начинается с организации опосредованных действий индивидуума в повседневной жизни и при наличии для этого специальных моделей и схем. Из различных характеристик культурных практик он выделяет следующие: 1) наличие повседневных культурно-организованных видов деятельности в качестве ближайшей среды развития; 2) опосредованность деятельности артефактами (материальными и идеальными продуктами деятельности), набором постоянно изменяющихся средств; 3) культура постоянно меняется, но медленнее, чем изменяется индивид в своем развитии. Майкл Коул в фундаментальной работе «Культурно-историческая психология: наука будущего» (M., 1997). Cultural Psychology: a once and future discipline) критикует прежнюю культурную психологию за фактическое игнорирование проблем собственно культуры, что можно адресовать и педагогике, которая по сути дела, превратилась в социоцентристскую и «социосообразную» науку, в то время как ее смысловым центром должна быть именно культура, а разнообразие культурных текстов и контекстов – основой учебного материала. Наиболее значимые выводы Коула были следующие:

1. Культура и практика обыденной жизни (или культурная среда или жизненный контекст ребенка) влияют на восприятие, интерпретацию фактов, способы выработки суждений и их характера (сюда же относят смекалку, способы принятия решений жизненных задач).

2. Базовое образование (Коул говорит о базо-

вом образовании западных стран, но вывод его имеет общий характер) «является в культурном отношении консервативной просветительской стратегией, поскольку предполагает, что грамотность будет обслуживать сложившиеся у людей ценности и что люди будут продолжать жить в тех же местах и будут выполнять ту же работу, что и прежде».

3. Трансляция культуры в образовании осуществляется в условиях асимметричных властных отношений между учителем и учеником, что ведет к неравновесию, когда адаптация к взглядам учителя сильнее, чем адаптация преподавателя к интересам ребенка; взрослые направляют действия детей и вынуждают их жить в контекстах, контролируемых взрослыми (это значительно ограничивает собственную деятельность детей и вынуждает их играть заданные поведенческие роли, вместо того чтобы или определять совместную, по минимуму, деятельность, или создавать условия для творческого самопределения и самовыражения, по максимуму).

Отличительной чертой всех точек зрения культурно-антропологического направления является то, что все они носят интерпретативный характер. Они ориентированы на изучение повседневной жизни сравнительно небольших групп и сообществ людей. При этом подразумевается, что основу их культуры составляют определенные нормы и правила, которые регулируют все стороны их жизнедеятельности. Исходя из культурно-антропологического аспекта, культура обладает следующими характерными особенностями:

- культура – это универсальное явление человеческой жизни, поэтому не существует ни одного сообщества или социальной группы без присущей им культуры;
- культура – это продукт совместной жизнедеятельности людей;
- культура находит свое выражение в ценностях, правилах, обычаях, традициях;
- культура не наследуется генетически, а усваивается с помощью обучения;
- человечество не является единым социальным коллективом, разные популяции людей создали разные этнические, региональные, социальные культуры;
- культура динамична, она способна к саморазвитию и самообновлению, постоянному порождению новых форм и способов удовлетворения интересов и потребностей людей, адаптирующих культуру к меняющимся условиям своего бытия;
- культура является результатом коллективной жизнедеятельности людей, но ее носителями выступают отдельные личности;
- культура функционирует в качестве основания для самоидентификации общества и его членов, осознания ее носителями своего группового и индивидуального Я, различия «своих» и «чужих» во взаимодействии с другими культурами и народами.

Культура является одним из решающих факторов в выборе стратегий мультикультурного образования. Специалисты по поликультурному образованию базовым предметом считают культуру, которую определяют как стиль жизни, набор народных традиций, бытовых привычек, родовых

ориентаций, языковых и речевых особенностей людей. Термин «культура» был также принят сторонниками мультикультурализма для того, чтобы противостоять мифу «культурной депривации», широко распространенному в начале 60-х».

Известный американский специалист в области мультикультурного образования С. Nieto в своем определении отражает современный взгляд на **культуру**, присущий многим ученым мира: «Культура может определяться как совокупность постоянно меняющихся ценностных ориентаций, традиций, социальных и политических отношений и, наконец, мировоззрения, создаваемых и разделяемых группой людей, которые связаны между собой целым комплексом факторов, включающих общую историю, географическое положение, язык, социальный класс и/ или религию» (6, 381–402).

Кристин Слитер пишет: «Под культурой я понимаю всю сумму человеческого опыта: историю, литературу, язык, философию, религию и так далее».

Обобщенно говоря, можно выделить следующие описания культуры: описательные (перечисление отдельных феноменов культуры), антропологические (рассмотрение культуры как продукта человеческой деятельности), ценностные (культура как совокупность культурных и материальных ценностей), нормативные (культура как совокупность норм и правил, регулирующих жизнь людей), адаптивные (культура как способ приспособления людей к природным условиям), исторические (культура как продукт истории общества, передача культурного опыта от поколения к поколению), функциональные (функции культуры в обществе), семиотические (культура как система знаков), символические (употребление символов в культуре), герменевтические (культура как множество интерпретируемых человеком текстов), идеационные (культура как продукт духовного творчества, идей, хранимых в социальной памяти), психологические (культура как социально и психологически обусловленные модели поведения), дидактические (культура как приобретаемое через обучение знание), социологические (культура как совокупность социальных институтов, на которых зиждется общество, коллективная деятельность людей).

В мультикультурном образовании различают следующие понятия: **доминирующая культура** (Dominant) и **зависимая** (dominated) культура, а также **культура иммигрантов**. Доминирующая культура – это превалирующая культура. Например, в США доминирующей является евро-американская культура. В Канаде и Австралии – англо-саксонская. Традиционно учебные планы школ базируются на традициях доминирующей культуры.

Зависимая культура относится к тем группам, которые насильно объединены в состав страны. К примеру, африканцы были насильно привезены в Америку в качестве рабов, и их африканская культура подвергалась изменениям благодаря давящему влиянию европейско-американской культуры, в результате чего появилась афро-американская культура. Мексиканцы, жившие на юго-западе, были насильно присоединены к США, в результате подписания договора Гваделупе Гидальго в 1848 году. Испано-американская война

в 1898 году явилась результатом насилиственного присоединения Пуэрто-Рико к США, и культура этого народа также стала зависимой, которую правительство США пыталось вытеснить в процессе образования.

Культура иммигрантов относится к иммигрантам первого поколения, которые приезжали в США, Канаду, Австралию по собственной воле. Первым поколением называют взрослых и детей, которые были рождены в другой стране и затем иммигрировали в США. Иммигранты представляют широкое разнообразие образовательных, культурных и лингвистических традиций. Это многообразие представляет большую проблему для американских школ (7).

Изучая вопросы расового, этнического и культурного многообразия, необходимо уточнить такие термины, как аккультурация, интеграция, десегрегация, сепаратизм, расизм, предрассудки, дискриминация, культурный плюрализм – это ключевые концепции, которые должны быть определены при изучении политики в ответ на расовое этническое и культурное многообразие.

Важное значение для поликультурного образования имеет исследование процессов **аккультурации**. Изучением этих процессов стали заниматься в начале XX века американские культурные антропологи Р. Редфилд, Р. Линтон, М. Херковиц. На первом этапе они рассматривали аккультурацию как результат длительного контакта групп, представляющих разные культуры, который выражался в изменении исходных культурных моделей в обеих группах (в зависимости от удельного веса взаимодействующих групп). Считалось, что данные процессы происходят автоматически, при этом культуры смешиваются и достигается состояние культурной и этнической однородности. Реально менее развитая культура изменяется намного больше, чем развитая.

Постепенно исследователи отошли от понимания аккультурации как группового феномена и стали рассматривать ее на уровне психологии индивида. Согласно новым представлениям, процесс аккультурации трактовался как изменение ценностных ориентаций, ролевого поведения, социальных установок индивида. В настоящее время термин «аккультурация» используется для обозначения процесса и результата взаимного влияния разных культур, при котором все или часть представителей одной культуры (реципиенты) перенимают нормы, ценности и традиции другой (у культуры донора) (8, 114).

В процессе аккультурации каждый человек вынужден решать две проблемы – сохранения своей культурной идентичности и включения в чужую культуру. Комбинация возможных вариантов решения этих проблем дает четыре основные стратегии аккультурации: ассимиляцию, сепарацию, маргинализацию и интеграцию.

Ассимиляция – вариант аккультурации, при котором человек полностью принимает ценности и нормы иной культуры, отказываясь при этом от своих норм и ценностей.

Сепарация – отрицание чужой культуры при сохранении идентификации со своей культурой. В

этом случае представители недоминантной группы предпочитают большую или меньшую степень изоляции от доминантной культуры. Если на такой изоляции настаивают представители доминантной культуры, это называется сегрегацией.

Маргинализация означает, с одной стороны, потерю идентичности с собственной культурой, с другой – отсутствие идентификации с культурой большинства. Эта ситуация возникает из-за невозможности поддерживать собственную идентичность и отсутствия интереса к получению новой идентичности (возможно, из-за дискриминации или сегрегации со стороны этой культуры).

Интеграция представляет собой идентификацию, как со своей, так и с чужой, то есть новой стороны. Существует также понятие «десегрегация», и некоторые ученые проводят различия между интеграцией и десегрегацией. **Десегрегация** определяется как простое физическое смешение различных расовых и этнических групп. **Интеграция** возникает тогда, когда между этническими группами, которые представлены в рамках одного предприятия, развивается чувство взаимоуважения и принятия.

Сепаратизм существует в том случае, если этническая группа, которая исключена из основного потока жизни общества, создает этническую организацию или другое подразделение, для того чтобы отвечать потребностям этой этнической группы. Термины сепаратизм и **сегрегация** часто взаимозаменяют. **Сепаратистские организации** создаются для того, чтобы помочь этнической группе достичь самоуважения и политической власти и сохранить этническую культуру. **Сегрегационные организации**, как правило, создаются в сообществах меньшинств доминирующей властью для того, чтобы подчинять их. Эти учреждения создаются и контролируются представителями власти общества, а не самими сообществами меньшинств. Итак, сепаратистские и сегрегационные организации фундаментально отличны и по структуре, и по функциям.

Наиболее важной базовой категорией культуры являются **ценности**, они определяют поведение, жизненные установки, жизненную философию и т. п. Ценностные (аксиологические) характеристики культуры неоднократно являлись основой для построения типологии культуры. Это – регулятивные компоненты любой культуры, воплощающие идеалы и представления об эталоне. Они находят отражение в нормах, значениях и наиболее типичных для данных культур артефактах (материальных и идеальных продуктах). Культурная норма – общепризнанное требование и соответствующее правило, регулирующее поведение людей, – всегда соотносится с определенными ценностями (4, 39).

Этнопсихологический словарь определяет ценности национальные как совокупность духовных идеалов представителей тех или иных этнических общностей, в которых находит отражение их историческое своеобразие.

Национальные ценности очень активно влияют на характер межнациональных отношений. Система ценностей имеет множество определений, представленных как в западной, так и в отече-

ственной литературе. Существуют типологии культур, основанные на ценностях.

Ценностная ориентация культур Ф. Клакхон, Ф. Стродбека

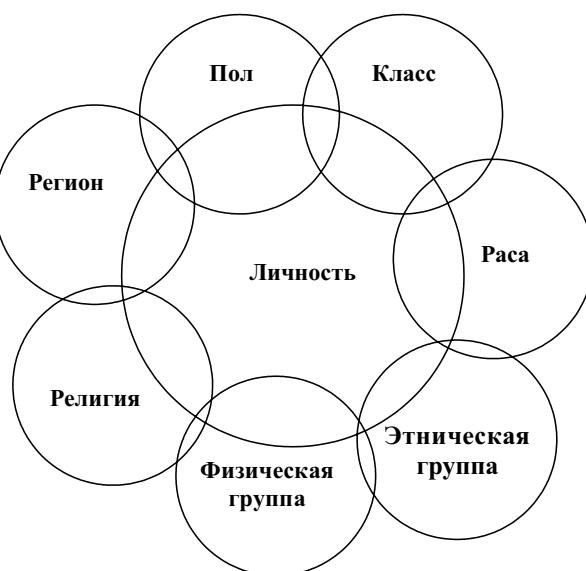
Считая ценностные характеристики неотъемлемой частью культуры, Флоренс Клакхон и Фредерик Стродбек в 1959 году предложили теорию ценностной ориентации культуры, в основе которой лежит разработанная ими типология и методология сопоставления культур и последующего описания ценностного профиля сравниваемых культур. В схему включены пять базовых ориентаций: ориентация на человеческую природу, ориентация на отношения человека к природе, временная ориентация, ориентация на деятельность, ориентация на межличностные отношения (3, 22).

Ценностная ориентация культур Дж. Хоффштеде

Дж. Хоффштеде предложил характеризовать культуры по четырем измерениям: 1) дистанция власти, 2) терпимость к неопределенности (uncertainty avoidance), 3) дифференциация полов (masculinity vs. femininity), 4) противопоставление по линии «индивидуализм – коллективизм» (305, 81–94). Под дистанцией власти понимается отношение к власти, то есть степень неравенства в распределении власти на различных организационных уровнях, а также степень принятия неравенства в распределении власти в качестве нормы членами организации, обладающими меньшей властью. Под терпимостью к неопределенности понимается отношение к структуре организации и принятым правилам, то есть поведение членов общества в нештатных, неструктурированных ситуациях. Под дифференциацией полов понимается ориентация на доминирующие «мужские» или «женские» ценности. К «мужским» относятся стремление к успеху, конкурентность, самоутверждение, к «женским» – солидарность, забота о слабых, близкие межличностные отношения и др. Противопоставление по линии «индивидуализм – коллективизм» рассматривается как степень желания членов общества действовать в одиночку (индивидуально) или же в группе (коллективно) (4, 38).

Ценностная ориентация культур Питирима Сорокина

В концепции американского культуролога, социолога, философа русского происхождения Питирима Сорокина существующие или когда-либо существовавшие культуры можно классифицировать на базе основополагающего принципа – ценности, поскольку доминирующие черты культуры, основные формы социальной, экономической и политической организации, нравы и обычаи культуры, менталитет обязательно выражают этот принцип. В его типологии выделяются три суперсистемы культуры: идеациональная (отражающая способность к формированию идей и их восприятию, чувственная и идеалистическая, определяющие соответствующие типы культуры). Идеациональная система культуры – это система, в основе которой лежит принцип сверхчувственности и сверхразумности Бога «как единственной реальности и ценности...». Чувственная система основана на

принципе, заключающемся в том, что чувственными являются объективная реальность и ее смысл. Идеалистическая представляет собой такую систему, которая «хватывает сверхчувственный и сверхрациональный аспекты, плюс рациональный и, наконец, сенсорный аспекты, образуя собой единство бесконечного многообразия» (9, 427).

Одним из ведущих является вопрос о **культурной идентичности** (набор культурных форм, черт, характеристик) человека. Решение этой проблемы связано с тем, что каждый школьник и каждый учитель должен иметь право на выбор своей культурной идентичности, и это право должно гарантироваться и защищаться в самой школе и за ее пределами.

Широкое распространение термина «идентичность» и его введение в междисциплинарный научный оборот произошло благодаря трудам американского психолога Эрика Эриксона. Это понятие со второй половины 1970-х годов прочно вошло в лексикон большинства социально-гуманитарных наук, привлекло внимание ученых различных направлений и положило начало многочисленным теоретическим и эмпирическим исследованиям проблеме идентичности» (8, 52).

Понятие «идентичность» сегодня широко используется прежде всего в этнологии, культурной и социальной антропологии. Оно означает осознание человеком своей принадлежности к какой-либо социокультурной группе, позволяющее ему определить свое место в социокультурном пространстве и свободно ориентироваться в окружающем мире. Необходимость в идентичности вызвана тем, что каждый человек нуждается в известной упорядоченности своей жизнедеятельности, которую он может получить только в сообществе других людей. Для этого он должен добровольно принять господствующие в данном сообществе элементы сознания, вкусы, привычки, нормы. Ценности и иные средства взаимосвязи, принятые окружающими его людьми усвоение этих элементов социальной жизни группы придает существованию человека упорядоченный и пред-

сказуемый характер, а также делает его причастным к соответствующей культуре (8, 52).

Поскольку каждый индивид является одновременно членом нескольких социальных и культурных общностей, то в зависимости от типа групповой принадлежности принято выделять разные виды идентичности: профессиональную, социальную, этническую, политическую, религиозную, психологическую и культурную.

Сущность культурной идентичности заключается в осознанном принятии индивидом соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимании своего Я с позиции тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этого общества.

Сочетание биологического и социального в природе человека понимается pragmatically настроенными мультикультуралистами, как признание того, что некоторые характеристики культурной идентичности наследуются, а сущность других является продуктом социума.

Исходя из культурного многообразия в рамках одной культуры, наряду с понятием «культура» (**макрокультура**), выделяют **субкультуры** (микрокультуры). Под субкультурой обычно понимаются культура группы (группировки) людей, обладающих характерными чертами, отличающими их от других членов социума (P.Harris, R.Morgan, 1993).

Согласно С. Адлеру, субкультура ограничена различным сегментом общества (мужчины или женщины, молодые или пожилые; данный сегмент имеет много общего с доминирующей культурой, но в то же время обладает некоторыми уникальными чертами. (10, 39). В концепции С. Адлера принадлежность к этническим, расовым и/или социальным классам создает культурные группировки. Этничность, по мнению автора, основана на ассоциировании себя с предками, принадлежности к какой-либо религии или национальности. Этническая группа представляет собой группу индивидуумов, имеющих общую историю или традицию, чувство принадлежности именно к этой группе, а также схожий образ жизни (10, 36).

Понимание вопросов поликультурного образования также невозможно без рассмотрения понятий **расы**, **расовой и этнической группы**, **а также факторов**, препятствующих оптимальному взаимодействию между расами, этносами и культурами, к которым относятся расизм, сексизм, предубеждения и дискриминация. Раса также может служить основанием для выделения субкультуры.

Исторически термин «раса» означает группы людей, отличающиеся своеобразными физическими характеристиками или культурными различиями. В биологическом смысле этот термин используется для того, чтобы классифицировать подгруппы видов людей. Эти группы базировались на различиях генов, которые разделят определенное сообщество. Иногда эти группы определяются географическими границами. Трудность в использовании физических, генетических и географических стандартов в отношении определении расы может быть очевидна на примере исторического

факта, который был оценен антропологами на наличие рас от 2 до 200.

Из-за трудностей в определении расы целесообразно говорить о расе как юридическом и культурном концепте. Верховный суд США одобрил использование термина «раса» как способ классификации людей в деле Плесси против Фергюсона. Позднее, после дела Брауна, этот термин был легализован. В вопросах образования термин «раса» рассматривается как категория культуры, которая влияет на процесс учения, обучения и образовательной политики.

Значительный процент населения в США, Канаде, Австралии представляет чернокожее население, поэтому вопрос о расовой идентичности имеет существенное значение. Ученые К. Беннет, С. Нието, Д. Голлик утверждают, что понятие расы относится к физическим характеристикам (черты лица, рост, цвет кожи, структура волос) и не выступает ориентирами культуры.

Культурологически важно, что члены одной и той же расы часто разделяют одну и ту же культуру, но в то же время «нельзя обнаружить единую культуру между всеми членами любой расовой группы» (10, 36).

В этой связи они расценивают негативные отношения между черным человеком и белым, между учителем и учеником, имеющим иное, нежели у учителя, классовое происхождение, как **расистские**.

Термины «расизм» и «предрассудки» часто могут использоваться в одном и том же смысле. Гордон Олпорт в своих трудах о природе предрассудков цитирует документы ООН, где «дискриминация» определена как «поведение, основанное на различии естественных и социальных категорий, что не имеет никакого отношения к индивидуальным способностям и заслугам, а также к поведению индивида».

Более широкое определение, данное С. Нието, раскрывает дискриминацию (основанную на признаках пола, расы, социального класса и других различиях) как негативное или пагубное поведение, в результате которого отрицаются жизненные потребности некоторых групп населения, которые имеют другие группы населения. **Дискриминация** обычно основана на предрассудках, которые отражают взгляды и мнения о целой группе людей. Такие взгляды часто являются результатом формирования стереотипов относительно определенной группы населения, которые могут быть как положительными, так и отрицательными. И положительные, и отрицательные стереотипы имеют отрицательные последствия, так как они ограничивают наши представления о целой группе людей (10, 36).

Дискриминация, основанная на представлении о превосходстве, прослеживается в структуре школы, учебном плане, в образовании, которое получают большинство учителей в отношениях между учителями, учащимися и обществом. Дискриминация – это не личные предубеждения, это институциональная практика. Часто причинами предрассудков и дискриминации видят в негативном восприятии человеком определенной группы. Соответственно, многие определения не выделя-

ют институциональную сущность опрессий. Хотя поведения и взгляды людей могут быть очень обидными и психологически... наибольший вред наносит институциональная дискриминация – это систематическое использование экономической и политической власти в учреждениях (в том числе школах), что приводит к негативной политике и практике.

В австралийском законе о равных правах и возможностях (CCH Equal Opportunity Law and Practice) дискриминация описывается как практика, которая проводит различия между людьми и, таким образом, ставит одних в выгодное, а других в невыгодное положение. Согласно федеральному акту о расовой дискриминации, дискриминация определяется как «.. различие, исключение, ограничение и предпочтения, основанные на расе, национальном и этническом происхождении».

Дискриминация может быть прямой и непрямой. **Прямая дискриминация** имеет место в том случае, когда к человеку относятся менее доброжелательно из-за его расы, пола и др. **Непрямая дискриминация** не имеет ничего общего с дискриминационным поведением, а больше относится к политике и практике, которые могут иметь дискриминационный эффект.

Разные авторы по-разному определяют понятие **«предубеждение»**. В справочном пособии Б. Берельсона и Г. Стейнера «Человеческое поведение. Сводка научных данных» предубеждение определяется как «враждебная установка по отношению к этнической группе или ее членам как таковым». В учебнике социальной психологии Д. Креча, Р. Крачфилда и Э. Баллахи предубеждение определяется как «неблагоприятная установка к объекту, которая имеет тенденцию быть крайне стереотипизированной, эмоционально заряженной и нелегко поддается изменению под влиянием противоположной информации». В «Словаре по общественным наукам», выпущенном ЮНЕСКО, это понятие определяется так: «Предубеждение – это негативная, неблагоприятная установка к группе или ее индивидуальным членам; она характеризуется стереотипными убеждениями; установка вытекает больше из внутренних процессов своего носителя, чем из фактической проверки свойств группы, о которой идет речь» (11, 11).

Известный американский социолог Робин М. Уильямс-младший, дополняет это определение тем, что предубеждение – это такая установка, которая противоречит некоторым важным нормам или ценностям, номинально принятым данной культурой.

Расизм и другие формы дискриминации базируются на представлении, что одна этническая группа, класс, пол или язык является превосходящим по отношению к другим. В Америке традиционной нормой являются белый американец, среднего класса, англоговорящий, мужского пола.

Подобное явление определяется как **этноцентризм** (признание превосходства), оно влияет на создание стереотипов, социальное разъединение, расизм и общее деление людей на высшие и низшие группы. Этноцентризм может рассматриваться как тенденция рассматривать чужую культуру в терминах своей культуры, суждение о чужой

культуре с точки зрения норм и конвенций знакомой (своей) культуры (McArthur T.). Исследователь Джей Джакендофф убежден, что «любое описание чужой культуры неизбежно является этноцентрическим; оно является навязыванием своих культурных и теоретических убеждений» (R.Jackendoff, 1994).

Исходя из позиции «правильности» родной культуры, носители этой культуры воспринимают свой культурный стандарт как единственно возможный, поскольку «родная культура воспринимается как нечто само собой разумеющееся», а также, как «заведомо превосходящая культуры других народов», то есть «этноцентризм связан с чувством собственного культурного превосходства» (12, 59). Этноцентризм характеризуется несколькими чертами. Так, Эдвард Стюарт и Милтон Беннет вычленяют следующие характеристики этноцентристических суждений: 1) узкое и оборонительное социальное чувство личности (identity); 2) стереотипическое восприятие других культур; 3) облагораживание своей собственной культуры и унижение других культур (E. Stewart, M. Bennett)

Тесно связано с этноцентризмом явление, наиболее известное как **культурный шок**. Понятие культурного шока было впервые введено в 1958 году антропологом Калверо Обергом, который привлек внимание к отсутствию поддержки своей культуры у соджорнов (людей, временно пребывающих в своей культуре).

Американский антрополог Ф. Бок во введении к сборнику статей по культурной антропологии (который называется «Culture Shock») дает такое определение культуры: «Культура в самом широком смысле слова – это то, из-за чего ты становишься чужаком, когда покидаешь свой дом. Культура включает в себя все убеждения и все ожидания, которые высказывают и демонстрируют люди... Когда ты в своей группе, среди людей, с которыми разделяешь общую культуру, тебе не приходится обдумывать и проектировать свои слова и поступки, ибо все вы – и ты, и они – видите мир в принципе одинаково, знаете, чего ожидать друг от друга. Но, пребывая в чужом обществе, ты будешь испытывать трудности, ощущение беспомощности и дезориентированности, что можно назвать *культурным шоком*» (11, 104).

Суть культурного шока – конфликт старых и новых культурных норм и ориентаций, старых – присущих индивиду как представителю того общества, которое он покинул, и новых, то есть представляющих то общество, в которое он прибыл. Собственно говоря, культурный шок – это конфликт двух культур на уровне индивидуального сознания.

Термины «равенство» и «справедливость» часто ассоциируются с поликультурным обучением и взаимосвязаны.

Термин «равенство» взят из множества понятий, связанных с образом американской жизни и, в свою очередь, повлиял на формирование понятия «равенство образовательных возможностей», «равные шансы», «равный доступ». *Равенство образовательных возможностей* означает, что каждый гражданин имеет равные права в получении образования и имеет право посещать государственные школы. Первоначально термин «равен-

ство образовательных возможностей» является юридическим и исходит из понятий социальной справедливости: если государство предоставляет такую услугу, как образование, то все категории граждан должны иметь равный доступ. Равенство, согласно закону, это основной юридический принцип, подразумевающий также и равенство образовательных возможностей. Никто не может иметь привилегий, исходящих из расы, религии, пола, достатка. Это означает и то, что если правительство создает систему образования, то все граждане вправе получать равное отношение в этой системе. Термин «равенство» имеет множество значений в американском менталитете, и он, в свою очередь, наложил отпечаток на такие понятия, как «равенство образовательных возможностей», «равный шанс», «равный доступ».

Сегодня термин «равенство образовательных возможностей» означает, что каждый гражданин имеет равные шансы получить образование. Если понимать под «равным шансом» возможность обучаться в государственных школах, «равенство образовательных возможностей» является юридическим правом, таким образом, предоставление равенства основано на принципах справедливости: если правительство предоставляет такую услугу, как образование, все классы общества должны иметь равный доступ к нему.

Термины «равенство» и «равенство возможностей» имеют множество значений. Американская мысль, в свою очередь, повлияла на формирование данного термина, и эта фраза приобрела новые значения «равенства образовательных возможностей», «равный шанс», «равный доступ». По определению Дж. Спринга, «равенство образовательных возможностей» означает, что все имеют равные шансы в получении образования. Это определение подразумевает равный шанс получать образование в государственных учреждениях и является юридическим термином. В этом контексте «равенство образовательных возможностей» может быть рассмотрено с позиций справедливости: если образование предоставляет такую услугу, как образование, то все классы граждан должны иметь равный доступ к этой услуге.

Терпимость (толерантность) – способность снижать уровень эмоционального реагирования на неблагоприятные факторы межличностного взаимодействия, терпеливо или снисходительно (в позитивном смысле слова) относиться к другому, его инакодействиям, инакомыслию. Терпимость выступает как универсальный демократический принцип, взаимосвязанный с социальными и нравственными ценностями (нормами) плюрализма и прав человека и обеспечивающий принятие особенностей образа мыслей и поведения другого, учет таких особенностей при взаимодействии.

В 1989 году в Америке впервые появился термин «межкультурная компетентность». Он означает способность устанавливать и поддерживать позитивные взаимоотношения между людьми, умение плодотворно работать в коллективе, используя такие категории, как эмпатия, терпимость, гибкость, и объединяет в себе способность устанавливать и поддерживать позитивные взаимоотношения;

умение плодотворно (с минимальными потерями и ошибками) общаться с людьми; достижение должного уровня согласованности и сотрудничества с окружающими. Данные умения проявляются в поведении с помощью эмпатии, гибкости, терпимости. Они постигаются скорее, если человек знает несколько иностранных языков. (30, 118)

Компетенция – это не только навыки, но и отношения, понимание и знания. В комплексе они обеспечивают эффективное и позитивное взаимодействие с окружающими, невзирая на различия в культуре, расе, религии (Phi Delta Kappan, 1994).

Также существует понятие «культурно-плюралистическое общество» – это открытое общество, в котором все граждане могут пользоваться социальными, экономическими и образовательными возможностями общества и при этом могут поддерживать собственную уникальную этническую идентичность. Членам общества необязательно асимилировать в доминирующую культуру для того, чтобы обеспечивать жизненные потребности.

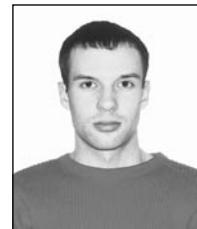
На основе пересекающихся с мультикультурализмом философских, психологических, педагогических концепций были выделены междисциплинарные категории и понятия, которые являются базовыми для сложившихся в США, Канаде и Австралии концепций мультикультурного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Duarte E.M., Smith S. Foundational Perspectives in Multicultural Education. Longman. – New York, etc. – 2000. – 374 р.
2. Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под общ. ред. А. А. Белика. – М.: Смысл, 2001. – 555 с.
3. Kroeber A. L., Klukhon C. Culture. A Critical Review of Concepts and Definitions // Harvard University Press, 1952. – Vol. XLVII. – № 1.
4. Лебедько, М. Г. Время как когнитивная доминанта культуры. Сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер: монография / М. Г. Лебедько. – Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 240 с.
5. Крылова, Н. Б. Культурология образования / Н. Б. Крылова. – М.: Народное образование, 2000. – 272 с.
6. Sanford J. A. Between People: Communicating One-to-One. – New York, Ramsay: Paulist Press, 1982. – VIII. – 92 р.
7. Spring J. American Education, New York: McGraw – HM Higher Education, 2002. – Р. 97–172.
8. Садохин, А. П. Теория и практика межкультурной коммуникации: учеб. пособие для вузов / А. П. Садохин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 271 с.
9. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992.
10. Adler S. Multicultural Communication Skills in the Classroom. Boston. London, etc.: Allyn and Bacon, 1993. – Р. 39.
11. Психология национальной нетерпимости: Хрестоматия / Сост. Ю. В. Чернявская. – Минск, 1998. – 560 с.
12. Трошина, Н. Н. Лингвистический аспект межкультурной коммуникации / Н. Н. Трошина // Лингвистические исследования в конце XX в.: сборник образов. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 59.

СОДЕРЖАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ В ТРУДАХ УЧЕНЫХ-МЕТОДИСТОВ

Якименко Руслан Витальевич – докт. пед. наук, профессор СахГУ, заведующий кафедрой методики преподавания литературы ЮСПК СахГУ. Автор более 80 научных работ по актуальным вопросам методики преподавания литературы в школе и вузе.

Шаров Сергей Сергеевич – канд. пед. наук, преподаватель кафедры методики преподавания литературы ЮСПК СахГУ.

Профессиональной компетентностью, различными структурно-содержательными сторонами данной проблемы занимались и продолжают заниматься различные ученые (Е. В. Воротина, В. И. Гершунский, С. А. Дружилов, Т. А. Ерахтина, В. А. Ермоленко, Д. А. Иванов, О. А. Козырева, В. А. Кан-Калик, И. В. Кузьмина, Н. Н. Лобанова, В. А. Миженников, Л. М. Митина, В. И. Ревякина и др.). Несмотря на обилие научных работ, посвященных профессиональной компетентности, профессиональным качествам учителя, интерес к проблеме не ослабевает, что свидетельствует об актуальности и особой значимости ее решения на современном этапе модернизации и развития системы непрерывного педагогического образования в России.

Понятие, явление и содержание профессиональной компетентности многогранно и многоаспектно, оно меняется в соответствии с событиями, происходящими в обществе и образовании. Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляют подходы к понятию и содержанию профессиональной компетентности, сформулированные В. Н. Введенским, Н. К. Сергеевым, А. В. Адольфом, В. А. Сластениным, Т. А. Ерахтиной, И. В. Суkolеновым и другими современными учеными. Исследователи рассматривают профессиональную компетентность как важнейшее условие успешной профессиональной деятельности и показатель его возможностей (Сергеев Н. К., 1997), как обладание человеком способностью и умением выполнять определенные трудовые функции, как меру соответствия знаний, умений и опыта лиц определенного социально-профессионального статуса реальному уровню сложности выполняемых ими задач и решаемых проблем (Вишнякова С. М., 1999, с. 31), как способность педагога к эффективному осуществлению профессиональной деятельности (совокупность знаний, умений и навыков, определяющих результативность профессионального труда) (Введенский В. Н., 2004, с. 20), как единство теоретической и практической готовности к осуществлению педагогической деятельности (Сластенин В. А., 1975), как знания, умения, навыки, а также способы и приемы их реализации в деятельности, общении, развитии (саморазвитии) личности (Митина Л. М., 2003, с. 8), как сложное образование, включающее в себя комплекс зна-

ний, умений, свойств и качеств личности, которые обеспечивают вариативность, оптимальность и эффективность построения учебно-воспитательного процесса (Адольф В. А., 1998, с. 118), как способность, базирующуюся на знаниях, опыте, ценностях и склонностях, которые человек развивает при взаимодействии с образовательной практикой; способность использовать знания в практической деятельности (Демин В. А., 2000) и др.

Синтезируя различные, дополняющие друг друга точки зрения исследователей, можно сделать вывод о том, что профессиональная компетентность – это обобщенная мера качества профессиональной подготовки и деятельности специалиста, отражающая степень соответствия требованиям, поставленным целям и задачам в области профессиональной деятельности, а также «выступающая критерием оптимизации профессиональной подготовки» (Формирование..., 2003).

Однако проблема профессиональной компетентности учителя литературы является недостаточно исследованной, а комплексное представление о профессиональной компетентности учителя литературы, ее структурно-содержательных особенностях до сих пор не нашло отражение в научных работах педагогов и методистов.

Учитывая эти обстоятельства, мы обратились к трудам отечественных ученых-методистов с целью определения специфики и содержания профессиональной компетентности учителя литературы.

История педагогики, методики преподавания литературы знает имена педагогов-профессионалов средней и высшей школы, которые сделали немало для развития научных представлений об учителе литературы, его профессиональных качествах. Это А. Д. Алферов, В. И. Водовозов, А. Д. Галахов, В. В. Голубков, В. В. Данилов, Н. О. Корст, В. П. Острогорский, Л. И. Поливанов, М. А. Рыбникова, Н. М. Соколов, В. Я. Стоянин и многие другие.

В трудах отечественных ученых-методистов всегда особое внимание уделялось учителю литературы. Каким должен быть учитель литературы? Что отличает преподавателя литературы от преподавателя других дисциплин? Какие качества учителя литературы являются неотъемлемой частью его профессионализма?.. И это далеко не полный перечень вопросов, поднимаемых в методической литературе.

Один из первых, кто в своих работах поднимал проблемы профессиональной компетентности учителя, – М. В. Ломоносов. Ученый-педагог настаивал на требовательном и строгом отношении к воспитанникам, но строгость и требовательность должны базироваться не на жестокости, а на заботливом отношении к учащимся. Интересное замечание делает М. В. Ломоносов касательно профессионального стиля учителей, которые «с учениками не должны поступать ни гордо, ни фамилиарно. Первое производит к ним ненависть, второе – презрение. Умеренность не даст места ни тому и другому...» (**Бровникова В. К.**, 1961, с. 71). Настоящий учитель, по мнению М. В. Ломоносова, должен быть ответственным, добросовестным, трудолюбивым человеком (Буторина Т. С., 2001, с. 154).

В 1852 году публикуется «Наставление преподавателям русского языка и словесности», подготовленное И. И. Срезневским. В документе среди задач, стоящих перед учителем литературы, указана необходимость прививания ученикам навыков самостоятельной работы, что, в свою очередь, обуславливает развитие данных умений у будущих специалистов (Срезневский И. И., 1986).

Вопросам роли школы, назначения учителя, проблемам педагогической профессии, системе педагогического образованияделено много внимания в работах К. Д. Ушинского, который в своих работах подчеркивал, что обобщение передового педагогического опыта «имеет огромное значение» (Ушинский К. Д., 1946, с. 7), соответственно представить профессионально компетентного учителя литературы без знания лучших образцов методической практики не представляется возможным. Также ученый обращал внимание на необходимость нравственного воспитания учащихся, что возможно осуществить только преподавателю высоконравственных качеств, с высоким уровнем культуры и осознания своей ответственности перед теми, кого он воспитывает. Интересна мысль К. Д. Ушинского о необходимости сочетания методики обучения и воспитания с ее личностным восприятием учителя: «Воспитатель никогда не может быть слепым исполнителем инструкции: не согретая теплотой его личного убеждения, она (*методика*. – Прим. наше) не будет иметь никакой силы» (Ушинский К. Д., 1946, с. 20).

По мнению ученого Н. И. Пирогова, учителю необходимо учитывать индивидуальные «личные особенности каждого ученика» (Алферов А. Н., 1987, с. 15). Это актуально звучит для современного этапа развития школьного литературного образования и методики в целом, которая стремится к воспитанию творческой личности, к раскрытию индивидуального потенциала каждого человека.

Впервые профессиональные требования к учителю попытался сформулировать В. П. Острогорский в 80-х годах XIX века. Среди первостепенно значимых он отметил «эрудированность, критический ум, умение выразительно читать и увлечь учеников, простота и точность речи» (Методика..., 1985, с. 83). По мнению ученого-методиста, учитель литературы должен говорить четко, ясно, знать основные приемы выразительного чтения и

обладать навыками выразительного чтения произведений в их родовой специфике (Грешникова А. Д., 1941, с. 165). Не менее важным профессиональным качеством учителя литературы называет В. П. Острогорский «быстрый, критический ум», который позволял бы учителю руководить учащимися и акцентировать внимание на самом существенном в ходе постижения художественных произведений (Грешникова А. Д., 1941, с. 166). В. П. Острогорский не мыслит учителя литературы без обладания «эстетическим вкусом», который позволит увлечь школьников и поможет им почувствовать красоту произведения (Острогорский В. П., 1913, с. 13).

В работах В. И. Водовозова мы можем встретить ряд требований, соответствие которым является неотъемлемой частью профессиональной компетентности учителя литературы. Как считает методист, работа учителя литературы и сами уроки словесности – это прежде всего творчество Словом: «...научить их (школьников) ...создавать словами – это, без сомнений, лучший из всех доступных человеку способов творчества» (Водовозов В. И., 1873).

По мнению В. И. Водовозова, учителю литературы в своей работе необходимо ориентироваться на «реальные начала», иначе – на актуальность классических текстов (Грешникова А. Д., 1941). Это приоткрывает еще одну грань профессиональной компетентности учителя литературы – необходимость ориентации в кругу проблем современного общества и в контексте развития науки и культуры.

В методических работах В. Я. Стоюнина мы можем найти требования к профессионально компетентному учителю литературы. В ряду важнейших из них ученый отмечал трудолюбие, последовательность, устремленность и настойчивость, а самое главное – необходимость постоянной работы над собой, которая является залогом профессиональной успешности (Стоюнин В. Я., 1991, с. 29).

Ученый-методист Ц. П. Балталон считает, что неотъемлемой гранью профессиональной компетентности учителя литературы выступает критичность и самостоятельность мышления: «О степени вашей образованности, вашего умственного развития мы судим не по количеству прочитанных вами книг, но по вашей способности отнести критически к усвоенному материалу» (Ланин Б. А., 2001, с. 32).

А. П. Скафтымов указывает на необходимость широкого кругозора у учителя литературы, что позволит ему ориентироваться в широком историко-культурном контексте при работе с литературными произведениями (Ланин Б. А., 2001, с. 393).

По мнению В. И. Шереметьевского, учитель литературы, выстраивая беседу на уроке литературы, должен учитывать любые мнения и высказывания учеников (Ланин Б. А., 2001, с. 26). Это предполагает, что профессиональный учитель литературы должен вести себя максимально тактично со школьной аудиторией. Сходных позиций придерживается методист Г. И. Ионин, считающий, что учителю литературы «необходимо принимать ученическое восприятие и интерпретирование таким, каково оно есть... Эталон – сам ученик, потенциал его восприятия» (Ланин Б. А., 2001, с. 409).

Истоки таких профессиональных качеств, в свою очередь, могут базироваться только на основе «искренней любви к ученику», о необходимости которой упоминают многие методисты и педагоги (М. В. Ломоносов, В. П. Острогорский, Н. И. Пирогов, В. А. Сухомлинский, К. Д. Ушинский и др.)

Методист В. В. Голубков, указывая на типичные недостатки в работе преподавателя литературы, отмечал прежде всего невнимательность к ученику как к читателю, безынициативность и отсутствие творческого подхода к преподаванию (Голубков В. В., 1962, с. 68.). Соответственно внимательное отношение к читательскому восприятию, к интересам и эстетическим вкусам школьника, стремление активно и творчески подходить к процессу изучения художественных произведений являются важными гранями профессиональной компетентности учителя литературы.

В работах М. А. Рыбниковой можно встретить указание на ряд важнейших черт квалифицированного учителя литературы, среди которых мы подчеркнем столь актуальную сегодня мысль о необходимости иметь ясное представление о требованиях государства и общества к целям и задачам преподавания литературы в школе. На сегодняшний день это подразумевает знание основных компонентов Государственного стандарта, предъявляющего основные требования к профессии словесника и соответствие им (Рыбникова М. А., 1945).

Не должен забывать учитель литературы о потенциале и значении литературы как области своей профессиональной деятельности. Как подчеркивает М. А. Рыбникова, в процессе преподавания учителем литературы должны быть учтены воспитательные возможности литературы, которая по праву может быть названа «орудием познания мира», «великой школой мировоззрения» (Роткович Я. А., 1959, с. 49).

Не менее важным качеством учителя литературы, по мнению М. А. Рыбниковой, является «умение быть внимательным», понимать и учитывать интересы учащихся (Рыбникова М. А., 1958, с. 7).

Ученый-исследователь Н. М. Соколов фундаментальным принципом профессионального мастерства учителя литературы считал сочетание в работе сообщения знаний учащимся, формирование различных навыков и умений и воспитательного воздействия словом, которое должно базироваться на реальном учете интересов школьников. Стоит особо отметить, что, по мнению Н. М. Соколова, от учителя литературы во многом зависит становление общественных взглядов и нравственных принципов учащихся, а понимание этого для будущего специалиста является первостепенной необходимостью (Роткович Я. А., 1976, с. 243).

По мнению методиста Н. Д. Молдавской, приоритетной целью школьного литературного образования является воспитание читателя глубоко мыслящего, умеющего анализировать и оценивать читаемое, руководствуясь хорошим художественным вкусом и необходимыми знаниями, что в свою очередь невозможно без использования различных форм самостоятельной работы (Молдавская Н. Д., 1968, с. 15). Осуществление самостоятельной работы на уроках литературы требует от

учителя качественной подготовки, что возможно только на основе овладения формами и приемами самостоятельной работы в ходе профессиональной подготовки.

В работах С. А. Венгерова подчеркивается, что учитель литературы – звание, стоящее очень высоко, учитель литературы «не кто-нибудь, это аккредитированный при российском юношестве полномочный министр и посланник... русской литературы» (Методика... 2003, с. 99). Г. А. Гуковский в своих работах указывает на необходимость понимания учителем литературы «моральной ответственности за литературное образование, за эстетическое и нравственное воспитание подрастающего поколения» (Гуковский Г. А., 1966, с. 8), В. И. Водовозов считает, что труд учителя литературы, как бы он ни был тяжел, призван «открыть безграмотному человеку... путь... в деле умственного и нравственного развития» (Водовозов В. И., 1986, с. 28).

Аналогичную точку зрения мы можем встретить у З. Я. Рез. Как считает методист, чтобы постигнуть сущность работы преподавателя словесности, необходимо понимать, «что без литературы нельзя стать человеком» (Методика..., 1985, с. 81). Такие определения позволяют увидеть степень ответственности и осознанности, которыми должен обладать учитель литературы. Более того, как отмечает З. Я. Рез, умение чутко воспринимать Слово художественного произведения, способность «заразить» ученика духом русской классики – выступают неотъемлемыми профессионально значимыми качествами учителя литературы.

Освоение передового педагогического опыта обозначено З. Я. Рез в качестве важнейшего аспекта профессиональной компетентности учителя литературы (Методика..., 1985, с. 86). Связывая воедино профессиональные и личностные качества, другой ученый-методист – Н. И. Кудряшев указывает на необходимость учителю литературы систематически знакомиться, творчески переосмысливать и использовать в работе примеры лучшего педагогического опыта, как прошлого, так и современности (Из опыта работы..., 1952, с. 5). Следовательно, в область профессиональной компетентности учителя литературы необходимо включать аналитико-творческое постижение лучших образцов педагогической деятельности. Так, ученый-методист Т. Г. Браже настаивал на необходимости посещения начинающими специалистами открытых уроков опытных учителей-словесников с последующим анализом и обсуждением (Совершенствование..., 1984, с. 44).

В своих работах А. В. Дановский особо подчеркивает значение личностных качеств учителя литературы. Методист обращает особое внимание на высокую нравственность, требовательность и справедливость будущего специалиста, на «глубокое понимание искусства» и осознание учителем литературы своего влияния на формирование ценностных ориентаций учащихся (Дановский А. В., 1994, с. 156).

Г. И. Беленький отмечает, что учитель литературы «должен искренне любить литературу, осознавать высокую миссию своего труда, уметь не-

сти передовые идеи, владеть искусством общения, уважать личность ученика, обладать навыками выразительного чтения» (Ланин Б. А., 2001, с. 418; Беленький Г. И., 1990).

Вопросы профессиональной компетентности учителя литературы активно разрабатывались ученым-методистом Р. Р. Майманом (Майман Р. Р., 1990; Майман Р. Р., 1990а; Майман Р. Р., 1990б). Уникальность и многогранность учительской профессии, по мнению Р. Р. Маймана, определяется главной функцией учителя, которая заключается в управлении процессами обучения, воспитания, развития и формирования учащихся, а многообразие функций, выполняемых учителем, привносит в его труд компоненты различных специальностей – от актера, режиссера и менеджера до аналитика и исследователя.

Р. Р. Майман считает, что учитель – это активная, творческая личность. Аналогичную точку зрения высказывает ученый-методист Н. А. Демидова, подчеркивая, что современной школе нужен «инициативный, творчески мыслящий учитель» (Демидова Н. А., 2006, с. 11). Поэтому одной из важнейших целей в профессиональной подготовке учителя литературы мы считаем формирование таких качеств, как самостоятельность, активность, исследовательская инициатива, обеспечивающих развитие и реализацию интеллектуального и творческого потенциала будущих специалистов.

Размышляя о профессиональной компетентности учителя литературы, Р. Р. Майман на первое место выдвигает следующее: «Прежде всего – это талантливый Читатель» (Майман Р. Р., 1990а, с. 20). Ученый убежден в том, что эмоционально воспринимать прочитанное, наслаждаться подлинно художественным произведением, уметь анализировать его – этому надо учиться. Аналогичную мысль в свое время высказывал М. О. Гершензон, который считал, что важнейшая роль учителя литературы состоит в умении «Усиливать... страсть и глубину восприятия художественных произведений» (Гершензон М. О., 1919, с. 48). На наш взгляд, такое утверждение обуславливает необходимость углубленного эмоционального восприятия произведений учителем литературы и возможность «собственным заразительным одушевлением» качественно улучшать процесс постижения классики.

Чтобы научить школьников воспринимать литературу и судить о прочитанном, учителю литературы мало быть только читателем. Как считает методист Р. Р. Майман, учитель литературы в значительной мере, является литературоведом, сочетая «в себе читателя и исследователя» (Майман Р. Р., 1990а, с. 22). Развивая мысль М. А. Рыбниковой о необходимости критического подхода к образам и идеям художественного текста, Р. Р. Майман указывает на следующее по значимости свойство учителя литературы: «Он выступает и как литературный критик, истолковывающий новые произведения порою еще до того, как рецензии на них появляются в печати» (Майман Р. Р., 1990а, с. 23).

Указывая на особенности современной социокультурной и образовательной ситуации (объективно подходя к позитивным и негативным тенденциям), Л. В. Тодоров подчеркивает особую роль

деятелей культуры и образования, миссия которых сегодня, по мнению методиста, более чем ответственна: «способствовать созидательным процессам в обществе, формировать внутренний мир человека, давать ему радость и счастье» (Тодоров Л. В., 2003, с. 21). Это еще раз доказывает то, что профессиональная компетентность учителя литературы немыслима без глубокого понимания своей роли в историко-культурном контексте времени и осознания ответственности перед обществом.

Требования к профессиональной компетенции учителя литературы в наше время неразрывно связаны с изменениями в самом обществе и в сфере образования. Основные требования, предъявляемые к профессии учителя литературы сегодня, как считает О. Ю. Богданова, связаны с воспитанием духовно богатой личности, готовой к самообразованию и профессиональному самосовершенствованию, способной активно воздействовать на духовный мир и гражданское самосознание учащихся.

О. Ю. Богданова рассматривает качество методической подготовки как одну из основных, важнейших составляющих профессиональной компетентности будущих учителей литературы, приоритетной в его профессиональной подготовке (Богданова О. Ю., 2005).

В современной школе вызывает беспокойство разрыв между изучением литературы под руководством преподавателя и самостоятельным чтением учащегося, что актуализирует проблему развития читательской активности. Как замечает О. Ю. Богданова, решение этой проблемы лежит в сфере воспитания читательской культуры у будущего учителя литературы, который должен быть подготовлен к проведению разнообразных творческих работ с учащимися. Таким образом, актуализируется еще одна грань профессиональной компетентности учителя литературы – развитая культура творческого чтения, сочетающая с умением размышлять о прочитанном, анализировать и интерпретировать художественные произведения.

Отметим, что проблема развития интерпретационных умений, навыков целостного изучения поэтики художественного текста находит отражение в трудах многих современных ученых-методистов. (С. А. Зинин, Г. Н. Ионин, С. А. Леонов, Р. Р. Майман, А. А. Маныкина, В. Г. Маранцман, Е. Н. Рошина, И. В. Сосновская, В. Ф. Чертова, Р. В. Якименко и др.). Умения интерпретировать художественные произведения различных родов и жанров в единстве с процессами чтения, восприятия и анализа, а также навыки анализа поэтики художественного текста в соответствии с идеями герменевтики приобретают особую роль в области подготовки учителей литературы (Аттестация..., 2006, с. 4).

Еще один важный аспект в вопросе формирования профессиональной компетенции учителя литературы – приобщение к лучшим образцам жизненного педагогического опыта. Мы разделяем точку зрения О. Ю. Богдановой на то, что чем раньше у студента-словесника появится возможность (еще до начала непосредственной педагогической практики) познакомиться с опытом преподавания, тем более компетентным будет подход к учебной

практике в школе. Работа над образцами уроков и внеклассных мероприятий, вариантами планирования, образцами письменных работ учащихся средних и старших классов, обилие вопросов к этим материалам помогут приобрести будущему учителю литературы необходимые для педагогической практики знания и умения, подготовят к профессиональному общению со школьниками, помогут выработать навыки оценки работ учащихся (Богданова О. Ю., 2005).

На основе анализа работ ученых-методистов можно сделать следующий вывод: учитель литературы, содержание его профессиональной компетентности, пути совершенствования его профессионального мастерства и оптимизации профессиональной подготовки всегда находились и находятся в области пристального внимания отечественных ученых.

Обращение к трудам отечественных методистов позволяет определить основные составляющие профессиональной компетентности учителя литературы: внимательное отношение к читательскому восприятию, интересам и эстетическим вкусам школьников, осознание ответственности перед обществом, ясное представление о требованиях государства и общества к целям и задачам преподавания литературы в школе, ориентация в кругу проблем современного общества, в контексте развития культуры, умение интерпретировать художественные произведения, ориентироваться в вопросах поэтики художественных текстов, углубленная методическая подготовка, владение навыками выразительного чтения произведений; сформированный «эстетический вкус», критический подход к изучаемым произведениям, знакомство с образцами педагогического опыта.

Нарастание противоречий в процессе профессиональной подготовки учителя, рассогласование между потребностями общества и содержанием профессионального образования позволило войти проблеме профессиональной подготовки учителя литературы в число научных направлений высшей школы.

Недостатки в современной подготовке учителя литературы делают очевидной необходимость принципиального обновления профессионального обучения, которое обеспечит высокий уровень профессиональной компетентности, создаст максимально благоприятные условия для развития личности будущего специалиста.

Обращение к работам современных ученых-методистов позволило нам увидеть, что приоритетным направлением в модернизации содержания профессиональной подготовки учителя литературы, повышения уровня профессиональной компетентности будущих специалистов является совершенствование профессиональных качеств, углубление литературной и методической подготовки будущих учителей литературы.

ЛИТЕРАТУРА

Адольф В. А., 1998 – Адольф, В. А. Профессиональная компетентность современного учителя: Монография / В. А. Адольф; Красноярский гос. ун-т. – Красноярск, 1998. – 310 с.

Алферов А. Н., 1987 – Алферов, А. Н. И. Пирогов как педагог-администратор / А. Н. Алферов. – М., 1987. – 29 с.

Аттестация..., 2006 – Аттестация учителей литературы в Южно-Сахалинском педагогическом колледже Сахалинского государственного университета: Метод. рекомендации / Сост. О. Ю. Богданова, Р. В. Якименко, Г. Д. Ушакова; под ред. О. Ю. Богдановой. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2006. – 52 с.

Беленький Г. И., 1990 – Беленький, Г. И. Приобщение к искусству слова: (Раздумья о преподавании литературы в школе) / Г. И. Беленький. – М., 1990.

Богданова О. Ю., 2005 – Богданова, О. Ю. Избранные труды / О. Ю. Богданова; сост. Л. В. Овчинникова, Р. В. Якименко и др. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2005. – 296 с.

Бровникова В. К., 1961 – Бровникова, В. К. Педагогические идеи и деятельность М. В. Ломоносова / В. К. Бровникова; под общ. ред. Н. К. Гончарова. – М.: изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1961. – 182 с.

Буторина Т. С., 2001 – Буторина, Т. С. М. В. Ломоносов и педагогика / Т. С. Буторина. – 2-е изд. – Архангельск: изд-во Архангельского государственного технического университета, 2001. – 223 с.

Введенский В. Н., 2004 – Введенский, В. Н. Профессиональная компетентность педагога: пособие для учителя. / В. Н. Введенский. – СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2004. – 159 с.

Вишнякова С. М., 1999 – Вишнякова, С. М. Профессиональное образование: Ключевые понятия, термины, актуальная лексика: Слов. / С. М. Вишнякова. – М.: НМЦ СПО, 1999. – 538 с.

Водовозов В. И., 1873 – Водовозов, В. И. Предметы обучения в народной школе / В. И. Водовозов. – СПб., 1873.

Водовозов В. И., 1986 – Водовозов, В. И. Избранные педагогические сочинения / В. И. Водовозов; сост. В. С. Аранский. – М.: Педагогика, 1986. – 480 с.

Гершензон М. О., 1919 – Гершензон, М. О. Видение поэта / М. О. Гершензон. – М., 1919.

Голубков В. В., 1962 – Голубков, В. В. Методика преподавания литературы: пособие для студентов и преподавателей / В. В. Голубков. – М.: Учпедгиз, 1962. – 496 с.

Грешникова А. Д., 1941 – Гречишникова, А. Д. В. И. Водовозов и В. П. Острогорский / А. Д. Гречишникова. – М.: Учпедгиз, 1941. – 184 с.

Гуковский Г. А., 1966 – Гуковский, Г. А. Изучение литературного произведения в школе (Методологические очерки по методике) / Г. А. Гуковский. – М.: Просвещение, 1966. – 299 с.

Дановский А. В., 1994 – Дановский, А. В. Методика преподавания литературы: теоретический курс авторизированного изложения / А. В. Дановский. – М.: МЭГУ, 1994. – 176 с.

Демидова Н. А., 2006 – Демидова, Н. А. Самостоятельная работа студентов по методике преподавания литературы как одно из средств формирования творчески мыслящего учителя-словесника / Н. А. Демидова // Избранные труды / Под ред. Р. В. Якименко, И. В. Сосновской. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2006. – С. 11–21.

Демин В. А., 2000 – Демин, В. А. Профессиональная компетентность специалиста: понятие и

- виды / В. А. Демин // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2000. – № 4.
- Из опыта работы..., 1952 – Из опыта работы по литературе в средней школе / Под ред. Н. И. Кудряшова. – М.: изд-во АПН РСФСР, 1952. – 134 с.
- Ланин Б. А., 2001 – Ланин, Б. А. Методика преподавания и изучения литературы (антология) / Б. А. Ланин. – Саппоро: Центр славянских исследований: ун-т Хоккайдо, 2001. – 438 с.
- Майман Р. Р., 1990 – Майман, Р. Р. Вопросы подготовки будущих учителей-словесников в трудах М. А. Рыбниковой: метод. пособие / Р. Р. Майман – Южно-Сахалинск, 1990. – 16 с.
- Майман Р. Р., 1990а – Майман, Р. Р. Учитель литературы (Введение в специальность): пособие для старшеклассников, абитуриентов фак. русского яз. и лит. / Р. Р. Майман. – М., 1990. – 75 с.
- Майман Р. Р., 1990 б – Майман, Р. Р. Очерк педагогического творчества учителя литературы Клюзовой Валентины Ивановны (передовой педагогический опыт) / Р. Р. Майман. – Южно-Сахалинск, 1990. – 73 с.
- Методика..., 1985 – Методика преподавания литературы: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Русский язык и литература» / Р. Ф. Брандесов, Т. В. Зверс, М. Г. Каучурин и др.; под ред. З. Я. Рез. – 2-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 1985. – 368 с.
- Методика..., 2003 – Методика преподавания литературы: хрестоматия-практикум / Авт.-сост. Б. А. Ланин. – М., 2003.
- Митина Л. М., 2003 – Митина, Л. М. Интеллектуальная гибкость учителя: психологическое содержание, диагностика, коррекция / Л. М. Митина, Н. С. Ефимова. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2003. – 144 с.
- Молдавская Н. Д., 1968 – Молдавская, Н. Д. Воспитание читателя в школе. Самостоятельная работа над текстом художественного произведения как одно из условий литературного развития старшеклассников / Н. Д. Молдавская. – М.: Просвещение, 1968.
- Острогорский В. П., 1913 – Острогорский, В. П. Беседы о преподавании словесности / В. П. Острогорский. – СПб., 1913. – 111 с.
- Роткович Я. А., 1959 – Роткович, Я. А. Выдающаяся советская методистка М. А. Рыбникова / Я. А. Роткович; Куйбышевский гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева. – Куйбышев, 1959. – 78 с.
- Роткович Я. А., 1976 – Роткович, Я. А. История преподавания литературы в советской школе: учеб. пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов / Я. А. Роткович. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976.
- Рыбникова М. А., 1945 – Рыбникова, М. А. Очерки по методике литературного чтения / М. А. Рыбникова. – М., 1945.
- Рыбникова М. А., 1958 – Рыбникова, М. А. Избранные труды / М. А. Рыбникова. – М.: изд-во АПН РСФСР, 1958. – 610 с.
- Сергеев Н. К., 2004 – Сергеев, Н. К. Личность учителя как интегральная цепь непрерывного педагогического образования / Н. К. Сергеев // Теоретико-методологические проблемы современного воспитания. – Волгоград: Перемена, 2004. – С. 324–330.
- Сластенин В. А., 1975 – Сластенин, В. А. Формирование творческой личности будущего учителя / В. А. Сластенин // Советская педагогика. – 1975. – № 1. – С. 79–85.
- Совершенствование..., 1984 – Совершенствование профессиональной квалификации учителей (методические рекомендации для ИУУ) / Сост. Т. Г. Браже, А. Е. Марон, Л. И. Рожко. – Л., 1984. – 61 с.
- Срезневский И. И., 1986 – Срезневский, И. И. Русское слово: Избр. тр. / И. И. Срезневский; сост. И. А. Кондрашов. – М.: Просвещение, 1986. – 176 с.
- Стоюнин В. Я., 1991 – Стоюнин, В. Я. Избранные педагогические сочинения / В. Я. Стоюнин; сост. Г. Г. Савенок. – М.: Педагогика, 1991. – 368 с.
- Тодоров Л. В., 2003 – Тодоров, Л. В. Новая педагогия изящной словесности для грядущего / Л. В. Тодоров. – М., 2003. – 432 с.
- Ушинский К. Д., 1946 – Ушинский, К. Д. Избранные педагогические высказывания / К. Д. Ушинский. – Симферополь: Крымиздат, 1946. – 142 с.
- Формирование..., 2003 – Формирование компетентного специалиста в условиях научно-образовательного комплекса колледж – вуз – НИИ: Материалы науч.-практ. конф. Казанского социально-юридического ин-та / Под. общ. ред. Г. В. Мухаметзяновой, Г. И. Ибрагимова. – Казань: ИСПО РАО, 2003. – 224 с.

КОНЦЕПЦИЯ ЭЛЕКТИВНОГО КУРСА «ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ НА СТРАНИЦАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ» В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОФИЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Литература как школьный предмет занимает важнейшее место в становлении личности человека, в формировании его взглядов и убеждений, духовного, нравственного и эстетического миропонимания. От того, насколько качественно профессионально подготовлен учитель литературы, будет зависеть успех школьного литературного образования. Это обстоятельство позволяет понять пристальное внимание общества к школьному литературному образованию, методике преподавания литературы, в целом к подготовке будущего учителя.

Уникальность профессии учителя литературы заключается еще и в том, что сами писатели не раз обращали свое внимание на специфику преподавательской работы, создавали в своем творчестве яркие образы Учителей с большой буквы. Как заметил исследователь В. А. Троянов, будущим учителям литературы необходимо изучать произведения искусства слова, посвященные «воспитанию и тайнам педагогического творчества» (Троянов В. А., 1984, с. 4).

К сожалению, специальных пособий, методических рекомендаций по использованию художественного потенциала произведений отечественной литературы в ходе подготовки учителей литературы на сегодняшний день практически нет. Исключения составляют учебное пособие В. А. Троянова (Учитель в художественной литературе, 1984), учебная хрестоматия под редакцией Д. Благого (Учитель в художественной литературе, 1927), а также учебник под редакцией И. А. Зазюна (Учитель, которого ждут, 1988).

Обращение в перечисленных учебных изданиях к широкому спектру преподавательских профессий, невнимание к ряду художественных произведений, в первую очередь современных, убедили нас в необходимости разработки факультативного курса, посвященного образу учителя литературы в отечественной классике, и включения его в профессиональную подготовку учителя литературы в профильных классах.

Нами были выделены следующие принципы отбора художественных произведений для факультативного курса:

– принцип профессиональной направленности, предполагающий, что выбранное для изучения произведение должно знакомить учащихся со спецификой профессиональной деятельности учителя литературы, способствовать формированию профессионально-личностных качеств будущих специалистов;

– принцип проблемности, нацеливающий на отбор для подробного рассмотрения тех произведений, в которых аккумулированы наиболее острые вопросы педагогической профессии с их возможной проекцией на современную социокультурную ситуацию и проблемы профессиональной деятельности учителя литературы;

– принцип преемственности, обеспечивающий восприятие художественных произведений, посвященных учителю литературы и вопросам преподавания, как единый контекст размышлений писателей-классиков.

Отметим также, что отбор произведений, тематика занятых, посвященных учителю литературы, органично сочетается с историко-литературным постижением отечественной классики на заключительном этапе школьного литературного образования и тем самым позволяет не только реализовать дидактические принципы системности и доступности, но и совершенствовать развитие интерпретационных навыков учащихся и умения целостного анализа поэтики художественного произведения.

Обратимся к структуре и содержанию факультативных занятий.

На **вводной лекции № 1 «Образ учителя литературы в отечественной классике»** учитель знакомит учащихся с возникновением и развитием интереса к педагогической профессии в отечественной литературе, прослеживая динамику данного процесса от истоков литературы до конца XIX века. Преподаватель обзорно представляет учащимся обширный спектр художественных произведений, так или иначе затрагивающих проблемы образования и воспитания.

Воспитательный потенциал произведений фольклора. «Слово о полку Игореве» как педагогический памятник. Поучительный характер произведений древнерусской литературы. Педагогические взгляды М. В. Ломоносова. Интерес к образу воспитателя А. Н. Радищева. Образы учителей в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». Формирование русского учительства на рубеже XVIII – XIX веков. Образы царскосельских учителей в поэзии А. С. Пушкина (В. Ф. Малиновский Де Бурди, А. П. Куницын, А. И. Галич). Тема воспитания и образы учителей в произведениях Н. В. Гоголя «Мертвые души», «Ревизор». Интерес к воспитанию человека в произведениях о «лишних людях» И. А. Гончарова «Обломов» и А. И. Герцена «Кто виноват?». Образ либерального, политически грамотного педагога Протопопова в «Былом и думах» А. И. Герцена. Кризис учебных заведений в России в произведении Н. Г. Помяловского «Очерки бурсы».

Проблемы развития учительства в XIX века. Автобиографические произведения С. Т. Аксакова «Гимназия» и «Детские годы Багрова-внука». Школьные страницы в произведениях Н. Г. Гарина-Михайловского «Детство Темы», «Гимназисты». Развитие гимназического преподавания в 1860-х годах. Отражение педагогической деятельности К. Д. Ушинского в автобиографическом произведении Е. Н. Водовозовой «На заре жизни». Труд как основа воспитания человека.

Педагогические взгляды Л. Н. Толстого, созда-

ние школы в Ясной Поляне. Проблемы психологии личности и труда учителя, нравственные связи с учащимися в автобиографической трилогии писателя. Роль воспитания и самовоспитания, взаимоотношения взрослого и ребенка в произведениях Ф. М. Достоевского. Изображение пансионата Тушара и его работников в романе «Подросток». Близость поэзии и лиро-эпического творчества Н. А. Некрасова к проблемам воспитания человека. Обращение-завещание русскому учительству в стихотворении «Сеятелям». Интерес к образу педагога в произведении Н. С. Лескова «Соборяне» («О пустом, но вредном учителе Варнаве Препоченском»).

Разнообразие учительских индивидуальностей и глубина нравственно-психологических и социальных проблем, поставленных в произведениях русских писателей.

Урок-лекция № 2 «Образы учителей, проблемы воспитания, жизнь школы на страницах отечественных произведений XX века»

Цель лекционного занятия: освоение современных требований к специальности на основе постижения художественных источников об учителе литературы, а также «проникновение в этику и психологию учителя, в его творческую лабораторию» (Троянов В. А., 1984, с. 12).

Преподаватель делает обзор основных произведений, посвященных учителю литературы и проблемам педагогики в целом.

Мир образов учителей на страницах произведений А. П. Чехова «Учитель словесности», «Экзамен на чин», «Дом с мезонином», «На подводе», «Человек в футляре». Интерес к личности педагога, тема служения народу, противостояние пошлости. Беликов как сатирически-художественная концентрация негативных педагогических тенденций. Взгляд В. Г. Короленко на уроки словесности в «Истории моего современника». Интерес реалистов начала XX века к учительству. Сатирические и трагические ноты изображения. А. И. Куприн: «На переломе», «Исполины», «Храбрые беглецы»; И. А. Бунин: «Учитель»; Ф. Сологуб: «Тяжелые сны», «Мелкий бес», «Творимая легенда».

Научно-художественный подход к проблемам педагогики в произведениях С. Т. Шацкого «Годы исканий», «Бодрая жизнь», «Дети – работники будущего». Психология взаимоотношения учителей и учеников: «противостояние» сторон.

Тема воспитания, образы педагогов в произведениях писателей 1920-х годов. Л. Н. Сейфуллин «Правонарушители», А. С. Неверов «Шкрабы», Л. Пантелеев «Республика Шкид», В. Я. Шишков «Странники» и др. Художественное отражение социально-исторических свершений советского народа в теме воспитания подрастающего поколения. Н. А. Островский «Как закалялась сталь», А. С. Макаренко «Педагогическая поэма». Воспитание свободной, целеустремленной, самостоятельной личности. Предреволюционная школа в изображении Л. А. Кассиля «Кондит и Швамбрания». Ретроспективный взгляд на школу 1920-х годов в произведении В. А. Каверина «Два капитана».

Героизм учителей и учащихся на страницах художественных произведений периода Великой Отечес-

твенной войны. В. Быков «Обелиск», Ч. Айтматов «Ранние журавли», Г. Березко «Дом учителя» и др. Нравственная проблематика процессов воспитания, погружение во внутренний мир подростка, сложность взаимоотношений со взрослыми и воспитателями, образы педагогов-новаторов. Теплота человеческого отношения учителя к учащемуся в произведениях А. Г. Алексина «Безумная Евдокия», В. П. Астафьева «Кражи», В. Ф. Тендрякова «За бегущим днем», «Ночь после выпуска», «Расплата», «Шестьдесят дней», Н. И. Дубова «Сироты», В. Распутин «Уроки французского», Л. Р. Кабо «В трудном походе», А. А. Лиханова «Благие намерения» и др.

Интерес к педагогической работе учителя в произведениях К. Г. Паустовского «Золотая лягушка» и «Аттестат зрелости». Восприятие учителя как представителя науки. Самоуважение, требовательность, необходимость «свежего взгляда» на предмет. Педагогические размышления В. А. Сухомлинского в книге «Сердце отдаю детям». Напряженность конфликта повести Ч. Айтматова «Первый учитель». Вопрос о соотношении человеческого и педагогического, взаимообусловленность личностных качеств и методики воспитания. Проблемы молодого учителя в произведениях Н. Почивалина «Жил человек», Л. Исаровой «Война с аксиомой», А. В. Драбакиной «И чуть впереди», Е. А. Воронцовой «Нейлоновая туника» и др.

Современные произведения о школе, учителях и проблемах педагогики. А. Приставкин: повесть «Ночевала тучка золотая», Л. Симонова: повесть «Лабиринт» и др. Творческий поиск педагогов. Тема педагогического новаторства. Авторитет учителя.

В заключение занятия целесообразно поставить перед аудиторией следующие вопросы: что общего и в чем различие изображения учителей литературы у писателей XIX и XX веков? Как вы думаете, почему интерес к образу учителя литературы, к проблемам воспитания в классике не ослабевает? На какие размышления вас наталкивают факты систематического обращения художников слова, потенциально создающих произведения для школы, к образу учителя литературы?

Задание: выберите одно из художественных произведений XIX века, представленных на лекции, и напишите критическую статью, обратив особое внимание на художественные средства создания образа учителя.

Далее работа факультатива продолжается на практических и семинарских занятиях.

Урок-практикум № 1 «Художественное отражение проблем педагогической профессии на рубеже эпох (XIX–XIX вв.)

На занятии в центре внимания – ряд произведений отечественных авторов конца XIX – начала XX века, обращенных к проблемам педагогики и образам учителей литературы.

Работа строится по следующим произведениям и заданиям к ним.

А. П. Чехов. «Учитель словесности» (1894). Процесс превращения молодого интеллигента в пошлого и невежественного обывателя. Трагедия потери «идеала». В чем выражена и как протекает динамика душевных процессов молодого словесника? Как раскрывается проблема педагогическо-

го призыва? Какую роль играют педагогические науки в формировании учителя литературы. Почему автор настаивает на необходимости осознанного отношения к профессии? Какие типично чеховские детали встретились вам в рассказе?

И. А. Бунин. «Учитель» (1894). Изменение личности учителя литературы под давлением внешних обстоятельств. К чему приводит столкновение юношеского максимализма, незнания жизни и условий реальной действительности? Как противостоять подобным факторам? В чем заключается жизненная и профессиональная драма Николая Нильевича?

Определите специфику и роль цветовой палитры произведения.

А. И. Куприн. «На переломе» (1906). Образ учителя литературы Труханова. Какую роль играют мастерство владения голосом, глубина эмоционального восприятия произведений, умение вызвать чувство сопереживания искусству? «Исполины» (1907) Образ словесника Костыко. Насколько актуальна проблема социального положения учителя? Как ставится вопрос профессиональной компетентности учителя? В чем заключался главный «экзамен» Костыко?

Используя прием устного словесного рисования, дополните картины живописи, изображенные в рассказе.

В. Г. Короленко. «История моего современника» (1905). Негативный образ учителя литературы Митрофана Александровича. Образ «простого» учителя-словесника Авдиева. Справедливо ли урок словесности Авдиева назван «лучом света в темном царстве» гимназии? Какие особенности индивидуального стиля преподавателя можно выделить? Какую роль играет творческий подход к урокам литературы? Какое место в профессиональном облике учителя занимают объективность, уверенность в себе, обаяние, внутренняя красота, мастерство выразительного чтения, открытость, интерес к жизни воспитанников? Как решается проблема выбора произведений для школьного курса литературы, обращения к внепрограммным текстам?

Завершить занятие возможно итоговой беседой по следующим вопросам: какое место данные произведения занимают в творчестве А. П. Чехова, И. А. Бунина, А. И. Куприна и В. Г. Короленко? Какое значение, на ваш взгляд, имеют изученные рассказы для современного учителя литературы? Какие из обозначенных проблем не потеряли своей актуальности? Почему?

Напишите письмо персонажу (учителю литературы) одного из писателей рубежа веков: «К тебе за опытом обращаюсь я...»

Урок-практикум № 2 «Нравственный облик учителя литературы на страницах произведений писателей XX века»

Цель занятия: раскрыть нравственно-психологическую проблематику произведений отечественной литературы, обращенных к образу учителя литературы. Обратим внимание на узловые вопросы практической работы.

В. Железников. «Чучело» (1989). Образ учителя-словесника Маргариты Ивановны. Какие педагогические ошибки Вы видите в работе молодого учителя? Как проблемы милосердия, смелости,

веры, эгоизма, тактичности и соучастия, поднимаемые в повести, находят свое преломление в деятельности Маргариты Ивановны? Что и почему автор говорит о вере ученика в учителя? Зачем необходимо осознавать учителю ответственность перед учениками? Можно ли говорить о нравственном прозрении Маргариты Ивановны? Как художественные средства помогают автору раскрыть идейное содержание произведения?

Ч. Айтматов. «Первый учитель» (1962). Образ учителя-словесника Дюйшена. В чем заключается методика «по наитию»? Приведите примеры самоотверженности учителя. Выделите художественные особенности текста и их роль в раскрытии содержания произведения.

В. Быков. «Обелиск» (1977). Подвижнический труд учителя Алесь Ивановича в трудных условиях военного времени. Что объединяет произведения Ч. Айтматова и В. Быкова? Как исторический фон позволяет понять глубину авторского замысла?

Г. Березко. Рубрика «Дом учителя» в журнале «Новый мир» (1973). Каковы особенности образов учителей на страницах рубрики (Виктор Константинович, Сергей Алексеевич и др.)? Как и почему связаны литература и музыка? Верно ли утверждение, что литература – это мощный фактор воспитания учащихся, развития личности? Почему неразделимы процессы обучения и воспитания?

Итоговые вопросы учителя помогают завершить практическое занятие. В чем вы видите принципиальные сходства и отличия произведений В. Железникова, Ч. Айтматова, В. Быкова, Г. Березко от произведений об учителе литературы, созданных на рубеже веков? В чем заключается неоспоримая ценность произведений В. Железникова, Ч. Айтматова, В. Быкова, Г. Березко для современного учителя литературы? На кого из изображенных учителей Вы бы хотели быть похожим? Почему? Какие художественные средства доминируют в произведениях В. Железникова, Ч. Айтматова, В. Быкова?

Задание: представьте себе встречу с одним из героев (авторов) изученных произведений и передайте содержание вашей беседы. О чём вы будете говорить в первую очередь?

На уроке-семинаре № 1 «Учитель литературы и проблемы школьного образования в произведениях В. Ф. Тендрякова» учащимся предложен перечень вопросов для углубленного самостоятельного анализа повестей «Ночь после выпуска», «Расплата», «Шестьдесят свечей» и рекомендована литература. Так, для изучения поэтики повести «Ночь после выпуска» предлагаются следующие вопросы:

1. Художественное своеобразие повести В. Ф. Тендрякова «Ночь после выпуска».
2. Образы учителей в произведении В. Ф. Тендрякова.
3. Образ учителя литературы Зои Владимировны и проблемы школьного образования на страницах повести.

В качестве домашнего задания учащимся, на основе использования приема художественного домысливания, предложено в письменной форме рассказать о дальнейшей судьбе героев произведения.

Урок-семинар № 2 «Роль литературы и учителя

ля литературы в современную эпоху на страницах повести Л. Симоновой «Лабиринт» (1993)»

Учитель: «Интерес к профессии учителя литературы, к проблемам педагогики может быть назван одним из самых устойчивых в отечественной литературе. Каждая эпоха давала свой взгляд на профессиональный облик учителя, само время во многом определяло специфику произведений, посвященных педагогическим проблемам. И в то же время многое оставалось неизменным: признание универсальной роли учителя-словесника в обучении и воспитании подрастающего поколения, взаимосвязь личностных и профессиональных качеств, высокие требования, предъявляемые обществом к учителю».

На уроке учащиеся работают по следующим аспектам поэтики повести: реальная основа произведения, историко-культурный контекст произведения; проблемы школьного воспитания в повести; интерес автора к художественным произведениям отечественной классики; реминисценции в произведении.

Образ учителя литературы Светланы Георгиевны: прогрессивность педагогических взглядов, глубина нравственных взглядов, противостояние кризисным педагогическим тенденциям; восприятие Совести как главного внутреннего качества учителя, учащегося, Человека. Роль художественной литературы в преодолении безнравственности и протесте против насилия над Человеком.

Смысл названия произведения в аспекте «диалога культур» и в историко-культурном контексте. Повесть как обращение к учителю литературы XXI века.

С целью развития интерпретационных навыков учащимся предлагается поразмышлять о дальнейшей судьбе героев и дать свое название произведению.

Итоги семинарского занятия целесообразно подвести самим учащимся.

Завершает работу факультатива сочинение о современном учителе литературы.

Таким образом, нами предложена концепция факультативного курса, который направлен на формирование у будущих специалистов всестороннего представления об основах будущей профессии, усиление мотивационных основ обучения, углубление литературной подготовки.

Практические и семинарские занятия приближают учащихся профильных классов к пониманию узловых проблем профессиональной деятельности учителя литературы, способствуют развитию интерпретационных навыков учащихся и умений целостного анализа поэтики художественного произведения.

Работа на факультативе формирует представление о значении, характере и специфических особенностях преподавательской деятельности, воспитывает устойчивый интерес к профессии учителя, воспитывает ответственность будущего учителя литературы перед социумом.

Предложенная форма обучения призвана создать фундамент для развития профессиональных качеств будущих учителей литературы и направлена на формирование «благоприятных условий для перехода старшеклассников в режим активного профессионального развития и приобретения профессиональных качеств» (Козырева О. А., 2004).

ЛИТЕРАТУРА

Козырева О. А., 2004 – Козырева, О. А. Компетентность современного учителя: современная проблема определения понятия / О. А. Козырева // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2004. – № 2. – С. 48–51.

Троянов В. А., 1984 – Троянов, В. А. Учитель в художественной литературе: учеб. пособие / В. А. Троянов. – Красноярск: изд-во Красноярского ун-та, 1984. – 124 с.

Учитель в ..., 1927 – Учитель в художественной литературе / Под ред. Д. Благого и др. Предисл. А. В. Луначарского. – М.: Работник просвещения, 1927.

Учитель, которого..., 1988 – Учитель, которого ждут: Из опыта Полтавского пед. ин-та им. В. Г. Короленко / Под ред. И. А. Зазюна. – М.: Педагогика, 1988. – 152 с.

Литература, рекомендованная к работе на лекционно-практических и семинарских занятиях, посвященных образу учителя-словесника на страницах отечественной классики

Аксаков, С. Т. Избранное / С. Т. Аксаков. – Куйбышев: кн. изд-во, 1981. – 392 с.

Аксаков, С. Т. Детские годы Багрова-внука. Аленьевский цветочек / С. Т. Аксаков. – М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – 560 с.

Алексин, А. Г. Безумная Евдокия: Повести и рассказы / А. Г. Алексин. – М.: Дет. лит., 1978. – 448 с.

Астафьев, В. П. Кражи; Зрячий посох: Повести / В. П. Астафьев. – Кемерово: кн. изд-во, 1989. – 479 с.

Айтматов, Ч. Ранние журавли, повести и рассказы / Ч. Айтматов. – Фрунзе: изд-во «Мектеп», 1984. – 496 с.

Бровникова, В. К. Педагогические идеи и деятельность М. В. Ломоносова / В. К. Бровников; под общ. ред. Н. К. Гончарова. – М.: изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1961. – 182 с.

Бунин, И. А. Собрание сочинений в девяти томах / И. А. Бунин; под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. – М.: Худ. лит. – 1965. – Т 2. – 527 с.

Буторина, Т. С. М. В. Ломоносов и педагогика / Т. С. Буторина. – 2-е изд. – Архангельск: изд-во Архангельского гос. тех. ун-та, 2001. – 223 с.

Быков, В. В. Обелиск. Сотников: Повести / В. В. Быков; предисл. И. Дедкова; худож. Г. Поплавский. – М.: Дет. лит., 1988. – 240 с.

Водовозова, Е. Н. На заре жизни: в 2 т. – Т. 1 / Е. Н. Водовозова. – М.: Худож. лит., 1987. – 527 с.

Воронцова, Е. А. Школьные вальсы / Е. А. Воронцова. – М.: Мол. гвардия, 1988. – 255 с.

Гарин-Михайловский, Н. Г. Детство Темы. Гимнасты / Вступ. ст. О. Кузнецова / Н. Г. Гарин-Михайловский. – М.: Московский рабочий, 1985. – 415 с.

Герцен, А. И. Избранные произведения / А. И. Герцен; сост. В. А. Путинцева. – М.: Дет. лит., 1986. – 671 с.

Гоголь, Н. В. Ревизор. Мертвые души / Н. В. Гоголь; сост. и коммент. Н. Л. Степанов. – М.: Просвещение. – 1968. – 567 с.

Гончаров, И. А. Обломов / И. А. Гончаров;

- под ред. О. Афанасьевой. – М.: Худ. лит. – 1973. – 493 с.
- Достоевский, Ф. М. Подросток / Ф. М. Достоевский; под ред. Е. Жерлова. – М.: Худ. лит. – 1972. – 589 с.
- Драбкина, А. В. Там, за тремя соснами...: Повести и рассказы / А. В. Драбкина. – Л.: Лениздат, 1980. – 376 с.
- Дубов, Н. И. Сирота. – Огни на реке. – Мальчик у моря. Повести / Н. И. Дубов. – М.: Дет. лит., 1968. – 560 с.
- Железников, В. Чучело / В. Железников. – М.: Дет. лит., 1989. – 190 с.
- Исарова, Л. Война с аксиомой / Л. Исарова. – М.: Сов. писатель, 1956.
- Кабо, Л. Р. ...И не забывай, что я тебя люблю: Повести, рассказы / Л. Р. Кабо. – М.: Сов. писатель, 1987. – 334 с.
- Каверин, В. А. Два капитана: Роман / В. А. Каверин. – Л.: Лениздат, 1988. – 635 с.
- Кассиль, Л. А. Дорогие мои мальчишки; Кондунит и Швамбрания / Л. А. Кассиль. – М.: Высш. шк., 1987. – 382 с.
- Куприн, А. И. Собрание сочинений: в 9 т. – Т. 4: Произведения 1905–1907 гг. – М.: Худ. лит., 1971.
- Куприн, А. И. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 1: Произведения 1889–1900 / Сост. и вступит. ст. С. Чупринина; примеч. И. Питляр и В. Титовой. – М.: Худ. лит., 1991. – 524 с.
- Короленко, В. Г. Собрание сочинений: в 5 т. – Т. 4: История моего современника – Л.: Худ. лит. (Ленинградское отделение), 1990.
- Лесков, Н. С. Собрание сочинений: в 5 т. – Т. 5 / Н. С. Лесков; под ред. Л. Г. Краснюк. – М.: Правда, 1981. – 383 с.
- Лиханов, А. А. Благие намерения: Повести / А. А. Лиханов. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 560 с.
- Ломоносов, М. В. Сочинения / М. В. Ломоносов; сост., предисл. и примеч. Е. Н. Лебедева; худож. А. Ю. Никулин. – М.: Современник, 1987. – 444 с.
- Макаренко, А. С. Педагогическая поэма / А. С. Макаренко. – Челябинск: Юж.-Уральск. кн. изд-во, 1976. – 624 с.
- Неверов, А. С. Избранное: Рассказы, повести, роман / А. С. Неверов. – Минск: Наука и техника, 1985. – 447 с.
- Некрасов, Н. А. Избранная лирика / Н. А. Некрасов; сост. и примеч. М. П. Еремина. – М.: Дет. лит., 1986. – 207 с.
- Островский, Н. А. Как закалялась сталь: Роман / Н. А. Островский. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. – 380 с.
- Пантелеев, Л. Собрание сочинений: в 4-х т. – Т. 2: Республика Шкид: Повесть, Шкидские рассказы; Рассказы о подвиге / Л. Пантелеев. – Л.: Дет. лит., Ленингр. отд-е, 1984. – 398 с.
- Паустовский, К. Г. Собрание сочинений: в 7 т. – Т. 4: Маленькие повести; Повесть о жизни: Кн. 1: Далекие годы / К. Г. Паустовский; comment. Л. Левицкого, Л. Полосиной. – М.: ТЕРРА Книжный клуб; Литература, 2002. – 560 с.
- Помяловский, Н. Г. Сочинения / Н. Г. Помяловский; под ред. Н. Булгакова. – Л.: Худ. лит., 1980. – 632 с.
- Паустовский, К. Г. Сочинения / К. Г. Паустовский; вступит. ст. и примеч. И. Г. Ямпольского; худ. В. Смирнов. – Л.: Худ. лит., 1980. – 632 с.
- Почивалин, Н. Избранное / Н. Почивалин. – М.: Худ. лит., 1987. – 254 с.
- Приставкин, А. Ночевала тучка золотая / А. Приставкин. – М.: Сов. писатель, 1989. – 432 с.
- Пушкин, А. С. Сочинения: в 3 т. – Т. 1: Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма / А. С. Пушкин. – М.: Худ. лит., 1985. – 735 с.
- Радищев, А. Н. Избранные сочинения / А. Н. Радищев; вступит. ст. Г. П. Макагоненко. – М.-Л.: Гос. изд. худ. лит., 1949. – 855 с.
- Распутин, В. Уроки французского. Рассказы, повесть, публицистика. Обществ. редкол.: А. Алексин и др. / В. Распутин. – М.: Худ. лит., 1989. – 286 с.
- Сейфулина, Л. Н. Повести / Л. Н. Сейфулина. – М.: Сов. Россия, 1984. – 320 с.
- Симонова, Л. С. Лабиринт: повесть / Л. Симонова; художн. А. Остроменцкий. – М.: Дет. лит., 1993. – 240 с.
- Слово о полку Игореве / Под ред. В. И. Стрелецкого. – М.: Просвещение, 1956. – 264 с.
- Сологуб, Ф. И. Мелкий бес / Ф. И. Сологуб; сост., вступит. ст. Н. П. Утехина. – М.: Сов. Россия, 1991. – 528 с.
- Сологуб, Ф. И. Творимая легенда: Роман / Ф. И. Сологуб; сост., автор вступит. ст. и примеч. А. И. Михайлов. – М.: Современник, 1991. – 574 с.
- Сологуб, Ф. И. Тяжелые сны: Роман; Рассказы / Ф. И. Сологуб; сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. М. Павловского. – Л.: Худ. лит., 1990. – 398 с.
- Сухомлинский, В. А. Сердце отдаю детям: Рождение гражданина; Письма к сыну. – 2-е изд. / В. А. Сухомлинский. – Киев: Рад. шк., 1987. – 542 с.
- Тендряков, В. Ф. Затмение: Повести / В. Ф. Тендряков. – М.: Современник, 1986. – 685 с.
- Тендряков, В. Ф. За бегущим днем / В. Ф. Тендряков. – М.: Молодая гвардия, 1960. – 427 с.
- Тендряков, В. Ф. Расплата. Ночь после выпуска: Повести / В. Ф. Тендряков; художн. В. Самойлов. – М.: Дет. лит., 1989. – 239 с.
- Тендряков, В. Ф. Затмение: Повести / В. Ф. Тендряков. – М.: Современник, 1986. – 685 с.
- Толстой, Л. Н. Избранные произведения / Л. Н. Толстой; вступит. ст. К. Н. Ломурова. – М.: Дет. лит., 1977. – 782 с.
- «Учитель, перед именем твоим...»: Сборник / Сост. Е. В. Селезнева. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 1986. – 223 с.
- Фонвизин, Д. И. Комедии. Бригадир. Недоросль / Д. И. Фонвизин. – Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1969. – 144 с.
- Чехов, А. П. Избранные сочинения: в 2 т. – Т. 2 / А. П. Чехов. – М.: Худ. лит., 1986. – 671 с.
- Шацкий, Т. И. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. – Т. 2 / Под. ред. Н. П. Кузина, М. Н. Скаткина. – М.: Педагогика, 1980. – 479 с.
- Шишков, В. Я. Рассказы; Странники: [Повесть] / В. Я. Шишков. – М.: Правда, 1986. – 557 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УПРАВЛЯЮЩИХ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ МОДУЛЬНО-РЕЙТИНГОВОЙ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ

Медведенко Наталья Васильевна – канд. пед. наук, доцент кафедры германо-романских языков Института филологии Сахалинского государственного университета.

Главным элементом менеджмента является профессиональный характер управленческой деятельности, который должен осуществляться менеджером. В связи с этим подготовке профессиональных управляющих уделяется большое внимание в современной теории и практике менеджмента.

Сегодня менеджмент – это комплексная инновационная наука, зарождающаяся одновременно с формированием рыночной экономики, формированием благоприятных предпосылок для активизации деятельности, развитием предпринимательства и частной собственности, а также созданием конкретных условий и конкурентоспособности. Практически всем руководителям приходится приспабливаться к ситуациям, так как достаточно быстро развивается конкуренция, научно-технический прогресс и т. д. Субъектом менеджмента выступает человек или группа людей, осуществляющие управленческое воздействие в рамках организации для реализации ее целей и задач. Объектом менеджмента может быть все, на что направлено управленческое воздействие: человеческие ресурсы, поставщики ресурсов, конкуренты, информация, финансы. Менеджер – руководитель или управляющий, занимающий постоянную должность и наделенный полномочиями в области принятия решений по конкретным видам деятельности предприятия (фирмы), эффективному взаимодействию людей, достижению намеченных целей. Важнейшим требованием к менеджеру является умение управлять людьми, что предполагает знание в совершенстве своих прямых подчиненных, их способности и возможности; знание условий, связывающих предприятие и работника; защиту интересов тех и других на справедливой основе; устранение неспособных с целью удержания единства и правильности функционирования фирмы.

В научной литературе рассматриваются два подхода к изучению подготовки личности к профессиональной деятельности:

– функциональный, в котором выявляются процессуальные качества непосредственно значимые для деятельности;

– личностный, где предполагается изучение подготовки как комплекс интегрированных, но разнородных свойств, различающихся по их месту и функциям в регуляции деятельности. При этом ведущую интегрирующую роль выполняют личностные качества, выражющие направленность на соответствующую должность.

Личностными качествами менеджера являются:

- тяга к знаниям;
- профессионализм;
- ориентация на экономичность;
- ориентация на производительность;

- умение создавать коалиции;
- умение распознавать рациональные концепции;
- творческий подход;
- упорство;
- трудолюбие;
- уверенность в своей правоте;
- преданность делу;
- нестандартное мышление;
- изобретательность, инициативность и способность генерировать идеи;
- способность давать указания и умение высушивать мнение партнеров (подчиненных, коллег);
- способность влиять на людей;
- способность выражать свое собственное мнение;
- способность к логическому мышлению;
- способность стимулирования профессионального роста подчиненных (коллег);
- способность объективно оценивать чужое мнение;
- способность объективно оценивать профессиональные качества подчиненных (коллег);
- способность публичного выступления;
- коммуникабельность;
- уравновешенность;
- лидерство;
- саморазвитие и самоорганизация;
- самоконтроль;
- энергичность и жизнестойкость;
- ответственность; умение и потребность работать в коллективе;
- озабоченность престижем предприятия (фирмы, организации).

С точки зрения функционального подхода подготовки это определенное функциональное состояние, психологическая и социальная установка отношения, которая характеризует поведение личности.

Подготовка к деятельности есть такое особое психическое состояние, как наличие у субъекта образа структуры определенного действия и постоянной направленности осознания на его выполнение. Она включает в себя различного рода установки на модели вероятного поведения, определения социальных способов деятельности, оценку своих возможностей в их соотношении с предстоящими трудностями и необходимостью достижения определенного результата [12].

Высокая профессиональная подготовка является залогом успешной работы менеджера. Высоко-квалифицированный специалист может и должен характеризоваться общекультурной компетентностью, ему свойственны нравственные нормы, принципы, взгляды, действия и поступки.

Профессиональная готовность есть не что иное, как субъективное состояние личности, которая осознает себя способной и подготовленной

к той или иной профессиональной деятельности и которая стремится к ее выполнению. Готовность к профессиональной деятельности может рассматриваться как результат трудового воспитания, профессионального обучения и психологической подготовки [8].

Некоторые ученые считают, что профессиональная готовность – это определенная степень овладения управленческим опытом человечества, степень его совершенства в управленческой деятельности, достигнутая уровнем развития его личности именно как менеджера, и, наконец, его стремление к непрерывному совершенствованию своей деятельности.

Для подготовки профессионального управляющего в современных условиях характерны инновационные процессы.

Именно высшее учебное заведение может помочь освоить профессию менеджера. Обучение в высшем учебном заведении должно стать самым главным фактором, способным в выборе и стремлении в овладении данной профессии.

Конечно, процесс формирования и становления специалиста – профессионального управляющего-менеджера – целенаправленное, разностороннее и творческое поведение индивидуума, целью которого является овладение профессиональной готовности. А профессиональная готовность напрямую связана с формированием учебной деятельности менеджеров и их познавательной активности. Профессиональная подготовка специалистов основывается на таких параметрах, как:

- выработка навыков управления;
- поведение личности в обществе и общении;
- самообразование;
- проявление собственной инициативы;
- умение работать в коллективе.

Все эти параметры можно отследить при обучении в вузе. Для получения результата, то есть для того, чтобы подготовить менеджера к профессиональной деятельности, необходимо поставить цель через определенные принципы, условия и методы обучения.

Рассмотрим подготовку менеджера как существенную характеристику личности специалиста, характеризующую его готовность к профессиональной деятельности через формирование следующих составляющих: управленческой позиции и личностных качеств; профессиональных знаний, профессиональных умений и творческого характера управленческой деятельности; саморегуляции личности и профессионального поведения менеджера.

Если студент осознает значимость учебного процесса, развивает управленческие навыки и умения, развивает ценностные ориентации, формирует коммуникативную компетенцию и обладает профессиональной самооценкой, то можно сделать вывод, что студент готов к профессиональной деятельности. В то время как перед высшими учебными заведениями стоит задача – обеспечить становление личностной и профессиональной культуры будущего специалиста-менеджера.

Определение подготовки менеджера к профессиональной деятельности не может ограничиваться характеристиками опытности или мастер-

ства. Необходимо определить внутренние силы, резервы, а также и потенциал личности, которые являются существенным фактором для повышения производительности ее профессиональной деятельности в будущем.

Существенным в этом плане представляется вывод В. С. Мерлина о том, что подготовка к профессиональной деятельности, это, прежде всего готовность личностная. Среди всех параметров готовности к труду на первый взгляд он выдвигает личностный параметр [6]. Этой же точки зрения придерживается и Я. Л. Коломинский, считая подготовку к труду определенным уровнем в развитии личности, предполагающим сформированность целостной структурированной системы ценностных, когнитивных, эмоционально-волевых и операционно-поведенческих качеств личности, обеспечивающих ее оптимальное ориентирование в деятельности [3].

Профессиональная подготовка многими исследователями трактуется как один из критериев результативности процесса готовности, как система интегративных свойств, качеств личности и как установка на будущую специальность.

Подготовка специалиста в данном случае понимается через самоопределение личности будущего менеджера. Для того чтобы раскрыть подготовку менеджера, рассмотрим некоторые точки зрения на определение «самоопределение». Понятие «самоопределение» часто связывают с понятием внешних условий, то есть, ситуация, когда личность не может действовать, не «преломив» внешние требования через свое «внутреннее». Как отметил А. Н. Леонтьев, «внутренняя по своей форме деятельность, происходит из внешней практической деятельности, не отделяется от нее и не становится над ней, а сохраняет принципиальную и при том двустороннюю связь» [5]. С. Л. Рубинштейн считал, что в профессиональном поведении, как в человеческом поведении вообще, зависимость действий человека от социальной ситуации предполагает «внутренний момент самоопределения, верности себе» [10]. Именно это определение имеет непосредственное отношение к окружающему, к другим людям и к основным явлениям жизни.

Для выявления процесса «внешнее» через «внутреннее» необходимо реализовать следующие положения и принципы:

- принцип встречной активности, то есть, когда ответственность за управление лежит не только на менеджере, но и на отдельных коллегах данного предприятия (фирмы, организации). Взаимоответственность порождает взаимодоверие, субъект-субъектные отношения, активность коллег становится опорой для творчества управляющего-менеджера;

- усвоение приемов и способов деятельности, умение анализировать, обобщать, сравнивать, так как рассуждающая личность способна без усилий приобретать нужные ей знания, умения и навыки. Как правило, в таких ситуациях используются различные диспуты, дискуссии, анкетирование, тестирование, то есть все то, что может способствовать формированию управляющего-менеджера;

– признание того, что недостаточно организовать микросреду для развития индивидуума, недостаточно изменить деятельность, чтобы изменить сознание людей, необходима направленность личности на самопознание, самоконтроль, стремление к самореализации;

– обязательный учет индивидуальности в личности, быть индивидуальным значит быть свободным и творческим [7].

Если рассматривать понятие «самоопределение» с точки зрения социологического подхода, то это есть не что иное, как «самостоятельный выбор профессии, осуществленный в результате анализа своих внутренних ресурсов, в том числе своих способностей и соотнесение их с требованиями профессии» [4].

Если рассматривать понятие «самоопределение» с точки зрения философского подхода, то это есть не что иное, как «определение себя как существа, обладающего сознанием и волей, осознание самого себя как субъекта поведенческих проявлений» [2, с. 35].

Существует также ряд других точек зрения, в частности – что самоопределение есть не что иное, как:

– процесс формирования личностью своего отношения к профессионально-трудовой среде и способ самореализации;

– осознание личностью свободы действия в соответствии с ценностями группы и в относительной независимости от группового воздействия;

– форма включения личности в социальную структуру общества через выбор и утверждение социальных статусов.

Зарубежные исследователи в области психологии рассматривают самоопределение в большей степени как выявление особенностей личной идентификации с позиций ролевых теорий.

Можно сделать вывод, что выбор профессии менеджера – начальный этап входления в сферу данной профессии, формирование отношения к управлеченческой деятельности, ее целям, задачам и личностным ценностям, путь к социальному становлению личности в сфере управления.

Желание стать менеджером, поступить в вуз для того, чтобы быть профессионалом в данной области и есть начальный этап формирования самоопределения, социального становления личности будущего менеджера. Для достижения самоопределения необходимо соотнести возможности, потребности, стремления личности менеджера с требованиями общества к роли управленца. Самоопределение будущего менеджера – процесс формирования будущим менеджером своего отношения к профессиональной среде и выработка способа реализации этого отношения [1].

Очень часто понятие самоопределение коррелируется с такими понятиями как «самосознание», «самопознание», «жизненный выбор», «жизненная позиция». В связи с этим становление менеджера как субъекта профессиональной деятельности связано прежде всего с «формированием его как личности, как индивидуальности и лишь затем как умелого работника, владеющего специальными на-выками в данной области деятельности» [9, с. 27].

Таким образом, сущность самоопределения будущего менеджера в управлеченческой деятельности заключается в самосознательном и осознанном нахождении смыслов профессиональной деятельности в процессе освоения управлеченческих ценностей; в выборе условий, направленных на профессиональный рост; в выборе способов управлеченческой деятельности, которые максимально отвечают особенностям его личности, его способностям; в построении соответствующих профессиональных перспектив; в становлении позиции менеджера; в развитии его индивидуальности.

Именно профессиональная подготовка является предпосылкой эффективной деятельности личности и результатом специальной подготовки. Многие исследователи по данному вопросу придерживаются общего мнения о том, что профессиональная подготовка (готовность) – личностно-ценостный подход, предполагающий изучение готовности к профессиональной деятельности как комплекса интегративных, но однородных свойств, различающихся по их месту и функциям в структуре личности [11].

Подготовка будущих менеджеров в данном случае рассматривается не только как результат, но и как цель профессиональной готовности в вузе, начальное и главное условие успешной реализации возможностей каждой личности в осуществлении профессиональной деятельности.

Под подготовкой менеджера понимается результат целенаправленного процесса становления личности менеджера, включающего принятие и осмысление ценностей, формирование собственного отношения к целям и задачам профессиональной деятельности, реализацию их в управлеченческой деятельности с учетом собственной индивидуальности, представлений о своих профессиональных дальнейших планах.

Процесс формирования подготовки будущих специалистов – целенаправленное, разностороннее, творческое поведение личности, цель которого – овладение содержанием профессиональной подготовки.

Подготовка к профессиональной деятельности проявляется в индивидуальных личностных характеристиках, структуре ценностного отношения будущего менеджера к профессиональной деятельности, в постановке целей, мотивационной подготовки к ней, в особенностях профессионально-управлеченческих установок, достижении определенных результатов, осознании социальной значимости своей деятельности и самоактуализации в данной профессии. Менеджер, который удовлетворен своей деятельностью и осознающий свою профессиональную значимость, неминуемо становится выразителем общей идеи, он показывает положительное воздействие на студентов и коллег.

В период обучения будущим специалистам-менеджерам необходимо сформировать следующие свойства и цели профессионально-управлеченской подготовки будущего менеджера:

– систему мировоззренческих установок, нравственных и других свойств личности, личностную, профессиональную и жизненную позицию;

– индивидуально-типологические свойства ме-

менеджера, стиль общения и его ментальность, эмоциональность и ее динамику, способность к импровизации, интуицию и т. д;

– умения и навыки будущего специалиста, система которых необходима и достаточна для организации целостного, личностного ориентированного процесса и реализации в управлении профессиональной и личностной позиции;

– систему знаний менеджера, представляющей целостную научную картину профессиональной деятельности.

Данное представление отражает универсальное направление подготовки будущего управленца-менеджера к профессиональной деятельности на основе модульно-рейтинговой системы обучения.

Прежде всего организация учебного процесса на основе зачетных единиц ведется по программам и учебным планам, разработанными в соответствие с государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования (ГО ВПО) или специальными решениями министерства образования и науки РФ.

Для реализации системы зачетных единиц рекомендуется использовать три формы учебного плана по каждому направлению подготовки (специальности):

– стабильные учебные планы по направлению подготовки (специальности), служащие для определения трудоемкости учебной работы студентов на весь период обучения;

– индивидуальные учебные планы студентов, определяющие их образовательную программу на семестр или учебный год;

– рабочие планы, служащие для организации учебного процесса в течение учебного года и расчета трудоемкости учебной работы преподавателей.

Далее, трудоемкость всех видов учебной работы в учебных планах устанавливается в зачетных единицах (кредитах).

ЛИТЕРАТУРА

Аулова, Н. С. Формирование готовности буду-

щих менеджеров к профессиональной деятельности в современных социально-экономических условиях: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Н. С. Аулова. – Барнаул, 2005. – 22 с.

Зотов, Н. Д. Нравственное самоопределение личности / Н. Д. Зотов. – М.: Наука, 1983. – 64 с.

Коломинский, Я. Л. Психология взаимоотношений в малых группах (общие и возрастные особенности) / Я. Л. Коломинский. – М.: Наука, 1976. – 350 с.

Кухарчук, А. М. Профессиональное самоопределение учащихся / А. М. Кухарчук, Л. Б. Ценципер. – Минск: Нар. асвета, 1976. – 128 с.

Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.

Мерлин, В. С. Личность как предмет психологического исследования: учеб. пособие / В. С. Мерлин. – Пермь, 1988. – 80 с.

Николаева, М. В. Формирование технологической культуры учителя начальных классов в условиях индивидуально-творческого подхода: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / М. В. Николаева. – Волгоград, 1995. – 22 с.

Платонов, К. К. Структура и развитие личности / К. К. Платонов. – М.: Наука, 1986. – 254 с.

Пряжников, Н. С. Теоретико-методологические основы активизации профессионального самоопределения: Автореф. дис. ... докт. пед. наук / Н. С. Пряжников. – Екатеринбург, 1995. – 39 с.

Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1946. – 703 с.

Сериков, В. В. Личностный подход в образовании: концепции и технология / В. В. Сериков. – Волгоград: ВГПИ, 1994. – 227 с.

Сластенин, В. А. Университетское педагогическое образование: проблемы и решения / В. А. Сластенин // Профессионально-педагогическая культура: история, теория, техника. – Белгород: изд-во БГУ, 1996. – С. 3–7.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АНН СССР – Академия наук СССР
ВНИРО – Всероссийский институт рыбного хозяйства и океанографии (г. Москва)
ДВГУ – Дальневосточный государственный университет (г. Владивосток)
ДВГТУ – Дальневосточный государственный технический университет (г. Владивосток)
ДВНЦ (Дальневосточный научный центр) **АН СССР** (г. Владивосток)
ДВО (Дальневосточное отделение) **РАН** (г. Владивосток)
докт. геол.-мин. наук – доктор геолого-минералогических наук
докт. экон. наук – доктор экономических наук
ИЕН (Институт естественных наук) **СахГУ**
ИИАиЭ (Институт истории, археологии и этнографии народов дальнего Востока) **ДВО РАН** (г. Владивосток)
ИИСУ (Институт истории, социологии и управления) **СахГУ**
ИУУ – Институт усовершенствования учителей
ИФ (Институт филологии) **СахГУ**
ИФЗ (Институт физики Земли) **им. О. Ю. Шмидта РАН** (г. Москва)
канд. биол. наук – кандидат биологических наук
канд. геол.-мин. наук – кандидат геолого-минералогических наук
канд. ист. наук – кандидат исторических наук
канд. пед. наук – кандидат педагогических наук
канд. соц. наук – кандидат социологических наук
канд. тех. наук – кандидат технических наук
канд. физ.-мат. наук – кандидат физико-математических наук
канд. филол. наук – кандидат филологических наук
канд. филос. наук – кандидат философских наук
канд. юрид. наук – кандидат юридических наук
ЛГУ (Ленинградский государственный университет) **им. А. А. Жданова**
МГПИ (Московский государственный педагогический институт) **им. Н. К. Крупской**
МИИСП (Московский институт инженеров сельскохозяйственного производства) **им. В. П. Горячина**
МОПИ (Московский областной педагогический институт) **им. Н. К. Крупской**
МПГУ (Московский педагогический государственный университет) **им. В. И. Ленина**
МПУ – Московский педагогический университет
н. с. – научный сотрудник
ОИФЗ (Объединенный институт физики Земли) **им. О. Ю. Шмидта РАН** (г. Москва)
РАЕН – Российская академия естественных наук
РАГС (Российская академия государственной службы) **при президенте РФ** (г. Москва)
РАН – Российская академия наук
РНЦ (Российская научный центр) **им. В. И. Курчатова** (г. Москва)
РЭА (Российская экономическая академия) **им. Г. В. Плеханова**
СахГУ – Сахалинский государственный университет
СО (Сибирское отделение) **АНН СССР** (г. Новосибирск)
СОКМ – Сахалинский областной краеведческий музей (г. Южно-Сахалинск)
СО (Сибирское отделение) **РАН** (г. Новосибирск)
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТИНРО – Тихookeанский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (г. Владивосток)
ЮИ (Юридический институт) **СахГУ**
ЮСГПИ – Южно-Сахалинский государственный педагогический институт

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПОСТУПАЮЩИМ В РЕДАКЦИЮ

1. Статью следует представлять в печатном (1 экземпляр) и электронном виде.
 2. Текст статьи в электронном виде должен быть набран шрифтом Times New Roman 12-м кеглем с одинарным интервалом в формате RTF.
 3. Иллюстрированный материал следует предоставлять отдельными файлами: таблицы – в формате Excel; формулы – в формате Microsoft Equation; рисунки и фотографии – в форматах BMP, PSD или TIFF.
 4. В случае применения архиваторов допускается использование только архиватора ZIP.
 5. К материалам статьи прилагается текстовый файл в формате DOC, со списком и описанием файлов, составляющих статью. (Например: NOTRE.RTF – текст статьи; TABL_1.XLS – таблица № 1.)
 6. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. При необходимости следует дать расшифровку в примечаниях используемых в статье аббревиатур и сокращений.
 7. К статье прилагаются: фотография автора и персональные сведения о нем. Фото: ч/б, желательно 4x6 см. Персональные сведения: полное имя автора, место работы и должность, ученая степень и научное звание, научная специализация, место и время обучения в аспирантуре и защиты диссертаций, количество опубликованных работ (в т. ч. монографий). Необходимо указать также контактные телефоны или домашний адрес.
 8. Объем статьи – не более 1,5 печатного листа.
 9. Сноски помещаются в конце работы.
 10. Автор публикации обязан предоставить аннотацию на свою работу на русском и английском языках объемом до 500 печатных знаков с пробелами.
- К публикации в ежегоднике принимаются научные статьи, представляющие результат личных или групповых исследований преподавателей, сотрудников и аспирантов СахГУ. Принцип отбора материалов к печати: научность, подтвержденная рецензией соответствующей кафедры или подразделения вуза; новизна; состязательность. Предпочтение отдается теоретическим статьям, форвардным разработкам, итогам выполнения коллективных хоздоговорных или бюджетных тем, выполняемых кафедрами, лабораториями, временными творческими коллективами. Материалы, направленные в редакцию, не рецензируются. Ответственность за точность ссылок и персональных биографических данных несет автор.
- Ежегодные сроки приема статей редакцией издания – **до 15 декабря**.**